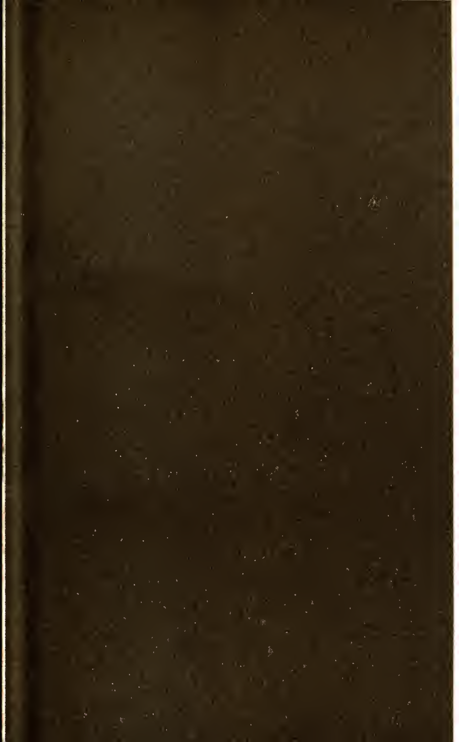
Дж. Лэнггут
СКРЫТЫЙ
ТЕРРОР



Москва «Прогресс»
1984

HIDDEN TERRORS

by A.J.Langguth

Pantheon Books New York 1978

Дж. Лэнггут

СКРЫТЫЙ ТЕРРОР

(Правда
о полицейских
операциях США
в Латинской
Америке)

Перевод с английского
С. В. ПОНОМАРЕНКО

Титульный редактор
доктор юридических наук
А. А. МИШИН

Москва
"Прогресс"
1984

Редактор Л. МАХВИЛАДЗЕ

ИБ № 12426. Редактор русского текста *Л. В Махвиладзе*. Художник *В. А. Корольков*. Художественный редактор *В. А. Пузанков*.

Технический редактор *В. П. Шиц, Е. В. Величкина*. Корректор *Н. И. Шарганова*. Сдано в набор 20.12.83. Подписано в печать 24.04.84.

Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкнов. нов. Печать высокан. Условн. печ. л. 16,8. Усл. кр. отт. 17,01. Уч.-изд. л. 18,04. Тираж 50 000 ака. Заказ № 1858. Цена 1 р. 20 к. Изд. № 37973.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.
Московскан типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113105, Нагатинскап, 1,

Редакция литературы по вопросам государства и права

Л $\frac{1206000000-803}{006(01)-84}$ КБ—11—5—84

Глава 1

В тот день, когда тело Дэна Митрионе было доставлено в Ричмонд, где должна была состояться гражданская панихида, туда прибыл огромный венок из красных гвоздик, белых хризантем и голубых васильков от президента Никсона и его супруги. Городские власти решили, что венок от главы государства должен находиться на самом видном месте, и установили его у изголовья гроба. Венок из белых гвоздик от государственного секретаря был поставлен рядом.

Жители Ричмонда, небольшого городка в штате Индиана, глубоко переживали трагедию, разыгравшуюся в Уругвае. Прошло всего три дня с тех пор, как они впервые услышали об убийстве Дэна, и вот, словно по мановению волшебной палочки, гроб с его телом перекочевал из Южной Америки в их родной город и был выставлен теперь в холле нового здания ратуши. Сотни, тысячи мужчин и женщин, лично знавших Дэна, выстраивались в очередь, чтобы проводить его в последний путь. Многие пришли с детьми. Присутствовавшие на похоронах молча подходили к постаменту и вдруг с удивлением обнаруживали, что увидеть тела покойного они не могут.

Уругвайское правительство в знак глубокого уважения к Митрионе вернуло тело Дэна в наглухо заколоченном массивном и вычурном гробу с тонкой резьбой. Но Хенриетте, вдове покойного, затея эта не понравилась, и она попросила переложить тело в другой гроб — попроще, но все же свой. Брат Дэна Рей, желая хоть как-то утешить убитую горем женщину, встретился с устроителями похорон и сообщил им об этом. Те не возражали, но попросили, чтобы при вскрытии гроба присутствовал кто-нибудь из родственников. Рей обратился с просьбой к старшему брату Доминику, но тот наотрез отказался, и Рею самому пришлось участвовать в этой малоприятной процедуре.

Он стоял рядом с гробом и наблюдал, как открывали крышку. Оказалось, что внутри деревянного гроба был еще один — металлический. Устроители похорон уже послали кого-то к местному гробовщику за другим гробом (некогда Ричмонд славился этими «изделиями»), и вот теперь понадобилась еще и ножовка для металла.

Рея предупредили: тело брата не было бальзамировано в Монтевидео, поэтому вскрытие металлического гроба может оказаться чрезвычайно неприятным делом. С явной неохотой Рей отправился к Хенриетте (все называли ее Ханкой) и рассказал обо всем. Если учесть, что позади у нее уже были десять дней мучительного ожидания, а затем длительный перелет из Монтевидео, то надо признать, что держалась она удивительно стойко, хотя и выглядела несколько осунувшейся и усталой. Выслушав объяснения Рея, Ханка сказала: пусть делают все, что нужно.

Тем временем из Женевы пришло сообщение, что святой отец Роберт Минтон уже в пути и надеется успеть к заупокойной службе. Семья Митрионе и не сомневалась, что священник, узнав о случившемся, тут же прервет свой отпуск и вылетит домой, чтобы лично проводить Дэна в последний путь.

Убийство брата заставило прервать свой отпуск и Рея, который проводил его в полном одиночестве на севере штата у озера Чэпмен. Именно это обстоятельство стало причиной того, что весть о случившемся он узнал чуть ли не последним в семье. Как и многие холостяки, проснувшись, Рей тут же включал радио. Но в то утро, выглянув из окна своего крохотного домика, он увидел, что его «крайслер» слегка завалился набок: видно, спустила шина. Пришлось спешно заняться ремонтом, на что ушел целый час. Потом еще он удивлялся, как могло случиться, что на ближайшей станции никто ему так ничего и не сказал. Либо они сами ничего не слышали, либо думали, что Рей не имеет к этому никакого отношения. И в этом тоже не было ничего удивительного — ведь домик свой тот купил лишь несколько месяцев назад. Все это время он уговаривал братьев приехать к нему и отдохнуть как следует в этом тихом и уединенном месте. Доминик мог бы туда наведываться в дни, когда не нужно было работать в овощной лавке, а Дэн мог бы отдыхать там, приехав домой в отпуск из своей Латинской Америки.

Многие ричмондцы — из тех, кто не был хорошо знаком с братьями, — говорили, что по внешнему виду и тем-

пераменту Рей, которому в то лето 1970 года исполнилось 42 года, здорово походил на Дэна, хотя тот и был на 8 лет старше. Такое сравнение казалось Рею чуть ли не кощунством. Сам он никогда не осмеливался признать это. Он испытывал удовольствие уже от того, что, приезжая в отпуск, Дэн иногда осматривал его гардероб и прихватывал приглянувшийся ему спортивный пиджак или галстук.

Отремонтировав наконец колесо, Рей снова вернулся в домик и с тоской подумал, что наступил последний день июля и что прошла уже целая половина отпуска. Возможно, он и не догадывался, что в Ричмонде было немало людей, считавших, что Рею Митрионе вообще не нужен отпуск. Ведь то, что он считал своей работой, казалось им чем-то вроде хобби, за которое еще и платят деньги.

Каждое утро по понедельникам Рей загружал свой автофургон спортивным инвентарем и отправлялся колесить по графству Уэйн. Объезжая своих друзей, работавших преподавателями физкультуры и тренерами в разных школах, он обменивался с ними шутками и спортивными новостями, принимая одновременно заказы на футбольные мячи и перчатки для гольфа. По вечерам и уикендам он отдыхал, занимаясь судейством баскетбольных матчей в своем графстве. Эта «левая» работа сделала его местной знаменитостью. К тому же с людьми он вел себя так, что быстро завоевывал всеобщую симпатию. Никто не говорил о Рее дурно, и все относились к нему как к взрослому ребенку, на которого просто невозможно обижаться.

За последний год густая черная шевелюра Рея чуть поседела, а тело заметно потяжелело, однако улыбка оставалась столь же лучезарной, а из-за очков в черной оправе выглядывало все то же розовощекое и круглое лицо, похожее на яркую луну, повисшую над рекой.

В домике Рея телефона не было. Закончив возиться с колесом, он увидел, как соседи жестами подзывали его к себе. По междугородному телефону, сказали они, только что из Ричмонда звонила его сестра Розмари.

«Наверное, что-то с матерью»,— подумал Рей. Марии Митрионе было уже 77. После смерти мужа она сначала жила у Рея. Когда же за старушкой потребовался бо́льший уход, она перебралась к Розмари и ее мужу Дику Паркеру. Но в марте здоровье Марии резко ухудшилось, и родственникам пришлось отвезти ее в лечебницу. Врачи определили у нее болезнь Паркинсона. У Рея же на этот счет было особое мнение: после утомительной и тяжелой рабо-

ты на протяжении всей своей долгой жизни организм матери просто-напросто вконец расстроился.

Рей спросил, не случилось ли чего с матерью, но соседи тут же его успокоили. Они сказали, что звонила его сестра, и что ничего срочного не произошло. Просто она просила, чтобы Рей сам позвонил в Ричмонд.

Когда Рэй дозвонился до Розмари, та спросила:

— Ты ничего не слышал о Дэпе?

В ее голосе слышалась какая-то растерянность. Она рассказала, что ей позвонила жена Доминика и передала то, что ей сообщили из госдепартамента, однако она не могла в это поверить и сама позвонила в Вашингтон, чтобы там подтвердили.

Какое-то время Рей не чувствовал никакого беспокойства, испытывая скорее простое любопытство.

— Нет, — ответил он, — ничего. А что с ним?

— Дэна похитили.

Обычно обратный путь в Ричмонд занимал у Рея три часа. Сегодня же он изо всех сил давил на педаль акселератора и всю дорогу превышал скорость. Он хотел как можно быстрее узнать подробности, поэтому домчался до магазина спортивных товаров Кесслера, где работал, гораздо быстрее.

Еще до приезда Рея в магазин туда звонил репортер с радиостанции какого-то крупного города по соседству (то ли Индианаполиса, то ли Дейтона). Он сказал, что Дэна будто бы убили, но к моменту возвращения Рея позвонил еще раз и опроверг это сообщение. Рей все равно бы ему не поверил: у Дэна не было и не могло быть врагов.

Рей, правда, мало что знал о том, чем занимался брат с тех пор, как оставил пост шефа полиции Ричмонда. Ему было известно лишь то, что последние 13 месяцев Дэн находился в Уругвае, где работал советником в местной полиции. И вот теперь получалось, что какая-то банда головорезов или коммунистов в Монтевидео похитила Дэна, когда тот ехал на работу.

Рей стал обмениваться информацией с репортерами, которые без конца названивали ему, желая получить новые сведения о брате. До сих пор Рею и в голову не приходило, что на свете так много репортеров. В перерыве между телефонными звонками из Нью-Йорка и Чикаго он

пытался помочь и местным журналистам, готовившим собственный репортаж для ричмондской ежедневной газеты «Палладиум-айтм».

Новость беспрерывно передавалась по радио в течение всего дня, и Рей уже привык к тому, что их фамилия произносилась неправильно. Все дикторы произносили последнюю букву «е», в то время как его родители предпочитали ее опускать. Теперь их фамилия еще больше походила на итальянскую и звучала совсем не по-английски. Рей также узнал, что похитившие его брата люди называли себя «тупамарос», что тоже резало слух. Вспоминая свой последний разговор с Дэном, когда тот был дома этой весной, Рей не мог припомнить, чтобы тот хотя бы раз упоминал эту группу.

За всю свою жизнь, насколько помнилось Рею, он встречался лишь с одним уругвайцем. Это было примерно год назад. Как-то в середине золотой осени в магазин Кесслера зашел чистенький, хорошо одетый парень (несмотря на жару, он был в костюме и при галстуке) и представился: Билли Риал. Он сказал, что приехал навестить сестру, которая вышла замуж за учителя из Сентервилла неподалеку от Ричмонда. Узнав, что брат Рея работает в Монтевидео, он решил зайти и оставить на всякий случай свой адрес. Уругваец попросил Рея написать брату, что, если тому случится бывать в его краях, пусть непременно зайдет — ему будут всегда рады. В общем, это был весьма приятный и вежливый молодой человек.

Рей вновь подумал о матери, находившейся сейчас в доме для престарелых «Херитедж». Она очень слаба и может не выдержать такого удара. На всякий случай он позвонил туда, чтобы предупредить медсестер, но те уже и сами обо всем позаботились. Теперь, как только начинали передавать очередную сводку новостей, они выключали радио.

Мальчишка-почтальон приносил в приют «Палладиум-айтм», но это было не страшно: Мария Митрионе не умела ни читать, ни писать. В свое время семья очень жалела, что мать так и не научилась грамоте. Теперь же Рей подумал, что это, видимо, было еще одним доказательством того, что всевышний печется о детях своих: ведь то, что когда-то было злом, теперь оказалось благом.

Отец семейства Джозеф Митрионе родился в деревне Бизачья в ста километрах к юго-востоку от Неаполя. Не успел он окончить и пяти классов, как его послали рабо-

тать на виноградники в провинцию Авелино. Там он повстречал свою будущую жену Марию Аринчелло, которая вообще не ходила в школу.

Джозеф Митрионе всю жизнь работал на виноградниках и поэтому, решив отправиться на поиски счастья в Америку, сразу же подумал о Калифорнии. Избрав своим конечным пунктом Напавэлли, он пустился в путь вскоре после того, как 4 августа 1920 года у них родился третий выживший ребенок и второй сын. Семья, решил он, приедет позже. Прибыв, однако, в Соединенные Штаты, Джозеф изменил первоначальные планы. От своего родственника в Индиане он узнал, что компания «Пенсильвания рейлроуд» нанимает людей в Ричмонде, и решил, что сбор винограда в центре Калифорнии вряд ли обещал лучшую перспективу, чем сбор винограда на юге Италии. Железная же дорога олицетворяла собой производство, развитие, будущее.

Когда по вызову мужа 28-летняя иммигрантка Мария прибыла в Нью-Йорк, на руках у нее были малолетняя дочь Анна, сын Доминик (ему было еще меньше) и грудной ребенок. Родители сделали первую уступку Новому Свету и американизировали имя своего младшего ребенка, назвав его Дэниелом.

За время своего замужества Мария была беременна 14 раз. В восьми случаях был либо выкидыш, либо новорожденные вскоре умирали. Шестеро детей все же выжило. Иногда они наследовали имя умершего ребенка. До Рея, например, был еще один Реймонд, а перед выжившей Джози была другая Джозефина.

Хотя в Италии у Марии осталась родная сестра, она никогда не порывалась вернуться домой. Возвращаться, говорила она, вновь видеть бедность и нищету и знать, что рано или поздно снова придется убегать от всего этого в Америку, было бы слишком жестоко как для нее самой, так и для ее родственников.

Экономические соображения стали решающим фактором, определившим постоянное место жительства семьи Джозефа Митрионе. Их новая жизнь в Индиане оказалась совершенно не похожей на ту, какой они жили в Италии.

Жители Ричмонда называли свой город «городом роз» (садовод Э. Герни Хилл в свое время построил здесь теплицы общей площадью 30 акров, где выращивал розы и поставлял их в цветочные магазины всей Америки). Но

даже полмиллиона кустов роз на окраине Ричмонда не могли скрыть его мрачность и унылость. Когда один из мэров города попросил напечатать на фирменных бланках мэрии девиз «Прекрасный Ричмонд», горожане восприняли это как грустную шутку.

Итальянские иммигранты предпочитали селиться вместе и жили неподалеку от железной дороги на северной окраине Ричмонда. Дети Джозефа Митрионе выросли в районе, который назывался Густауном. В том же районе, к югу от Хиббард-стрит, жили и чернокожие ричмондцы. Их было больше, чем итальянцев, но вели себя они тихо и вежливо. Когда по воскресеньям Рей Митрионе с матерью спозаранку выходили из дому, чтобы поспеть к 5-часовой заутрене, по дороге в церковь им встречались группы чернокожих парней, бродивших по улицам всю ночь напролет и никак не желавших, чтобы наступало утро. Рей их нисколько не боялся, так как те неизменно уступали им дорогу и уважительно приветствовали мать словами: «А, миссис Митрионе! Здравствуйте! Как поживаете?»

Вначале семья Митрионе жила на 12-й улице. Их дом ничем не отличался от других таких же строений, стены которых были обшиты досками, а крыши покрыты толем. Все дома были либо серыми, либо мутно-зелеными. Их дом стоял в каких-нибудь двух кварталах от товарной железнодорожной станции. Обочины дороги были усеяны ржавыми консервными банками, которых было гораздо больше, чем деревьев. В сточных канавах скапливались горы всякого хлама. Крохотные дворики перед домами были унылыми и неприглядными, и фольга от жевательных резинок была там, пожалуй, единственным, что блестело.

Но вся эта унылость не убила в чете Митрионе тягу к природе и ярким краскам. Мария любила цветы и разбила вокруг дома цветочные клумбы. Когда Рей подрос, отец арендовал пустовавший клочок земли в полутора километрах от дома, и теперь по вечерам вся семья отправлялась туда, чтобы покопаться в огороде.

Если бы Рей умел обижаться, то непременно сердился бы на отца за то, что тот ни разу не пришел посмотреть, как его сыновья играют в мяч. Джозеф Митрионе предпочитал этому свои грядки. Частично его увлечение объяснялось тоской по родине, по земле. Но только частично. Главной же причиной было другое — когда у тебя восемь

ртов, иметь в доме собственные овощи было просто выгодно. Отец выращивал кукурузу, перец, салат, картофель, капусту, помидоры (для консервирования). Одну грядку он всегда засаживал чесноком — для Марии, которая всю еду готовила сама.

Зимой Джозеф Митрионе находил себе приют в итальянском клубе, разместившемся здесь же, на 12-й улице. Туда он отправлялся каждую субботу и воскресенье (сразу после мессы). Членами клуба были такие же иммигранты, как и он, говорили там исключительно по-итальянски и сохраняли все итальянские традиции. Сначала сыновья Митрионе слонялись возле клуба (мальчишек туда не пускали), когда же они подросли, то тоже стали его членами. Поскольку в клубе и в семье говорили по-итальянски, дети Митрионе сначала научились говорить по-итальянски, а уже потом по-английски.

Клуб представлял собой скромную комнату с небольшим баром в глубине. В подвальном помещении был душ, которым могли воспользоваться те члены клуба, у которых дома не было ванной.

Все члены итальянского клуба работали допоздна, и у всех были большие семьи, поэтому, если они и встречались вечерами по будням, то происходило это, скорее всего, на похоронах кого-то из близких. Но по уикендам они непременно собирались вместе, чтобы выпить пива или поиграть в карты. Выигравший становился клубным «падроне» — человеком, решавшим, кому оплачивать выпитое пиво.

Все мужчины занимались тяжелой физической работой. На фирме «Дилл-Макгуайер» они делали газонокосилки, а на заводе компании «Интернэшнл харвестер» работали на токарных станках и штамповочных машинах, производя молочные сепараторы и тракторы. Джозеф Митрионе работал на штамповочной машине.

Однажды он вернулся домой раньше обычного. Произошло это потому, что в тот день машина отрубила ему палец. Как врач ни старался, снять мучительную боль ему так и не удалось. Рей и другие дети просто немели от ужаса, когда слышали, как стонал отец. Его мучения запомнились им на всю жизнь.

Отец с матерью решили сделать все, чтобы их дети жили лучше. Вот почему всех их определили в такую школу, в которой они могли бы «американизироваться». Обучение велось там на английском языке, и обязатель-

ным предметом было английское право. Правда, окончив школу, итальянские дети по-прежнему разговаривали чуть громче положенного и чуть энергичнее жестикулировали руками. Но школа здесь была ни при чем.

Что касается Дэна Митрионе, то его «трансформация» проходила более эффективно и безболезненно. Восемь лет своей жизни он провел в подготовительной школе св. Марии под присмотром нескольких монашенок, которые без устали вязали на спицах и откладывали их в сторону лишь тогда, когда начинали ныть суставы. Дэн получил довольно приличное начальное образование в католической школе. Учителя неполной средней школы говорили, что учащиеся, поступившие к ним из начальной школы св. Марии, были подготовлены лучше, чем учащиеся бесплатных школ.

Ничего итальянского в таком образовании не было и в помине. В средней школе Мортона Дэн играл не в европейский, а в американский футбол, и одевался он так, как не мог себе позволить ни один деревенский мальчишка в Бизачье. Скорее ворча, чем жалуясь, мать рассказывала Рею, что, когда Дэн ходил в школу, он требовал свежевыстиранную и выглаженную рубашку каждый день. Он хотел выглядеть как подобает, и это ему, как правило, удавалось. Этому в немалой степени способствовали его ладно скроенная фигура и смуглое, с правильными чертами лицо.

Футбольная команда школы Мортона состояла из сильных физически, темпераментных, но неумелых игроков — таких же мальчишек, как и Дэн, который играл в защите. Все они играли ради спортивного интереса. Никакие скауты не наблюдали за их игрой, и никаких стипендий за успешное завершение игрового сезона они не ждали. Единственным зримым свидетельством спортивных достижений Дэна была его фотография, помещенная в школьном ежегоднике. Под ней была подпись: «Наш высокий, черноволосый и симпатичный футбольный герой».

Поскольку родителям Дэна трудно было приспособиться к новой жизни в Америке, он старался ничем их не расстраивать и стал постепенно заменять Рею отца. Его дедушка и бабушка всегда с уважением относились к старшим и приходили в негодование, когда узнавали, что кто-то из их детей вступил в пререкания с учителем. Если им говорили, что соседский мальчишка стащил в лавке

конфету, они уже не сомневались, что тот встал на преступный путь. Вот почему, когда мать грозила Рею: «Погоди, вот придет отец, он тебе всыплет», роль судьи, как правило, брал на себя Дэн. Рей преклонялся перед братом и изо всех сил старался во всем на него походить, поэтому нисколько не горевал, когда получал от него очередную взбучку. Больше того, он испытывал даже какое-то удовольствие от сознания того, что пороть его будет не кто-нибудь, а Дэн.

Окончив среднюю школу, Дэн мог подумать и о колледже. Учился он средне, но был весьма добросовестным и дисциплинированным. Некоторые из его школьных товарищей собирались поступать в Университет штата Индиана, хотя единственным их преимуществом было то, что родители просто имели возможность оплачивать их учебу. Дэн, однако, пошел работать на «Интернэшнл харвестер».

Прошел год, и уже, казалось, можно было с уверенностью утверждать, что Дэн Митрионе окончательно избрал путь, проложенный для него отцом. Можно было даже предсказать, что Дэн женится на местной итальянской девушке и будет стоять у станка до самого выхода на пенсию. Если он учтет горький опыт отца и будет повнимательней, то сохранит все свои пальцы. Все складывалось так, будто именно эта судьба была уготована Дэну.

Но этого не случилось. Новый год принес с собой войну, и в Ричмонде, как и повсюду в стране, молодые люди устремились на призывные пункты, влекомые чувством патриотизма, безработицей или надеждой на избавление от всего, что их угнетало. Увлеченный охватившими страну настроениями, Дэн Митрионе записался в матросы.

Новобранцы из Индианы выполнили свой долг. Весьма типичными в этом плане были подвиги Томми Клейтона, описанные его земляком Эрни Пайлом, который жил неподалеку в городке Дейна. Клейтон — этот удивительно мягкий и робкий человек — собственноручно убил четырех вражеских солдат (это он мог точно доказать) и еще, наверное, несколько десятков, хотя доказать этого не мог. «Несмотря на пролитую кровь, — писал Пайл, — Томми оставался все таким же обыкновенным человеком, рядовым представителем штата Индиана».

Ежедневно читая в газетах о подобных подвигах, не принимавшие непосредственного участия в боевых действиях солдаты испытывали разные чувства в зависимости от своего характера и темперамента — одни считали, что им здорово повезло, другие испытывали чувство вины, а третьим казалось, что их просто надули. По всему было видно, что Дэн относил себя к третьей категории. Когда через несколько лет он окажется в Латинской Америке, то будет говорить, что эта запоздалая заграничная миссия, возможно, как-то компенсирует его неучастие в боевых действиях во время войны.

Дэна направили на военно-морскую базу на о-ве Гросс (штат Мичиган). По сравнению с военными приключениями других парней из его родного штата, служба его протекала на острове весьма обыденно. И все же она сыграла довольно значительную роль в его дальнейшей судьбе.

Служил Дэн примерно и уже готовился было выбиться в командиры, как был объявлен мир, и его назначили начальником сержантской патрульной службы. Впервые в жизни он узнал, что такое патрулирование, и это ему понравилось. Воспитанный в строгих правилах итальянской семьи, Дэн знал, что такое дисциплина. Теперь уже не только его личное желание, но и требования устава заставляли соблюдать все его предписания и внимательнейшим образом следить за выправкой. Пройдет еще пара лет, прежде чем Дэн поймет, что нашел свое призвание.

В расположенном неподалеку городке Уайендотт он присмотрел себе невесту. Познакомившись с Хенриеттой Линд, он через некоторое время сделал ей предложение, и та его приняла. Свадьбу сыграли в Ричмонде. О том, что невеста лишь накануне свадьбы приняла католическую веру, старикам Митрионе не было сказано ни слова. Ведь о некоторых уступках, на которые приходится идти в Соединенных Штатах, любящий сын может и не говорить своим родителям, приехавшим к тому же из Старого Света.

В самом Густауне мнения на счет Хенриетты разделились. Наверное, можно понять и простить все язвительные замечания, сделанные по ее адресу местными девицами, которые и сами были бы не прочь выскочить за Дэна. Но Хенриетта была девушкой серьезной, а Дэн, несмотря на внешнюю веселость и кажущуюся легкомысленность, знал, что делал. Молодая жена просто боготворила своего

мужа. Даже местные протестанты вынуждены были это признать, хотя потом и стали презирать ее за беспрекословное выполнение всех предписаний новой веры, язвительно говоря, что та рожает детей, как кошка.

Конечно, это было довольно грубое замечание, хотя доля правды в нем и была. Через одиннадцать месяцев после свадьбы Ханка родила дочь. Спустя полтора года, когда война уже закончилась, она была опять беременна. И так продолжалось почти непрерывно в течение всех последующих 20 лет. В результате Ханка подарила мужу девятерых детей.

Когда Дэн демобилизовался, он решил, что лучше всего снова пойти на «Интернэшнл харвестер». Вместе со своей новой семьей он переехал в дом родителей в восточной части 21-й улицы. Теперь они наконец избавились от неприятного соседства с железной дорогой и наслаждались большим парком, расположенным рядом с домом.

1 декабря 1945 года Дэн пришел в местное полицейское управление и подал прошение о зачислении его на службу. Одним из первых вопросов в анкете стоял вопрос о партийной принадлежности. То ли с неким вызовом, то ли просто по незнанию Дэн написал: «Демократ».

Позже, конечно, он изменил свою партийную принадлежность и стал, как и все полицейские, республиканцем. Это обстоятельство, как и то, что его жена Ханка родилась в семье иноверцев, он тщательно скрывал от родителей. Джозеф Митрионе очень гордился тем, что его сын щеголял теперь в полицейской форме, и не было никакого смысла портить ему удовольствие.

Анкета содержала и другие, довольно прямолинейные вопросы, что было весьма типично для того времени. Среди них были, например, такие: «Белый или цветной?» Дэн написал: «Белый». «Умеете ли читать?» Дэн написал: «Да». «Умеете ли писать?» Он вновь написал «Да». В соответствующей графе он указал занимаемую должность и место прежней работы, имена детей, место рождения в Италии, а также чем болел (пять лет назад у него вырезали грыжу).

Его зачислили на службу как одного из самых достойных граждан Ричмонда. Полиция штата Индиана была печально известна тем, что жалованье у тамошних полицейских было ничтожным, а возможности продвижения по службе почти не было. Но это нисколько не мешало полицейскому Дэну Митрионе каждый день выходить на

дежурство с желанием показать самый высокий профессиональный уровень. Он считал службу в полиции продолжением службы на флоте и добросовестно выполнял свой долг. Партнером по дежурству Дэн выбрал добродушного парня по имени Орвил Конайерс.

Никто не называл Конайерса по имени из-за его огненно-рыжих волос и вечно красных щек. Для всех он был просто Рыжий. В течение двух с половиной лет начиная с 1946 года они с Дэном колесили по городу в одной и той же полицейской машине, а затем еще долго оставались друзьями, несмотря на разницу в возрасте (Дэн был на пять лет младше).

Ричмонд был небольшим городом, поэтому обязанности полицейских были необременительны: штрафовать подвыпивших водителей, следить за общественным порядком и фиксировать нарушения для последующего разбирательства в суде. В то время в городе не было собственной живодерни, поэтому время от времени полицейским приходилось самим пристреливать бездомных собак. Пожалуй, это была единственная ситуация, в которой полицейский мог тогда применить свой «кольт» 38-го калибра.

Рыжий считал, что самым опасным для них было примирение повздоривших супругов. Хуже всего было, когда полицию вызывали в северные районы города. Входя в дом, где разыгрывалась очередная семейная драма, Рыжий всегда радовался, что рядом с ним такой крепкий парень. Им, как правило, удавалось быстро успокоить разбушевавшихся супругов, после чего они уходили со словами: «Ну, тихо, тихо! Успокойтесь! Все будет хорошо!»

Иногда муж или жена злобно бросали: «Вы здесь только потому, что мы негры!» Тогда вмешивался Рыжий, который говорил: «Мне все равно, какого вы цвета. Я просто хочу, чтобы вы успокоились».

Это было золотое время. Демобилизованные солдаты легко могли получить ссуду и купить небольшой домик за какие-нибудь шесть с половиной тысяч долларов. А три фунта хамбургеров стоили тогда всего доллар. И все же Рыжему и Дэну никак не удавалось тратить на пропитание своих семей меньше 180 долларов в месяц, что вынуждало их подрабатывать на стороне.

В часы, свободные от дежурств, они ходили на завод «Дилл-Макгуайер» и грузили газонокосилки на железно-

дорожные платформы. Они подрабатывали и у таких важных персон, как управляющий магазина «Сиерс», ежедневно моя ему машину, чтобы он мог по вечерам отправляться на очередное свидание в чистом, сверкающем лимузине. Три часа мойки и полировки приносили Рыжему и Дэну девять долларов.

Все то время Дэн мыл только чужие машины, так как собственной у него за неимением средств не было. Вот почему, выходя на ночное дежурство (автобусы к тому времени уже не ходили, а воспользоваться попутной машиной было трудно, так как дороги вечером были пустынными), он надевал кожаное пальто и, сгибаясь под пронизывающим ветром, шел в управление пешком, хотя до службы было более трех километров.

В течение всех этих дней после похищения брата Рей пребывал в крайне возбужденном состоянии. Из уважения к многочисленной толпе теле- и фотокорреспондентов он каждый день надевал костюм, чего раньше не делал никогда. Все в семье Митрионе воспринимали как должное то, что лишь Дэн одевался как положено. Несколько лет назад Рей как-то пришел домой в щегольском «стетсоне», и мать в первый момент приняла его за Дэна. И вот теперь ему пришлось на время расстаться со спортивной одеждой. Эта перемена, видимо, вызвала какие-то ассоциации в памяти матери, потому что, когда Рей навестил ее в приюте, та спросила:

— От Дэна ничего не было?

— Кое-что было, мама, — ответил Рей. — На днях.

— Будешь писать, обязательно передай от меня привет.

Рею было как-то не по себе от того, что он соврал матери. Видимо, у него это получилось плохо, потому что через два дня (а весть о похищении Дэна все еще не сходила с первой полосы местной газеты) Мария Митрионе снова его спросила:

— Ты уже написал Дэну?

И добавила:

— С ним что-нибудь стряслось?

Для Рея и остальных членов семьи Митрионе это был период ожидания и полной беспомощности. «Тупамарос» заявили, что освободят обе жертвы — Дэна и бразильского вице-консула в Монтевидео — лишь после того, как

уругвайское правительство выпустит на свободу 150 политических заключенных.

Судя по сообщениям, и Вашингтон, и Бразилия оказывали на уругвайское правительство давление, пытаясь заставить его пойти на сделку с «тупамарос». Но уругвайский президент Хорхе Пачеко Ареко, судя по всему, упорствовал. Он заявил, что никогда не вступит в переговоры с преступниками.

И все же поступали и обнадеживающие новости. Представители Ватикана в Уругвае также предприняли попытки вступить в переговоры с повстанцами с целью освобождения Дэна. Кроме того, Рею позвонил какой-то человек, назвавшийся Сизаром Берналом, и сказал, что работал вместе с Дэном в Уругвае и что «тупамарос» не такие уж жестокие люди. По его словам, он провел в Монтевидео четыре года, и поэтому прекрасно их знает. Это совсем неплохие люди. Рей хорошо запомнил последнюю фразу.

Некоторые газеты стали вспоминать другие случаи похищения людей и что с ними потом произошло. Так, в Бразилии в свое время был похищен американский посол, которого держали до тех пор, пока бразильское правительство не согласилось выполнить точно такие же условия, которые были выдвинуты теперь «тупамарос». Посол (его звали Чарлз Бэрк Элбрик) был освобожден и вернулся к себе в посольство целым и невредимым, если не считать небольшой царапины на лбу.

Родственники Дэна знали, что его состояние значительно серьезнее, поскольку сообщалось, что в момент захвата он был ранен. В своей записке «тупамарос» написали, что пуля вошла в верхнюю правую часть грудной клетки и вышла под мышкой. Представитель государственного департамента заявил протест, указав, что своим отказом отправить Дэна в больницу «тупамарос» лишь «усугубили бесчеловечность своего поступка».

В записке «тупамарос», изобиловавшей медицинскими терминами, говорилось, что ни один из жизненно важных органов Дэна поврежден не был. Судя по всему, ему было больно, но его жизни ничто не угрожало.

Прошла неделя. Ни одна из сторон уступать не хотела. Братья и сестры Дэна все больше теряли надежду на то, что весь этот ужас когда-нибудь кончится и они снова

увидят его. Из газетных сообщений следовало, что в уругвайских тюрьмах томятся сотни людей. Но президент Пачеко по-прежнему отказывался освобождать указанных 150 заключенных, хотя лишь это могло спасти Дэна.

В Ричмонд пришло сообщение, что Дэн лично просил правительство США содействовать его освобождению. Рею позвонили из «Палладиум-айтм» и попросили приехать в редакцию, чтобы ознакомиться с переданным по телеграфу факсимиле записки Дэна Ханке. Рей внимательно изучил ее и сказал, что записка, вне всякого сомнения, написана рукой брата.

Записку нашли после того, как кто-то из «тупамарос» позвонил в редакцию одной из газет в Монтевидео и велел осмотреть туалет в баре, расположенном в центре города. В записке, прикрепленной клейкой лентой к сливному бачку, говорилось:

«Дорогая Хенриетта!

Поправляюсь от раны, которую получил, когда был схвачен. Попроси, пожалуйста, посла сделать все возможное для моего скорейшего освобождения.

Меня допрашивали и продолжают подробно допрашивать по поводу программы АМР * и работы полиции.

Обнимаю тебя и детей.

Целую,

Дэн».

Узнав об этой просьбе, телеграфные агентства высказали было предположение, что теперь президент Пачеко объявит всеобщую амнистию для политзаключенных. Но прошел еще один день, а уругвайское правительство так ничего и не предприняло. Рей и остальные члены семьи Митрионе чувствовали, что нервы у них на пределе. Медлительность властей была, однако, сопряжена с более серьезными последствиями. Похитители намекали теперь, что их терпение на исходе. В записке, подброшенной на радиостанцию в Монтевидео, «тупамарос» предупредили, что будут ждать сообщение властей об освобождении своих товарищей до полуночи 7 августа, т. е. до пятницы. «Если к этому времени никакого официального заявления сделано не будет, мы положим всему этому конец и сами вынесем приговор».

* Агентство международного развития. — *Прим. перев.*

Агентство Ассошиэйтед Пресс заявило, что еще не ясно, содержит ли последняя фраза угрозу. В Ричмонде, однако, хорошо поняли смысл записки и интерпретировали ее однозначно.

К концу недели у всех в Ричмонде возникло ощущение, что события в Уругвае вышли из-под контроля. В своей новой записке «тупамарос» обвинили Дэна в шпионской деятельности в пользу Соединенных Штатов. Если бы семья Митрионе не испытывала такого страха, это надуманное, на их взгляд, обвинение могло бы вызвать у них возмущение. В записке далее говорилось: «Он представляет державу, истребляющую целые народы во Вьетнаме, Доминиканской Республике и других странах». Далее следовала угроза, которой так боялись все родственники Дэна: если уругвайское правительство откажется освободить заключенных, Дэн Митрионе будет убит в полдень в воскресенье.

Наступил, а затем и прошел указанный срок. Ни один заключенный освобожден не был. «Тупамарос» больше записок не присылали.

Примерно в половине пятого утра в понедельник зазвонил телефон в квартире Рея, расположенной прямо над магазином Кесслера. Это был корреспондент ЮПИ из Индианаполиса. В воскресенье он уже разговаривал с Реем, и тот просил позвонить ему сразу же, как только в корпункт поступит какая-нибудь информация.

— Нам только что сообщили, — сказал репортер, — что тело нашли в северной части Монтевидео.

— Есть ли подтверждение? — спросил Рей (за последнюю неделю он слышал столько самых невероятных слухов и предположений, что этого с лихвой хватило бы на целую жизнь).

— Еще нет. Вы больше ничего не хотите сказать?

— Может быть, это неправда? Может, это какой-нибудь трюк? Может быть, они убили кого-то другого?

— Мне больше пока ничего не известно.

Через 10 минут позвонил Дэвис Деннис, их конгрессмен, опекавший семью в течение всего этого кошмара.

— Вы слышали о Дэне?

— Да, — сказал Рэй. — Но пока нет подтверждения.

— Я это подтверждаю.

Мэр Ричмонда Роланд Каттер имел все основания полагать, что именно он поставил Дэна Митрионе на стезю,

которая и привела его теперь на католическое кладбище св. Марии. До последней роковой недели он гордился той ролью, которую сыграл в судьбе Дэна. С некоторым изумлением он следил за тем, как тот ловко воспользовался протянутой ему рукой и сумел подняться чуть ли не до уровня самого Каттера, а затем и вовсе уехал из Ричмонда.

Дедушка Каттера приехал в Ричмонд из Германии еще в прошлом веке. Генри Каттер не умел говорить по-английски, но выучил названия различных продуктов и открыл продуктовую лавку. Роланд Каттер унаследовал лицо бюргера, украсив его щегольскими усами. Окончив Университет штата Индиана, он вернулся в Ричмонд и занялся страховым делом.

Каттер был одним из тех, кто восхищался методами воспитания, практикуемыми итальянцами в северной части города. (Те же чувства испытывал и местный священник, отец Минтон.) Вот уже несколько лет Каттер наблюдал за Дэном, который был всегда опрятно одет и вежлив. Он знал, что этот молодой человек воспитывался в семье, где слово отца — закон.

За последние годы в муниципальный совет были избраны два итальянца, которые так рьяно защищали Америку, что их пылкие речи могли бы посрамить американцев третьего, а то и четвертого поколения. Каттер и его друзья обычно соглашались, что кое-кто из итальянцев ценил страну больше, чем они сами.

В 1955 году Каттер стал мэром города. Он гордился своей политической наивностью и любил говорить, что не мог отличить полицейский участок от кипы сена. Недели через две после своего избрания Каттер отправился в Университет штата Индиана навестить сына. Мысль о том, что вскоре ему предстоит назначать шефа полиции и начальника пожарной охраны, никак не покидала его.

Хотя был воскресный день, новый мэр решил тут же пойти на факультет управления. Застав декана у себя в кабинете, он спросил, какими же, собственно, критериями руководствоваться при назначении шефа полиции. Поначалу декан подумал, что тот шутит. Где-где, а в Индиане на эту должность всегда назначали по знакомству. И пока у местных денежных мешков оставался хоть один непристроенный племянник-бездельник, не было никакого смысла обращаться в университет за советом относительно такого назначения.

Убедившись, однако, что Каттер не шутит, декан решил направить в Ричмонд группу научных работников. Мэр снял для них номер в гостинице, и те принялись вызывать по очереди всех претендентов и устраивать им проверку. Кое-кто жаловался, что некоторые тесты, на их взгляд, не имели ничего общего с работой в полиции. Хотя где-то в глубине души мэр соглашался с ними, он все же не хотел возражать против этой не понятной никому методики, веря, что в конце концов она поможет отобрать образцового шефа полиции, отвечающего всем современным требованиям.

Группа экспертов сначала объяснила Каттеру, каким не должен быть шеф полиции, неоднократно повторяя, что всякого рода смельчаки для этой должности не годятся. Зачем назначать героя, если шеф полиции должен заниматься прежде всего административной работой?

В конце концов, после длительного ожидания и неизвестности, к удивлению одних и возмущению других, эксперты предложили назначить на должность начальника полиции молодого полицейского, служебный стаж которого не превышал и десяти лет. Мэр Каттер утвердил назначение.

Новый шеф не был героем и не старался им казаться. Однако впервые за всю историю Ричмонда шефом местной полиции стал профессионал, назначение которого было научно обосновано. В дальнейшем он убедительно подтвердит правоту мэра, поверившего в целесообразность такого подхода к назначению. И все же Роланд Каттер никак не мог заставить себя серьезно относиться к новому шефу полиции, мысленно называя его не иначе как маленьким Дэнни Митрионе, итальянским мальчишкой из Густауна.

Пока Дэн был еще жив, официальные лица хранили какое-то непонятное и странное молчание. Однако как только поступило извещение о его смерти, в Вашингтоне, будто по волшебству, заработали тысячи телетайпов. Государственные чиновники стали чуть ли не в очередь выстраиваться, чтобы осудить «тупамарос». Кое-кто даже прислал соболезнование семье Митрионе.

Два «высочайших» соболезнования были получены и от учреждений. В одном из сообщений Ассошиэйтед Пресс говорилось: «Белый дом заявил в понедельник, что похи-

щение и убийство американского официального лица Дэниела А. Митрионе в Уругвае является «достойным презрения актом, который будет осужден всеми честными и порядочными людьми». В статье без подписи, напечатанной на первой полосе газеты «Оссерваторе романо», Ватикан осудил преступления, совершаемые во имя фанатичных идеологий. Накануне папа Павел VI назвал «подлым» всякое похищение людей в политических целях.

Из политических деятелей дольше всех об убийстве говорил Джеральд Форд, в то время лидер меньшинства в палате представителей и конгрессмен от штата Мичиган. «Хотя это убийство побудило некоторых людей призвать правительство Соединенных Штатов отказаться от деятельности, которой занимался Дэн Митрионе в Уругвае, этот акт, — заявил Форд, — лишь еще раз показывает, что США не должны отступать». Он также выразил уверенность, что уругвайское правительство сделало все возможное для освобождения Дэна. Что касается американской стороны, то особую благодарность в этой связи Форд выразил боссу Дэна Байрону Энглу, директору Управления общественной безопасности.

Своим назначением Луис Гиббс был обязан Дэну Митрионе. И не только одним назначением. Он понял это именно сегодня. Гиббс шесть раз подавал прошение о зачислении его в полицию, и всякий раз, дойдя до графы в правом верхнем углу анкеты, где нужно было указать партийную принадлежность, он ставил прочерк. Эта его скрытность кому-то в полицейском управлении не очень нравилась, и посему все шесть раз он получал отказ.

В апреле 1956 года, когда Гиббс подал прошение в седьмой раз, его вызвал к себе новый шеф полиции. Сомнения Митрионе в отношении молодого просителя были вызваны не политическими, а экономическими причинами. Работая мясником, Гиббс приносил домой 9 тыс. долларов в год, а жалованье полицейского составляло чуть больше половины этой суммы.

Митрионе спросил: «Вы уверены, что действительно хотите служить в полиции? Ведь сейчас вы получаете больше меня».

Подав семь прошений, Гиббс, разумеется, был в этом абсолютно уверен, и Митрионе удовлетворил его просьбу.

До назначения Митрионе опытные полицейские в Рич-

моцдс обучали своих молодых коллег кустарно, от случая к случаю. Обычно новобранец усаживался на заднем сиденье патрульной машины, а два более опытных полицейских — на переднем. По ходу дела они поучали: «Уши и глаза держи открытыми, а рот закрытым». Но новый шеф мыслил по-иному. Он сам получил назначение по научному методу и хотел внедрить такой же подход к делу во вверенном ему учреждении. Сначала он сам, вопреки сопротивлению некоторых членов муниципалитета, отправился в Вашингтон на курсы ФБР. Вернувшись домой, он договорился с руководством Университета штата Индиана об организации там 6-недельных подготовительных курсов для нового пополнения полицейских.

Закончив обучение на курсах, Гиббс вдруг обнаружил, что жизнь полицейских под началом нового шефа была далеко не сахар. Полицейские постарше сразу же невзлюбили Митрионе. И удивительного в этом ничего не было — ведь тот обошел их по службе. Гиббс тоже считал, что шеф проявляет излишнюю суровость, требуя, чтобы все делалось так, как сказал он. Однако и Гиббс, и другие новички понимали, что в конфликтных ситуациях шеф, как правило, оказывался прав.

Митрионе откровенно говорил своим подчиненным: «Эта дверь открывается и в ту, и в другую сторону. Либо вы вступаете в игру, либо выбываете из нее». Случалось, что кто-то из опытных полицейских пил на дежурстве. Шеф был тогда непреклонен: «Вот вам рапорт об отставке, подписывайте и убирайтесь вон».

Позже, когда полицейские стали заключать контракты через свою профсоюзную организацию, провинившимся было гарантировано надлежащее рассмотрение дела. Хотя в свое время Митрионе пользовался неограниченной властью над подчиненными, он все же старался палку не перегибать. Как-то Гиббс дежурил со старшим по званию полицейским (тот был сержантом). Во время дежурства они задержали человека, ограбившего кассу на заправочной станции. Сообщивший о грабителе предупредил, что у того два пистолета, поэтому при задержании нарушителя сержант стал бить его по лицу, пытаясь заставить сказать, куда он спрятал оружие. Когда дальше терпеть это было уже невозможно, Гиббс сказал: «Если ты ударишь его еще раз, тебе придется иметь дело со мной».

Какими бы гуманными мотивами он при этом ни руководствовался, Гиббс хорошо понимал, что нарушил

субординацию, поэтому ничуть не удивился, когда был вызван к шефу.

«В чем-то ты прав, — сказал ему Митрионе, — но в чем-то и нет. Прав потому, что избивать задержанного, конечно, нельзя. Но и не прав, потому что разговаривать в таком тоне со старшим по званию не положено. Чтобы больше этого не было!»

Еще одно замечание (на сей раз уже в более категорическом тоне) Гиббс получил после того, как поздно вечером в воскресенье в полицию позвонили из негритянского квартала с жалобой на подгулявшую девицу. Пытаясь как-то утихомирить разбуянившуюся особу, Гиббс уже сам стал бить ее по рукам и лицу.

Жалоба на него поступила раньше, чем он вернулся в участок. Шеф был уже в курсе. Выслушав объяснение Гиббса, Митрионе решил, что в данном случае тот просто перестарался, и велел старшему дежурному во всем разобраться, чтобы в другой раз Гиббс как-то сдерживал свой гнев.

Хотя в то время большинство полицейских в Ричмонде выходили на дежурство с дубинками, Митрионе рекомендовал Гиббсу не делать этого. «Тебе дубинка не нужна, — сказал он. — Ты молод и не знаешь своей силы».

В большинстве случаев полицейские, особенно те, кого шеф сам рекомендовал на службу, старались его не провоцировать. Они очень скоро усвоили все его капризы и прихоти. Поскольку сам Митрионе был всегда подтянут и опрятен, он требовал того же и от подчиненных, строго следя за тем, чтобы все полицейские уделяли своей выправке должное внимание.

Однажды часа в два ночи, когда шел проливной дождь, произошел случай, который навсегда запомнился Гиббсу. Он позвонил в участок, и ему было приказано срочно зайти в такой-то номер гостиницы. Подойдя к ней поближе, он заметил невдалеке синюю машину шефа и понял: облава! Ничего другого в такую ночь представить себе было невозможно.

Гиббс бегом бросился в номер (при этом его башмаки противно чавкали) и увидел там Митрионе, который проводил неожиданную проверку третьей смены. Граждане, встречающие полицейского на улице среди ночи, говорил он, платят те же налоги, что и остальные. Поэтому они имеют полное право требовать, чтобы и в это время суток полицейские ходили чистые и опрятные.

Из-за дождя у всех полицейских насквозь промокли ботинки, носки и низ брюк. Но не это интересовало шефа. Он хотел проверить, все ли у них в порядке под плащом. Гиббс такую проверку успешно прошел. Но одного полицейского Митрионе все же отправил домой (у того было что-то не так с оружием).

Правила, конечно, нарушать было можно, но лишь в том случае, если на то были веские причины. Одно время в Ричмонде начали происходить события, которые были тут же квалифицированы как возросшая волна детской преступности. Это случилось в конце пятидесятых, когда молодежь стала разгуливать по улице с презрительной ухмылкой, носить прически «утиный хвост» и танцевать рок-н-ролл. Старшему поколению не нравилось, что подростки глумились над законом и, несмотря на установленный для них час, допоздна слонялись по улицам. При этом одни открыто распивали пиво, другие выкрикивали оскорбительные замечания вслед проезжавшим мимо водителям постарше. Два-три раза несовершеннолетние врывались в лавки и очищали кассу (хотя похищенные суммы и были незначительными).

Митрионе знал, что респектабельные горожане рассчитывали на него, поэтому пошел к мэру Каттеру и сказал:

— Может, кому-то это и не понравится, но я все же берусь пресечь это безобразие.

— Действуйте, — сказал мэр.

В течение последующих двух-трех недель полиция методически разгоняла подростков по домам, где бы те ни собирались. Когда наступал установленный час, шатавшихся по улицам несовершеннолетних доставляли в полицейский участок и вызывали родителей. В результате все «шалости» прекратились. Суровый, но справедливый шеф полиции сам был примерным отцом. Раз другие отцы уклоняются от своих родительских обязанностей, говорил он, за воспитание их детей придется взяться полиции.

Узнав об убийстве Дэна, Рей хотел тут же вылететь в Монтевидео, чтобы привезти домой Ханку и маленьких детей. Госдепартамент, однако, заверил его, что обо всем уже позаботились. Старшие дочери и сыновья Дэна, жившие в то время близ Вашингтона, были доставлены на самолете в Уругвай, чтобы сопровождать тело отца и вдо-

ву с малолетними детьми на обратном пути в Соединенные Штаты.

Военный самолет, доставивший семью Митрионе в Америку, приземлился около восьми часов утра в среду 12 августа на ближайшем от Ричмонда аэродроме в Дейтоне. Муниципальные власти хотели, чтобы гражданская панихида продолжалась всю среду и четверг, однако Ханка, страдания которой продолжались чуть ли не две недели, хотела, чтобы все это закончилось как можно быстрее, и поэтому продолжительность церемонии была сокращена до одного дня.

40 военнослужащих ВВС с военно-воздушной базы Райт-Петтерсон с помощью гидравлического подъемника спустили гроб из грузового люка самолета на землю. Двигаясь со скоростью 70 км/час, траурный кортеж в сопровождении почетного эскорта доехал до ближайшего перекрестка и, выехав на шоссе № 27, двинулся в сторону Ричмонда. В эскорте были также полицейские штатов Индиана и Огайо. Перекрестки в Ричмонде были перекрыты, и кортеж беспрепятственно проехал к погребальному дому, где в течение двух часов Ханка принимала соболезнования от родных и друзей. Младший сын Джонни сидел у нее на коленях.

Ханка вылетела из Уругвая в теплом твидовом пальто, защищавшем ее от холодного зимнего ветра (в августе там была зима). Здесь же, в Ричмонде, было жарко и влажно, и она сняла пальто, но очки снимать не стала, хотя они едва скрывали ее покрасневшие глаза.

В час дня тело Дэна уже покоилось на постаменте в новом здании муниципалитета, где должна была происходить церемония прощания. Рыжий и другие полицейские из почетного эскорта приспустили государственный флаг рядом с муниципалитетом, после чего 33 бойскаута замерли по стойке смирно.

Гроб с телом Дэна простоял в муниципалитете 6 часов 15 минут. По свидетельству «Палладиум-айтм», проститься с ним пришло 9000 человек, что не имело прецедента за всю историю города.

В четверг утром траурный ритуал достиг апогея. Около 10 часов утра в местную церковь прибыли государственный секретарь Уильям Роджерс с супругой, а также посол Уругвая в США. Президент Никсон прислал на похороны своего зятя Дэвида Эйзенхауэра, который с непри-

вычным для него скорбным выражением лица стоял в самом конце официальной делегации.

Через несколько минут в церковь прибыли родственники. Все пятьсот человек, присутствовавшие на заупокойной службе, обратили внимание на прибытие высокопоставленных лиц, испытывая при этом гордость за Дэна. Ровно в 10 часов появился отец Минтон, облаченный в расшитую золотом красную мантию, — и литургия началась.

Отношение отца Роберта Минтона к итальянцам в его пастве, возможно, в немалой степени определялось тем обстоятельством, что рост у него был шесть футов и два дюйма *. В свое время священник сделал для себя вывод, что с такими круглыми лицами и при таком небольшом росте, итальянцы (как, впрочем, и все низкорослые люди), видимо, как-то по-детски смотрят на жизнь. Им легче, чем людям более высокого роста, поверить, что все они божьи дети.

Отец Минтон вовсе не хотел показывать этим, что относится к ним свысока, и, уж конечно, не распространял свою теорию на Дэна Митрионе, который уступал ему в росте лишь на несколько сантиметров. И все же, как и многие другие в Ричмонде, он относился к итальянской общине по-особому. Все Митрионе определенно входили в категорию людей, которых отец Минтон называл «хорошими итальянцами». Они регулярно ходили в церковь, исправно платили по счетам и воспитывали детей в строгости. «Хорошие итальянцы» из поколения деда Дэна умели делать то, что, по мнению отца Минтона, заставляло исходить завистью их американских собратьев: они знали, как заставить жену любить себя, а детей — повиноваться. Что же касается всех других итальянцев, то те, по-видимому, свято верили: что бы они ни делали, бог простит.

Свой приход отец Минтон создал 15 лет назад. Приехав в Ричмонд, он почувствовал себя сначала каким-то чужим. Во время войны он служил капелланом в Китае. Это был яркий период в его жизни, и поэтому в первое время он часто предавался воспоминаниям. Но шли годы. В церковно-приходскую школу уже стали приходить дети тех, кого он начинал учить, и это внесло определенную

* Примерно 190 сантиметров. — *Прим. перев.*

стабильность и преемственность в его жизнь. Такому вынужденному холостяку, как он, это приносило удовлетворение и радость. Все, включая протестантов, теперь знали его и, встретив на улице, здоровались. И эта популярность даже стала его портить.

Прихожане в его пастве были такими же простодушными и неиспорченными, как и Рей Митрионе. Лишь в одной из пятисот семей его прихода был человек со специальным образованием — дантист. Но Дэн не был похож на других. В любой общине — итальянской или какой-то другой — его непременно считали бы подающим надежды.

У Дэна, конечно, были свои недостатки. Например, вспыльчивость, которую ему еще лишь предстояло обуздать. Но когда он выступал в каком-нибудь клубе или торговой палате, то всегда оставлял впечатление компетентного человека. При этом никто не считал, что Дэн обладал какой-то невероятной способностью увлекать за собой аудиторию или же легко заставить всех поверить, что он на голову выше других.

Однажды, когда Дэн был еще рядовым полицейским, а не шефом полиции, он сказал собравшимся в церкви прихожанам, что Соединенные Штаты похожи на картинку-головоломку: сложите все кусочки, переверните головоломку — и вы увидите с обратной стороны мальчика — символ американской молодежи. Такая игра воображения была не в стиле отца Минтона, но этот неожиданный образ запомнился ему надолго.

Но потом Дэн уехал из Ричмонда в Белу-Оризонти. Когда он наведывался домой (сначала из Бразилии, а затем из Уругвая), казалось, что с годами он стал приобретать какой-то особый лоск. Каждый раз он приезжал домой все тучнее, а седых волос у него становилось все больше. В этом, пожалуй, он был похож на всех других мужчин. Когда очередной отпуск подходил к концу, он приносил в дом приходского священника ящик бутылок, в свое время приобретенных для встреч с друзьями. Святой отец с удовольствием принимал подарок и с любопытством разглядывал заморские этикетки с экзотическими названиями типа «черри—херинг», «калуа» и т. д. В них он усматривал еще одно доказательство того, что путешествие по белу свету приносило Дэну пользу.

Отец Минтон подумал даже, что у Дэна появилось какое-то обаяние, искра божья, нечто такое, что стало столь

модным в период президентства Кеннеди. Конечно, думал священник, Дэну еще далеко до братьев Кеннеди. Это уж точно. Ведь он собственными глазами видел Джека и Бобби, когда те приезжали в город и присутствовали на званом обеде в апреле 1960 года. В те дни вокруг Ричмонда еще не было кольца тех больших мотелей, где гостей не регистрировали и где повсюду красовались рекламные щиты с весьма двусмысленными надписями типа «Попробуйте повздыхать у нас!» Отель «Лиленд» в центре города был и тогда прекрасным местом для торжеств и приемов, поэтому сенатор Кеннеди встретился с группой местных демократов именно там. Поскольку перед церковью отца Минтона было самое большое открытое пространство, обед решили устроить там.

Все это было за три месяца до того, как Дэн уехал в Бразилию. В то время он еще был шефом полиции, следившим за порядком на автомобильных дорогах и спокойствием на городских улицах. Ханка и другие женщины из прихода пришли помочь накрыть стол. Хотя в то время Джон Кеннеди был всего лишь сенатором, он уже стоял на верном пути к выдвижению кандидатом на пост президента от демократической партии. Вот почему тысячи любопытных рядовых членов демократической партии приобрели билеты на званый обед.

Разъезжая по штату Индиана в погоне за голосами, Кеннеди сорвал себе голос, но быстро нашел выход из положения. Прибыв в провинциальный городок Сеймур, он стал раздавать карточки, на которых было написано: «Очень извиняюсь, но у меня болит горло, поэтому я выступать не могу. И все же прошу вас голосовать за меня». Помощник сенатора по административным вопросам Теодор Соренсен зачитывал вместо него заранее подготовленный текст выступления. Это был выпад против Советского Союза, составленный в выражениях, отвечающих консервативным настроениям фермеров.

«Впервые за всю историю, — читал по бумажке Соренсен, в то время как сам Кеннеди молча стоял рядом, — Россия заполучила то, к чему так долго стремилась, — опорный пункт в Латинской Америке». Он имел в виду Кубу.

Позже, когда пришло время выступать в Эрлхем-колледж, голос у сенатора несколько окреп и он сам зачитал текст выступления. «Мы были самодовольными, самовлюбленными и податливыми. Уверен, однако, что мы сумеем

преодолеть эти недостатки и двинуться вперед. Но при этом нам не следует умалять серьезности красной угрозы. Мы на собственном опыте убедились, что их словам верить нельзя».

И вот теперь здесь, на похоронах Дэна, когда прошло уже десять лет с момента произнесения этой речи, отец Минтон никак не мог вспомнить, что же именно сказал тогда Джон Кеннеди. Но впечатление, произведенное им на аудиторию, он помнил хорошо. Он еще подумал тогда, что, если бы этот человек попросил присутствовавших взобраться на крышу небоскреба и прыгнуть оттуда головой вниз, все до одного сделали бы это. Вот в чем была загадочная и притягательная сила Кеннеди.

Теперь наступил черед отца Минтона. Ему предстояло отслужить заупокойную мессу. Он любил этот обряд, потому что он предоставлял католической церкви возможность обратиться со словом божьим к народу и еще раз подтвердить, что мирская жизнь — это не все. Сказать, что Дэну не нужно было бояться смерти, и он ее не боялся.

Вот о чем все время думал отец Минтон с того самого момента, когда впервые услышал в Женеве об убийстве Дэна. И ему удалось сказать почти все, что хотелось, хотя три раза он едва сдерживал слезы, и прихожане боялись, что он вообще не сможет довести службу до конца.

Через неделю после того, как Дэна похоронили у серебристого клена на кладбище св. Марии, Рей сбросил с себя строгий деловой костюм и вновь облачился в привычные спортивные брюки и рубашку. Вернувшись как-то после обеда в магазин Кесслера, он обнаружил там записку: «Зайди в торговую палату. С тобой хочет поговорить Фрэнк Синатра».

«Ну, конечно, — подумал Рэй. — Так я и поверил».

Правда, времени с момента похорон прошло не так уж много, и вряд ли кому-то взбрело бы сейчас в голову подшучивать над семьей Митрионе. Поэтому Рей все же решил наведаться в торговую палату. Там ему велели прийти еще раз в половине восьмого. Он так и сделал. Ровно в 7.30 позвонил агент знаменитого певца и сказал, что Синатра прочел в газетах о двойной трагедии: убийстве отца семейства и горе вдовы, которой предстоит теперь воспитывать пятерых детей на одну лишь государственную пенсию. Певец предлагал прилететь в Ричмонд и вы-

ступить в концерте, сборы от которого пойдут на воспитание сирот.

У Синатры был лишь один свободный день — 29 августа. Поэтому, несмотря на удушливый зной и отпускной период, концерт был назначен на 9 часов вечера именно в этот день.

Около восьми вечера все звезды прилетели на флагманском самолете «Кэл-джет эйруэйс» — чартерной компании, входившей в состав корпорации «Синатра энтерпрайз». Их встречали пятьсот поклонников, столпившихся на взлетно-посадочной полосе. Представители прессы были заранее предупреждены, что никаких интервью не будет, но один предприимчивый телерепортер из Дейтона все же вынудил Синатру сказать: «Мы просто обязаны воздать должное таким, как он, — людям, беззаветно преданным своей стране».

В тот вечер исполнительское мастерство Синатры было столь же блистательно, сколь и великодушен порыв, побудивший его прилететь в Ричмонд. Когда в 11 часов он вышел на сцену, в зале стояла 40-градусная жара. Синатра смахнул со лба капельки пота и пропел с десяток своих стандартных песенок.

Публика устроила ему настоящую овацию. Зажгли свет. Синатра сделал несколько шагов вперед и произнес заранее подготовленную речь: «Я не был знаком со славным сыном Ричмонда — Дэном, — начал он. —И все же я считаю его своим братом. Потому что все мы — и вы, и я, и Джерри — братья. Потому что все американцы—братья».

Далее Синатра перечислил некоторые проблемы, стоящие перед Америкой: смог, студенческие волнения, уличная преступность, загрязнение воды — и продолжал: «Но если вы на минутку задумаетесь и вспомните Дэна Митрионе, вы поймете, что не все у нас так уж плохо».

Синатра призвал публику довериться любви и «крепкой вере во всевышнего» и закончил словами: «Я твердо знаю, что среди вас, друзья, найдется немало людей с такими же качествами, как и у Дэна Митрионе. Хочу еще раз заверить вас, что среди людей, достойных уважения и памяти, Дэн Митрионе занимает у меня одно из первых мест».

3 Зак. 1858

Дэн Митрионе был направлен в Белу-Оризонти как один из участников кампании, начатой Дуайтом Эйзенхауэром против самого молодого и потенциально опасного противника США — Кубы. Начиная с 1959 года остров, расположенный в непосредственной близости от Соединенных Штатов (когда-то Джон Куинси Адамс называл его яблоком, которое под воздействием силы притяжения неминуемо упадет в руки американцев), находился под контролем Фиделя Кастро и его сторонников. Любопытно, что в разгар предвыборной кампании 1960 года большинство американских избирателей имели весьма смутное представление о Латинской Америке. Но одно они знали наверняка — это расстояние от Кубы до побережья Флориды. Комментируя эту навязчивую идею, Кастро говорил: «Вы, американцы, без конца повторяете, что Куба находится всего в 90 милях от Соединенных Штатов. Я же говорю другое: это Соединенные Штаты находятся от нас всего в 90 милях, и для нас это гораздо хуже».

Не успел Кастро свергнуть диктатора Фульхенсио Батисту, как консерваторы в американском правительстве развернули против него шумную пропагандистскую кампанию. В апреле 1959 года тогдашний вице-президент США Ричард Никсон встретился с Кастро в Вашингтоне, после чего направил в ЦРУ, государственный департамент и Белый дом секретный меморандум, в котором без обиняков говорилось, что Кастро либо попался на удочку коммунистам, либо сам коммунист, а поэтому к нему и относиться следует соответственно. Директор ФБР Дж. Эдгар Гувер согласился с оценкой Никсона. Через 11 месяцев президент Эйзенхауэр приказал ЦРУ разработать секретный план вторжения на Кубу с целью свержения Кастро и его группы бородачей-реформистов.

Предвыборная кампания 1960 года отражала путаницу во взглядах сторонников демократической партии относительно совершенной Кастро революции. В начале года Джон Кеннеди называл Кастро пылким молодым повстанцем, продолжателем дела Симона Боливара. Но тогда американские инвеститоры, контролировавшие 40 процентов плантаций сахарного тростника на Кубе, еще не выступали со злобными выпадами против проводимых Кастро реформ.

Когда Кастро экспроприировал крупные плантации сахарного тростника, включая и те, что принадлежали его собственной семье, в качестве компенсации он предложил облигации сроком на 20 лет, которые давали 4,5 процента годовых. Не без юмора он предложил выкупить землю по той цене, которая указывалась ее американскими владельцами при уплате кубинских налогов. Тех это, разумеется, не устраивало, и Вашингтон в знак протеста отказался от дальнейшего импорта кубинского сахара, что поставило Кубу в довольно трудное положение.

По мере роста недоверия к Кастро сенатор Кеннеди, ставший теперь кандидатом на пост президента от демократической партии, менял свою тактику. Теперь он уже стал говорить о том, что администрация Эйзенхауэра могла бы предотвратить революцию на Кубе, если бы использовала все свое влияние на Батисту, заставив того смягчить диктатуру и провести свободные выборы.

В период между избранием Кеннеди на пост президента и его официальным вступлением в должность Эйзенхауэр разорвал дипломатические отношения с Кубой. В результате новый президент унаследовал внешнеполитический курс, поддерживаемый обеими партиями. И демократы и республиканцы были едины в своей решимости не допустить, чтобы пример Кастро оказался заразительным для остальных стран континента.

В конце 60-х годов Дэн Митрионе и сотни других советников из Управления общественной безопасности были направлены для борьбы с коммунизмом в Бразилию и другие страны Латинской Америки. В отличие от Вьетнама в этой войне никто открыто не стрелял. Поскольку круги, определявшие американскую внешнюю политику, рассматривали коммунизм на континенте как скрытую опасность, которая может подорвать общество изнутри, они развер-

нули подготовку секретного контрнаступления, которое, на их взгляд, соответствовало велению времени.

Во Вьетнаме «зеленые береты» часто называли войну скучнейшим занятием, скрашиваемым лишь скоротечными минутами открытого террора. Такая характеристика еще больше подходила к той тайной войне, в которую вступил Митрионе. Даже когда в Бразилии началась настоящая стрельба, повседневная жизнь Митрионе оставалась сравнительно спокойной: инспекционные поездки на периферийные полицейские участки, инструктаж, составление заявок на оружие и боеприпасы, всякого рода публичные выступления и рутинная канцелярская работа. К себе в контору он уезжал утром и домой возвращался, как правило, еще до наступления темноты. Вечера он обычно проводил в кругу семьи. Угрызениями совести не мучился, и самые трудные решения морального порядка ему приходилось принимать (если говорить об общественных местах) на бейсбольных матчах местных команд, которые ему приходилось судить. Там ему иногда нужно было решать, удалять или нет своего старшего сына с поля.

Такие, как он, полицейские советники были «простыми солдатами» в Латинской Америке, сотрудники ЦРУ — «младшими офицерами», а послы, военные атташе и начальники «станций» * ЦРУ, входившие в руководство любого американского посольства, — «старшими командирами». Пока Митрионе не возглавил собственный отдел в Уругвае, сотрудники ЦРУ и послы с ним мало считались или полностью его игнорировали. Именно эти люди, которым не нужно было знать даже имени Митрионе, разрабатывали стратегию и определяли политику, которая позже стоила ему жизни.

Если бы в свое время Митрионе остался в Индиане, сегодня ему было бы еще далеко до пенсии, а его воспоминания о молодости интересовали бы разве только его любящих детей. Его воспитание и выработка черт, типичных для представителей того поколения, приобрели значимость лишь тогда, когда он предпринял необычный шаг и отправился за границу. Случилось так, что период службы в Бразилии и Уругвае совпал у Митрионе с критической для обеих стран полосой развития. Его скромная биогра-

---

* Отдел ЦРУ при посольствах США в различных странах, который координирует всю агентурную работу в стране пребывания. — *Прим. перев.*

фия совершенно непредвиденно для всех вплелась в канву политической истории Латинской Америки. И все же во многих важнейших разделах этой истории имя Митрионе не заслуживает большего, чем маленькой сноски, набранной петитом.

Смерть Дэна Митрионе стала своего рода символом. Во всем мире его стали считать олицетворением политики США в Латинской Америке, хотя сам он не имел ни малейшего отношения к ее разработке. Вот почему для того, чтобы осмыслить значение его жизни, понять истинные причины его убийства, мы должны отойти от описания его повседневной жизни и рассмотреть, кто и каким образом довел его до «последней черты».

Не так уж часто житель Среднего Запада, которому вот-вот стукнет 40 и который никогда до этого за границу не ездил, неожиданно бросает работу, пакует чемоданы, забирает жену и детей и отправляется на другой континент. Именно поэтому жители Ричмонда долго еще судачили о неожиданном отъезде Дэна Митрионе. Кое-кто считал, что, прослужив четыре года начальником полиции, он просто не знал, куда бы еще приложить свои силы. Они полагали, что тяга к службе у Дэна настолько сильна, что удовлетворить ее в таком маленьком городе уже невозможно.

Ханка, однако, понимала, что все объяснялось сугубо практическими соображениями: Дэн просто хотел побольше зарабатывать. Он уже обращался к городским властям с просьбой повысить жалованье, но получил отказ и понял, что надо искать что-то другое. Несмотря на пост шефа полиции, он еще вынужден был подрабатывать, занимаясь, например, окраской стен служебных помещений. Делал он это по ночам, оставляя машину в соседнем квартале, чтобы кто-нибудь не увидел, как он компрометирует должность шефа полиции.

Во время учебы в школе ФБР он познакомился с людьми, которые сообщили ему, что через программу иностранной помощи государственный департамент начал вербовать советников для обучения полицейских в других странах. Не говоря никому ни слова (а вдруг откажут?), Дэн подал прошение.

Программу возглавлял Байрон Энгл, бывший начальник отдела кадров полицейского управления в Канзас-

Сити (штат Миссури). Оклады сотрудников этого федерального учреждения он старался сохранять на уровне, примерно на 10 процентов превышавшем ставки полицейских в отдельных штатах. Но для тех, кто поступал к нему на службу из таких штатов, как Миссисипи или Индиана, эта 10-процентная надбавка была пустым звуком, поскольку там жалованье полицейского было намного ниже, чем в среднем по стране.

Поступив на службу к Энглу, Дэн все же стал получать больше, чем просил у муниципальных властей. К тому же он получил квартирные и другие надбавки и рассчитывал теперь на лучшую пенсию по завершении трудовой деятельности. По крайней мере, человек с семью детьми (а гарантии, что их число не увеличится, не было) получил наконец возможность приносить домой зарплату, на которую можно было жить. Не менее важным было и то, что теперь его профессиональные качества могли получить признание со стороны федерального правительства, а может, и со стороны правительств других стран.

В мае 1960 года, через месяц после того, как Джон Кеннеди посетил Ричмонд в ходе своей предвыборной кампании, Управление международного сотрудничества вызвало Дэна в Вашингтон и сообщило, что он принят на новую службу.

Вернувшись в Ричмонд, Дэн отправился к мэру Каттеру, чтобы договориться об отпуске. А отпуск предполагался довольно длительным: два года и четыре месяца — таков был предложенный ему срок пребывания на новом посту. В такой большой отпуск до него не уходил никто. Законно ли это?

Прокурор города Энди Чечере, получив соответствующий запрос, ответил, что уходить в столь длительный отпуск и сохранять за собой должность начальника полиции Дэн не может. Даже при самом выгодном для него толковании законов штата Индиана получалось, что, если Дэн пожелает когда-нибудь вновь стать шефом полиции, ему придется прослужить сначала простым постовым в течение целых пяти лет. Положение оказалось безвыходным. Однако поддержанный Энди и другими друзьями из муниципалитета, Дэн, хотя и со страхом, все же распрощался с постом, который достался ему столь неожиданно.

Программа обучения предусматривала посещение занятий в течение пяти недель в Вашингтоне, а затем изучение португальского языка в течение еще трех месяцев

в Рио-де-Жанейро. Только после этого Дэн мог приступить к своим обязанностям в Белу-Оризонти, индустриальном городе к северо-западу от Рио. Руководители программы отдавали себе отчет в недостатках любого ускоренного курса, особенно если речь идет об изучении португальского языка. (На нем вообще лучше петь, чем говорить; если же произношение поставлено плохо, то он может звучать одновременно и слащаво и резко, как язык, на котором говорит подвыпивший немец.) Поэтому, как и большинству других советников Управления общественной безопасности, Дэну, по-видимому, придется в значительной мере полагаться на переводчика. И все же (это отнюдь не было хвастовством) Дэн написал потом своим друзьям в Ричмонде, что общение дома только на итальянском языке в конце концов здорово ему помогло и он с удивительной легкостью закончил курсы португальского языка.

В июле Ханка уже паковала чемоданы, готовясь к длительному морскому путешествию. Отношение детей к предстоящей поездке в Бразилию было разным и во многом зависело от возраста. Когда Дэн собрал их на небольшой семейный совет (что в его доме практиковалось крайне редко), новость вызвала у всех огромный интерес.

«Я хочу посоветоваться с вами насчет переезда в Южную Америку», — начал он. Дети знали, что сам-то он уже давно все решил. Все они были воспитаны так, что уважение и любовь к отцу были двумя неразрывно связанными чувствами, поэтому никто из них не стал возражать. Больше того, старшие девочки нашли перспективу переселения в новый дом чрезвычайно романтичной. Дэн был суров с дочками и не разрешал встречаться с мальчиками до тех пор, пока им не исполнится 16 лет, поэтому необходимость соблюдать все эти условности, живя в небольшом провинциальном городке, тяготила их гораздо больше, чем родителей. Младший Дэн был раздосадован, когда узнал, что бразильцы больше любят играть в футбол, чем в бейсбол. Но об этом он решился сказать лишь соседям, когда развозил по округе газеты.

Джозеф Митрионе сумел дожить до того счастливого дня, когда его сын надел шляпу шефа полиции, и успел этим вдоволь насладиться. Вдове же его теперь предстояло пережить нечто другое: она с тревогой наблюдала за тем, как Дэн готовится покинуть Соединенные Штаты. Мария Митрионе тоже однажды уехала из родных мест и с тех пор там больше никогда не бывала.

Ханка с детьми прибыла в Бразилию в сентябре 1960 года. Девочки, уже достаточно взрослые, сразу же полюбили эту страну.

Здесь, к югу от экватора, была еще зима, но проливные дожди настроения не портили. Бразилия была такой буйной и яркой, что после пыльных прерий Америки им казалось, будто их взору открылся, словно сквозь свежевымытые окна, совершенно новый мир.

Другое место, которое столь резко контрастировало бы с Ричмондом, подыскать было трудно. Еще со времен первых португальских мореплавателей путешественников неизменно поражало богатство Бразилии, которое не сводилось к одним лишь драгоценным камням и специям. И миссионеры, и искатели приключений в один голос заявляли, что страну населяют чудесные и красивые люди, по своему темпераменту не похожие ни на одну народность Европы.

Эта самобытность бразильцев сохранилась, несмотря на целые века колониального владычества. Стефан Цвейг был лишь одним из многих, кто пытался объяснить это. Какая-то мягкость, легкая меланхолия, писал он, резко контрастируют с динамизмом североамериканцев. Агрессивность и враждебность, казалось, просто растворились без остатка в этом смешении индейцев-аборигенов, черных рабов и иммигрантов из Южной Европы.

Некоторые португальские мореплаватели, такие, например, как Падре Фернао Кардин (1585 год), приняли пассивность жителей Бразилии за простую лень. Бразильцы сами где-то соглашались с такой оценкой. В этой связи они, смеясь, рассказывали, что, когда в 1500 году мореплаватель Педро Алварес Кабрал впервые ступил на бразильскую землю, из глубины джунглей он услышал голос: «Завтра!» — который отозвался эхом «Потерпи!»

Цвейг считал это свойство большим достоинством бразильцев. «Все жестокое, зверское или хотя бы в малейшей степени садистское — чуждо бразильской натуре», — писал он. Сама история Бразилии подтвердила его правоту. Страна освободилась от португальского владычества без войны за независимость, а рабство было отменено там хотя и поздно, но без кровопролития. Бразильцы сами считали миролюбие своей типичной национальной чертой. Один исследователь бразильского искусства колониального периода писал: «В Бразилии, казалось, даже Христос уютно пристроился на кресте».

Португальская Бразилия во многом отличалась от испанской Америки, однако в сознании людей, живших к северу от экватора, все страны Латинской Америки представлялись одинаковыми. В результате сложился далеко не лестный стереотип.

Считалось, например, что латиноамериканцы слишком болтливы. («О господи! — ужасается англичанин в одном из романов Ребекки Уэст, когда жена сообщает ему, кого она пригласила на обед. — Неужели южноамериканцев? Их же потом не выгонишь!») Латиноамериканцы к тому же вспыльчивы и задиристы. За семь лет до революции в России в Мексике произошло широкое народное восстание. Его пример оказался заразительным и для соседей. Недаром с территории к югу от Рио-Гранде часто потом поступали сообщения о политических выступлениях. Многие считали, что в Латинской Америке много грязи. В этом, пожалуй, была доля правды. До 20-х годов нашего столетия Рио-де-Жанейро был одним из самых грязных городов мира. Там свирепствовала желтая лихорадка, многие жители болели туберкулезом, а сифилис был чуть ли не почетным знаком отличия местной молодежи.

Даже после того, как со всеми этими эпидемиями было покончено, Латинская Америка еще долго оставалась зоной «интеллектуального загрязнения». Корреспонденты «Нью-Йорк таймс», например, считали континент лучшим местом для тех, кто хочет похоронить свой талант. Декан факультета Гарвардского университета говорил (имея в виду Латинскую Америку): «Второстепенные проблемы привлекают лишь второстепенные умы». Через шесть месяцев после прибытия Дэна Митрионе в Бразилию декан (а это был Макджордж Банди) перебрался в Белый дом и стал внешнеполитическим советником Джона Кеннеди.

Возможно, виной всему было прошлое континента, связанное с Испанией и Португалией. Другой профессор из Гарварда, Генри Киссинджер, признавался впоследствии, что его интерес к проблемам мировой политики заканчивался где-то у Пиренеев. Даже такой высокообразованный человек, как Эдмунд Уилсон *, говорил: «Все, связанное с Испанией, нагоняет на меня тоску (за исключением испанской живописи). Я специально дал себе зарок не учить

* Современный американский литературный критик. — *Прим. перев.*

испанский. А «Дон Кихота» мне так и не удалось дочитать до конца».

Если Южная Америка и вызывала у североамериканцев какой-то интерес, то связано это было, как правило, с имущественными делами. В 1899 году журнал «Литерари дайджест» писал, что многие в Соединенных Штатах считают необходимым аннексировать Кубу. Проводя предвыборную кампанию в 1920 году, Франклин Рузвельт публично признался, что, будучи заместителем министра ВМФ, помогал управлять несколькими карликовыми республиками на континенте. «То, что конституцию Гаити я написал сам, — это факт. И если я в этом теперь признаюсь, значит, верю, что это хорошая конституция».

Лэньер Уинслоу, служивший в свое время первым секретарем посольства США в Мексике, сказал как-то друзьям, что Мексика могла бы стать великой страной, «если бы ее можно было опустить на полчасика в море и утопить всех мексиканцев».

Сами латиноамериканцы относятся к такому безразличию к себе и презрению неоднозначно. Здесь и гнев, и возмущение, и доля снисходительного юмора (особенно в Бразилии). Бразильцы подшучивают не только над собой, но и над своим колониальным наследием: «Бразилия — это страна будущего. Правда, такой она останется вечно».

Несмотря на склонность латиноамериканцев к поэзии, классическое исследование своей души они сделали в прозе. В самом начале века молодой школьный учитель из Уругвая Хосе Энрике Родо написал эссе под названием «Ариель». Произведение быстро распространилось по всей Латинской Америке, побудив многих отказаться от принятия тех ценностей, которые были созданы протестантским колоссом на севере.

Вызывая дух шекспировского Ариеля из «Бури», Родо предостерегает своих читателей от фальшивых и вульгарных идей образованности, направленной лишь на достижение утилитарных целей. Такой практицизм, говорит он, калечит естественную силу человеческого разума. Поэтому молодежь должна придерживаться одного принципа: во что бы то ни стало сохранить гуманную человеческую сущность.

Затем Родо переходит в более широкое наступление. Нашим врагом, пишет он, является демократия американского образца, всецело занятая собственными узкоэгоистическими целями. Не подкрепленная другими ценностями,

такая демократия убивает уважение ко всему, что превосходит ее и что не может быть подчинено ее собственным интересам. Родо считал, что его континент, подавленный мощью и величием Соединенных Штатов, добровольно переделывает себя в подобие своего северного соседа.

Не поддавайтесь, призывал он, этому соблазну. Постарайтесь сохранить в себе врожденное чувство прекрасного, потому что оно сильнее паровой машины. Постарайтесь сохранить собственное достоинство, способность на героизм. Если же вы будете вести себя, как на севере, вы превратитесь в монстров. Пусть Соединенные Штаты остаются, если хотят, Калибаном *. Ваше же предназначение иное — спасти полушарие, спасти весь мир. Так будьте же Ариелем!

Многие поэты и политические деятели (часто это были одни и те же молодые люди) в Аргентине, Мексике и Доминиканской Республике вняли призыву Родо и провозгласили себя «ариелистами». Однако ни в Нью-Йорке, ни в Вашингтоне произведение Родо не переводилось (а значит, и не читалось) в течение многих лет.

К началу 60-х годов Соединенные Штаты были уже абсолютно уверены, что американские специалисты — инженеры, агротехники, а теперь вот и полицейские — обладали ценнейшими знаниями, которые непременно нужно было передать менее развитым странам. В Вашингтоне Байрону Энглу было поручено сколотить оперативную группу, которая могла бы обучать полицейских из Азии, Африки и особенно из Латинской Америки. Своему назначению он был обязан богатому опыту, приобретенному в ходе обучения японской полиции после второй мировой войны и создания полицейской консультативной комиссии в Турции. В немалой степени этому способствовало и его не лишенное лукавства добродушие, которое обезоруживало даже тех, кто не склонен был доверять полицейским. Вел он себя как добрый дядюшка, умевший с обаятельной улыбкой урезонить оппонента. Это очень помогало ему на совещаниях и встречах с представителями прессы.

Президент Эйзенхауэр первым предложил организовать переподготовку западногерманской и японской поли-

---

* Дикий и уродливый раб, персонаж из пьесы Шекспира «Буря». — *Прим. перев.*

ции в соответствии с требованиями «холодной войны». На одном из заседаний Совета национальной безопасности (СНБ) он сказал: «Мы наращиваем вооруженные силы, которые, как нам всем известно, не протянут и недели в случае «горячей» войны. А делаем ли мы что-нибудь в отношении констеблей?»

Члены СНБ разошлись в полном недоумении. «Что, собственно, он имел в виду?» — спрашивали они друг друга. Городскую полицию? Или, может быть, сельскую? Как и всех оракулов, Эйзенхауэра нужно было еще и истолковать. И тут кто-то вспомнил, что президент недавно вернулся с Филиппин, где полицейских называли констеблями. Видимо, он имел в виду обыкновенную полицию.

После утверждения соответствующего решения проект необходимо было оформить организационно, создав какое-нибудь консультативное учреждение или контору. Полицейские советники на Окинаве (да и по всей Японии) находились в подчинении армии. То же было и в Корее, и на Филиппинах. В Западном Берлине полицейские советники были в ведении государственного департамента, а в Иране группа из четырех человек подчинялась Управлению заграничных операций.

Официально новая консультативная организация была передана в ведение государственного департамента. Предполагалось, что организационно она будет входить в систему учреждений программы иностранной помощи. Энгл, однако, был связан с другими организациями. После того как в 1947 году было создано Центральное разведывательное управление, он стал его сотрудником. Некоторые члены СНБ с нескрываемым опасением относились к тому, что во главе программы будет стоять сотрудник ЦРУ, но Энглу удалось рассеять их сомнения. В 1955 году он был официально назначен на новый пост и получил личного секретаря, после чего Вашингтон немедленно взялся за совершенствование полицейского аппарата «свободного мира».

Некоторым руководителям программы иностранной помощи затея Энгла не нравилась с самого начала. Больше всех шумели экономисты, сетовавшие на то, что они изо всех сил стараются создать новую структуру помощи, а тут является какая-то группа — репрессивная по самой своей сути — и собирается орудовать под их знаменем.

Энгл считал, что исполнительный аппарат правительства — полиция и армия — должен подвергаться реоргани-

зации в последнюю очередь. Непременным условием такой реорганизации (разумеется, упорядоченной) является стабильность в стране, поэтому Вашингтон вовсе не собирался подписываться под любыми реформами. Поскольку стабильность в стране сохраняется лишь тогда, когда полиция зорко следит за соблюдением закона, в интересах Соединенных Штатов было повышать ее эффективность.

Энгл не получил достаточно весомой поддержки не только от государственного департамента, но и от ФБР. Своим коллегам Гувер объяснял это тем, что новая полицейская программа — всего лишь очередная ширма для ЦРУ (о чем свидетельствовало хотя бы назначение Энгла) и что поэтому он не горит желанием отрывать от себя ценных людей и передавать их в распоряжение конкурирующей бюрократической организации.

В ЦРУ считали, что работа его «оперативников» в тесном контакте с местной полицией сулила бесспорные преимущества, но, поскольку в это время ЦРУ было всецело поглощено подготовкой людей в Гватемале для предстоящего вторжения на Кубу, оно решило пока не вмешиваться и предоставило Энглу самому бороться за выживание под не очень-то гостеприимным крылышком государственного департамента.

Весной 1960 года Дэн Митрионе подал прошение о зачислении его в штат сотрудников программы. Первым делом его подвергли тщательнейшей проверке на благонадежность. Поскольку группа Энгла включала в себя всего 80 советников, которым предстояло работать в самых разных уголках мира, при отборе каждой кандидатуры он имел возможность использовать собственные досье, чтобы до конца быть уверенным, что все претенденты — стойкие, компетентные и лояльные люди.

В те годы легче было назвать дело, которому служишь, чем врага, с которым борешься. До 1959 года цель программы Энгла определялась как «борьба с коммунизмом и подрывной деятельностью». Но затем эта формулировка претерпела изменения, превратившись в «борьбу против недружественных Соединенным Штатам интересов».

Когда в Белый дом перебрались либералы из стана Кеннеди и Джонсона, программа Энгла не только не была отменена, но и получила нового патрона. Знакомясь со своими новыми обязанностями министра юстиции, Роберт Кеннеди был весьма удовлетворен организованной ФБР переподготовкой полицейских из других районов страны

и сказал, что, видимо, настало время распространить этот централизованный подход и на другие страны.

В это время его брат, президент США, столкнулся с проблемой волнений и беспорядков в Юго-Восточной Азии и в Латинской Америке. В поисках решений он создал бригаду из высокопоставленных чиновников и назвал ее «группой контрразведки». Однако те единодушно заявили, что название звучит несколько прямолинейно и имеет негативный смысл. Если бы у них было больше времени на раздумья, они наверняка добавили бы в него что-нибудь о «развитии страны». А пока все согласились именовать себя сокращенно: «группа К-Р».

Первым ее председателем был Максвелл Тэйлор, армейский генерал, впавший в немилость во времена президентства Эйзенхауэра за то, что предостерегал страну от ориентации исключительно на ядерное оружие. Свои взгляды он изложил потом в отдельной книге. Администрация Кеннеди считала, что Тэйлор каким-то образом сочетал в себе качества интеллектуала и генерала, и поэтому был полезным противовесом таким нахрапистым деятелям, как Кэртис Лимей. (Позже Тэйлор был назначен послом США в Южном Вьетнаме.)

Обладая способностью превращать идеи в действия, Роберт Кеннеди активно поддержал «группу К-Р». Ее главная задача состояла в разработке методов обеспечения внутреннего порядка в различных странах мира. На заседаниях группы присутствовали представители различных министерств, а также сотрудники ЦРУ.

Ни один из ее членов ни разу не усомнился в правильности преследуемых целей. Как заявил потом один из них: «Мы знали, что в основе нашей деятельности лежат добрые побуждения».

Итогом деятельности «группы К-Р» стало: создание «специальных сил» Джона Кеннеди; включение нового курса по борьбе с повстанцами в программы обучения всех военных школ, начиная с Национального военного колледжа; включение специального курса в программу Института дипломатической службы, с тем чтобы сотрудники государственного департамента, ЦРУ и военного ведомства с повышенным вниманием относились к проблемам повстанческого движения в стране пребывания. Кроме того, «группа К-Р» уже тогда оценила роль полиции в борьбе с повстанцами в отдельных странах и поэтому создала комиссию по делам полиции и подготовке полицейских. Ее предсе-

дателем был назначен кадровый дипломат Ю. Алексис Джонсон.

Комиссия тут же признала необходимым создать новое полицейское управление с более широкими полномочиями, и это привело к ожесточенной перепалке заинтересованных сторон. Пентагон утверждал, что любая программа по расширению круга деятельности полиции должна находиться в его ведении. Однако Джонсон, старый кадровый работник государственного департамента, легко убедил всех, что обучение полицейских — это все-таки прерогатива гражданских органов. «Ведь не военную же полицию мы обучаем», — сказал он.

Выиграв схватку, Джонсон стал спокойно относиться к тому, что руководители программы подготовки иностранных полицейских обращались прямо в ЦРУ в тех случаях, когда не могли получить помощь через бюрократический аппарат Агентства международного развития или ФБР. И это вполне естественно, думал Джонсон. В идеальном случае он, возможно, предпочел бы видеть на должности директора программы не Байрона Энгла с его связями с ЦРУ, а кого-нибудь другого. Но послужной список Энгла был настолько хорош, что намного превосходил послужные списки всех своих соперников. (Разве не он в свое время обучил 100 000 японских полицейских за каких-нибудь два месяца?) Вот почему Джонсон переговорил с директором ЦРУ и заручился его поддержкой в вопросе о назначении Энгла руководителем расширенной программы подготовки иностранных полицейских.

Следующим шагом была разработка требований, предъявляемых к претендентам на службу в рамках этой ставшей теперь престижной программы. До этого Энгл участвовал в заседаниях комиссии Джонсона довольно пассивно, но теперь, когда было принято окончательное решение, он постарался свести до минимума ее вмешательство в практическое осуществление программы. Разговор начал один из старших членов комиссии. «Так какие же люди нам нужны?» — спросил он.

Энгл понял, что настало время действовать. Вынув из кармана блокнот, он вырвал несколько страниц и раздал их участникам заседания. «Господа, — сказал он, — вот вам чистые листки бумаги. Пожалуйста, изложите на них свои пожелания. Напишите, какие минимальные требования, на ваш взгляд, следует предъявлять к старшему полицейскому советнику».

Затем Энгл собрал бумажки. В одной из них было написано, что такой человек должен быть молодым и выносливым, учитывая, что его ожидает довольно тяжелая работа. В другой указывалось, что кандидат должен иметь диплом об окончании колледжа, желательно по общественным наукам. В третьей требовалось, чтобы он знал хотя бы один иностранный язык, в четвертой — чтобы прошел курс военной подготовки.

Энгл суммировал все эти требования и сказал: «Господа, если сложить все ваши требования, получается, что кандидат должен иметь по меньшей мере 90-летний стаж работы. И при этом, как все вы требуете, его возраст не должен превышать 35 лет».

Члены комиссии (а все они и сами были опытными бюрократами) поняли, что имеют дело с мастером своего дела. Ну хорошо-хорошо, проворчали они, вы в этом разбираетесь лучше нашего. После чего Энгл стал единолично решать все вопросы, связанные с отбором кандидатов.

Следующей проблемой, решение которой Энгл временно отложил, было создание полицейской школы. Государственный департамент и до этого приглашал на учебу перспективных молодых полицейских из-за границы. Но как только те приезжали в Соединенные Штаты, их, как правило, отправляли в Канзас-Сити, где вся их «учеба» сводилась к тому, что те просто торчали в каком-нибудь полицейском участке.

Для полицейских из стран Латинской Америки была создана Межамериканская полицейская школа. Теодор Браун, бывший начальник полиции в городе Юджин (штат Орегон), а затем директор программы Управления общественной безопасности на о-ве Гуам, был назначен начальником этой школы, которая разместилась в Форт-Дэвисе на Панамском перешейке. Капитаны и майоры полиции со всего континента (в основном из Центральной Америки) в течение двух-трех месяцев познавали там премудрости эффективного несения службы. После этого в течение одной-двух недель они изучали методы борьбы с повстанцами в расположенном неподалеку Форт-Галике. Однако офицеры полиции из крупных городов (особенно из Бразилии) считали курс подготовки в этой панамской школе оскорбительно примитивным. Кое-кого из них можно было еще умилостивить предложением остаться и поработать некоторое время инструктором. Большинство же предпочитало уехать и больше туда не приезжать.

Положение усугублялось еще и тем обстоятельством, что «группа К-Р» уже поднимала вопрос о слишком откровенном участии ЦРУ в подготовке иностранных полицейских кадров. Поэтому было решено перевести школу на территорию Соединенных Штатов. Гражданские органы могли бы тогда лучше контролировать ее работу. Из Панамы уже стали поступать сообщения о грубых методах обучения, которые вряд ли допускались в самих Соединенных Штатах.

В ответ на эти обвинения ЦРУ разработало опровержение, которое было использовано в несколько измененном варианте позже, когда об этом стали писать газеты. «Начиная с 1955 года и по сей день, — говорилось в опровержении Байрона Энгла, — мы в Панаме обучали безопасным для жизни методам борьбы с беспорядками. До этого полиция в латиноамериканских странах была вооружена автоматами. Это приводило к тому, что ежегодно на улицах городов гибли люди. Нам это не нравилось, поэтому мы предложили использовать вместо автоматов слезоточивый газ, рассказав при этом о его преимуществах. Слезоточивый газ, конечно, удовольствия не доставляет, но он не смертелен, и его можно смыть».

В августе 1962 года Джон Кеннеди утвердил доклад «группы К-Р», однако и через год после этого полицейская школа в Панаме все еще функционировала, выпуская 700 человек в год. Требования перевести школу на территорию Соединенных Штатов становились все настойчивее. Энгл пытался объяснить задержку тем, что подыскать подходящее для этого здание было не так уж просто. В Японии, например, он размещал свои школы в разрушенных бомбардировкой зданиях, в Вашингтоне же таких зданий не было. Он лично осмотрел домов 80, прежде чем нашел на окраине Джордж-тауна старое трамвайное депо.

Строению этому было уже более 200 лет. Когда-то там размещался табачный склад, но потом здание стали использовать как трамвайное депо федерального округа Колумбия. О. Рой Кларк, владелец трамвайных линий, часть нижнего этажа собирался оставить себе, чтобы разместить там юридическую контору. Подвальные помещения были идеальным местом для стрельбища, а три оставшиеся этажа этого добротного здания из красного кирпича прекрасно подходили для размещения там учебных классов.

4 Зак. 1858

Стремясь обеспечить тылы, Энгл позвонил Майклу В. Форрестолу, который служил тогда у Макджорджа Банди в Белом доме и входил в состав комиссии Джонсона. Учитывая близость Форрестола к президенту, можно было не сомневаться, что, если он сам одобрит выбор места, никто из членов комиссии не осмелится сказать «нет».

Они тщательно осмотрели помещение. Огромные лифты, поднимавшие трамваи наверх, все еще оставались на месте.

Было ясно, что предстояло немало потрудиться, прежде чем бывшее депо превратится в некое подобие школы. Но Форрестол, в свои 36 лет хотевший казаться важным и умудренным опытом человеком, сказал: «У вас молодые и крепкие парни. Сил у них столько, что девать некуда. Сами все и приведут в порядок». И, помолчав немного, продолжил: «Сколько воспоминаний связано у меня с этим местом. Помню, не раз мне крепко влетало здесь за то, что без спросу катался с горы».

Только тогда Энгл вдруг понял, что выбранное им место находится рядом с особняком Джеймса Форрестола, министра обороны в администрации Гарри Трумэна. Именно там жил он незадолго до того, как кошмары «холодной войны» окончательно замутили ему разум и он покончил с собой.

Энгл пригласил к себе 20 инструкторов из Межамериканской полицейской школы, которые составили костяк преподавательских кадров его нового детища. Все они говорили по-испански, а это было весьма важно, так как Латинская Америка по-прежнему оставалась в центре внимания Вашингтона.

С большой неохотой и ворчанием выделил для школы своего человека и Эдгар Гувер.

Хотя решение о выводе полицейской школы из зоны Панамского канала было принято чуть ли не год назад, его фактическое осуществление затянулось и совпало с беспорядками в Панаме в 1964 году. В ночь, когда был убит один панамец, тамошний американский полицейский советник позвонил Энглу и сказал: «Ну вот, теперь у них есть мученик».

Среди идеологов ЦРУ широкое распространение получила теория о том, будто марксисты (и вообще все те, чьи интересы враждебны интересам США) применяют стандартный метод агитации, распространяемый ими по всему миру. Он состоит в следующем: для начала необходимо

сделать так, чтобы один из демонстрантов был убит во время беспорядков. (Вот почему Энгл рекомендовал полицейским из других стран воздерживаться от применения штыков: в сутолоке коммунистам ничего не стоило толкнуть одного из демонстрантов на штык.) Затем надо завладеть телом погибшего мученика и пронести его по улицам, организовав публичные похороны, а затем и поминовение.

Примерно в то же время, когда Дэн Митрионе отправился в Вашингтон для прохождения весьма поверхностного курса обучения, другой человек, помоложе, заканчивал свой, гораздо более углубленный курс. Он тоже готовился к отъезду в Латинскую Америку. Разница в их подготовке отражала разную для Вашингтона ценность обыкновенного полицейского средних лет из штата Индиана и перспективного выпускника колледжа, завербованного ЦРУ. Но тогда до зачисления его в штат оставалось еще четыре года.

В апреле 1956 года один из сотрудников ЦРУ прибыл в Саут-Бенд (штат Индиана), чтобы познакомиться со старшекурсником Нотрдамского университета Филипом Бэрнеттом Франклином Эйджи, изучавшим философию. В ЦРУ считали, что тот мог оказаться весьма полезным для них человеком. Эйджи был из обеспеченной католической семьи, проживавшей в Тампе (штат Флорида). Один общий друг их семьи уже работал в ЦРУ. Сам Эйджи был способным студентом, несколько мрачноватым и чуть надменным. Однако последнее в его характере отнюдь не закрывало дорогу в такое учреждение, как ЦРУ, учитывая тамошний контингент.

Хотя президент Эйзенхауэр и удерживал страну от вступления в войну, от службы в армии он никого не освобождал. Учитывая это, вербовщик из ЦРУ предложил Эйджи способ избежать весьма скучной перспективы в течение двух лет чистить на армейской кухне картошку. Если он согласится лишний годик прослужить в ВВС, его можно будет зачислить потом офицером в одно из подразделений, которое было «крышей» для ЦРУ. С разрешения командования ВВС он будет носить офицерскую форму и одновременно начнет карьеру в управлении. Правда, как потом узнал Эйджи, никто из сотрудников ЦРУ не называл это учреждение «управлением». Для них оно было «фирмой».

Как только срок службы в ВВС подошел к концу, Эйджи был переведен в Вашингтон, где стал изучать испанский язык, проблемы коммунизма и советскую внешнюю политику. Ему пришлось усваивать полные и сокращенные названия различных подразделений и отделов: отдел текущей разведки, отдел базовой разведки, оперативный отдел, отдел тайных операций (самый интересный для честолюбивых сотрудников) и его подотдел психологической войны и полувоенных служб.

По завершении учебы почти все слушатели направлялись на оперативную работу на местах. Для получения дальнейших инструкций их посылали сначала на таинственный полигон, называвшийся «фермой». Как потом выяснилось, она находилась в Кэмп-Пиэри в 24 километрах от Вильямсберга (штат Вирджиния).

Офицер-инструктор предупредил, что среди них будут и иностранцы, которые не должны даже знать, что находятся в Соединенных Штатах. Их называли «черными» и держали подальше от таких, как Эйджи.

Подготовка была сопряжена с немалыми физическими нагрузками: гимнастика, самооборона и отработка приемов, позволяющих калечить и убивать людей голыми руками. (Последнее было введено, видимо, для того, чтобы внести в занятия некую «изюминку».) В основном же слушатели отрабатывали приемы получения информации от иностранных агентов (часто офицеров разведслужб самой принимающей страны).

К июлю 1960 года курс подготовки Эйджи в Кэмп-Пиэри был расширен и включал теперь обучение использованию всевозможных технических средств для подслушивания телефонных разговоров, взламывания сейфов и подбора отмычек. Его познакомили с самыми современными подслушивающими устройствами, включая те, что используют инфракрасные лучи для фиксации колебаний оконной рамы, вызванных человеческим голосом. На «ферме» Эйджи также узнал, что некоторые иностранные полицейские и разведывательные службы настолько беспомощны, что правительству США приходится им помогать. Управление международного сотрудничества направляло в такие страны специалистов из Управления общественной безопасности, которые работали совместно с их национальными полицейскими ведомствами. Такого рода деятельность была «крышей» для некоторых сотрудников ЦРУ. Все другие полицейские советники (т. е. не связан-

ные с «фирмой») не должны были знать ничего о тайных операциях своих коллег.

Когда обучение на «ферме» было завершено, непосредственный шеф Эйджи из ЦРУ настоятельно рекомендовал ему проситься в Латинскую Америку — регион, в котором влияние Кубинской революции заставляло ЦРУ расширять свои операции. Эйджи, однако, мечтал о Вене или Гонконге. Западное полушарие было наименее престижным регионом для «оперативников». Когда в 1947 году создавалось ЦРУ, целый ряд бывших агентов ФБР, выслеживавших нацистов в Аргентине и Бразилии, перешел на службу в разведуправление, и Эйджи было как-то неловко заниматься вместе с ними работой, называвшейся секретной.

Познакомившись с отделом Западного полушария ЦРУ поближе, Эйджи еще сильнее утвердился в своих сомнениях. Он увидел, что большинство сотрудников совершенно не интересуются ни историей, ни культурой Латинской Америки. Свободное владение испанским ценилось у них довольно высоко, но лишь потому, что без этого трудно было работать. На таком фоне Эйджи сразу же стал выделяться. Он всерьез отнесся к новому назначению и тут же засел за книги по Латинской Америке. Более опытные сослуживцы поспешили заверить его, что для успешной работы в любом месте достаточно иметь несколько хорошо законспирированных связных.

В августе 1960 года Эйджи наконец узнал, что его непосредственный начальник утвердил его назначение в Эквадор. Руководство уже подыскивало для него преподавателя испанского языка для срочного прохождения полного курса, с тем чтобы как можно быстрее отправить Эйджи в Кито. Его «крышей» будет должность атташе в политическом отделе посольства США. Это назначение было своего рода авансом в счет будущих успехов Эйджи. Из его группы только он и еще один слушатель получили назначение досрочно, причем его сослуживец направлялся всего лишь в Нью-Йорк: под «крышей» сотрудника государственного департамента Кристофер Торон должен был работать в представительстве США при ООН.

Наконец в декабре 1960 года Фил Эйджи и его жена Джанет вылетели первым классом из Вашингтона в Кито и прибыли туда в самый разгар фиесты по случаю Дня независимости Эквадора. Первый рабочий день Эйджи был довольно суматошным. Он успел побывать на корриде (эта бойня ему совсем не понравилась), а вечером вместо

с Джанет и Джимом Нолендом (начальником «станции» ЦРУ в Эквадоре) отправился на вечеринку к одному богатому эквадорцу, контролировавшему все кинотеатры страны. В тот вечер собрались, как ему показалось, одни богачи, которые к тому же были в родственных отношениях друг с другом. Эйджи имел возможность встретиться там с очень ценным человеком, племянником президента Эквадора и тайным агентом ЦРУ.

Хорхе Акоста Веласко (так звали этого человека) недавно доказал свою ценность, передав на «станцию» информацию, связанную с сотрудником ЦРУ Робертом Уэзеруаксом, работавшим в Кито под «крышей» советника Управления общественной безопасности. Уэзеруакс в свое время завербовал шефа разведслужбы Эквадора, который затем был арестован как главарь подпольного общества молодых полицейских офицеров. Тогда Уэзеруакс временно исчез с горизонта, дабы не быть запятнанным в связи с разоблачением своего протеже. Теперь, однако, опасность миновала, и Акоста сообщил ЦРУ, что Уэзеруакс может вернуться в страну.

Этот столь насыщенный событиями день подходил к концу. В комнате, где собралось столько элегантных мужчин и роскошно одетых женщин, Фил Эйджи был далеко не последним человеком. Все эти люди сами хотели с ним ладить. Что же касается других эквадорцев, попроще, то для них у него в письменном столе был припасен целый ящик денег. Они предназначались для взяток и подкупа. Были еще, правда, и индейцы. Но разве кто-нибудь принимает их в расчет?

Весь мир Эйджи, возможно, еще и не покорил, но Эквадор был уже у него в кармане. А в 26 лет это не мало.

В то время как Дэн Митрионе делал первые робкие шаги на политической арене, разрешив Ханке обслуживать гостей на обеде в честь Джона Кеннеди в Ричмонде, Линкольн Гордон, сокурсник будущего президента, старался держаться подальше от любой политической деятельности. Этой своей стратегией он в конечном итоге и был обязан своим назначением на пост посла США в Бразилию.

Начиная с 1955 года, Гордон вел курс мировой экономики в аспирантуре Гарвардского университета (кафедра международной торговли и управления). Он испытывал особую гордость от того, что стоял в стороне от острой по-

литической борьбы в штате Массачусетс. В течение всего 1960 года он ни разу не встречался с Джоном Кеннеди и не принимал никакого участия в проводимой им предвыборной кампании.

Главным в жизни Гордона было, пожалуй, то обстоятельство, что он родился вундеркиндом. В Гарвардский университет он поступил рано и окончил его за три года. Тогда ему было 19 лет. За время учебы он выработал в себе феноменальную способность запоминать всевозможные мелочи и детали и вскоре заработал себе репутацию человека, который может битый час отвечать на простейший вопрос. Когда как стипендиат Родса он продолжил учебу в Баллиольском колледже в Оксфорде, от этой своей юношеской потребности блистать ему наконец удалось избавиться. Но он по-прежнему оставался чрезвычайно разговорчивым человеком, готовым без конца что-то кому-то объяснять.

После Оксфорда Гордон стал делать карьеру, причем довольно удачно. Сначала преподавал в Гарварде, а затем поступил на государственную службу. Хотя он и занимал довольно ответственные посты, самым главным Гордона назначали редко. Он был помощником Пола Хоффмана в управлении, проводившем в жизнь план Маршалла, затем входил в состав американской делегации в Комиссии ООН по атомной энергии. Во время президентства Эйзенхауэра работал консультантом при НАТО, но занимался невоенными проблемами.

Когда на пост президента США был избран Джон Кеннеди, штат преподавателей в Кембридже стал быстро редеть. Хотя к Гордону никто пока не обращался, он не унывал и смотрел в будущее с оптимизмом. В ожидании приглашения от имени президента, он принялся выбирать должность, которая лучше всего отвечала бы его собственной оценке своей персоны. Его устраивали лишь три назначения. Но на пост помощника министра обороны по вопросам международной безопасности уже был назначен Пол Генри Нитце, а должность заместителя государственного секретаря по экономическим вопросам занял Джордж Болл. Оставался лишь пост советника по вопросам национальной безопасности. Но и этот пост достался не ему, а Макджорджу Банди. Хотя последний был младше Гордона всего на шесть лет, того вполне резонно можно было считать его протеже, поскольку именно Гордон после войны пригласил Банди служить в составе оперативной

группы, занимавшейся проведением в жизнь плана Маршалла.

Какое-то время казалось, что Гордон так и останется на кафедре международной торговли и управления в Кембридже, где будет по-прежнему мучиться над двухтомным исследованием капиталовложений в экономику Бразилии. Однако неожиданно явился спаситель. Им был своевластный Адольф Бэрли. Еще до вступления в должность Кеннеди создал оперативную группу по делам Латинской Америки, которая должна была разработать генеральный внешнеполитический курс США в этом регионе. Группу возглавил Бэрли. Гордон считал, что, как и все низкорослые мужчины, тот страдал манией величия, но к его своеправию он уже привык. Бэрли пригласил Гордона к себе и спросил:

—Соренсон вам уже сказал об этом?

Гордон сразу понял, о чем пойдет речь, но все же переспросил:

— О чем?

— Ну, не притворяйтесь. Вы же знаете. Сейчас говорят о многих и о многом, но есть лишь одна оперативная группа, и возглавляю ее я.

Бэрли тут же предложил Гордону войти в состав группы в качестве экономиста. Тот запротестовал со всей искренностью, на какую был только способен, сказав, что, хотя и занимается Бразилией, в проблемах Латинской Америки разбирается плохо и что есть немало более достойных людей, посвятивших этому всю жизнь. Бэрли все же убедил его, что работа в составе группы не отнимет у него много времени. Закончилось все это тем, что Линкольн Гордон дал себя уговорить и вместе с другими вскоре приступил к разработке политики «новых рубежей».

В ходе предвыборной кампании помощники Джона Кеннеди рекомендовали ему выработать в отношении Латинской Америки конкретную и инициативную политику и постараться дать ей звучное и привлекательное название (нечто похожее на провозглашенную Франклином Рузвельтом «политику добрососедства»). Разработка такого курса была поручена Ричарду Н. Гудуину, человеку, удивительно тонко чувствовавшему настроения Кеннеди и предугадывавшему его желания. Однажды, разъезжая по Техасу в ходе предвыборной кампании, Гудуин подобрал выброшенный кем-то журнал «Alianza» («Союз»), издающийся в Таксоне. Название ему так понравилось, что он

сказал об этом Кеннеди, и тот согласился, что для начала это неплохо.

Один кубинец, порвавший с Кастро и поступивший на службу к американцам, предложил два варианта: «Союз в целях развития» и «Союз ради прогресса». Первый вариант был сразу же отвергнут, поскольку Гудуин был уверен, что его шеф никогда не справится с испанским словом «desarrollo». Оставался второй вариант. Гудуин попытался было укоротить название, убрав артикль перед словом «прогресс» в испанском названии, однако против этого возразило Информационное агентство США, заявив, что к югу от границ Соединенных Штатов есть немало пуристов, которые будут настаивать на соблюдении правил грамматики.

Риторика была «коньком» Гудуина, и он тут же принялся сочинять для президента речь, которая соответствовала бы такому красивому названию.

Когда речь была готова, он попросил Гордона посмотреть, нет ли там смысловых ошибок или неточностей. Тот прочитал речь и стал решительно возражать против фразы, в которой Гудуин обещал, что через 10 лет разрыв в уровне экономического развития США и стран Латинской Америки исчезнет. Гордон сказал: «Дик, но это же просто смешно. Конечно, если Штаты будут вовсю стараться развалить свою экономику, они, возможно, и придут к этому. В противном же случае...»

И все же это нереалистическое обещание осталось во всех восьми черновых проектах. Оно не было вычеркнуто и в последнем варианте, который был представлен Гудуином и Гордоном новому президенту. Кеннеди, умевший читать с невероятной скоростью, быстро пробежал глазами весь текст, вызвав немалое удивление Гордона, и спросил:

— Что скажете?

— Там есть одна фраза, — ответил Гордон, — которую я хотел бы убрать.

— Какая именно?

Гордон показал. Кеннеди вопросительно взглянул на Гудуина.

— Линк, конечно, прав, — сказал тот. — Но ведь это одни слова. И потом, через 10 лет мы все равно уже будем не у власти.

Когда президент зачитывал речь перед послами латиноамериканских стран, Гордон с облегчением вздохнул.

когда услышал, что тот, дойдя до злополучного места, опустил оскорбительную фразу.

В течение первых месяцев участия в разработке политики «новых рубежей» Гордону намекнули, что он будет назначен новым послом США в Бразилии. Поэтому, стремясь подготовить себя к этой работе, он стал штудировать соответствующую литературу. Анализ данных американской разведки показывал, что в то время Вашингтон больше всего беспокоила возможность коммунистического проникновения в Бразилию.

Когда-то положение там было совершенно иным. Во время второй мировой войны президентом Бразилии был диктатор Жетулиу Дорнелас Варгас, доказавший свою преданность Соединенным Штатам тем, что послал бразильский экспедиционный корпус сражаться против фашизма в Италии и разрешил Соединенным Штатам построить огромные военно-воздушные базы на северовосточном побережье Бразилии.

Варгас пришел к власти в 1930 году, воспользовавшись народным восстанием, которое возглавили владельцы кофейных плантаций, недовольные падением мировых цен на кофе. Сформировав военную коалицию, способную противостоять индустриальной мощи штатов Минас-Жерайс и Сан-Паулу, он сверг тогдашнего президента и стал диктатором.

Франклин Рузвельт, который вступил в должность президента США через три года, нашел в лице Варгаса сговорчивого коллегу, который тоже приступил к осуществлению программы вывода страны из глубокого кризиса путем увеличения дефицита платежного баланса. Варгаса и его нового друга в Вашингтоне сближали и другие общие черты личного характера. Обе ноги у диктатора были сломаны в результате несчастного случая, когда на его автомашину упала обвалившаяся скала. Варгас рано женился и имел пятерых детей. Все восхищались его женой Доной Дарси, хотя ни для кого не было секретом, что жили они отдельно, а злые языки говорили даже, что в свои 70 лет Варгас все еще раз в неделю встречался с любовницей.

Как-то в беседе с Варгасом Рузвельт сказал, что лично он никогда бы не потерпел, чтобы иностранные компании столь бесконтрольно хозяйничали у него в стране. Казалось, намек был достаточно прозрачен. В 1938 году правительство Мексики, например, национализировало аме-

риканские нефтяные компании, в результате чего их владельцы попросили Вашингтон применить оружие. В свое время Теодор Драйзер так объяснял их мотивы: «В основе интервенции со стороны Соединенных Штатов лежит следующий принцип: если кто-то из американских граждан приобретает собственность на территории другой страны, то эта собственность не должна больше подпадать под ее юрисдикцию». Ответ администрации Рузвельта носил чисто правовой характер: она вступила в переговоры о долгосрочном урегулировании. Учитывая это, Варгас мог бы экспроприировать предприятия добывающей промышленности в Бразилии, находившиеся в руках американских монополий. Однако он этого не сделал, хотя впоследствии и принял меры к тому, чтобы другие отрасли промышленности Бразилии не оказывались под столь жестким контролем иностранцев.

За время своего 15-летнего правления Варгас подавил несколько вооруженных восстаний. В 1932 году против него выступил «средний класс» Сан-Паулу. В 1935 году восстали коммунисты. Варгас ответил на это запрещением коммунистической партии и заточением в тюрьму ее генерального секретаря Луиса Карлоса Престеса. В 1938 году «интегралисты» (бразильские фашисты) безуспешно пытались штурмом взять президентский дворец.

Принципы демократии были чужды Варгасу. Диктатор запретил печатать в газетах само слово «демократия», которое он считал подстрекательским. И все же к концу второй мировой войны в стране все громче стали раздаваться призывы вернуться к принципам парламентской демократии. Офицерский корпус, некогда посадивший Варгаса в президентское кресло, теперь сверг его и призвал к проведению президентских выборов.

Принципы демократического правления были вновь восстановлены в Бразилии, правда, с помощью армии. Генералы еще раз продемонстрировали, что серьезно относятся к установленному еще португальским императором праву быть высшим арбитром в государственных делах.

Хотя ценз грамотности лишал большинство бразильцев права на участие в выборах, на политическую арену быстро выдвинулись три основные политические партии. Наиболее популярным был консервативный альянс. Промышленники и латифундисты, составлявшие ядро этого альянса, называли себя социал-демократами. Следующим

по силе был Национал-демократический союз, состоявший из противников Варгаса из числа правых и представителей «среднего» класса. Затем следовала рабочая партия — Бразильская трабальистская партия. В тот период на легальное положение вышла и четвертая политическая партия — Бразильская коммунистическая партия. Однако это продолжалось недолго. Уже в 1947 году, когда Бразилия порвала дипломатические отношения с СССР, БКП была объявлена вне закона.

Латифундисты из Социал-демократической партии и члены трабальистской партии помнили, что многим они были обязаны Варгасу. Вступив в коалицию, они стали укреплять свои позиции. В 1950 году коалиция стала настолько сильной, что сумела вернуть престарелого диктатора на пост президента, но уже путем законных выборов.

Варгас вскоре понял, что управлять страной теперь стало намного сложнее. Поскольку ограничения не распространялись на деятельность прессы, ему приходилось ежедневно отбивать наскоки своих политических противников. Один из них — молодой журналист Карлос Ласерда — сыграл решающую роль в судьбе Варгаса.

Ласерда умел подвергать противников уничтожающей критике, и его выпады против президента становились все ожесточеннее. В конце концов Варгас и его окружение решили, что дальше терпеть нельзя, пора положить этому конец. Как-то вечером в августе 1954 года близкий друг Ласерды, офицер, был убит прямо у дома, где жил журналист. Вскоре выяснилось, что к убийству причастен один из тайных агентов Варгаса, которого называли «черным ангелом смерти».

Разразился громкий скандал. Преимущество Ласерды состояло в том, что он не только выступил в роли мученика, но и оставался живым. Варгас понял, что на должности президента оставаться больше не может, и решил уйти с политической сцены. Но сделал он это так, как не делал еще ни один из его североамериканских коллег: 24 августа 1954 года он покончил жизнь самоубийством.

После себя он оставил удивительный документ, одновременно и смелый, и вызывающий жалость. В своей смерти он винил внешние силы. Это они сделали его жизнь невыносимой. «Иностранные компании получают прибыли, достигающие 500 процентов. Произвольно определяя цену импортируемых товаров, они присвоили уже более ста миллионов долларов государственных денег».

Варгас, сын пампас Рио-Гранде-ду-Сул, повинуясь требованиям кодекса чести гаучо, закончил свою предсмертную записку словами: «Смиренно и спокойно я встаю на стезю, ведущую в вечность. Я ухожу из жизни, чтобы войти в историю».

После очередных выборов в 1955 году президентом Бразилии стал политический деятель по фамилии Жуселину Кубичек. Весь период его пребывания у власти был отмечен все теми же проблемами: растущей инфляцией и падением мировых цен на кофе. Снижение этих цен всего на один цент за фунт оборачивалось для Бразилии потерей 25 миллионов долларов. Кубичек стал привлекать иностранный капитал, предоставляя ему такие льготы, какие были немыслимы даже при Варгасе. Новый президент отменил всякие ограничения на максимальную прибыль и разрешил иностранцам переправлять ее на родину. Они получили право ввозить в Бразилию промышленное оборудование без всякой пошлины. Когда иностранный предприниматель основывал новую компанию, ему не нужно уже было передавать часть акций под контроль местного капитала. Все это привело к тому, что в 1959 году министерство торговли США могло с полным основанием констатировать, что в Бразилии обеспечены лучшие в мире условия для помещения иностранного капитала.

За такую политику Бразилии пришлось жестоко расплачиваться. Один местный экономист, Еужени Гудин, подсчитал, что, предоставляя иностранным капиталистам налоговые льготы и оказывая им всяческое содействие в размещении своих предприятий в Бразилии, режим Кубичека подарил им один миллиард долларов. При этом необходимо отметить, что Гудин отнюдь не придерживался левых взглядов. Другое исследование показало, что привилегии, предоставленные таким автомобильным концернам, как «Фольксваген», «Мерседес-Бенц», «Дженерал моторс» и «Форд», в денежном исчислении составляли сумму, равную национальному бюджету Бразилии. Именно в тот период (конец 50-х годов) министры Кубичека прекратили финансирование «Нэшнл мотор компани» — одного из немногих государственных предприятий, созданных еще при Варгасе.

Многие бразильцы считали, что программа иностранной помощи, проводившаяся при Эйзенхауэре, и даже программа помощи в рамках «Союза ради прогресса», была сплошным обманом, поскольку суммы, вывозившиеся из

Бразилии в виде доходов, дивидендов и вознаграждений, в пять раз превышали суммы, ввозимые в страну в качестве прямых капиталовложений. Они даже шутили, что не Соединенные Штаты оказывают иностранную помощь Бразилии, а наоборот.

Но несомненным было и другое: приток иностранного капитала способствовал бурному росту страны, и Кубичек в ознаменование этого создал символ — новый город, названный Бразилиа.

На протяжении многих десятилетий наиболее дальновидные государственные деятели повторяли, что, если Бразилия будет и впредь состоять лишь из горстки крупных городов, разбросанных вдоль узкой прибрежной полосы, за которой простираются бескрайние джунгли, великой державой ей не бывать никогда. В Северной Америке широкие равнины были достаточно привлекательной приманкой для новых поселенцев. Бразильцы же нуждались в собственном стимуле, в доказательстве того, что страна твердо встала на курс развития. Им нужна была столица, расположенная в глубине страны, подальше от соблазнов Рио-де-Жанейро.

Все знали, что Рио мешал бразильцам трудиться добросовестно. Рассказывали, что автобусные маршруты в этом городе никогда не пролегали в непосредственной близости от Копакабаны, так как белый песок протянувшихся до горизонта пляжей был столь сильным соблазном, что ехавшие на работу служащие выскакивали из автобусов и устремлялись к воде и солнцу.

Когда Кубичек приступил к строительству новой столицы, валовой национальный продукт стал возрастать на 7 процентов ежегодно, что было весьма неплохим показателем. Но в этом, казалось бы, гармоничном союзе бразильских политиков и иностранного капитала было немало негативных сторон. Росла инфляция, что угрожало обесцениванию иностранных капиталовложений. Кроме того, Кубичек (как и его предшественник Варгас) оказывал крупным владельцам кофейных плантаций государственную финансовую помощь и совершенно игнорировал нужды крестьян за пределами промышленных центров. Такое безразличие правительства к их судьбе привело к целому ряду выступлений протеста в засушливых и бедных районах на северо-востоке страны.

В Вашингтоне эти выступления были восприняты как радикальные и опасные.

По мере приближения выборов все серьезнее становилась и другая проблема. Избирательный закон в Бразилии запрещал переизбирать президента на новый срок. Кроме того, кандидаты в президенты не имели права лично назначать кандидата на пост вице-президента (как это делается в США). В Бразилии вице-президентом становится тот кандидат в президенты, который по числу поданных за него голосов оказывается на втором месте. Когда в свое время победу на выборах одержал Кубичек, Жоао Гуларт (фермер с юга Бразилии) набрал после него наибольшее число голосов и стал вице-президентом.

Варгас просто обожал Гуларта, и это дало повод злым языкам утверждать, будто тот был его внебрачным сыном. Даже в этой самой большой по площади католической стране самоубийство лишь укрепило популярность Варгаса. К большому своему неудовольствию, Вашингтон вскоре понял, что Гуларт вполне может победить на предстоящих выборах.

Проблема эта имела идеологическую окраску. Занимая в правительстве Варгаса пост министра труда, Гуларт активно способствовал проведению реформ. В некоторых донесениях американских разведслужб говорилось, что тот опасно открыт коммунистическому влиянию. Но и другая кандидатура на пост президента была не лучше. По мнению Вашингтона, Жанио Куадрос был также подвержен этому влиянию. Взвесив все «за» и «против» этих двух далеко не лучших для Вашингтона кандидатур, американское правительство все же сделало свой выбор. В посольстве США бразильским журналистам намекнули, что Вашингтон больше устраивает кандидатура Куадроса.

На посту губернатора Сан-Паулу Куадрос добился уважения со стороны простых людей. Развернув предвыборную кампанию, он стал настойчиво заверять избирателей, что никогда не был и не будет плутократом, и 48 процентов избирателей ему поверили. Это был самый высокий процент голосов, поданных за кандидата на пост президента за всю историю страны. Жоао Гуларт был вновь избран на пост вице-президента (он выступал кандидатом от трабальистской партии).

Вступив в должность, Куадрос стал действовать весьма решительно. Прежде всего он резко девальвировал крузейро (денежную единицу Бразилии). Это, разумеется, больше понравилось иностранному капиталу, чем самим бразильцам, которым пришлось теперь жить на урезанные

доходы. Объявив войну всякому проявлению безнравственности, он запретил появляться на пляжах Рио в бикини, хотя эта мера и не возымела должного действия.

Несколько визитов за границу убедило Куадроса в том, что страны «третьего мира» должны воздержаться от прямого участия в конфронтации между капитализмом и социализмом. В результате он попытался отмежеваться от «холодной войны». Общественное мнение, судя по всему, поддержало это начинание. Один из опросов показал, что 63 процента бразильцев выступали за нейтралитет. Но эти опросы выявили и другое: они показали, что, чем выше у человека доход, тем более теплые чувства тот испытывает к Соединенным Штатам.

Все обвинения о смещении своей политики ближе к центру Куадрос отметал, заявляя, что Бразилия проводит теперь твердый политический курс и достаточно крепко стоит на ногах, чтобы принимать самостоятельные решения. И все же он не мог оградить себя от недовольства Вашингтона и острых выпадов со стороны Карлоса Ласерды.

Консервативная пресса все усиливала критику президента. Под ее натиском Куадрос вынужден был запереться в президентском дворце, изолировав себя тем самым от естественных своих союзников и лишив себя возможности прийти к какому-то взаимопониманию с коалицией Варгаса. Под влиянием левых Куадрос предложил законопроект, в соответствии с которым налоги на иностранные компании поднимались до 50 процентов. Когда Эрнесто Че Гевара прибыл в Уругвай для участия в конференции Организации американских государств, Куадрос пригласил его заехать в Бразилию на обратном пути на Кубу.

На конференции, проходившей в курортном городке Пунта-дель-Эсте, Ричард Гудуин (тот, который обещал покончить с экономическим разрывом между Северной Америкой и Южной) встретился с человеком, преисполненным решимости заставить его сдержать свое обещание. К моменту конференции ОАГ отношения между Соединенными Штатами и Кубой резко ухудшились (лишь за четыре месяца до этого Вашингтон предпринял попытку свергнуть правительство Кастро). Вот почему Гудуин никак не предполагал, что получит у себя в номере шкатулку из полированного красного дерева с инкрустированным кубинским гербом, наполненную знаменитыми кубинскими сигарами — товаром, который теперь все больше возрастал в цене в Соединенных Штатах. В шкатулке бы-

ла записка: «Поскольку поздравительной открытки под рукой нет, приходится писать самому. Поскольку же писать своему врагу трудно, ограничусь тем, что подам руку».

Гудуин привез потом сигары в Белый дом и предложил их президенту. Тот взял одну и закурил. Сделав несколько затяжек, он вдруг сказал: «Вообще-то первую сигару вам следовало закурить самому».

Гудуин рассказал об этом эпизоде через семь лет, когда уже не было в живых ни Джона Кеннеди, ни Че Гевары (тот был убит в Боливии, когда попал в засаду, устроенную не без помощи американских специальных частей). Еще через семь лет стало ясно, что у Фиделя Кастро было гораздо больше, чем у Кеннеди, оснований остерегаться всякого рода подарков, учитывая неоднократные покушения на жизнь и достоинство кубинского руководителя со стороны ЦРУ.

Гудуин и Че Гевара встретились в Пунта-дель-Эсте ночью и беседовали несколько часов. По словам Гудуина, Гевара сказал, что скоро в Латинской Америке «произойдут либо революции левых, либо перевороты правых, которые все равно приведут к приходу к власти левых, и что сейчас сложились благоприятные условия для победы коммунистов на всеобщих выборах». Вспоминая об этом за два года до победы на выборах Сальвадора Альенде в Чили, Гудуин добавил: «Но ни одно из этих предсказаний не сбылось».

Че Гевара предложил ряд мер, направленных на ослабление напряженности в отношениях между двумя странами, включая обещание выплатить компенсацию за экспроприированное Кубой имущество американцев. Таким образом, по окончании конференции ОАГ в Уругвае для встречи с Куадросом в Бразилию вылетел человек, который отнюдь не был непримиримым врагом США.

В ходе визита Че Гевары Куадрос подтвердил независимость и самостоятельность своего политического курса и наградил кубинца одним из высших орденов республики — Крузейру-ду-сул (Южный крест). Возможно, сам Гевара и не придал этому особого значения, но Карлос Ласерда счел награждение оскорбительным для Бразилии и разразился гневной тирадой в адрес президента. Выступая по телевидению, он обвинил министра юстиции в правительстве Куадроса в подготовке переворота, цель которого — предоставить президенту чрезвычайно широкие

полномочия. «Человек, которого мы избрали, не хочет быть президентом, — сказал Ласерда, обращаясь к телезрителям через семь лет после того, как довел Варгаса до самоубийства. — Он хочет быть диктатором».

Ласерда выступал по телевидению в четверг. Когда в три часа дня в пятницу Куардос объявил о своем решении уйти в отставку, он, видимо, рассчитывал на то, что у бразильцев будет целый уикенд, чтобы хорошенько обо всем подумать и встать на его защиту. Но это всего лишь предположение. Обращение Куадроса к народу по тону очень смахивало на предсмертную записку Варгаса. Он сказал: «Я чувствую себя раздавленным. Против меня поднялись страшные силы. Я хотел, чтобы Бразилия оставалась для бразильцев, но в этой битве я столкнулся с коррупцией, обманом и трусостью, которые подчинили общие интересы аппетитам и амбициям узких группировок, включая иностранцев».

Политическое самоубийство Куадроса не вызвало у публики того сожаления и даже чувства вины перед ним, с каким была встречена весть о самоубийстве Варгаса. И тот и другой обвиняли в содеянном враждебные силы и интересы. Но после выступления Куадроса с заявлением об отставке его политические противники не без ехидства говорили, что внутри страны довольно трудно разыскать эти «враждебные» интересы. Что же касается интересов иностранных, то ими, безусловно, были «Хейг», «Тичерз» и «Джонни Уокер» *.

Куадрос получил лишь незначительную поддержку. Так, с просьбой вернуться к исполнению своих обязанностей к нему обратилось несколько профсоюзных лидеров. Прозрачные намеки президента на усиление иностранного влияния были восприняты несколько прямолинейно, и толпа забросала камнями американское посольство. Военные, однако, не мешкали и посадили Куадроса под домашний арест, лишив его тем самым возможности выступить с новыми речами и постараться добиться более широкой поддержки. Внимание бразильцев автоматически переключилось на преемника Куадроса, и теперь уже бывший президент вынужден был в отчаянии воскликнуть: «Где же те шесть миллионов, которые голосовали за меня?»

Трудно сказать, был ли в этом злой умысел, но перед заявлением об отставке Куадрос направил своего «левого»

* Названия популярных сортов виски. — *Прим. перев.*

вице-президента с визитом доброй воли в КНР. И вот теперь военные, взявшие на себя роль высшего политического арбитра, вновь должны были решать, следует ли позволить Жоао Гуларту вернуться на родину и занять пост президента. Военный министр Одилио Денис заявил, что Гуларт не должен этого делать. Министры родов войск согласились.

Временно исполняющий обязанности президента Раньери Мадзилли сообщил затем конгрессу о решении военных и предложил принять законопроект, который лишал бы Гуларта права вступать в должность президента. К тому же и прецедент уже был. Однако Гуларт, хоть и находился в это время на другом конце света, имел мощного союзника в лице своего шурина — Леонела Бризолы, занимавшего пост губернатора штата Рио-Гранде-ду-Сул.

Никто (и в первую очередь сам Бризола) не отрицал, что губернатор Рио-Гранде-ду-Сул тяготел к левым. На конференции в Пунта-дель-Эсте он призывал Бразилию присоединиться к Че Геваре и выступить против «Союза ради прогресса». Вместе с тем, занимая пост губернатора, он мог оказать давление на командующего 3-й армией, расквартированной в столице штата Порту-Алегри. Командующие трех других армий колебались.

В данной ситуации легко могла вспыхнуть гражданская война. Противники Гуларта обвиняли его в том, что он посадил коммунистов на ключевые посты в министерстве труда и в профсоюзах. Главная же опасность заключалась в другом. Армия, промышленники и иностранный капитал опасались, что, если Гуларт станет президентом, организованные в профсоюзы рабочие могут стать главной силой на политической арене в Бразилии. В соседней Аргентине Хуан Перон продемонстрировал еще более убедительно, чем Варгас, что бедняки могут оказаться надежной опорой для честолюбивого политического деятеля.

После десяти дней неизвестности и сомнений конгресс принял поправку, в соответствии с которой он трансформировался в некое подобие парламента. Гуларт, ожидавший своей участи в Париже, получил разрешение вернуться в страну и занять пост президента, полномочия которого теперь больше походили на полномочия премьер-министра. Как только военные дали понять, что согласны с таким компромиссным решением, Гуларт вылетел в Бразилию.

Как и следовало ожидать, этот политический скандал омрачил радость Линкольна Гордона, когда ему сообщили о назначении на пост посла США в Бразилии. Президент Кеннеди рекомендовал его кандидатуру сенату за день до отставки Куадроса.

Лорен Дж. Гоин, которого все звали просто Джек, еще в самом начале своего пребывания в Латинской Америке понял, как важно полицейскому советнику быть «симпатико». Вполне возможно, что умение располагать к себе людей давалось человеку от бога и научиться этому было просто невозможно. Но если латиноамериканцы замечали, что иностранец старается сделать все возможное, чтобы быть приветливым и добрым, они включали и его в свое определение «симпатико», даже если (как это было в случае с Гоином) иногда и проявлялась некоторая суровость его характера, свойственная американской нации.

Прежде чем приехать в 1960 году в Бразилию, Гоин возглавил первую группу американских полицейских советников в Индонезии, а затем вошел в состав другой такой же группы в Турции. А до этого он заведовал лабораторией криминалистики в Питтсбурге. Именно этот разносторонний опыт и побудил Байрона Энгла направить его в Рио в качестве советника по научным методам расследования.

Служебные дела как-то привели Гоина в штат Минас-Жерайс. Там он и познакомился с новоиспеченным коллегой — советником в Белу-Оризонти. Они долго толковали о службе, и Гоин воспользовался возможностью предупредить Дэна Митрионе об ожидавших того сложностях и опасностях. Гоин видел, как многие американцы не выходили из посольства и все свободное время проводили исключительно в компании соотечественников. Такие советники не надолго задерживались у Энгла.

Митрионе усвоил совет хорошо. Он и так старался работать добросовестно (как ни крути, а девять ртов прокормить было нужно). Даже если бы он и не был добросовестным по натуре человеком, его мало что удерживало в кругу соотечественников. Чиновники из государственного департамента часто разделяли точку зрения начальства, считавшего, что программа подготовки полиции не имеет никакого отношения к программе иностранной помощи, а возможно, и к самой Бразилии. Сотрудники ЦРУ, в лице

которых полицейский советник, казалось бы, должен был найти естественных союзников, часто давали понять, что если бывшие полицейские и были их партнерами, то всего лишь младшими.

Иногда граница между сотрудниками ЦРУ и полицейскими советниками проводилась более четко. Когда в 1960 году в Сан-Паулу прибыл Морис Э. Калфи, отставной полицейский из Лос-Анджелеса, ему тут же дали понять, что круг его обязанностей весьма ограничен. Калфи рекомендовали не совать нос в дела военной полиции, поскольку ею занималось ЦРУ. Его дело — гражданская полиция. Однако в Бразилии главным органом, следившим за соблюдением общественного порядка, была именно военная полиция, и Калфи понял, что его просто-напросто отстранили от сколько-нибудь полезной работы, поэтому, промучившись два года, он подал в отставку.

Отношение самих бразильцев к полицейским советникам было иным. Объяснялось это не только их традиционным гостеприимством, но и тем, что бразильцы могли получить чисто материальные выгоды от дружбы с ними. Янки привезли с собой горы различного оборудования, которым они буквально завалили своих местных коллег. Молодому и неискушенному бразильскому полицейскому достаточно было перелистать толстый каталог с описанием специальной радиоаппаратуры и приспособлений для снятия отпечатков пальцев, чтобы почувствовать себя если не прожженным детективом, то хотя бы профессионалом, способным задержать хитрого и коварного преступника.

Во всех латиноамериканских странах, и особенно в Бразилии, полицейские испытывали своего рода комплекс неполноценности. Платили им мало, семейственность и кумовство были само собой разумевшимися явлениями, а о престижности работы никто и не думал. Молодые бразильцы в Белу-Оризонти шутили: если ты недостаточно проворен, чтобы играть в футбол, недостаточно умен, чтобы поступить в университет, и недостаточно красив, чтобы играть в рок-группе, ты всегда можешь пойти в полицейские.

Бразильские чиновники признавали, что их полицейские не блистали особым умением и сноровкой, и все же они не могли удержаться от того, чтобы лишний раз не подразнить этих всесильных североамериканцев, приехавших сюда повышать эффективность их работы. Иногда

даже казалось, что не бразильцы, а американские советники выступают в роли учеников, поскольку их беспрестанно сравнивали и оценивали, используя при этом бразильские мерки. Какие же они все-таки? Требовательные? Мягкие? Умные? Скромные? Через несколько лет тысячи молодых лейтенантов и капитанов из США столкнутся с той же проблемой в Южном Вьетнаме.

Джек Гоин предупредил Митрионе, что не исключено вежливое подтрунивание над ним. Во избежание грубых промахов и просчетов все официальные переговоры Митрионе вел через переводчика, 19-летнего студента Рикарда Педро Нойберта. Тому все нравилось в семье Митрионе, особенно две его юные дочки, но он знал свое место и никогда даже не пытался познакомиться с ними поближе.

В новом доме Митрионе жизнь била ключом, и туда частенько захаживали молодые бразильцы. Поначалу они не замечали ничего, кроме мощной фигуры Митрионе и его огромных сигар, и поэтому называли его «шефом мафии». Познакомившись с ним поближе, они перестали его бояться и зачастили в дом чуть ли не каждый день.

Этот чистенький и приятный на вид домик в старом районе Белу-Оризонти подыскал для них Рикард. Двор был окружен низкой стенкой с железным ограждением, которое, впрочем, было всего лишь украшением. Лишь немногие бразильцы знали, что к ним в город прибыл шеф полиции из Штатов. Те же, кто это знал, относились к нему чрезвычайно дружелюбно.

Дом стоял у подножия холма и был облицован голубой и кремовой плиткой. К нему примыкал маленький дворик. Вся семья разместилась в четырех спальнях. Две другие комнаты были выделены для прислуги. К дому вела дорога из брусчатки. Рядом с ним росли три тюльпанных дерева и одно манговое. Вокруг было много ярко-красных и розовых цветов.

И все же Ханка не всем была довольна. Мясо ей приходилось покупать в лавке, где санитарные условия не отвечали требованиям американской домохозяйки со Среднего Запада. К тому же и питьевую воду приходилось ежедневно пропускать через угольный фильтр, что было весьма обременительно. Свое недовольство она частенько высказывала вслух. Бразильцам, свято верившим, что мир и покой должны цениться превыше всего, все ее жалобы казались странными и непонятными. Они считали, что Митрионе был с ней чересчур терпелив. Лишь однажды

кто-то услышал, как тот с досадой сказал: «В Штатах я не смог бы зарабатывать пятнадцать тысяч долларов в год, и у тебя не было бы двух служанок! А здесь, в Белу, у нас все это есть!»

На службе у Митрионе было все в порядке. Обязанности свои он знал четко: помогать полиции штата Минас-Жерайс проводить расследование на более высоком техническом уровне, улучшать связи внутри штата и создать новую районную полицейскую школу.

В Бразилии с ее богатой историей военных переворотов гражданская полиция находилась под контролем армии. Военная же полиция на деле, возможно, и была самой обыкновенной полицией, следившей за общественным порядком, но командовал ею человек, назначаемый по политическим соображениям (обычно это был кадровый армейский полковник).

У себя на родине Митрионе видел, к чему привел жесткий контроль над полицией со стороны республиканской партии. Поэтому здесь, в Бразилии он открыто заявлял, что полицейские не должны принадлежать ни к одной политической партии, и долго объяснял своим бразильским коллегам преимущества беспристрастного отношения полицейских к охране законности и порядка. Его слушатели всей душой были за этот идеал, но никак не могли понять, каким образом все эти проповеди Митрионе можно было практически применить в условиях Белу-Оризонти.

Да и сам Митрионе не всегда поступал сообразно таким высоким стандартам. В полицейской лаборатории химиком работал бразилец, который официально не состоял ни в одной организации социалистического толка, но считал, что справедливый социальный строй в Бразилии возможен лишь в том случае, если будут коренным образом перераспределены национальные богатства. Беседы с этим человеком неизменно выводили Митрионе из себя. Хотя он и научился сдерживать свой буйный темперамент, вернувшись к себе в контору, Митрионе снова и снова возвращался к их последнему разговору и жаловался Рикардо Нойберту: «Этот человек просто невозможен! Он же все выворачивает наизнанку! Он и думает наоборот!»

Еще в Ричмонде Митрионе научился выбивать у городских властей дополнительные фонды на нужды своего управления и на оплату сверхурочного времени, затрачен-

ного им самим и его подчиненными на совершенствование профессиональных навыков. В Белу-Оризонти он продолжал отрабатывать эту методику, и результаты не замедлили сказаться. В 1961 году бразильские полицейские прямо ахнули, увидев оборудование, прибывшее для новой полицейской школы и лаборатории криминалистики. Здесь были и дорогие фотоаппараты, и проекторы, и экраны, и наборы инструментов для снятия отпечатков пальцев, и всевозможное фотографическое оборудование — всего на 100 тыс. долларов. Еще в полицейской школе ФБР Дэн пристрастился к практическим занятиям по стрельбе, и вот теперь сюда, в Белу-Оризонти, пришли мишени и патроны. Для практических занятий по изучению места происшествия прибыли наборы инструментов и мешки для взятия проб грунта, щепок и волос для последующего анализа в лаборатории, а для нужд самой лаборатории был получен новый спектрограф, стоимость которого составляла несколько тысяч долларов.

Дорожно-патрульная служба получила сначала простейшее оборудование, такое, например, как специальные трубки, которые монтировались в тело дороги и помогали измерять скорость идущего транспорта. Через несколько месяцев Митрионе снабдил автоинспекторов электронным оборудованием и портативными радиопередатчиками, установленными затем на каждой из немногих пока полицейских автомашин. Что же касается обыкновенного постового, то для него было сделано немного. Чтобы связаться с участком, ему до сих пор приходилось бежать до ближайшего телефона-автомата.

Митрионе по-прежнему верил в важность выправки, поэтому, когда полицейские в Белу-Оризонти получили новое обмундирование, он счел это достаточно важной новостью, чтобы сообщить домой. Время от времени в ричмондскую «Палладиум-айтм» он посылал письма, которые можно было затем переделать в газетные сообщения. Тем самым он напоминал о себе на тот случай, если по окончании срока командировки ему придется возвращаться в Ричмонд. В очередном своем письме он написал землякам, что в новой униформе бразильские полицейские «будут выглядеть, как образцовые полицейские Ричмонда». И добавил: «Наша программа предусматривает также замену нынешней серенькой и мешковатой униформы полицейских автодорожной инспекции на синюю униформу, сшитую из более дорогого материала. Публика

будет тогда с бо́льшим уважением относиться к полиции, что, как мы надеемся, будет способствовать повышению морального духа полицейских».

Когда в Белу-Оризонти приезжали другие полицейские советники, им иногда (правда, очень редко) удавалось вытащить Митрионе в какое-нибудь ночное заведение, но сам он предпочитал проводить вечера дома, в семье. Хотя Ханка и обзавелась прислугой, она все же обходилась без бразильского повара, что было не характерно для американских жен. Это объяснялось желанием угодить мужу. В Ричмонде Мария Митрионе научила ее готовить вкусные итальянские блюда, и Дэн хотел, чтобы еду она готовила сама.

В результате Митрионе стал тяжелее, чему в немалой степени способствовало и ласковое бразильское солнце. Для здешних своих хозяев он был эталоном образцового поведения; демократом, никогда не забывавшим, здороваясь с лифтером, обращаться к нему по имени; хорошим католиком, никогда не пропускавшим воскресную мессу; образцовым семьянином, не считавшим, однако, чем-то зазорным вместе с другими мужчинами тайком подглядывать в окна дома, расположенного напротив их конторы.

Последнее объяснялось вот чем. Оскар Нимейер, архитектор, создавший город Бразилиа, начинал свою карьеру в Белу-Оризонти. Там он построил одно из своих футуристических жилых зданий, стены которого по конфигурации напоминали морские волны. Стремясь сохранить линию, он пренебрег правилами приличия и расположил все ванные ярусами, закрыв их совершенно прозрачными стеклами. Вот почему, как только в разгар рабочего дня в ванную заходила достойная внимания женщина и начинала принимать душ, вся работа в конторе Митрионе прекращалась.

В то время в Белу-Оризонти нарастала политическая напряженность. Но Митрионе, который местных газет не читал, этого не заметил. Осенью 1961 года командующий одной из дивизий 1-й армии выступил с речью в Белу перед участниками конференции коммерческой ассоциации штата. Хотя штаб 1-й армии находился в Рио, ее четвертая ударная дивизия была расквартирована в Белу, поэтому местным властям приходилось считаться с ее командующим Жоао Пунаро Блеем.

Встреча бизнесменов и промышленников была организована правым газетным трестом «Диариос ассосиадос». Его владелец Франсиско де Ассис Шатобриан получил от ЦРУ средства на проведение антикоммунистической кампании. Как и ожидалось, Пунаро Блей произнес речь, направленную против коммунистов. Но даже эта консервативная аудитория совершенно не ожидала, что генерал действующей армии придаст ей столь острую политическую направленность. Пунаро Блей утверждал, что коммунисты проникли во все сферы деятельности бразильского общества и серьезно угрожают демократии.

Жозе Мариа Рабелло, энергичный молодой социалист, издавал в Белу-Оризонти еженедельник под названием «Биномио». Прочитав изложение речи генерала в «Эстадо ду Минас» (ведущей газете концерна, организовавшего конференцию коммерческой ассоциации), Рабелло поручил группе журналистов подробнее разузнать о генерале и его деятельности.

Молодые журналисты, работавшие в «Биномио», придерживались левых взглядов и были весьма довольны тем, что после всевозможных ограничений при диктаторе Варгасе могли теперь поработать немного в условиях свободы печати. В то время всеми вопросами, связанными с полицией, в еженедельнике занимался Фернандо Габейра, 19-летний начинающий журналист из провинции, рассматривавший свою работу в Белу как первый шаг на пути к журналистской карьере в Рио.

Еще мальчиком Фернандо видел, как текстильные корпорации разоряли владельцев небольших ткацких станков в его городе. Один за другим те вынуждены были продавать свои машины и наниматься на работу на местную фабрику. Время от времени ткачи бастовали, требуя повышения заработной платы, но полиция неизменно занимала сторону хозяев.

Как-то на уроке в школе один из учителей Фернандо стал объяснять, почему одни люди живут богато, а другие бедно. «Если и тех и других, — сказал он, — оставить одних на необитаемом острове, то скоро те из них, кто были богатыми, снова разбогатеют, потому что умеют работать. А бедные все ленивые».

Фернандо поднял руку и сказал: «А у нас в городе все бедные работают, и очень много. Я это хорошо знаю».

Так думали и все сотрудники «Биномио», поэтому задание редактора расследовать настоящее и прошлое гене-

рала было встречено с восторгом. Вскоре журналисты выяснили, что в начале второй мировой войны генерал принимал активное участие в деятельности фашистской партии «интегралистов». «Биномио» обнародовала этот и другие факты из его прошлого, включая и то, что, будучи губернатором штата Эспирито Санто, генерал строил концентрационные лагеря для своих политических противников — либералов и антифашистов. Вскоре вышла статья, озаглавленная: «Кто он, генерал Пунаро Блей? Сегодняшний демократ и вчерашний фашист!»

Вскоре после публикации статьи генерал позвонил Рабелло и потребовал встречи. «Вы опубликовали порочащую меня статью, — сказал он. — С этим надо разобраться».

Рабелло согласился встретиться с генералом, но только у себя в редакции.

Пунаро Блей прибыл через час. Рабелло начал было говорить что-то о свободе печати, но тот грубо оборвал его: «Я приехал сюда не за объяснениями. Я приехал проучить тебя».

Сказав это, он набросился на Рабелло и стал его душить.

В свои 53 года генерал был здоров как бык. Он, видимо, полагал, что этот 24-летний мальчишка с очками в роговой оправе на худосочном лице интеллигентика испугается, учитывая возраст генерала, его чин или хотя бы гнев. Но не тут-то было. Когда генерал ударил Рабелло, тот в ответ поставил ему синяк под глазом и разбил губу.

В коридоре генерала дожидался адъютант. Услышав какую-то возню за дверью, он ворвался в комнату. За ним прибежали сотрудники газеты. Таким образом, все они оказались свидетелями позора Пунаро Блея. Хуже всего было то, что в комнате оказались и фотокорреспонденты, и теперь фотографии генерала с подбитым глазом и рассеченной губой наверняка появятся во всех столь ненавистных ему газетах.

Последовали брань и угрозы. Когда Пунаро Блей наконец ретировался, Рабелло вызвал полицию. Он хотел, чтобы полицейские засвидетельствовали, что нападал генерал, а он только оборонялся. Рабелло не пропустил мимо ушей угрозы, брошенной в его адрес капитаном, когда он уводил своего командира с окровавленным лицом: «Ну погоди! Мы еще вернемся!»

Не прошло и двух часов, как три сотни солдат и младших офицеров из близлежащих армейских казарм оцепили квартал, где находилась редакция «Биномио», и перекрыли все улицы. Ударный отряд ворвался в редакцию и устроил погром. Приближалось рождество, поэтому в комнате уже стояла елка. Она тут же оказалась на полу. Разбив все пишущие машинки, погромщики принялись за туалет. На улице были установлены пулеметы и базуки. Вся военная операция продолжалась два часа.

Губернатор Минас-Жерайса (преклонных лет консерватор по имени Магальяинс Пинто) не хотел идти на открытую конфронтацию с армией, но все же обещал сотрудникам «Биномио», что полиция Белу-Оризонти защитит их от дальнейших репрессий. Сумма причиненного ущерба достигала 150 тыс. долларов, но Рабелло знал, что, подай он на генерала в суд, иска ему никогда не выиграть.

У Рабелло, однако, был другой союзник, защита которого была более надежна, чем простое обещание губернатора. Незадолго до этого скандала президентом страны неожиданно стал Жоао Гуларт. Когда любой президент в Бразилии (не говоря уже о Гуларте) отдает какое-то распоряжение, это вовсе не означает, что генералы тут же будут его выполнять. И все же Гуларт решил действовать. За злоупотребление властью он понизил генерала в должности и даже сумел добиться выполнения этого решения. Но Пунаро Блей предпочел подать в отставку.

Постыдный скандал с «Биномио» постоянно потом напоминал левым силам штата Минас-Жерайс о враждебном отношении к ним военных.

Когда в Минас-Жерайс прибыла группа студентов-старшекурсников из Рио, Дэн Митрионе уже вовсю занимался повышением эффективности работы полиции в Белу-Оризонти. Студенты создали своего рода консультативную группу с целью изыскания более прибыльных для Бразилии путей разработки крупнейших в мире залежей железной руды в этом штате.

Одним из членов группы был невысокий, круглолицый студент с вьющимися волосами по имени Маркос Арруда. Он учился на геологическом факультете университета в Рио-де-Жанейро и совсем не был похож ни на революционера, ни на мученика. И конечно же, во времена Гуларта его точка зрения в отношении общественного строя в Бразилии была весьма поверхностной и осторожной.

Как-то Маркос и его друзья заметили в разговоре с ректором, что, поскольку занятия на геологическом факультете всегда начинаются в 7 утра и заканчиваются в 5.30 вечера, студенты-бедняки, которым приходится еще и подрабатывать, автоматически лишаются возможности учиться на этом факультете и не могут стать геологами.

«Вы правы, — согласился ректор Отон Леопардес. — Эта профессия действительно для элиты. Ведь, кроме того, что геологи должны быть высококультурными людьми, у них должны быть еще и деньги, чтобы они имели возможность разъезжать по стране. Вы говорите о бедняках, — продолжал он, сев на любимого конька. — Но ведь бедняки — это никудышные люди. Они лишь потребляют и ничего не производят. Всем им нужно забраться на высокую скалу и броситься головой вниз. Геология же не имеет ничего общего с политикой. Наша задача — взобраться на гору повыше и, увидев, как красива Земля, воскликнуть: «Я эту красоту понимаю!»

Слова-то красивые, только для Маркоса они были пустым звуком. Не мог он согласиться и с тем, что ректор отделял геологию от политики. Сам-то он был одновременно и членом комиссии министерства образования, разрабатывавшей курс геологии для всех бразильских вузов, и членом совета директоров западногерманской горнорудной компании «Маннесманн».

А как понять вот это? Когда «Петробраз», государственная нефтяная компания, предоставила факультету две стипендии, Леопардес сам выбрал стипендиатов: сына одного генерала и сына вице-президента. Студенческая делегация пришла к ректору и спросила, почему он выбрал именно эти кандидатуры. «Им тоже нужны деньги, — не без ехидства ответил тот. — На бензин».

Этот ответ и побудил Маркоса присоединиться к другим студентам и заняться политикой. Вместе с группой однокурсников они решили провести независимое исследование положения в горнорудной промышленности. К моменту приезда в Минас-Жерайс они уже располагали некоторыми весьма тревожными данными. Так, они обнаружили, что 97,3 процента добываемой в Бразилии железной руды контролируется иностранными монополиями, такими, как «Ханна майнинг», «Ю. С. стил» и «Бетлехем стил» (США), «Маннесманн» (ФРГ) и «Белгоминейра» (Бельгия).

В Минас-Жерайсе группе Маркоса предстояло расследовать положение на железорудных копях. Предварительные результаты, казалось, опровергали ранее полученные данные, поскольку большинство рудников принадлежало местной муниципальной компании. Однако более тщательное расследование показало, что лучшая руда (руда пластов среднего залегания) скупалась американской компанией «Ханна майнинг». В течение последних 10 лет Соединенные Штаты направляли туда своих геологов. В тот же период иностранным компаниям стали предоставлять выгодные концессии. «Ханна» выбрала для себя участки в районах, куда редко наведывались представители бразильского правительства. По завершении расследования выяснилось, что «Ханна» контролировала участки с самыми богатыми залежами железной руды. Маркос сделал из этого единственный вывод: американские компании имели возможность знакомиться с результатами геологоразведочных работ еще до того, как те предавались гласности. У бразильского же правительства такой возможности не было.

Вооружившись результатами своего исследования, Маркос и его друзья развернули кампанию за создание государственной горнодобывающей корпорации (наподобие «Петробраза») и предложили назвать ее «Минейробраз». Корпорация добывала бы бразильскую железную руду на благо своего народа. Но даже во времена Гуларта такое предложение звучало слишком радикально.

Глава 3

В середине октября 1961 года Линкольн Гордон прибыл наконец в Бразилию вместе с женой и младшей дочерью. Вскоре после этого Гуларт стал назначать министров, и Гордон потерял всякое спокойствие. Одних министров (Танкредо Невеса, например) он считал посредственностью, на других (таких, как Роберто Кампос, который когда-то у него учился) возлагал большие надежды.

Если бы новый посол комментировал все назначения Гуларта публично, бразильцы могли бы легко заметить, что, чем левее были взгляды нового должностного лица, тем меньше у него было шансов добиться расположения Гордона. Этот «аполитичный» демократ из Массачусетса слишком уж с большим подозрением относился к сторонникам каких бы то ни было реформ.

Новая столица была уже построена, но иностранные дипломаты с большой неохотой расставались с Рио. Посольство США все еще оставалось в десятиэтажном особняке, из окон которого открывался великолепный вид на залив Гуанабара и гору Пао-де-Асукар, похожую, как утверждали бразильцы, на голову сахара. Президент Гуларт, однако, уже перебрался в новую столицу, поэтому через несколько дней после своего приезда Гордон отправился в Бразилию для вручения верительных грамот.

Гуларт воздерживался от каких-либо заявлений по поводу впечатления, произведенного на него американским послом, однако Гордон своего мнения скрывать не стал. Соотечественники называли Гуларта «primitivo» (простаком). Гордон же предпочел иной перевод этого слова — нечто вроде «неотесанной деревенщины». Бразильский президент имел ученую степень доктора права, но Гордон решил про себя, что тот, вероятнее всего, просто купил ее.

Судя по первому впечатлению, Гуларт был человеком

без каких-либо интеллектуальных интересов. С самого начала новый посол решил, что это всего лишь грубый и неотесанный гаучо, и в дальнейшем уже ничто не могло заставить его изменить своего мнения. Гордон заметил также, что Гуларт с удовольствием манипулирует людьми (а именно это качество так высоко ценил в нем в свое время Варгас). Короче говоря, Гордон пришел к заключению, что президент Бразилии — это как раз тот тип некомпетентного политического босса, который вызывал у него презрение.

Даже если бы Гуларт и был более рафинированным интеллигентом, их первые беседы все равно носили бы весьма поверхностный характер. Ведь в то время Гордон лишь начинал изучать португальский язык, а Гуларт, свято веря в преимущества бесед с глазу на глаз, предпочитал разговаривать с послом без переводчика.

Даже сердечная гостеприимность президента казалась Гордону какой-то неуместной. «Я собираюсь на днях в Рио, — сказал Гуларт, — и надеюсь, вы заглянете ко мне. Я очень хотел бы еще раз с вами побеседовать. Не как президент, а как лидер крупнейшей политической партии».

В последней фразе Гордон усмотрел даже некоторое высокомерие и самонадеянность, расценив ее как попытку Гуларта сравнить себя с Джоном Кеннеди и дать понять, что трабальистская партия в Бразилии занимает то же положение, что и демократическая в США. Фраза эта была также намеком на то, что Гуларт хотел бы откровенно поговорить с послом о политических установках, которыми он будет руководствоваться в государственных делах. Гордон настороженно отнесся к этим попыткам вовлечь его в доверительные отношения.

Самым серьезным фактором, определившим отношение Гордона к Гуларту, было, пожалуй, то, что последнему не доверяли ни Вашингтон, ни испытанные друзья Соединенных Штатов — бразильские военные. Поэтому Гордон соблюдал дистанцию в отношениях с Гулартом, стараясь одновременно вести себя корректно с его противниками.

Оппозиция не теряла времени и очень быстро заявила о себе новому послу. Один из противников Гуларта из числа правых, адмирал Силвио Хек, уже имел некоторую (хотя и весьма косвенную) связь с Гордоном. Еще в 1946 году его племянница познакомилась с американцем

на какой-то конференции по атомной энергии, проводившейся в рамках ООН. Через 13 лет, когда Гордон приехал в Бразилию по заданию Фонда Форда, знакомство было возобновлено. И вот теперь племянница адмирала вновь позвонила и сказала, что ее дядя хотел бы встретиться с ним частным образом на ужине, который она устраивала у себя дома. Гордон принял приглашение.

Улучив момент, посол и адмирал уединились в боковой комнате. Хек сразу же приступил к делу. «Видите ли, — сказал он, — когда я был министром ВМФ у Куадроса, я выступал против Гуларта. Он коммунист и хочет отдать страну им. Вы, возможно, считаете его умеренным. Но это не так. Чем скорее его сбросят, тем лучше». После небольшой паузы адмирал продолжал: «Мы опросили офицеров всех родов войск, и 75 процентов личного состава армии, большая часть ВВС и 80 процентов ВМФ думают так же. Сейчас мы производим перегруппировку сил. Помощь нам пока не требуется. Но мы надеемся, что, когда пробьет наш час, Соединенные Штаты отнесутся к нам с пониманием».

«Все это очень интересно», — сказал американский посол. Адмирал Хек, довольный уже тем, что его выслушали, не стал требовать от Гордона каких-либо обязательств.

На другой день Гордон вызвал своего заместителя и начальника «станции» ЦРУ и поручил им проверить достоверность всего услышанного. Те вскоре сообщили, что за Хеком не стоят могущественные силы и он представляет лишь горстку офицеров.

Гордон все же не оставил информацию, полученную от Хека, без внимания. Однако ни в тот раз, ни позже, когда американский посол стал чаще встречаться с Гулартом, он даже не намекал ему и его советникам, что имеет сведения о готовящемся заговоре.

У Гордона были все основания ожидать, что те бразильцы, с которыми он когда-то встречался либо в США, либо в Бразилии, выступят против правительства, при котором он был аккредитован. С человеком по имени Паулу Айрес, например, он был знаком с 1959 года, когда тот возглавлял бразильско-американский культурный центр в Сан-Паулу. Это был молодой, представительный бизнесмен, прекрасно говоривший по-английски. Гордона тогда попросили рекомендовать кого-нибудь из бразильцев на международную конференцию предпринимателей, и он назвал фамилию своего молодого друга. Так, к их обоюд-

ному удовольствию, они снова встретились, теперь уже в Вашингтоне.

Вернувшись в Бразилию уже в качестве посла, Гордон разыскал Айреса и встретился с его друзьями из числа крупных предпринимателей Сан-Паулу. Через некоторое время Айрес рассказал Гордону об опекаемой им политической организации с несколько громоздким, но довольно безобидным названием — Институт научно-социологических исследований (сокращенно ИПЕС).

Если бы Гордон больше интересовался проблемами внутренней политики своей страны, он мог бы заметить, что по организационной структуре и целям ИПЕС очень смахивал на другую организацию. В 1958 году Роберт Уэлч, кондитер из Массачусетса, основал «общество Джона Берча» — организацию бизнесменов, обеспокоенных угрозой коммунизма. (Через три года, когда на смену старой администрации к власти пришло правительство Кеннеди, их беспокойство возросло еще больше.)

Инициатором создания ИПЕС в Бразилии был Гликон де Пайва, довольно толковый горный инженер из Минас-Жерайса. С тех пор как Гуларт вступил в должность президента, де Пайва относился к нему как к источнику опасности, который необходимо было устранить.

Многие говорили, что де Пайва похож на протестантского священника. Этим они хотели подчеркнуть его строгость к себе и верность своему делу. Занялся он тем, что стал объезжать крупнейших промышленников в Рио и предупреждать их о грозящей опасности. Хотя ему и удалось привлечь многих из них на свою сторону, иллюзий на этот счет у него не было, поскольку он знал, что согласие этих людей финансировать его крестовый поход вовсе не означает, что они разделяют его ненависть к идеям коммунизма. Мотив у них был другой, поэтому для привлечения их на свою сторону де Пайва избрал простой и доходчивый метод: он стал предупреждать промышленников, что Гуларт и такие, как он, хотят отобрать у них все.

Громогласно трубя о надвигающейся опасности, де Пайва легко собирал до 20 тыс. долларов ежемесячно. Со временем он стал расширять свою организацию. Паулу Айрес стал главным представителем ИПЕС в Сан-Паулу. В Белу-Оризонти (таком же консервативном городе, как и Даллас в Техасе) де Пайве удалось привлечь на свою сторону многих.

Самой большой своей удачей де Пайва считал успешное привлечение к работе Голбери ду Коуту-и-Силвы — армейского генерала в отставке, возглавившего его штаб. Сняв половину 27-го этажа в одном из административных зданий в Рио, де Пайва уговорил генерала завести досье на каждого, подозреваемого во враждебном отношении к государству. В результате такие досье были заведены на 400 тыс. бразильцев.

Для этого обычно нанимались платные осведомители, многие из которых находились на действительной военной службе. Учитывая важную роль армии в политической жизни Бразилии, де Пайва хотел, чтобы командный состав всех родов войск оставался верным лишь весьма абстрактному понятию «бразильская нация», а не президенту, временно ее возглавившему.

Кроме того, де Пайва платил деньги осведомителям на фабриках и заводах, в школах и правительственных учреждениях. Главной его мишенью была государственная нефтяная компания «Петробраз», поскольку он подозревал, что Гуларт внедрил в ее руководство своих сторонников. Что касается университетов, то, по мнению де Пайвы, те страдали недугом, названным им «чрезмерная свобода».

Другим источником разочарования для де Пайвы было духовенство. Это объяснялось главным образом большим притоком иностранных священников. По его подсчетам, половина священников в Бразилии (а их там насчитывалось 13 тыс.) были кем угодно, только не бразильцами. Они прибыли из таких стран, как Бельгия и Франция, и это вынудило местные духовные семинарии сократить число своих выпускников. Все эти иностранцы привезли с собой чуждые Бразилии идеи. В тот момент, когда бразильские массы и без того уже стали терять веру в высшие духовные принципы церкви, в страну стали прибывать эти радикалы, которые лишь ускорили этот процесс. Де Пайве пришлось с сожалением констатировать, что в его борьбе против коммунизма религия была весьма слабым помощником.

Во избежание разоблачения и возможных репрессий руководство ИПЕС старалось выдавать себя за просветительскую организацию. Какая-то сумма действительно была выделена в фонд кампании по борьбе с неграмотностью среди детей бедняков. Однако сделано это было лишь для видимости. Главное направление деятельности ИПЕС

состояло в организации заговора против Гуларта и в составлении досье.

Де Пайва понимал, что его негативная реакция на государственный социализм была чисто интуитивной, поэтому, когда ИПЕС окреп, он почувствовал необходимость повысить свою теоретическую подготовку и срочно заняться изучением экономики. В этих целях он время от времени приглашал к себе в качестве лектора Делфина Нето, известного экономиста из Сан-Паулу. За бесплатный билет на самолет и гонорар в 50 долларов за час тот расписывал де Пайве прелести системы свободного предпринимательства.

ИПЕС мог позволить себе такую роскошь. Издание телефонных справочников — довольно прибыльное дело в Бразилии. Владельцем же фирмы, контролировавшей этот бизнес, был Жилберт Хубер — один из тех, кто щедро финансировал де Пайву. Хубер имел также капиталы в компании «Американ лайт энд пауэр», 80 процентов акций которой контролировалось США. Бразильские банки и крупные строительные компании тоже не скупились.

Не встретил де Пайва сопротивления и со стороны главного иностранного посольства в Бразилии. Через Паулу Айреса и генерала Голбери де Пайва познакомился с американским послом Гордоном, и они время от времени встречались. Гордон считал де Пайву толковым и сообразительным малым, довольно успешно руководившим ИПЕС. Де Пайва же был весьма невысокого мнения о Гордоне. Он считал его простоватым и трусливым человеком, который, надави на него посильнее за коктейлем или ужином, тут же цепляется за спасительное: «А вы себя поставьте на мое место. Я же здесь всего лишь посол». Де Пайва все же хорошо усвоил, что до тех пор, пока имя Гордона не будет компрометироваться публично, тот будет оказывать ему содействие.

Аристотелес Луис Драммонд, честолюбивый студент из Рио, активно поддерживавший де Пайву, наткнулся на сокровище, рядом с которым богатство Жилберта Хубера просто меркло: на его жизненном пути вдруг повстречалось Центральное разведывательное управление.

Этот худосочный и весьма впечатлительный молодой человек гордился своим происхождением (он был из зажиточной семьи) и горячо поддерживал консерватизм. Его

кумиром был Силвио Хек. Если де Пайва чем-то напоминал одиозную фигуру Роберта Уэлча, то Драммонд воскрешал в памяти образ Уильяма Ф. Бакли-младшего — чрезвычайно озабоченного молодого человека, который в 50-е годы обрушился на Йельский университет, назвав его «болотом либерализма», и встал на защиту сенатора Джозефа Маккарти.

В 18 лет Аристотелес объединил своих единомышленников в организацию Группа патриотических действий (сокращенно ГАП). Ее естественным противником стал Национальный союз студентов. Поскольку студенчество во всем мире тяготеет к левым политическим взглядам, притока новых членов в ГАП не наблюдалось, поэтому Аристотелес предпочитал раздавать свои листовки лишь надежным людям. Надписи на стенах «ГАП в союзе с Хеком» он благоразумно делал ночью. Хотя, по некоторым подсчетам, в ГАП насчитывалось 130 «стойких» членов и примерно 5000 «сочувствующих», лишь немногие из них вносили деньги в общий котел. Если де Пайва руководил операциями своей организации из роскошного офиса в одном из небоскребов Рио, то Аристотелес вынужден был действовать из квартиры своих родителей в районе Ипанема.

Однажды местное радио передало 10-минутное интервью с ним, в ходе которого Аристотелес разглагольствовал о решимости ГАП защищать свободу и частную собственность и о своей личной убежденности в том, что доверить это дело можно лишь военным. Это интервью было затем передано по «Голосу Америки».

Вскоре Аристотелесу позвонили из американского посольства и сказали, что хотят с ним встретиться. Тот согласился, и через какое-то время к нему на квартиру пришли двое. Мало кто в Латинской Америке мог похвастаться тем, что встретился с агентами ЦРУ и был завербован ими в таком прозаическом месте, как собственная квартира. Аристотелес не сомневался, что перед ним были люди именно из ЦРУ. Подробно расспросив его о политических взглядах, агенты удалились, но через несколько дней снова вернулись. Аристотелес отметил про себя, что они ничего не записывали, и это обстоятельство поставило их в его глазах в один ряд с легендарным «агентом 007».

— Мы могли бы вам чем-нибудь помочь? — спросил один из них.

Аристотелес ответил, что был бы весьма признателен.

— Тогда мы пришлем вам книги для распространения.

Хотя это и прозвучало тогда довольно безобидно, «помощь» оказалась далеко не пустячной. Через несколько недель к дому Аристотелеса подкатил грузовик с 50 тыс. экземпляров книг и брошюр (правда, не очень толстых). Но там была, например, брошюра под названием «Национальный союз студентов — орудие подрывной деятельности». Она могла пригодиться для сведения счетов кое с кем из студентов. ГАП распространила эту бесплатную литературу среди старшеклассников и студентов во всех промышленных центрах Бразилии.

Пока Аристотелес занимался обработкой студентов, де Пайва принялся за домохозяек. Он теперь понял, что те более восприимчивы к предостережению о том, что «безбожники-коммунисты» могут разрушить бразильское общество. В крупных городах он создал женские общества и организации. В Рио, например, одна из организаций называлась «Кампания женщин за демократию». Де Пайва использовал домохозяек для распространения всевозможных слухов и страшных историй о бесчинствах, якобы чинимых или планируемых Гулартом и его помощниками. Все это он называл «хорошими сплетнями».

Пока де Пайва концентрировал свое внимание на недовольных военнослужащих и набожных домохозяйках, гражданскими лицами занялась другая организация, называвшаяся «Бразильский институт демократических действий» (сокращенно ИБАД). Она была создана ЦРУ и занималась подготовкой заговора против Гуларта. Историки, изучавшие период правления Гуларта в Бразилии, впоследствии поражались, как много знал о широкой деятельности ЦРУ в этой стране американский посол Гордон, хотя должностные инструкции ЦРУ предписывали своим агентам посвящать посла в свои дела ровно настолько, насколько тот может мириться с ними, — ни больше, ни меньше. Некоторые операции скрыть было просто невозможно. Как раз в этот период Соединенные Штаты увеличили число своих консульств в Бразилии, стремясь обеспечить «крышу» для агентов ЦРУ, заметно активизировавших свою деятельность.

Гордон, конечно, знал все об ИБАД — организации, основанной в 1959 году еще до появления ИПЕС и ГАП. Ему также было хорошо известно, что ИБАД использу-

ется ЦРУ для финансирования различных политических кампаний в стране и что такие тайные операции были вопиющим нарушением бразильских законов.

ИБАД распределял денежные средства через две организации: «Демократическое народное действие» и корпорацию «Сейлз промоушн инкорпорейтед». На выборах в 1962 году организация «Демократическое народное действие» финансировала предвыборную кампанию более тысячи кандидатов. В некоторых случаях сам ИБАД назначал кандидатов на выборные должности. При этом им давали понять, что хранить верность они должны ИБАД, а не политической партии, к которой те могут примыкать в данный момент.

Большинство подобранных ЦРУ кандидатов (примерно 600 человек) добивались избрания в законодательные органы штатов, 250 человек выставили свои кандидатуры для избрания в палату депутатов и 15 человек — в сенат. Восемь кандидатов ЦРУ баллотировались в губернаторы в 8 из 20 бразильских штатов. В Пернамбуко, например, ИБАД финансировал предвыборную кампанию Жоао Клеофаса де Оливейры, добивавшегося избрания губернатором. Исход выборов был немаловажен, поскольку другим кандидатом там был Мигел Арраис, человек с левыми взглядами. И хотя особых выгод этот отсталый северо-восточный район американцам не сулил, бедственное положение его населения делало его, по мнению Вашингтона, вполне созревшим для революции.

На обеспокоенность администрации Кеннеди развитием событий в этом районе указывало и то, что в июне 1961 года в Бразилию прибыл с визитом младший брат президента — Эдвард Кеннеди (в то время ему было 29 лет и он работал помощником окружного атторнея штата Массачусетс). Кеннеди должен был встретиться с представителями крестьянских лиг, хотя организатора лиг Франсиско Жулиао в то время на месте не было.

Франсиско Жулиао Арруда де Паула родился в семье владельца сахарных плантаций. Несмотря на это, типичным сахарозаводчиком назвать его было нельзя. Еще юношей он прочитал одну работу Энгельса и с тех пор считался «человеком левых взглядов». Он стал одним из немногих адвокатов, решивших встать на защиту интересов бедняков на северо-востоке страны. Очень скоро Фран-

сиско Жулиао (как все его стали называть) заручился поддержкой избирателей и в 1954 году был избран в состав законодательного органа штата Пернамбуко как единственный кандидат Бразильской социалистической партии.

Латифундисты на северо-востоке страны все еще с чванливым высокомерием считали, что сам господь даровал им право быть богатыми, поэтому любые попытки сельскохозяйственных рабочих создать свою профсоюзную организацию встречались ими в штыки. Но чем больше они угрожали крестьянам и чем сильнее старались им помешать, тем более радикальной становилась их лига.

Во времена Эйзенхауэра политические деятели из крупных городов на юге Бразилии убедили организаторов американской программы помощи в том, что северо-восток — настолько отсталый район, что любая финансовая помощь будет там напрасной тратой средств. По мнению Линкольна Гордона, наилучшим решением было бы массовое переселение фермеров на сотни километров южнее и на запад, где земли были более плодородными. На одном из светских раутов супруга посла имела возможность получить представление о бытовавшем среди состоятельных бразильцев мнении об этом районе. Если речь вдруг заходила о каком-то северо-восточном городе, те с пренебрежительной усмешкой бросали: «Да такого города и на свете нет!»

Американская разведка, однако, относилась к этому району и его жителям (ведь это они избрали Жулиао) более серьезно. С большим подозрением она относилась и к Паулу Фрейре. Этот преподаватель обучал грамоте крестьян. На занятиях он часто просил их задуматься над таким вопросом: почему так получилось, что они стали своего рода движимым имуществом на обрабатываемой ими земле? Это что, новый Кастро? Гордон считал, что грамота и политика не имеют между собой ничего общего.

Агенты ЦРУ избрали следующую тактику. Сначала они распространяли листовки, приглашавшие на митинг, на котором якобы выступит Жулиао. Тот, однако, об этом ничего не знал. Крестьяне группами приходили в указанный день и час на встречу со своим защитником, но Жулиао там не появлялся. Тогда провоцировалась драка. Распространялись также слухи о том, что и Жулиао, и Гуларт — рогоносцы. Не гнушался сплетнями и посол

Гордон, который с удовольствием пересказывал историю о том, что Гуларт якобы избивал свою жену за то, что та изменяла ему с каким-то майором ВВС. Гордон знал, что подобные истории больно ранили Гуларта, высоко дорожившего своей честью. Что касается Жулиао, то здесь дело обстояло иначе. Хотя на их родине развод не признавался, он и его жена Алексина, судя по всему, уже давно жили в так называемом «открытом браке». Однако до сих пор никого это не волновало. Сплетни о ее неверности стали распространяться лишь после того, как Жулиао стал опасен для ЦРУ.

(Много лет спустя один бразильский журналист, побывавший в Пернамбуко, узнал о том, что агенты ЦРУ фабриковали и распространяли фальшивые документы, якобы доказывавшие, что Жулиао был коммунистом. Последующие события, однако, заставили ЦРУ отказаться от такой тактики.)

Помимо Фрейре и Жулиао, у ЦРУ в этом штате было много других врагов. К началу 1962 года туда уже было направлено два сотрудника ЦРУ, зачисленных в штат американского консульства в Рисифи (столице штата). Другие агенты были внедрены в такие организации с, казалось бы, безобидным названием, как «Кооперативная лига Соединенных Штатов Америки» и «Американский институт развития свободных профсоюзов».

Последний был творением начала 60-х годов и финансировался совместно ЦРУ, АФТ—КПП и примерно 60 американскими корпорациями, включая «Анаконда компани», ИТТ и «Пан-Америкен уорлд эйруэйз». По заявлению президента Кеннеди, институт был создан для того, чтобы воспрепятствовать подрыву рабочего движения в Латинской Америке со стороны Кастро. На деле, однако (как с огорчением отмечал один американский атташе по вопросам труда, ветеран рабочего движения), институт под предлогом защиты рабочих от коммунистического влияния, существенно тормозил профсоюзную деятельность в Бразилии. Помимо оперативной работы, институт организовал в 1963 году в Вашингтоне специальные курсы переподготовки для пользующихся ее доверием профсоюзных лидеров. Вернувшись в Бразилию, те тоже подключились к организации тайного заговора против Гуларта.

Вот почему сельскохозяйственные рабочие на северовостоке Бразилии имели все основания с подозрением

относиться к иностранцам, особенно к полицейским, которых они считали агентами своих врагов. Когда этот район посетил Эдвард Кеннеди, представитель бедноты попросил его передать брату, чтобы тот отозвал всех американских полицейских советников.

Когда на следующий год на пост губернатора был избран Мигел Арраис, он сразу дал понять, что не желает, чтобы люди Байрона Энгла оставались в его штате. Управление общественной безопасности не стало настаивать. Пусть будет, как вы хотите, подумали там. У нас все равно нет нужного числа советников для охвата всей Бразилии. А посему мы ограничимся посылкой их в более дружелюбные штаты. Однако в Вашингтоне этот инцидент был расценен лишь как подтверждение того, что Арраис — враг США.

Несмотря на разницу в возрасте и социальном положении, большинство заговорщиков примерно одинаково относились к своим согражданам. Аристотелес Драммонд осторожно замечал, например, что бразильцы просто не разбираются в политике. Де Пайва был более категоричен: Бразилия вообще еще не готова к демократическому правлению.

Военные (как на действительной службе, так и в запасе) разделяли точку зрения де Пайвы. Эйтор Эррера — отставной генерал, активный участник кампании против Гуларта и глава «Листас телефоникас бразилейрас С. А.» (компании, выпускающей телефонные справочники) — считал неизбежным и единственно правильным, чтобы он и его коллеги-военные взяли судьбу нации в свои руки. «Возможно, — говорил он, — это лишь причуда истории, но военные подготовлены к решению этой задачи лучше, чем любые другие слои общества». Эррера не имел при этом в виду, что военные умнее других — они лишь лучше подготовлены. И этой своей подготовкой, позволяющей им лучше других справляться с проблемами современной жизни, они во многом обязаны Соединенным Штатам. Эррера так гордился своей учебой в американском командно-штабном колледже в Форт-Ливенуорте (штат Канзас), что поместил свой диплом в рамку и повесил у себя в кабинете.

Вряд ли кто в Бразилии будет спорить с тем, что, пройдя обучение в США, армейские и полицейские офи-

церы из латиноамериканских стран возвращались на родину с новыми жизненными установками и по-новому смотрели на свою миссию. Этому в немалой степени способствовало огромное и пристальное внимание, уделяемое в американских программах их политическим взглядам. Во времена Байрона Энгла, например, на изучение проблем внутренней безопасности и методов дознания программой полицейской школы выделялось 165 часов, т. е. примерно треть всего учебного времени. Из них 55 часов уходило на лекции об опасной деятельности коммунистических партий и методах их работы.

В 1963 году группа молодых студентов в Белу-Оризонти была немало поражена той метаморфозой, которая произошла с несколькими знакомыми полицейскими, только что вернувшимися из Панамы. Там они проходили переподготовку в Межамериканской полицейской школе. Если раньше эти простые парни были постоянным объектом шуток и насмешек, то теперь к ним было не подступиться. Один из студентов решил узнать, что же там приключилось с ними. Из беседы с недавним выпускником он выяснил, что тот теперь вообразил, что стоит на переднем крае борьбы с коммунизмом. К тому же он стал теперь с большим недоверием относиться к президенту Гуларту.

Попытки Вашингтона обработать бразильцев в военной и полицейской форме восходят к далекому 1922 году, когда в Бразилии открылась первая в Латинской Америке военно-морская миссия США. До того бразильские офицеры проходили подготовку либо в Германии, либо во Франции (французская миссия находилась в Бразилии с 1919 по 1940 год).

Вторая мировая война позволила Вашингтону еще больше усилить свое влияние в бразильских вооруженных силах. Военное планирование координировалось Объединенной бразильско-американской военной комиссией. К концу войны бразильские вооруженные силы уже столь слепо копировали американскую модель (позаимствовав не только вооружение, но и методы военной подготовки), что это вызвало протесты у националистически настроенных бразильцев, ехидно шутивших, что на военном параде по случаю Дня независимости единственным бразильским предметом оставался лишь флаг.

В первые послевоенные годы Соединенные Штаты буквально завалили Бразилию излишками военного иму-

щества и авиационной техники, взимая за это лишь 10 процентов стоимости. Среди прочего бразильцы приобрели более ста боевых самолетов. Конечно, при такой скидке вряд ли можно было рассчитывать на новейшую технику. Практика продажи устаревших видов оружия по дешевке латиноамериканским диктаторам установилась давно — еще когда династия Круппа только разворачивала свое военное производство. Причина понятна: оружие это служило какому-нибудь каудильо не для того, чтобы вести войну с иностранным государством, а для того, чтобы держать в узде собственный народ.

В 1949 году Пентагон помог Бразилии создать и укомплектовать Высшую военную школу (аналог Американского национального военного колледжа). Объединенная бразильско-американская военная комиссия продолжала функционировать и после войны. В 1954 году она была зарегистрирована ООН как постоянное агентство, занимающееся вопросами военных поставок и помощи.

Одновременно США приступили к созданию разветвленной системы военных школ для всего континента. В 1949 году в Форт-Галике (зона Панамского канала) была открыта школа Америк, в которой преподавание велось исключительно на испанском и португальском языках. По возвращении домой многие из ее выпускников долго потом не могли мириться с гражданской властью и выступали против нее с таким рвением, что вскоре на всем континенте это заведение стали называть «школой военных переворотов».

В 1952 году в Форт-Шермане (также в Панаме) был открыт центр подготовки для ведения военных операций в условиях джунглей. Обучение латиноамериканских летчиков на военно-воздушной базе Элбрук в Панаме началось еще в 1943 году. Как сбрасывать напалмовые бомбы, однако, их стали учить лишь с началом войны во Вьетнаме.

Самым престижным был центр военной подготовки в Форт-Ливенуорте, и многие офицеры, замышлявшие теперь заговор против Гуларта, были его выпускниками. Один американский генерал, некогда преподававший там, заметил: «Выпускники Ливенуорта отправлялись домой с ярко выраженным желанием отождествлять себя с Соединенными Штатами и всегда пользоваться расположением своих американских коллег».

Такая поддержка со стороны сильнейшей мировой державы привела к тому, что служба в бразильской армии или на флоте стала желанной карьерой для представителей «среднего класса». Окончив военное училище, подающий надежды офицер, как правило, продолжал учебу в одном из бразильских или американских военных колледжей, где изучал экономику, общественные науки и управление. Такие люди, как Эррера, нисколько не сомневались, что подобная военная подготовка ни в чем не уступала университетскому образованию, отличавшемуся узкой специализацией, традиционализмом и увлечением гуманитарными науками прошлого столетия. Лишь военные учебные заведения могли подготовить человека к настоящему и будущему. И это убедительно подтверждалось тем, что вышедший в отставку офицер мог легко найти себе хорошо оплачиваемую работу на каком-нибудь промышленном предприятии (бразильском или иностранном).

Даже если кому-то из офицеров и не удавалось попасть в Ливенуорт, учеба в любом американском заведении все равно могла изменить всю его жизнь. Взять хотя бы Алфредо Поэка, сына профессора физики. В 1961 году, после окончания военного училища в Бразилии, он был направлен в школу специальной военной подготовки в Форт-Брагге. Прослушанный там трехмесячный курс ведения пропаганды и психологической войны открыл перед ним новое будущее.

По бразильским стандартам Поэк был высоким человеком (видимо, сказалась немецкая кровь его родителей). Но волосы у него были редкими, зрение — слабым, а подбородок — едва очерченным. Усидчивый и трудолюбивый по своей натуре, он с удовольствием учился в Форт-Брагге, даже если порой и приходилось работать по 12 часов в сутки.

Поэка всегда поражала компетентность тех сотрудников ЦРУ, с которыми ему приходилось встречаться в период учебы и после. Про себя он решил, что это лучшая в мире разведслужба, и весьма сокрушался, что Бразилия не имеет ничего подобного. Он стал даже верить в справедливость изречения: «Человек — это нежизнеспособный продукт общества». И не мудрено: в хаосе, возникшем вследствие чрезмерного демократизма Гуларта, такому молодому офицеру, как Поэк, трудно было понять, как можно в такой обстановке практически применить

только что усвоенные методы ведения психологической войны и доказать преданность своей стране.

Сильная власть, так нравившаяся многим военным, представлялась Гуларту по-своему. Он всегда подчеркивал, что не хочет превращаться в чисто номинального главу государства (как королева Англии), поэтому в 1962 году решил провести референдум, который восстановил бы утраченные им полномочия. В попытке заручиться поддержкой Вашингтона (или хотя бы нейтрализовать его враждебность) в апреле того же года Гуларт отправился в США для встречи с Джоном Кеннеди.

В ходе переговоров в Белом доме Гуларт и Кеннеди обсудили вопрос о проведении референдума с целью вернуть бразильскому президенту всю полноту власти. Гуларт выдвинул также план взаимно согласованного выкупа иностранных предприятий, находящихся в Бразилии. Он, видимо, хотел избежать прямой экспроприации, столь пагубно сказавшейся на американо-кубинских отношениях. По завершении переговоров Кеннеди принял приглашение нанести ответный визит в июле.

Вернувшись в Бразилию, Гуларт, очевидно, подумал, что зашел слишком далеко в попытках ублажить Вашингтон, поэтому решил как-то сгладить это страстной речью по случаю Первого мая. Это выступление развеяло последние надежды, все еще теплившиеся у американского посла. Но Линкольну Гордону все равно пришлось продолжить встречи с Гулартом (работа есть работа). В ходе этих встреч бразильский президент редко вызывал у него восхищение, хотя в поводах для удивления недостатка не было.

В период кубинского кризиса в октябре 1962 года Гордон встретился с Гулартом, чтобы информировать его о присутствии советских ракет на Кубе. Его сопровождал подполковник Вернон А. (Дик) Уолтерс, новый американский военный атташе. Во время второй мировой войны тот служил в бразильском экспедиционном корпусе, и поэтому никто из американцев не имел в Бразилии таких обширных связей, как он. Особо тесная дружба завязалась у него с генералом Умберто Кастело Бранко.

Уолтерс обладал врожденными способностями к языкам. Во время нашумевшей поездки Ричарда Никсона (в то время вице-президента) по странам Латинской Америки, когда тот стал объектом публичных оскорблений, а его машину забросали камнями, Уолтерс сопровождал его

в качестве переводчика. Нередко Уолтерс жаловался друзьям, что его переводческие способности мешали ему продвинуться на более ответственный пост.

Гуларт внимательно выслушал сообщение посла и лишь один раз прервал его:

— Насколько мне помнится, Раск недавно сказал, что эти вооружения носят чисто оборонительный характер.

«Значит, он в курсе», — подумал про себя Гордон и сказал:

— Это так. Но в настоящее время мы располагаем информацией, говорящей об обратном.

— Хорошо, господин посол, — сказал Гуларт. — Если это так, то это угроза не только вам, но и нам. Хочу заверить вас в нашей солидарности в этом вопросе.

Это мгновенное согласие отнюдь не развеяло убежденности Гордона в том, что президент сам представляет наибольшую угрозу демократии в Бразилии. Гуларт, возможно, и не коммунист, но он наверняка попытается пойти по стопам Варгаса и свергнуть собственное правительство, чтобы обеспечить себе еще большую власть. Учитывая же его непостоянство и некомпетентность, это откроет коммунистам путь к захвату власти.

Поскольку лица, занимающие самый высокий государственный пост, редко когда свергают собственное правительство, ни Гордон, ни его ближайшие советники никак не могли придумать, каким бы словом назвать действия Гуларта, который, как они считали, готовил заговор. Судьбе было угодно, чтобы сам посол придумал подходящее слово. Потом он этим очень гордился, считая свою находку весьма изобретательной и уместной. «Всякий, — рассуждал он, — пытающийся свергнуть свое правительство снизу, занимается его «подрывом». Следовательно, заговор Гуларта можно назвать «надрывом».

Джон Кеннеди предпочел не наносить ответного визита в Бразилию. Вместо себя в декабре 1962 года он направил туда своего брата Роберта Кеннеди. Гордон присутствовал на встречах между министром юстиции США и президентом Бразилии и видел, что у Роберта Кеннеди нет ни времени, ни желания заниматься латиноамериканским захолустьем.

«Самое трудное уже позади, — говорил Кеннеди Гуларту. — Теперь, когда решено провести референдум, вы будете иметь хорошую возможность начать все сначала и двинуться вперед». (Через несколько недель после этого

80 процентов избирателей вернули Гуларту всю полноту президентской власти.)

«Мы можем предложить вам наше сотрудничество и поддержку, — продолжал Кеннеди. — Однако если вы начнете увлекаться романтикой левых перемен, а коммунисты и их друзья получат какой-то вес, если верх возьмут такие настроения, то в этом случае нам будет трудно с вами сотрудничать. И это не принесет пользы ни вам лично, ни Бразилии».

Прибегнув к бразильской идиоматике, Гуларт попросил Кеннеди уточнить, кого, собственно, тот имеет в виду. — «Назовите быков», — сказал он.

Кеннеди и Гордон назвали имена Алмино Афонсо, министра труда, которого американское посольство считало радикалом, и одного генерала из государственной нефтяной компании «Петробраз».

Когда в начале следующего года Гуларт перетасовывал кабинет, он все же оставил в составе правительства людей, которые, по мнению Гордона, придерживались слишком левых взглядов. На одном из приемов Гуларт спросил посла:

— Вы помните визит Роберта Кеннеди? Как вы думаете, ему понравится состав моего нового кабинета?

— Он довольно разношерстный, — сухо ответил Гордон и вновь перечислил людей, к которым в американском посольстве относились с подозрением.

— Ну, этих нечего бояться, — попытался успокоить его Гуларт. — Я присмотрю за ними.

Гордон, однако, не успокоился. С помощью ЦРУ он завел собственное досье (своего рода обвинительное заключение) на правительство Гуларта. Он пристально следил за деятельностью тех профсоюзов, в которые Гуларт проталкивал людей, подозреваемых в принадлежности к компартии. Туда входили профсоюзы рабочих-нефтяников, портовых рабочих, железнодорожников, работников связи и банковских служащих. Уолтерс информировал Гордона о положении дел в вооруженных силах.

По стране вновь поползли слухи. Гордону сообщили, например, что Гуларт признался как-то, что страшно завидует Хуану Перону, аргентинскому диктатору, который в свое время имел якобы на своем письменном столе две кнопки. Когда он нажимал на одну — портовые рабочие начинали бастовать, нажимал на другую — и те вновь возвращались на свои рабочие места. Гордон, конечно, сом-

невался в достоверности этой истории, но считал ее хорошей иллюстрацией крайних проявлений деспотизма.

Внешне казалось, что неприязнь испытывала лишь одна сторона. До самой середины 1963 года Гуларт все еще консультировался с американским послом перед проведением той или иной реформы. «Как вы посмотрите на то, — спросил он однажды у Гордона, — если я проведу декрет, в соответствии с которым вся полоса шириной 10 или 20 километров, прилегающая к государственным постройкам (дорогам, плотинам и так далее), будет экспроприирована и передана народу?»

Гордон в пространных выражениях объяснил президенту, что, если тот действительно хочет провести земельную реформу, то подобный метод представляется ему волевым и половинчатым. «Вы лишь создадите довольно странный прецедент», — сказал он в заключение.

Гуларт согласился, но при этом заметил, что проведение плана в жизнь все-таки заставит его политических противников побеситься. Это походило скорее на радостное восклицание, вырвавшееся у реформатора, сводящего счеты со своими консервативными оппонентами. Гордон с немалой дозой отвращения ясно увидел всю ограниченность Гуларта: целесообразность того или иного решения тот рассматривал сквозь призму личной политической выгоды.

Тем временем противники Гуларта продолжали встречаться с американским послом. В число этих людей входили не только личные друзья Гордона (такие, как Айрес и де Пайва), но и другие деятели. В разговорах с послом те использовали такие выражения, которые даже ему казались экстремистскими, хотя жаргон «холодной войны» Гордон усвоил хорошо.

Бразильские военные стали по-новому истолковывать традиционные политические понятия в угоду противникам Гуларта. По всем канонам, генерал Пери Констант Бевилакуа, командующий 2-й армией в Сан-Паулу, входил в категорию консерваторов. Однако вскоре разнесся слух, будто он критически относится к таким заговорщикам, как Силвио Хек. «Гуларт, возможно, и опасен, — сказал генерал в разговоре со своими офицерами, — но он занял пост президента в результате выборов, поэтому не армия, а народ должен решать, устранять его от власти или нет». Эти слова снискали ему репутацию нелояльного.

Все четче обозначались два фронта: с одной стороны — бразильские военные, с другой — Бризола, рабочие профсоюзы, крестьянские лиги, большинство рядового и сержантского состава в армии и коммунисты.

Открытая конфронтация произошла в марте 1964 года. Американские военные атташе уважали Силвио Хека, но все же считали, что успешный переворот можно осуществить лишь под руководством сухопутной армии, а не флота. Особенно важно вовлечь командиров, которые либо дружелюбно относятся к Гуларту, либо сомневаются в целесообразности свержения демократического правительства.

Одной из ключевых фигур был генерал Амаури Круэл, сменивший генерала Пери на посту командующего 2-й армией. Близость Круэла к Гуларту вызывала осложнения, поскольку без гарнизона в Сан-Паулу трудно было рассчитывать на успешное осуществление переворота. Рассказывали, что Уолтерс призывал бразильских офицеров склонить Круэла к участию в заговоре, если те действительно хотят помочь его осуществлению.

В феврале того года Филип Эйджи, агент ЦРУ из Нотрдамского университета, искренне веривший в свою миссию, находился в Вашингтоне и готовился к новому назначению. В Эквадоре он получил два повышения и был теперь в чине, эквивалентном званию армейского капитана. Находясь в Кито, он подслушивал телефонные разговоры дипломатов, подкупал местных государственных служащих и распространял ложные сообщения через эквадорскую прессу. За все эти заслуги его перевели теперь в Монтевидео — город, знаменитый своими пляжами. Для Эйджи, жителя Флориды, это было дополнительным вознаграждением.

Один из вечеров Эйджи провел в Маклине (штат Вирджиния) в доме Джима Ноланда, шефа бразильской секции отдела Западного полушария ЦРУ. Тот ознакомил Эйджи с положением дел в Бразилии, сказав, что Соединенные Штаты сталкиваются там с самыми серьезными проблемами, характерными для всей Латинской Америки.

Наибольшее беспокойство вызывало проводимое бразильским конгрессом расследование вмешательства ЦРУ в ход выборов 1962 года через такие организации, как ИБАД и АДЕП. ЦРУ истратило на это 20 миллионов дол-

ларов, и поэтому все в американском посольстве, начиная с Линкольна Гордона и кончая дипломатами самого низкого ранга, были озабочены возможностью обнародования компрометирующих документов.

Скандал был бы неминуем, если бы не следующие три обстоятельства: 1) пять из девяти членов комиссии по расследованию сами получали деньги от ЦРУ; 2) три причастных к этому банка («Ферст нэшнл сити бэнк», «Бэнк оф Бостон» и «Ройял бэнк оф Канада») отказались назвать иностранный источник валютных поступлений на счета ИБАД и АДЕП; 3) президент Гуларт (и это было самое важное) все еще надеялся найти общий язык с Вашингтоном, поэтому он позаботился о том, чтобы окончательный доклад комиссии был соответствующим образом препарирован. Конторы ИБАД и АДЕП были закрыты. Однако, к большому разочарованию левых сил, детального отчета, изобличающего причастность агентов иностранной разведки к нарушению бразильских законов о выборах, так и не было представлено.

В Пентагоне один специалист по Бразилии был немало удивлен тем, что в течение всей весны 1964 года либерально настроенные демократы в Вашингтоне проявляли крайнее нетерпение, надоедая ему с одним и тем же вопросом: «Когда же, наконец, начнут действовать ваши военные?»

Затравленный Гуларт всеми силами старался удержать власть, прибегнув к своему последнему оружию — он попытался заручиться поддержкой народа. В этих целях президент наметил ряд публичных выступлений, которыми он хотел убедить население в том, что слухи о его якобы диктаторских устремлениях лишены основания. Трудно сказать, повлияли ли его речи на умонастроения сограждан, но оперативных работников американского министерства обороны они встревожили еще больше, поскольку те усмотрели в этом попытку перенять тактику Фиделя Кастро. Один влиятельный эксперт из Пентагона сказал, что Гуларт пытается «прибегнуть к публичной демократии, обратиться непосредственно к народу и поднять его на свою защиту».

Шурин президента, Леонел Бризола, пытаясь укрепить позиции Гуларта, объявил о создании «групп 11-ти». Эти группы были вооружены и должны были в случае попытки военного переворота оказать заговорщикам сопротивление.

Фернандо Габейра, бывший репортер из газеты «Бипомио» в Белу-Оризонти, перебрался теперь в Рио и работал в «Памфлето» — газете, издававшейся Леонелем Бризолой. Он тоже вступил в одну из «групп 11-ти», но вскоре понял, что затея эта была пустой. В случае переворота каждая группа должна была оказывать сопротивление. Но как? Чем? Группы были организованы наспех, военная подготовка была слабой, а оружия не хватало. К тому же, как и в случае с крестьянскими лигами, в них тут же проникли доносчики и осведомители. Фернандо был уверен, что американское посольство знало, как слабы и неэффективны «группы 11-ти». Узнав потом, что Гордон назвал их одной из причин военного переворота, он поразился цинизму американского посла. Фернандо и его друзья-социалисты недооценивали Гордона. Когда тот приехал в Бразилию, они решили, что к ним явился еще один неудачливый кабинетный работник, пытавшийся скрыть свою полную растерянность глубокомысленными затяжками из трубки. И вот теперь он оказался в самом центре заговора, направленного на свержение правительства пятой по величине страны мира.

На 13 марта Гуларт назначил массовый митинг. Там он хотел произнести речь и публично подписать свой урезанный законопроект об экспроприации земли. В течение двух недель оппозиционная пресса обрушивалась на предстоящий митинг, называя его опасной затеей, которая может нарушить общественный порядок. Во многих домах Рио раздавались анонимные телефонные звонки и незнакомый голос предупреждал: «Советую вам не ходить на коммунистическое сборище».

Из Вашингтона пришло сообщение о создании «экономической группы для Латинской Америки», призванной координировать деятельность американских деловых кругов и вашингтонской администрации. В нее вошел Дэвид Рокфеллер, председатель правления «Чейз Манхэттен бэнк» и члены правления таких корпораций, как «Стандард ойл», «Юнайтед фрут», «Ю. С. стил», «Форд мотор» и «Дюпон де Немур». Группа не была официальной и своей деятельности не рекламировала. Предполагалось, что она будет заниматься не программами помощи в рамках Агентства международного развития, а «политическими проблемами» на континенте. В конце января 1964 года

члены группы встретились в Белом доме с президентом Джонсоном, директором Агентства международного развития Дэвидом Беллом и советником Джонсона по Латинской Америке Томасом Манном, который весьма холодно относился к «Союзу ради прогресса» — детищу администрации Кеннеди. По словам бизнесменов, впервые за последние три года встреча в Белом доме была чрезвычайно теплой.

Противники Гуларта развернули в прессе новую кампанию, акцентируя внимание на том, что президент, видимо, не случайно решил назначить митинг на «черную» пятницу 13 марта. Было и еще одно немаловажное обстоятельство. 7 марта конгресс был распущен на каникулы и должен был возобновить работу лишь 15 марта. Поэтому газеты намекали, что Гуларт может выступить с демагогической речью, а затем объявить в стране военное положение и вообще распустить конгресс.

Немалую тревогу у консерваторов вызывала мысль о том, что Гуларту захочется вызвать народный гнев, напомнив, с какой несправедливостью бразильцам приходится сталкиваться ежедневно. Если это предположение оправдается, далеко ходить за примерами ему не придется. Для этого достаточно открыть любую газету. Минимальная заработная плата в Бразилии составляла всего 23 доллара в месяц, а престарелые и инвалиды должны были довольствоваться и того меньшим. Известен случай, когда один инвалид, потерявший ногу в результате несчастного случая на железной дороге, стал получать чуть бо́льшую пенсию лишь после того, как директор зоопарка в Рио сказал, что в месяц на прокорм шимпанзе требуется сумма, в пять раз превышающая ту, которую получает этот инвалид.

Еще до митинга Гуларт в предварительном порядке выдвинул ряд новых предложений. В соответствии с ними корпорации должны были расширить кредит для рабочих путем новых займов, квартирная плата должна была быть «привязана» к минимальной заработной плате, а деятельность компаний, контролировавшихся правительством, должна была быть тщательно расследована. Он также подписал декрет, предписывавший фабрикантам изготавливать дешевые модели обуви и одежды, которые были бы по карману беднякам.

Все, по-видимому, понимали, что назревает взрыв. Представитель центра промышленников в Рио призвал богачей учиться стрелять, поскольку, по его словам, в одном лишь штате Гуанабара насчитывалось 9 тыс. коммунистов.

Сообщалось также, что Гуларт собирается произносить речь с той же трибуны, с которой Варгас в свое время провозгласил себя диктатором.

Наконец наступил вечер 13 марта. Первым выступил Бризола. Он обрушился на бразильский конгресс, обвинив его в «ничегонеделании». Это должно было лишь подчеркнуть тот факт, что еще перед митингом Гуларт принял практическую меру — подписал законопроект об экспроприации некоторых земель. Помимо участков, непосредственно прилегавших к железным дорогам и ирригационным плотинам, новый закон распространялся и на землевладения площадью 500 гектаров и выше в том случае, если эта земля должным образом не обрабатывалась. Президент также объявил о планах национализации последних семи нефтеперерабатывающих заводов, все еще находившихся в руках частного бразильского капитала и не подпадавших под контроль федеральных властей.

Гуларт все же сделал примирительный жест в сторону своих политических противников из числа правых, отметив, что после второй мировой войны генерал Дуглас Макартур провел в Японии еще более радикальную земельную реформу и что ничего подобного в предлагаемом им проекте нет. Своим сторонникам из числа левых Гуларт сказал, что это лишь первый шаг. Обращаясь же ко всем христианам, особенно к «мобилизованным» де Пайвой домохозяйкам, он сказал, что «христианство не должно использоваться как прикрытие для получения привилегий».

Слушая выступление Гуларта по телевидению, Линкольн Гордон спокойным себя не чувствовал. Во-первых, национализация нефтеперерабатывающих заводов не может быть законной. Во-вторых, он заметил, что рядом с Гулартом стоял Дарси Рибейро — бывший ректор Бразильского университета, руководитель группы советников президента по проблемам внутренней политики. А это был опасный человек, который уже не раз заносился американским посольством в «черный» список. Рибейро, например, обрушился с критикой на «клуб избранных», в который, по его подсчетам, входило пять миллионов бразильцев. Остальные 75 миллионов доступа туда не имели. Он также заявил, что, хотя сам и не собирается вступать в члены объявленной вне закона коммунистической партии, тем не менее считает, что ее деятельность должна быть легализована. К тому же на дипломатических раутах он вел себя довольно вызывающе и всем своим видом показывал, что

вмешательство посла Гордона во внутренние дела Бразилии выходит за рамки надлежащего поведения иностранного дипломата в стране пребывания.

И вот сегодня Рибейро уже стоит рядом с Гулартом. Гордону стало ясно, что это он написал речь для президента. Посол тут же решил вылететь в Вашингтон для консультаций. Последние две трети речи Гуларта он слушал уже в машине, которая неслась в сторону аэропорта Галеао. Теперь ему стало уже окончательно ясно, что дальше терпеть нельзя.

В течение всего периода, предшествовавшего перевороту, Вашингтон подробно информировался о развитии событий. Уолтерс посылал очередную шифровку в Пентагон, после чего министр обороны Роберт Макнамара вызывал к себе советников, включая старшего офицера разведуправления министерства обороны, имевшего надежных людей в Бразилии. Макнамара нисколько не задумывался над целесообразностью насильственного свержения гражданского правительства в одном из демократических государств Латинской Америки. Он ничуть не сомневался, что многие убежденные коммунисты (или социалисты — неважно, как называют себя все эти левые) оказывали на Гуларта сильное влияние. Лишь одно беспокоило Макнамару: не успел ли Гуларт провести «подрывную работу» среди военных и не внедрил ли в их ряды своих сторонников, которые могут помешать армии поднять мятеж.

И еще Макнамару волновал вопрос, будет ли переворот успешным. Полгода назад Соединенные Штаты оказали поддержку противникам режима Дьема в Южном Вьетнаме и свергли там гражданское правительство, поставив у власти военного. Первый выбор оказался, однако, неудачным. Добродушный и неповоротливый генерал Минь, несмотря на всю свою популярность, оказался не по душе энергичным и бойким американским советникам. Поэтому уже через три месяца понадобился еще один «мини-переворот», в результате которого власть перешла в руки американского ставленника Нгуен Ханя.

Бразилии это не грозило. Уолтерс по-прежнему был очень близок к Умберто Кастело Бранко, который и должен был возглавить переворот. Но будет ли он успешным? Консультант из министерства обороны заверил Макнамару, что будет. Министр повернулся к генералу Джо Кэрроллу и спросил, а что тот думает по этому поводу. Отдает ли этот малый из военной разведки отчет своим словам?

Консультант вновь вмешался и сказал, что, как бы там ни было, Соединенные Штаты не будут непосредственно вовлечены в это дело.

Да, конечно, согласился Макнамара. Это было бы идеально. Пусть они сами все делают. И все же некоторое беспокойство вызывают довольно тревожные сообщения о том, что у одного генерала — жена коммунистка, другой продался Гуларту.

Было решено, что бразильские военные должны действовать сами. На всякий случай были разработаны планы оказания им тайной помощи. Предусматривались, например, переброска оружия по воздуху и сбрасывание его на парашютах в определенном месте, а также швартовка танкеров с американской нефтью в Сантосе на тот случай, если коммунисты захватят «Петробраз». Был даже разработан оперативный план на тот (весьма невероятный) случай, если вмешаются русские. Позже один чилийский журналист сообщил еще об одном обязательстве, принятом американцами. В начале марта генерал Эндрю О'Мира, высший офицер Южного командования США, сделал краткосрочную остановку в Рио и обещал перебросить из зоны Панамского канала американских парашютистов в случае возникновения очагов сопротивления. Однако впоследствии официальные лица в Вашингтоне утверждали, что такие вопросы, как возможность тайного использования американских солдат и попытка отговорить бразильских военных от заговора, серьезному обсуждению не подвергались.

В самой Бразилии по мере приближения намеченного срока нервозность генералов усиливалась. Гуларт, вне всякого сомнения, пользовался популярностью среди рядового и сержантского состава, механиков и техников ВВС. А что, если офицеры не найдут ни одного пригодного для полетов самолета? А младший состав в армии или на флоте? Достаточно ли он предан своим командирам?

Генералы боялись, что развязываемая ими гражданская война может продолжаться целых три месяца, а то и дольше. Но они верили Гордону и другим близким к ним американцам, которые заверяли: если генералы продержатся в Сан-Паулу в течение 48 часов, Вашингтон признает их в качестве нового законного правительства Бразилии.

За несколько дней до переворота ИПЕС организовал многолюдный марш против Гуларта. В Сан-Паулу тысячи

людей прошли от Прaса-де-Република до Прaса-де-Са. Марш проходил под лозунгом «Вместе с семьей и богом — за свободу!».

Страстная речь Гуларта не привлекла на его сторону новых друзей и не дала выигрыша во времени. На обеде, устроенном трабальистской партией 19 марта, некоторые ее члены призвали Гуларта распустить конгресс. Но тот категорически отказался.

На другой день президент заявил представителям либерального крыла Социал-демократической партии, что «не согласен стать диктатором хотя бы на одну минуту». Он хочет одного — передать своему преемнику «новую Бразилию».

Доходившие до Гуларта слухи не давали ему жить спокойно. 22 марта он был вынужден выступить с публичным заявлением о том, что не собирается вносить в конституцию никаких поправок, которые давали бы ему возможность продлить срок своего пребывания у власти. Масла в огонь подлил де Пайва. Он безосновательно обвинил Гуларта в том, что тот назначил на ключевые посты в правительстве 28 убежденных коммунистов.

23 марта, когда Гордон вернулся из Вашингтона, всем стало ясно, что дни Гуларта сочтены. Но бразильский президент успел все же нанести еще один чувствительный удар по своим противникам: он попросил Бризолу возглавить трабальистскую партию, надеясь тем самым более эффективно использовать его напористость и энергию. Возглавляемая Бризолой трабальистская партия должна была объединиться с рабочими и студенческими организациями и создать объединенный фронт, которому предстояло отстоять предоставленные бразильцам концессии на добычу полезных ископаемых, предоставить избирательные права неграмотным, легализовать коммунистическую партию, установить контроль федерального правительства над всей иностранной помощью, национализировать иностранные банки и страховые компании и установить государственную монополию на экспорт кофе.

Консерваторы ответили на это призывом принять участие в массовом антикоммунистическом митинге, назначенном на 2 апреля в Рио. Именно в этот день военные решили свергнуть правительство Гуларта.

В ночь на 27 марта Уолтерс, больше не сомневавшийся в лояльности Кастело Бранко, окончательно заверил государственный департамент в том, что генерал теперь уже

прочно связал свою дальнейшую судьбу с заговором. Уолтерс докладывал: «Теперь уже ясно, что генерал Кастело Бранко окончательно взял на себя руководство силами, преисполненными решимости противостоять перевороту Гуларта или коммунистов... Реакция на митинг 13 марта и широкое участие бразильцев в марше в Сан-Паулу воодушевили заговорщиков».

Пасхальные каникулы президент проводил на своем ранчо в Рио-Гранде-ду-Сул. Гордон с раздражением относился к тому, что Гуларт столь вызывающе предпочитал заниматься охотой и рыбной ловлей, а не исполнением государственных обязанностей и что общению с дипломатами тот предпочитал компанию неотесанных гаучо. Пока Гуларт отдыхал, было арестовано 30 военных моряков, выступивших с политическим протестом. На их усмирение было брошено 300 морских пехотинцев, которые либо не могли, либо не хотели поддержать их протест.

Вернувшись с ранчо, Гуларт освободил моряков, и те прошли потом по улицам, громко скандируя: «Да здравствует Жанго!» Для высших военных чинов это граничило с мятежом. Поэтому министр ВМФ, отличавшийся особой требовательностью в вопросах соблюдения военной дисциплины, в знак протеста ушел в отставку.

Гуларт был далек от того, чтобы раскаиваться в содеянном. Вечером 30 марта он встретился с группой военнослужащих рядового и сержантского состава и воспользовался этим для резкой критики международных нефтяных трестов, алчных домовладельцев, жуликоватых торговцев и иностранных фармацевтических компаний. Именно эти круги, сказал Гуларт (как это делали в свое времяВаргас и Куадрос), финансируют теперь кампанию против моего правительства.

Все это происходило вечером в понедельник. Во вторник рано утром в кабинете американского посла собрались сам Гордон, Уолтерс, Гордон Мейн (заместитель посла) и начальник «станции» ЦРУ. Армейские генералы в штате Минас-Жерайс не хотели больше ждать ни одного дня. 31 марта 1964 года в 9.30 утра свой человек в армейском штабе сообщил в посольство США: «Шар в воздухе!»

Генералы двинули войска, расквартированные в штате Минас-Жерайс, на Рио с намерением включиться в теперь уже не вызывавшую сомнений кровавую гражданскую войну. Некоторым подразделениям было сказано, что их посылают для защиты Рио от врагов Гуларта, поэтому

солдаты с готовностью двинулись в путь, воодушевившись тем, что им придется защищать демократическое правительство.

В Вашингтоне группа высших представителей американского руководства испытывала некоторую нервозность. 31 марта Гордон получил радиограмму, подписанную Дином Раском, Робертом Макнамарой, генералом армии Максвеллом Тэйлором, генералом Эндрю О'Мирой, директором ЦРУ Джоном А. Маккоуном, Джорджем Боллом, Томасом Манном и специальным помощником президента Ралфом Дангеном. В радиограмме говорилось, что, хотя другой такой «возможности» может и не представиться, посольству все же настоятельно рекомендуется «в безнадежное дело американское правительство не вовлекать».

В радиограмме ставилось несколько запоздалых вопросов: «Кто из гражданских лиц в новом правительстве может претендовать на пост президента? Это, разумеется, не исключает возможности передачи власти (в качестве крайней меры) военной хунте, однако в этом случае правительству США будет труднее оказывать помощь. Какая у вас имеется информация относительно оперативных планов военных действий? Предусмотрена ли возможность отсечения 1-й армии в случае ее «прорыва» и отхода от Рио? На наш взгляд, такое отсечение следует производить в районе крутого откоса на шоссе между Рио и Сан-Паулу, а также на шоссе между Рио и Белу-Оризонти. Располагаете ли вы информацией относительно планов дружественных нам губернаторов и армейских командиров на северо-востоке?»

Затем следовал последний вопрос, устранявший всякие сомнения относительно того, какую сторону намерены поддерживать Соединенные Штаты. Вопрос этот был сформулирован следующим образом: «Нужно ли будет США производить широкие поставки военного снаряжения для обеспечения успешного переворота?»

Донесения Объединенного комитета начальников штабов с грифом «совершенно секретно» показали в дальнейшем, как сильно Пентагон полагался на Гордона и его подчиненных в определении роли США в перевороте. В одном из них говорилось, что на военно-воздушной базе Макгуайер находился груз оружия и боеприпасов весом 110 тонн на случай, если от Гордона поступит сигнал о том, что бразильским военным или полиции требуется срочная американская помощь. Кроме того, в Южную Ат-

лантику направлялось оперативное соединение американских военных кораблей, в состав которого входил один авианосец. Вопрос о заходе этих кораблей в бразильские порты или о какой-либо иной демонстрации военной мощи США должен был решаться самим Гордоном. Посла также просили сообщить, в каком объеме необходимо продолжать поставки горючего.

Вечером 31 марта Гордон встретился с Жуселину Кубичеком. Несмотря на все обвинения в коррупции и катастрофической инфляции в период его пребывания у власти, Кубичек все еще имел немалый политический вес. Теперь, когда Гуларта отстраняли от власти, Гордон хотел, чтобы Кубичек провел среди бразильских конгрессменов соответствующую работу, с тем чтобы новый режим получил видимость законности.

За час до наступления нового дня генерал Крузл, который дольше всех не хотел присоединяться к заговорщикам, наконец сдался. Если бы он медлил и далее, его могли бы арестовать собственные офицеры.

Если бы Гуларт знал, что правительство США сталкивалось с серьезными внутренними проблемами, если бы он понял, что существует глубокая пропасть между публичными заявлениями Кеннеди или Джонсона в поддержку социальных реформ и отчаянно сопротивлявшимися этим реформам американскими промышленниками, разведслужбами, Пентагоном и полицейскими советниками, он мог бы предположить, что американский президент руководствовался более серьезными побуждениями. Однако в ночь на 1 апреля Гуларт понял, что все обстоит иначе.

Пропасть между публичными заявлениями Вашингтона и его практическими действиями уже давно приводила латиноамериканских политиков в полное замешательство. Ромуло Бетанкур в Венесуэле как-то попытался убедить Че Гевару, что у Соединенных Штатов — два лица. Одно выражает репрессивные и империалистические устремления, а другое — дружеское расположение и преданность социальной справедливости. «Нет, — сказал тогда Че Гевара, — у Америки лишь одно лицо — репрессивное».

1 апреля, когда о перевороте уже знали все, Гордон вдруг забеспокоился, надежно ли защищено посольство. Оно находилось в каких-нибудь двух кварталах от большой площади перед оперным театром, поэтому его полная

безопасность вряд ли была возможна вообще. Рассказывали, что, когда Куадрос подал в отставку, возмущенная толпа вдребезги разбила камнями с десяток окон посольства (огромные дымчатые стекла были весьма соблазнительной мишенью). Все окна теперь всегда были закрыты, и, поскольку с трех сторон посольство окружали такие же высокие дома, Гордон приказал еще и зашторить их, опасаясь огня снайперов.

Хотя день выдался жаркий и влажный, посол распорядился отключить все кондиционеры: он боялся, что, если повстанцам (т. е. тем, кто оставался верен гражданскому президенту) удастся вызвать пожар на нижнем этаже, дым при работающих кондиционерах может быстро распространиться по всему зданию.

Бо́льшую часть сотрудников посольства Гордон отправил домой, оставшись с горсткой доверенных лиц, которых он называл своей «оперативной группой». Закрывшись в душном и темном кабинете на восьмом этаже, они стали дожидаться новостей с поля боя. Весь девятый этаж принадлежал ЦРУ, а десятый был передан в распоряжение связистов. Гордон приказал поднять всю документацию на эти три этажа и выставил там всю свою охрану, состоявшую из 20 морских пехотинцев.

Сражений, однако, не последовало. Толпа студентов собралась на площади у Синеландии (квартале, где расположены крупнейшие кинотеатры города) и стала протестовать против переворота. Еще одна группа молодежи собралась в студенческом кафе. Несколько человек ворвались в военный клуб и бросились бежать вверх по лестнице. Охранники выстрелили в них и убили двух студентов. Остальные тут же отступили.

Многие армейские командиры в других районах страны заняли выжидательную позицию и не спешили следовать примеру гарнизона в Минас-Жерайсе. Ни коммунисты, ни профсоюзы, ни младший личный состав вооруженных сил, ни созданные Бризолой «группы 11-ти» не оказывали сопротивления — все ждали, что скажет Гуларт.

В Санта-Крус, главной военно-воздушной базе Рио, солдаты, узнав о перевороте, арестовали всех офицеров. Ходили слухи, будто начальник штаба ВВС с симпатией относится к коммунистам. Мятежники решили вызвать его на базу и спросить, что делать дальше. Может, сбросить бомбы на колонну войск, двигавшихся на Рио из Минас-

Жерайса? Одни офицеры были готовы поднять самолеты в воздух, другие возражали, заявляя, что полетят лишь под дулом пистолета. Но начальник штаба, бригадный генерал Франсиско Тейшейра, приказал: «Соблюдать дисциплину! Освободить офицеров! Ждать дальнейших распоряжений!»

Карлос Маригела, бывший депутат парламента и один из руководителей коммунистической партии, приказал Тейшейре сбросить бомбы на армейские колонны, двигавшиеся из Минас-Жейраса, и одновременно атаковать резиденцию губернатора Ласерды. Тейшейра отказался выполнить приказ, сказав, что он должен исходить либо от Генерального секретаря ЦК БКП Луиса Карлоса Престеса, либо от самого Гуларта.

Последний вылетел на юг в Порту-Алегри для встречи с Бризолой, который пытался уговорить его сражаться. Долгая и шумная перепалка между ними закончилась тем, что Бризола назвал Гуларта трусом.

«Нет, — ответил президент,—я не трус. Я просто не хочу нести ответственность за кровопролитие в Бразилии».

Для Карлоса Ласерды переворот означал большие перемены в личной жизни. Согласно закону, вице-президент Мадзилли мог занимать пост президента в течение 120 дней. По истечении этого срока, учитывая, что Вашингтон предпочтет видеть на посту президента гражданское лицо, военным наверняка понадобится кто-нибудь в штатском, который и будет номинальным президентом до новых выборов. Кубичек вряд ли согласится стать таким человеком: согласно конституции, временное пребывание на посту президента лишит его возможности добиваться переизбрания на полный срок в будущем году. Вот почему американское посольство намекнуло Ласерде, что тот имеет все основания претендовать на пост президента до новых выборов.

Выступая по радио, Ласерда произнес одну из своих самых пылких речей. Окружив свой дворец мусороуборочными машинами, он призвал всех, кто его слышит, немедленно идти на баррикады и сражаться со сторонниками Гуларта.

Для Гордона и его группы, запершихся в американском посольстве, единственным источником информации в пол-

день 1 апреля были рассказы посыльных, которых они отправляли в город разузнать, что происходит. По их сообщениям, армия разогнала толпы студентов, и на этом все сопротивление, длившееся полтора часа, закончилось.

Понимая, что настал исторический момент, все находившиеся в кабинете обратили теперь взоры на посла, дожидаясь, что тот скажет по этому поводу. Он мог бы с полным на то основанием поздравить своих подчиненных с успешной операцией по «дестабилизации», но слово это получило широкое распространение лишь после свержения правительства Сальвадора Альенде в Чили. К тому же и придумал его не Линкольн Гордон.

Посол понимал, что должен что-то сказать. Пройдут годы, и Уолтерс будет еще долго потом подтрунивать над Гордоном, вспоминая те «памятные» слова. Гордон тогда поднялся с кресла и сказал: «Включите кондиционер».

Американскому послу предстояло пережить еще один трудный день, но к ночи 2 апреля всем стало ясно, что военные установили полный контроль над Бразилией. К этому времени президент Джонсон уже послал новому режиму приветственную телеграмму. В ходе государственного переворота погибло всего человек 20, что позволило его организаторам утверждать, что он был бескровным. Кроме того, они назвали переворот «революцией».

Линкольн Гордон вдруг почувствовал смертельную усталость, как после какого-то кошмара. Вернувшись в свою официальную резиденцию, он впервые за многие месяцы крепко уснул.

Прилетев в Вашингтон, Гордон увидел, что у всех такое же приподнятое и радостное настроение, как и у него. Каждый хотел быть лично причастным к событиям в Бразилии. Уильям К. Дохерти, директор Американского института развития свободных профсоюзов, выступил с хвастливым интервью по радио. Он сказал: «То, что произошло в Бразилии, случилось не само по себе. Все это было спланировано заранее, за несколько месяцев вперед. В революции, в свержении режима Гуларта приняли участие многие профсоюзные лидеры, некоторые из которых обучались у нас в институте».

Гордон, человек сдержанный, считал, что другой политический деятель, Томас Манн, желая показать конгрессу всю мудрость американской администрации, тоже зашел

несколько дальше, чем нужно, в своей хвастливой оценке роли США в перевороте.

Комментируя показания Манна, конгрессмены весьма охотно воздавали должное ему и его коллегам в государственном департаменте. Уэйн Хейс, член палаты представителей от демократической партии (штат Огайо), назвал решение американского правительства тут же признать новый режим в Бразилии самым разумным решением в области латиноамериканской политики США за долгие годы.

Генерал О'Мира напомнил конгрессменам о событиях, происшедших в Латинской Америке после вступления в должность президента Кеннеди. «В девяти странах, — сказал он, — военные хунты свергли избранные правительства». Генерал, однако, был далек от того, чтобы с укором указывать на кого-то пальцем. «Приход к власти правительства Кастело Бранко в Бразилии, — сказал он, — спас эту страну от диктатуры, которая могла бы привести лишь к коммунистическому перевороту».

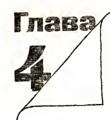
Конгрессмен Гарольд Гросс, республиканец из штата Айова, спросил:

— А разве сейчас там не диктатура?

— Нет, — ответил генерал О'Мира.

В Вашингтоне посол Гордон случайно встретился с Робертом Кеннеди. Министр юстиции все еще глубоко скорбел по своему убитому брату, но события в Бразилии несколько приободрили его.

«Что ж, Гуларт получил по заслугам, — сказал он Гордону. — Жаль, что он не послушал тогда моего совета».



Мало кто из американских граждан в Бразилии сожалел о перевороте, и меньше всех — полицейские советники. Чем теснее становились их связи с бразильскими деловыми и военными кругами, тем тверже они верили в то, что переворот назревал уже давно. Ничуть не беспокоило советников и то обстоятельство, что буквально за один день их роль резко изменилась: если раньше они занимались подготовкой полиции в стране с демократически избранным правительством, то теперь им придется готовить полицейские кадры в условиях диктатуры. Это различие, а также мысль о том, что перед бразильской полицией теперь, видимо, встанут совершенно иные задачи, нисколько не волновала ни Ю. Алексиса Джонсона, ни Байрона Энгла.

В феврале 1963 года Дэн Митрионе был переведен в Рио. Теперь он стал больше времени проводить с полковниками полиции, чем с рядовыми полицейскими, с которыми он встречался все реже и реже. Большинству младших офицеров он пришелся по душе, и вскоре в полицейском управлении заговорили о конкретных результатах его работы: появилось больше амуниции и боеприпасов, включая устройства для автоматической перезарядки револьверов, радиопередатчиков и снаряжения для борьбы с беспорядками. Кроме того, в полицейскую школу в Вашингтоне было принято больше бразильских слушателей. Митрионе ввел в обиход полицейский блокнот — обязательную принадлежность американских полицейских, куда они заносят все происшествия на дежурстве. Он также неустанно призывал командный состав меньше тратить времени на церемониал и побольше заниматься надзором, почаще выезжать из управления и проверять своих подчиненных на дежурстве.

Круг обязанностей Митрионе расширился еще больше, когда его пригласил к себе новый шеф полиции штата Гуанабара (армейский полковник) и сказал: «Всю свою жизнь я ездил в джипе, а теперь вот мне дали седан. Вы не покажете, как им управлять?» Митрионе охотно оказал полковнику эту услугу, и между ними завязалась дружба.

Каждое утро в течение четырех часов Митрионе обсуждал с новым начальником вопросы распределения бюджета, оснащения полиции оборудованием и расстановки кадров. Закончив с ним, Митрионе повторял все это с 12 старшими офицерами управления, после чего каждый из них должен был провести занятия на ту же тему с 12 подчиненными.

Митрионе и его секретарь работали в небольшой конторе, расположенной на территории полицейской казармы в центре города. Белые оштукатуренные стены и стеклянный потолок, закрывавший светильники, придавали комнате вид аквариума. Дверь Митрионе выходила на заасфальтированную баскетбольную площадку, позади которой виднелась небольшая церквушка, носившая название «Страдалица-богоматерь».

Впоследствии это название приобретет особый, издевательский смысл для вызывавшихся на допрос бразильцев. Но до переворота полицейские в казарме считали, что если кто и страдает, так это они. Во всем мире, жаловались они, полицейские получают слишком низкое жалованье, перегружены работой и не пользуются поддержкой населения. Митрионе, теперь уже довольно бойко изъяснявшийся по-португальски, и сам нередко ворчал, хотя его предшественник никогда не осмеливался и слова сказать на этот счет, да еще по-португальски.

До переворота полицейские скрывали месяцами накапливавшееся недовольство. Каждый день они делились друг с другом впечатлениями о проявлении несправедливого к ним отношения со стороны приверженцев Гуларта. В школе, например, к детям полицейских относились плохо. Учителя с левыми взглядами ставили им плохие отметки лишь только потому, как они считали, что их отцы — «гориллы» (полицейские и армейские офицеры).

И бразильские, и североамериканские полицейские могли привести достаточно примеров того, как пресса, по их мнению, злоупотребляла своей свободой, как она либо подтасовывала факты, либо искажала их во всех материалах, касавшихся полиции. Пресса, например, всегда охот-

но сообщала о том, что полицейский по имени Маурисио Гимараис был пойман с поличным, когда пытался украсть корзину цветов из цветочного магазина, или что сыщик Северино Безерра да Силва из отдела краж и хищений сам стал жертвой воров, очистивших ему карманы на почте. Стоило вступить полицейским в перестрелку с революционерами (например, с опасными преступниками, убившими двух полицейских), как пресса тут же начинала кричать о расправе с политическими противниками.

«Знаете, как следовало бы озаглавить эту статью? — жаловался один бразильский полицейский своему американскому советнику. — «Силы добра побеждают силы зла». А вышло, что пресса нас же во всем и обвинила. Взять бы да и заткнуть ей рот».

Американский советник, выслушивавший эту жалобу, отнюдь не был ярым защитником свободы печати. Он вспомнил, как еще в Америке оштрафовал как-то издателя небольшой газетенки за нарушение правил дорожного движения, а тот через какое-то время обозвал его лжецом. Дэн Митрионе вспоминал также, как Руди Линдз пользовался «Палладиум-айтм» как дубинкой. И другие советники могли припомнить немало случаев, когда между ними и местной газетой возникали конфликты. Вот почему, когда военная хунта начала ужесточать контроль над бразильской прессой, мало кто из американских советников стал предупреждать, что введение цензуры может создать опасный прецедент.

На начальном этапе осуществления программы подготовки полиции при Кубичеке, Куадросе и даже Гуларте большинство американских советников (если, конечно, те не были агентами ЦРУ, использовавшими программы как «крышу») не сталкивались с проблемой борьбы с подрывной деятельностью. Сейчас же появилась новая категория преступников — политические повстанцы. И если бы их симпатии не были всецело на стороне местной полиции, такие советники, как Митрионе, возможно, столкнулись бы с трудной дилеммой. Официальная линия поведения, казалось, была четкой и недвусмысленной: полиция должна заниматься расследованием убийств, ограблений и похищений людей. Мотивировка же этих преступлений ее не касается.

Но нутром своим как бразильские, так и американские полицейские понимали, что это не совсем так. Они видели, что подрывные элементы пытаются проникнуть в сущест-

вующие общественные институты — школы, профсоюзы, церковь. Как-то после неожиданного налета на монастырь, в котором, как полагали, скрывались антиправительственные элементы, один полицейский доложил, что видел там икону Христа, у которого вместо лица была фотография Че Гевары. Все в полицейском управлении возмутились этим кощунством, хотя трудно было сказать, какими соображениями они при этом руководствовались — религиозными или политическими.

Хотя грозящая опасность осознавалась всеми, не ясно было, какими методами с ней нужно бороться. Генерал Голбери перебрался в новую столицу, прихватив с собой сотни тысяч составленных им досье. Там он должен был учредить первую в стране национальную разведывательную службу — СНИ. Но достоверность кое-каких документов в этих досье трудно было доказать, а судопроизводство все еще велось медленно и неэффективно. По сведениям полиции, после переворота тысячи мужчин и женщин скрывались от правосудия.

Вскоре, однако, решение было найдено. Слушателям Международной полицейской школы в Вашингтоне демонстрировался фильм Джилло Понтекорво «Битва за Алжир». В нем показывалось, как верные Франции полицейские создавали тайные ударные группы, которые по ночам подвергали респрессиям алжирских патриотов, взрывали их дома и убивали родственников.

Нечто подобное практиковалось и в самой Бразилии, особенно среди менее разборчивых в средствах полицейских. Уже много лет в наиболее опасных окраинных районах Рио (таких, как Кашиас) между различными бандами велась война за контроль над торговлей наркотиками и проституцией. Если какому-то главарю банды необходимо было устранить конкурента, он нанимал за плату полицейского, который и делал это за него.

Американские советники об этом знали. Больше того, в период, предшествовавший перевороту 1964 года, они использовали это в качестве еще одного аргумента в пользу увеличения жалованья полицейским. Митрионе и другие утверждали, что, увеличив жалованье новобранца, можно будет требовать от него более добросовестного отношения к службе.

И все же практика совершения убийств полицейскими в свободное от дежурств время искоренена не была. Она лишь трансформировалась в соответствии с новыми целя-

ми. В год военного переворота некий Милтон Ле Кок, полицейский из Рио, был убит уголовным преступником по кличке Лошадиная морда. Полицейские — друзья Ле Кока поклялись отомстить за него и убить десятерых гангстеров. Вскоре, однако, выяснилось, что блюстители порядка несколько переусердствовали: в сточных канавах и на пустырях были найдены тела 30 мелких преступников. К трупам были приколоты написанные от руки записки: «Я был вором» или «Я торговал наркотиками». Все они были подписаны: «Э.С.» («эскадрон смерти»).

Даже при военном режиме, заменившем гражданские суды военными трибуналами, полиция считала правосудие малоэффективным, поэтому практикуемый «эскадроном смерти» метод вынесения быстрых и окончательных приговоров очень быстро получил распространение и в других городах, где полиция стала полагаться на собственные силы. Никакого соперничества или вражды при этом не наблюдалось. На стене в полицейском управлении Рио, например, висел вымпел, подаренный в знак дружбы «эскадроном смерти» в Сан-Паулу.

Убийца Ле Кока в конце концов попал в засаду на какой-то ферме и был убит. Все участники операции подходили затем по очереди к трупу и всаживали пулю в бездыханное тело. Такой ритуал убийства был по-своему «чистым», однако очень скоро стали попадаться трупы людей со следами пыток: сигаретными ожогами и ножевыми ранениями. «Эскадроны смерти» начали даже рекламировать свои методы расправы. Так, в Рио человек, назвавший себя Красная роза, позвонил в редакцию одной из газет и сообщил, где можно найти последнего «мертвяка». В Сан-Паулу связь с прессой поддерживал полицейский по кличке Белая лилия.

Хотя некоторые члены «эскадронов смерти» и утверждали на словах, что личного участия в такого рода деятельности не принимали, они все же не особенно скрывали от общественности, чем занимаются в действительности, полагая, что этим вызовут лишь всеобщее восхищение.

Полиция Сан-Паулу представляла только один из нескольких государственных органов, занимавшихся сбором информации о подрывных элементах. Каждый из родов войск начал было расширять собственные разведывательные службы, однако вскоре некоторые крупные предприниматели-консерваторы стали с беспокойством утверждать,

что соперничество между ними ведет к дублированию и, что еще хуже, неэффективности.

Одним из таких «обеспокоенных» предпринимателей был Хеннинг Алберт Бойлесен, директор компании по производству сжиженного газа. В Бразилию он приехал из Дании в качестве представителя шинной компании «Файрстоун» и через 17 лет стал натурализованным бразильским гражданином. Бойлесен легко вошел в высшее общество Сан-Паулу и вскоре чувствовал себя там как рыба в воде. У него появилась масса весьма влиятельных друзей, таких, например, как бывший министр Элио Белтрао, президент компании «Петробраз» Эрнесто Гайзел и генерал Сисеньо Сарменто. Поселился он в доме на улице Соединенных Штатов, и в течение многих лет его знакомые считали, что выбор улицы с таким названием был далеко не случаен.

Подозрение в том, что Бойлесен был агентом ЦРУ, еще более укрепилось, когда тот стал собирать пожертвования на создание новой организации, которую он назвал ОБАН. Объединив различные военные разведслужбы и полицейские сыскные отделы, она начала «крестовый поход», цели которого выходили далеко за рамки ее назначения.

Бойлесен и его приспешники стали оказывать сильный нажим на других бизнесменов, пытаясь заставить их оказывать ОБАН финансовую поддержку. Их призывы не многим отличались от лозунгов де Пайвы, но Бойлесен все же опирался на какое-то число добровольцев из военных и полицейских и поэтому мог гарантировать практические результаты.

Очень скоро американские дочерние компании в Сан-Паулу стали обращаться в консульство США с запросами, как им вести себя дальше и следует ли делать пожертвования в бюджет ОБАН. Решайте сами, отвечали им из политического отдела. Мы в это не вмешиваемся. Однако такой нейтралитет был чисто показным. Известно, что один американский бизнесмен, обратившись в консульство, встретился затем с одним из его сотрудников, который с одобрением рассказал о пожертвованиях, сделанных другими американскими компаниями в Сан-Паулу на обеспечение общественного спокойствия.

В 1965 году произошло еще одно событие, которое лишь усилило обеспокоенность бразильской военщины в связи с «угрозой коммунизма» в Западном полушарии. Откликнувшись на призыв Линдона Джонсона, Кастело Бранко

согласился присоединиться к американцам и направить собственные войска в Доминиканскую Республику. В число этих бразильских частей входили два батальона морской пехоты.

Поскольку американское военное командование понимало, что бразильскому режиму трудно будет объяснить народу возможные военные потери, оно отвело бразильцам чисто вспомогательную роль. Предполагалось, что американские войска будут расширять и удерживать международный коридор, в то время как бразильские морские пехотинцы будут лишь демонстрировать единство стран полушария в вопросе о вторжении. Вот почему бразильские части оказались далеко за пределами зоны военных действий.

Такое положение вскоре деморализовало молодых бразильских солдат. Они думали, что прибыли в Доминиканскую Республику, чтобы спасти дружественную страну от той же «угрозы коммунизма», которую им самим удалось отвести лишь в прошлом году. И вот вместо того, чтобы встречать их цветами, местное население почему-то относится к ним враждебно. Даже в тех редких случаях, когда какая-нибудь доминиканская женщина, казалось, дружелюбно относилась к бразильскому морскому пехотинцу, тот все равно должен был оставаться начеку. Рассказывали, что, когда американские солдаты ходили вечером на танцы с красивыми местными девушками, наутро их нередко находили с перерезанным горлом.

В одном из инцидентов участвовала ватага доминиканских мальчишек. Подойдя к расположению бразильских морских пехотинцев, те стали бросать в них камнями. Сначала бразильцы не придали этому особого значения. Когда на другой день мальчишки вновь подошли к лагерю, солдаты попытались было обернуть все это в шутку: ведь мальчишкам было лет по 9—10, а в этом возрасте уговорам поддаются легко. Однако мальчишки ответили на это громкими оскорблениями и убежали. На третий день они уже пришли с гранатами. В результате погибло несколько бразильцев. Родным написали, что они погибли в результате несчастного случая на маневрах или в автомобильной катастрофе. С тех пор бразильские морские пехотинцы открывали огонь по любому неизвестному, приближавшемуся к лагерю.

Одним из последствий военного вторжения в Доминиканскую Республику в 1965 году было то, что США зна-

чительно увеличили помощь правому режиму, доведя ее до 100 миллионов долларов, а Управление общественной безопасности расширило свою программу. Уже через три года треть полицейских советников (6 из 18) были сотрудниками ЦРУ, пользовавшимися этим управлением как «крышей».

В Вашингтоне Управление общественной безопасности продолжало заниматься своим делом, не испытывая ни замешательства, ни смятения. Оно по-прежнему закрывало глаза на то, что ЦРУ внедряло своих людей в полицейские учреждения в критических точках земного шара. Кроме того, изучив ситуацию на месте, оно приглашало на учебу в США кандидатов для последующей их вербовки ЦРУ.

Помимо Международной полицейской школы, ЦРУ посылало иностранных полицейских и в свой собственный секретный учебный центр, разместившийся в четырехэтажном доме на «Ар-стрит» в Вашингтоне и называвшийся «Международная полицейская служба». Там полицейских из Азии, Африки и Латинской Америки обучали методам скрытого наблюдения, использования доносчиков и т. д. Отбор слушателей производился под прикрытием программы Агентства международного развития. Вместе с иностранными курсантами подготовку в этом центре проходили и американские полицейские, посылавшиеся в Южный Вьетнам.

Будучи директором Управления общественной безопасности, Байрон Энгл гораздо острее, чем его коллеги из ЦРУ, чувствовал необходимость не компрометировать свою программу открытым шпионажем. Служащие из Управления общественной безопасности слышали, как он горячо спорил с сотрудниками ЦРУ в их штаб-квартире в Лэнгли (штат Вирджиния), пытаясь убедить их в необходимости придать хоть какую-то респектабельность Международной полицейской школе.

В начале 60-х годов ему это еще удавалось. Правда, внутри Агентства международного развития по-прежнему велась кампания против его программы подготовки иностранных полицейских. Один из сотрудников агентства был настолько обеспокоен уже поступавшими сообщениями о пытках в Бразилии, что решил лично проверить все заявки на материалы и оборудование, поступавшие от Управления общественной безопасности. Он знал, что для

пыток электрическим током обычно используются военные полевые телефоны, поставка которых им не контролировалась. Но он все же мог попытаться воспрепятствовать поставкам генераторов в ящиках с клеймом Агентства международного развития, если выяснится, что таковые используются для пыток.

Вскоре, однако, этот сотрудник понял, что его бдительность бесполезна. Существовало множество других назначений для небольших генераторов, поэтому вводить запрет на их поставку из одного лишь опасения, что те могут быть использованы как орудие пыток, означало бы подрывать всю программу Агентства международного развития. В конце концов он решил, что надо положиться на гуманность и осмотрительность полицейских советников. Ведь все они воспитывались на Билле о правах, а следовательно, должны руководствоваться провозглашенными в них принципами.

Но когда в период президентства Кеннеди Управление общественной безопасности было поставлено перед необходимостью действовать решительно, оно очень быстро продемонстрировало, что ради успеха можно без всяких колебаний нарушить одно-два правила. Поскольку Энгл был убежден, что такие нарушения совершались во имя самых высоких целей, он не опасался каких-либо санкций со стороны президента или его либеральных советников.

Так, в 1962 году группа левых в Венесуэле, воодушевленная примером Фиделя Кастро, сформировала вооруженные отряды национального освобождения, выступившие против президента Ромуло Бетанкура. Группа призвала избирателей бойкотировать выборы в следующем году. Хотя вооруженные отряды насчитывали не более 500 человек, действуя рассредоточенно, они провели целый ряд успешных операций. Когда Франко разрешил вывезти из Испании несколько картин художников-импрессионистов для показа их на выставке в Каракасе, бойцы этих отрядов похитили по одной картине Сезанна, Ван Гога, Пикассо, Брака и Гогена. Выбор картин дал властям основание предположить, что в эти отряды входили не только студенты и литераторы, но и художники.

Венесуэльская полиция, казалось, была бессильна что-либо сделать. Под давлением Джона и Роберта Кеннеди Энгл вызвал из полицейского управления Лос-Анджелеса четырех полицейских, говоривших по-испански, и тайно направил их в Каракас, поручив срочно заняться обуче-

нием местной полиции. Если бы в то время их миссия стала достоянием гласности, администрации Кеннеди, вероятно, пришлось бы выступить с публичными извинениями. Ну а если бы к тому же один из американских полицейских был убит, то не известно, на каком основании семья погибшего могла бы претендовать на государственную пенсию. Вот почему Энгл вздохнул с облегчением, когда эта секретная операция закончилась и все полицейские вернулись к себе в Калифорнию живыми и невредимыми.

Но все это происходило за кулисами, поэтому общественность по-прежнему положительно относилась к программе Энгла. Роберт Кеннеди (в то время сенатор от штата Нью-Йорк) с большим удовлетворением поздравил первую группу слушателей, прошедших подготовку в Международной полицейской школе в Вашингтоне. Выпуск состоялся за месяц до военного переворота в Бразилии, и в своем выступлении Кеннеди предупредил выпускников, что «современный мир находится под воздействием сильных ветров перемен».

В стенах школы, однако, все обучение, казалось, было направлено на то, чтобы предотвратить такие перемены, хотя об этом редко говорилось официально. Программа подготовки, хотя и не была секретной, держалась все же в тайне от представителей прессы. Она была составлена в высокопарных и туманных выражениях, видимо, больше для того, чтобы оградить школу от нападок со стороны американского конгресса и либеральной печати.

Сами же иностранные полицейские хорошо понимали, зачем их послали в Вашингтон. Еще до переворота, в июле 1963 года, один бразильский полицейский, рассказывая о программе обучения в этой школе губернатору Сан-Паулу, назвал ее программой обучения «новейшим методам борьбы с забастовками и бастующими рабочими». «Меня научат, — сказал он, — как пользоваться дубинкой и служебной собакой, а также как совершенствовать механизм репрессий против возмутителей спокойствия в Сан-Паулу».

Основная программа обучения в школе была рассчитана на 15 недель. Дважды в год она велась на французском языке, несколько раз на испанском, а также на английском для слушателей из стран Азии и Африки. Первые два с половиной месяца были отведены на прохождение общего вступительного курса, а последние четыре недели посвящались продвинутому обучению по любой из десяти спе-

циальностей, включая иммиграционную службу, таможенную службу, охрану высокопоставленных лиц и «борьбу с насильственными преступлениями». Последняя включала меры, связанные с обеспечением безопасности воздушного сообщения, обезвреживанием бомб, а также меры, которые необходимо принимать в случае похищения людей, вымогательства или убийства.

В школу принимались лица в возрасте от 21 до 45 лет. При этом было желательно, чтобы все имели среднее образование, хотя это требование часто не соблюдалось. В школу принимались и женщины, но это не поощрялось. Более того, если та или иная страна направляла на обучение женщину, она должна была посылать не одну, а двух женщин.

В Белу-Оризонти (а позже в Рио) Дэн Митрионе научился быстро и эффективно рассматривать заявления о приеме в полицейскую школу. Его предшественник не был столь компетентен. Этот благодушный и ленивый малый с американского Юго-Запада с готовностью обещал всем подававшим прошение полицейским, что те непременно будут приняты. Когда же его перевели на другое место и бразильцы открыли ящики его письменного стола, их взору предстали целые кипы заявлений, которые тот даже не удосужился переправить в Вашингтон.

Прослушав полный курс, бразильские полицейские часто покидали школу с горьким чувством досады, считая, что, как и в Панаме, обучение там велось слишком примитивно. 60% слушателей были из Центральной и Южной Америки, поэтому некоторые бразильцы считали для себя оскорбительным ходить на занятия вместе с костариканцами и гватемальцами.

Если сам курс не всегда и не для всех оказывался полезным, методике старались придать какую-то занятность. Гвоздем программы была «операция Сан-Мартин», впервые разработанная еще в Панаме. Сан-Мартин был воображаемой страной с несуществующей столицей Рио-Бравос. Ее соседом и врагом была страна с несколько менее туманным названием Маоленд. Лишь немногие слушатели догадывались, что карта Рио-Бравос была всего лишь снятой с воздуха фотографией американского города Балтимора, на которой были отмечены внушительные правительственные здания, а все улицы имели испанские названия.

Задания для разминки были довольно просты. Предпо-

лагалось, например, что из какой-то дружественной страны прибывает высокопоставленное лицо. Каким образом слушатели должны были расставить посты, чтобы обеспечить безопасность высокого гостя? В конце занятия ставилась более сложная задача. Элементы, проникшие в страну из Маоленда, провоцируют беспорядки. В роли злодеев (что неизменно радовало каждый новый набор) выступали сами инструкторы, пытавшиеся придать своим лицам особенно злое выражение. Один из них вопреки тогдашней моде носил короткую стрижку, и поэтому каждый новый набор называл его «нацистом». Другие инструкторы выступали в роли коммунистов или бунтующих студентов.

12 курсантов разбивались на три группы. Одна вместе с инструктором разрабатывала детали задачи, составляла тексты листовок и планировала беспорядки; другая принимала меры по их подавлению; третья следила за ходом событий и выступала в роли арбитра. Один полицейский из Сомали, хорошо поднаторевший в этой игре, все же жаловался потом, что эта задача была потяжелей любой аналогичной ей в реальной жизни, потому что в школе арбитрами выступали такие же, как и он, полицейские.

Занятия проходили в центре управления полицейскими операциями — просторной комнате в приглушенных серозеленых тонах с четырьмя рядами стульев на возвышении. Магнитная карта Сан-Мартина закрывала всю переднюю стену. Слушатели, которым было поручено разогнать демонстрацию, поддерживали телефонную и телетайпную связь с контрольной кабиной. Такая прямая связь оказалась для них довольно обременительной. Одна линия соединяла их непосредственно с «премьер-министром», который требовал срочно принять меры, но такие, которые не повредили бы его партии на предстоящих выборах. Если операция протекала слишком гладко, инструкторы придумывали какую-нибудь новую заковыку. Тогда из контрольной кабины вдруг раздавалось:

— У меня возникла проблема. Пришли репортеры. Они повсюду суют нос и мешают полиции работать.

— Примите соответствующие меры, — отвечал на это курсант-командир.

Инструктор из контрольной кабины звонил еще два раза по поводу злополучных репортеров, а потом взрывался:

— Черт вас там всех побери! Да сделайте же с ними что-нибудь!

— Слушаюсь! — отвечал курсант-командир. — Всех арестовать и доставить сюда!

Но такое решение давало ему лишь 10-минутную передышку. Затем звонил уже сам «премьер»:

— Черт возьми, что же там происходит?

Вряд ли кого-то из полицейских надо учить, как тянуть время.

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Мне звонят из АП и ЮПИ. Я уже начинаю злиться!

Пока «премьер» метал громы и молнии, курсант, игравший роль начальника полиции, лихорадочно думал, как же выкрутиться. Один курсант вызвал по телефону автобус, приказал освободить всех репортеров, объяснил причину беспорядков, а затем доставил их на автобусе к месту происшествия, чтобы они увидели все собственными глазами. Все слушатели согласились, что как временное такое решение было совсем неплохим.

Помимо практических занятий, курсантам показывали фильм под названием «Первая линия обороны». Действие ленты, снятой в Панаме, происходило в той же вымышленной стране Сан-Мартин. Перед показом фильма инструкторы делали короткое вступление на испанском языке: «События, о которых пойдет речь в этом фильме, происходят в вымышленной латиноамериканской республике Сан-Мартин. Но ничего выдуманного в нем нет — такие вещи действительно случаются. Вы увидите, что большинство жителей Сан-Мартина поддерживает свое правительство (в противном случае оно не продержалось бы у власти) и что полиция действует вместе с народом, становясь, в сущности, первой линией обороны».

Центром подрывной деятельности в фильме является Национальный комитет за проведение аграрной реформы. Некогда это была студенческая организация, выступавшая за проведение социальных реформ, но со временем она попала под контроль каких-то неизвестных лиц далеко не студенческого возраста. Другие неизвестные (видимо, кубинские коммунисты) срывают в городе митинг бастующих рабочих с фабрики удобрений. В фильме фигурируют также полицейский осведомитель и чехословацкая винтовка, тайно ввезенная в страну в ящике с надписью: «Сахар». За воротами фабрики возникают беспорядки, которые вскоре приобретают настолько серьезный характер, что полиция уже не в силах с ними справиться. Начальник полиции сдает полномочия военным, и армия разгоняет

протестующих демонстрантов слезоточивым газом, дубинками и брандспойтами. В конце фильма двое полицейских, обращаясь к группе улыбающихся подростков, произносят краткую нравоучительную речь: «Над городом Рио-Бравос встает новая заря». Какие бы подрывные элементы ни замышляли заговор против своего народа, они неизменно потерпят провал, если гражданская полиция будет опираться на доверие народа и если она будет «верить в свою способность обеспечить соблюдение закона».

Кое-кто из руководства Международной полицейской школы опасался, что часть слушателей будет возражать против фильма. Поэтому инструктору было сказано, чтобы при появлении каких-либо признаков беспокойства или недовольства он тут же прекратил показ фильма и успокоил слушателей, сказав, что это не конкретное руководство к действию, а лишь один из вариантов развития событий. В большинстве случаев, однако, фильм воспринимался спокойно, а все вопросы в основном сводились к технической оснащенности шефа полиции в Рио-Бравос.

Разница в уровне оснащенности американской полиции и полиции на родине курсантов становилась еще более очевидной, когда они уезжали из Вашингтона в Форт-Майерс на практические занятия по отработке методов подавления беспорядков. Всякий раз, когда они возвращались в казарму потрясенные таким огромным количеством всевозможных противогазов, щитов, дубинок и специальных ружей, стрелявших по толпе резиновыми пулями и перцем, они громко сетовали на скудную экипировку собственной полиции.

Отсутствие какого-то вида полицейского оборудования инструктор должен был использовать как предлог для постановки новой задачи. «Предположим, — говорил он, — ваша полиция не имеет автомашин, оборудованных радиопередатчиками. Что будем делать?» На это можно было услышать такой ответ: «А что, если в самой высокой точке города установить электрическую лампочку и велеть всем находящимся на дежурстве полицейским звонить в управление, как только эта лампочка загорится?»

В школе показывали и более общие учебные фильмы, такие, например, как 12-минутная лента «Полицейская дубинка» (снятая полицейским управлением Лос-Анджелеса), «Третий вызов» (сделанный по заказу министерства обороны) и «Применение слезоточивого газа для поддержания порядка». Последний фильм, присланный «Лейк-

Эри кемикл компани», носил несколько рекламный характер. В Бразилии американские советники показывали также фильм о методах ведения допроса, снятый ФБР. До того как он был дублирован на португальский язык, американские советники убирали звук и сопровождали показ собственным довольно язвительным комментарием.

На групповых занятиях обсуждение проблем внутренней политики не поощрялось. Учитывая содержание фильмов и общую направленность преподавания, большинство курсантов очень скоро начинали понимать, в каких целях была создана Международная полицейская школа. Главная ее цель состояла в том, чтобы обучать полицейских методам борьбы с коммунизмом, в какой бы стране это ни происходило. Даже тех слушателей, которые не имели достаточной квалификации для их последующего привлечения к профессиональной разведработе в системе ЦРУ, обучали методам «превентивной правоохранительной деятельности» (как назвал это Джек Гоин).

Представьте, инструктировал Гоин, что вы сельский полицейский. Однажды вы встречаетесь с крестьянином и останавливаетесь, чтобы переброситься с ним несколькими словами о его заболевшей корове. В ходе беседы он говорит, что недавно на своем выгоне повстречал какого-то незнакомца. Этот факт может иметь прямое отношение к внутренней безопасности. И вам как полицейскому в таких случаях необходимо сразу же понять важность такого сообщения.

Американским советникам удавалось освоиться с местными обычаями с разной долей успеха. В столь же трудном положении оказывались и иностранные полицейские, впервые приезжавшие в Соединенные Штаты. Первой сложной проблемой стала разбивка слушателей на группы. Один полковник полиции приехал на учебу вместе со своим помощником — майором. Младший по званию офицер оказался в одной группе с полковником и по всем показателям превзошел его. Кончилось все это тем, что полковник не захотел возвращаться на родину. Случилось это в 1965 году, и с тех пор всякая разбивка на группы была отменена.

Один слушатель из развивающейся страны был арестован за кражу в магазине самообслуживания. Позже он заявил, что, отобрав нужный товар, стал ждать продавца. Когда тот так и не появился, он сунул все это в карман и ушел. По его словам, он хотел прийти в магазин на дру-

гой день, когда продавцы освободятся, и заплатить за все. Руководство школы настояло на снятии с него всяких обвинений, но оскорбленного слушателя пришлось потом не один час уговаривать отказаться от решения немедленно улететь на родину.

Другой слушатель из африканской страны был задержан по подозрению в изнасиловании. На опознании изнасилованная белая женщина указала на него. Тогда окружной следователь спросил, какой выговор был у изнасиловавшего ее человека. «Как и у всех черномазых», — раздраженно ответила женщина. Следователь попросил подозреваемого сказать несколько слов, что тот и сделал, причем с явным британским акцентом. Дело опять было прекращено. На этот раз африканский полицейский был скорее изумлен, чем раздосадован.

Многие чернокожие слушатели приезжали в США с уверенностью, что расизм будет омрачать их пребывание в этой стране. Большинство было приятно удивлено приемом, оказанным им в Вашингтоне (население там становилось преимущественно черным). Однако некоторым белым инструкторам все же не нравилось, что полицейская школа расположена в американской столице. Они считали, что, если бы она находилась где-нибудь на Среднем Западе, их слушатели получили бы более объективное представление о Соединенных Штатах.

«Мы торчим здесь потому, что чиновники из госдепа нам не доверяют», — жаловался один из инструкторов.

И он был прав. Управление общественной безопасности направляло группы полицейских инструкторов в Южный Вьетнам. Со временем в Вашингтоне стали циркулировать слухи, вызывавшие все большее беспокойство. В американском посольстве в Сайгоне все чаще поговаривали о пытках и убийствах политических заключенных (иногда в присутствии американских официальных лиц). Аналогичные сообщения стали поступать из Ирана и Тайваня, а затем и из Бразилии и Греции.

Применение пыток противоречило официальному курсу Международной полицейской школы. Ряд инструкторов решительно возражали против каких бы то ни было пыток. Правда, не столько из моральных соображений, сколько из соображений целесообразности, считая, что пытками все равно ничего не добьешся. Некоторые слушатели, однако, придерживались иного мнения. Вопрос о методах ведения допроса занимал важное место в програм-

ме и вызывал долгие споры между слушателями и преподавателями.

Прежде чем переходить к самой процедуре допроса, слушателей инструктировали сначала об условиях, в которых лучше всего это делать. Комната, говорили преподаватели, должна иметь одну дверь. Лучше, если она будет без окон. Если все же окна есть, они должны быть закрыты и зашторены. Комната должна быть звуконепроницаемой. Телефон должен издавать не звуковые, а световые сигналы, видимые лишь допрашивающему. Все это, включая совершенно голые стены, должно лишь подчеркивать полную изоляцию допрашиваемого.

Важные допросы следует записывать на магнитофон. При этом микрофон следует куда-нибудь спрятать (например, вмонтировать в телефонную трубку). В комнате должно быть зеркало, сквозь которое можно наблюдать за поведением заключенного. Лицу, ведущему допрос, рекомендуется быть в гражданском. В этом случае он может рассчитывать на большее доверие заключенного.

В ходе допроса необходимо подмечать признаки, по которым можно заключить, что допрашиваемый лжет. К ним относятся: появление пота, бледность, пересохшие губы, учащенный пульс, тяжелое дыхание.

Подобный инструктаж проводился лишь на первых порах. В середине 60-х годов акценты стали смещаться. До этого успешный допрос подозреваемого в убийстве требовал лишь определенного опыта и умело подстроенных ловушек. Приводился следующий пример:

Инструктор (непринужденно): Курить хотите?

Подозреваемый: Да, спасибо.

Инструктор: Можно вашу зажигалку?

Подозреваемый (роясь в карманах): Что-то не могу найти.

Инструктор: Где же вы ее оставили?

Но такого рода ловушки годились лишь для простаков-любителей. Полицейские, приезжавшие теперь в школу, знали, что непокорных повстанцев и убежденных бунтарей такими вопросами не «расколешь».

Инструкторы, особенно те, кто уже работал в странах, где действовали повстанцы, знали, что в большинстве случаев политические активисты на допросах пытаются тянуть время и в течение одних суток отмалчиваются, чтобы дать своим товарищам возможность укрыться за

это время в более надежном месте. Слушатели хотели знать, что же делать с такими «профессионалами».

— Если человек думает, что он тертый калач и его не проведешь, — говорил один инструктор, — заставьте его поверить, что вам известно еще больше, чем ему.

— Нет, — говорил другой инструктор. — Лучше притвориться немым. Пусть он сам говорит. Вдруг он попробует как-то себя выгородить? Но и в этом случае не перебивайте и слушайте его молча. Пока заключенный будет выговариваться, он может что-то сболтнуть, а это «что-то» может оказаться весьма для вас полезным.

— А можно, — сказал третий инструктор, — попытаться взять его на удочку.

Все это, однако, заканчивалось, как правило, одним вопросом: «А почему бы не врезать ему как следует?»

Хотя на словах все инструкторы возражали против избиения арестованных, по их поведению слушатели легко могли определить, кто действительно придерживается такой точки зрения, а кто относится к этому по-иному.

Один инструктор утверждал, что все пытки малоэффективны, так как одни люди вообще не чувствуют боли, другие же, напротив, начинают дрожать от страха и молить о пощаде еще до того, как к ним кто-то прикоснется. Другой инструктор, бывший полицейский с Юго-Запада, советовал слушателям громко приказать во время допроса: «Принесите трансформатор и электрические провода». Конечно, тут же добавил он, никто этого делать не будет. Но люди по-разному реагируют на всякого рода угрозы, поэтому допрашивающему необходимо проверить, как к этому отнесется арестованный, чтобы подобрать к нему нужный ключ.

— Всякий, кто ударит заключенного, — трус, — такими словами начал как-то свою лекцию один из инструкторов. Казалось, он был в этом убежден. Тогда какой-то слушатель из Латинской Америки спросил:

— Даже если он плюнет вам в лицо?

Не ясно было, что тот считал для себя более оскорбительным: когда плюют в лицо или когда называют трусом.

Инструктор решительно кивнул головой и ответил:

— Да, даже если вам плюнут в лицо.

— Ну, знаете, — воскликнул другой слушатель. — Это уж слишком! Ведь есть обстоятельства...

— Нет таких обстоятельств. Арестованный находится в вашей власти, и вы несете за него ответственность.

Другой раз бразильский полицейский прервал аналогичную проповедь словами:

— Ну хватит нам мозги пудрить. Готов слизать пыль с ваших ботинок, если вы поклянетесь, что ни один полицейский в США ни разу не ударил заключенного.

Инструктор, разумеется, не мог представить гарантии, что все американские полицейские строго соблюдают все предписания и инструкции.

К середине 60-х годов многие слушатели уже имели представление о методах работы американской разведки у себя на родине, поэтому не очень серьезно относились к рекомендации не применять силы. Учитывая, что на занятиях разными инструкторами по-разному трактовался этот вопрос, письменные работы выпускников носили несколько сдержанный характер.

Один выпускник перечислил три метода допроса с применением пыток, добавив, однако, что, как правило, это не дает желаемых результатов. Но он все же поблагодарил «свободный мир» и «прежде всего США» за их вклад в повышение эффективности допроса путем «использования техники».

Другой слушатель написал, что правительство должно вылавливать или убивать партизан, с тем чтобы успокоить местное население и убедить его в том, что дело повстанцев обречено на провал. Вместе с тем он высказал предположение, что в этом случае коммунистическая пропаганда может представить партизан жертвами полицейской расправы.

Его товарищ написал, что допрашивающий может получить ценную информацию, напоив допрашиваемого или дав ему какой-нибудь наркотик, который заставит его говорить правду. Он также предложил мучить арестованного голодом, бить или держать его голову под краном, из которого медленно капает вода. При этом он, правда, добавил, что использование угроз и насилия оправданно лишь как крайняя мера, которая должна применяться в тех случаях, когда все другие средства не дают желаемых результатов.

Еще один курсант написал, что избивал подозреваемых после того, как стал районным инспектором у себя на родине в 1964 году. Однако некоторые его соотечественники проводили допрос не очень осторожно и наносили удары по самым чувствительным местам. В результате допрашиваемый умирал, «и возникала новая проблема».

Один бразильский полицейский, прибывший в Соединенные Штаты в 1967 году, рассказал о случае, который произошел у них год назад. В полицейский участок был доставлен молодой мулат, которого подозревали в связях с группой сопротивления Леопела Бризолы. Во время ареста его сильно избили, но не настолько, чтобы требовалась помощь врача. (В 1966 году в их участке еще не применялись технические средства для пыток. Если задержанный отказывался говорить, его просто били кулаками и ногами.) Полицейский видел, как привезли этого человека с окровавленным лицом. Не трудно было себе представить, что его теперь ожидало.

В тот день их участок посетил американский чиновник — приятной наружности человек с волосами песочного цвета. На вид ему было лет 40 с небольшим, и он прекрасно говорил по-португальски. Во время первого своего визита он представился сотрудником политического отдела посольства США. Ничего особенного американец не спрашивал и все время говорил лишь о футболе и кино. Потом он приезжал еще три раза. Он никогда не спешил и не говорил, по какому делу приехал.

В тот день, увидев избитого арестанта, бразильский полицейский сказал американцу:

— Не люблю, когда в участок доставляют арестованного с подбитым глазом или разбитой головой. Все это напоминает мне об ужасах при Варгасе. Мне отец о них рассказывал.

— Согласен, — ответил американец. — Но такова уж ваша работа. Ничего хорошего в этом, конечно, нет. Многие живут и ни о чем не догадываются. Но они хотят, чтобы их защитили от таких, как Бризола и его банда. При этом они даже не понимают, насколько опасны эти люди. Человек, которого только что ввели, возможно, располагает ценной информацией. Узнав эту информацию, вы, может быть, спасете жизнь многим невинным людям.

— Да, конечно, — согласился бразилец не без некоторого удивления. Свое замечание, оправдывался полицейский, он сделал лишь потому, что его смутил внешний вид арестованного. Он вовсе не хотел вмешиваться и давать полицейским советы относительно того, что и как тем следует делать при задержании подозреваемых.

— После войны, — продолжал американец, — я служил в военной полиции в Германии. Помню, как мы по-

долгу говорили, что бы сделали с живым фашистом, попадись он нам в руки.

— Но тогда была война, — заметил бразилец.

— Сейчас тоже война, — ответил американец.

Подобного рода дискуссии регулярно проводились в стенах Международной полицейской школы. После занятий инструкторы выступали уже не в официальном своем качестве, а как частные граждане. Кое-кто из них и тогда следовал официальной линии. Другие же говорили, что мысль о пытках лично у них не вызывала отвращения. Их беспокоило другое: рано или поздно это станет достоянием гласности, что нанесет серьезный ущерб тому делу, во имя которого применялись эти пытки.

Было ясно, что инструкторы, не отступавшие от такой умеренной линии даже за кружкой пива, которую они пропускали в соседнем баре, лишь в редких случаях сами когда-то бывали в стране, где существовала серьезная угроза внутренней безопасности. Кроме того, по всему чувствовалось, что они вряд ли хотели делать карьеру в Управлении общественной безопасности. С другой стороны, среди них были и другие люди, такие, например, как один советник, совсем недавно вернувшийся из Южного Вьетнама и сочувственно рассказывавший о горестях и невзгодах сайгонской полиции. В самом Южном Вьетнаме американские советники громко сетовали на робость местных полицейских, презрительно называя их «белыми мышами». Кличку те заслужили частично благодаря своей белой форме, а частично нерешительности в действиях.

Поскольку в то время подготовку в школе проходили и полицейские из Южного Вьетнама и других азиатских стран, инструкторы воздерживались от обидных шуток, делая упор на «злодеяниях» Вьетконга. Южновьетнамская полиция просто вынуждена была принимать в ответ самые суровые меры. Именно эту мысль и унесли с собой слушатели из Бразилии.

Их коллеги-соотечественники все чаще задумывались над тем, как найти самый безобидный способ решения проблемы, которая все отчетливее вставала перед спецслужбами Бразилии.

Теперь уже никто не сомневался, что в стране ширится повстанческое движение. Режим генерала Артура да Косты э Силвы — сторонника жесткого курса, сменившего на посту президента Кастело Бранко, — всецело полагался на свои спецслужбы, рассчитывая, что те сумеют

ликвидировать это движение еще до того, как оно превратится в реальную угрозу военной хунте.

Новая разведслужба Бразилии (сокращенно СНИ) неизбежно должна была обратиться за помощью к своему мощному аналогу на севере, что она и сделала. В полицейских казармах Бразилии было хорошо известно, что многие офицеры полиции работали в тесном контакте с ЦРУ и, судя по всему, получали от него деньги через своих связных. Именно получение этих денег, а не передача ЦРУ секретной информации больше всего злило тех офицеров бразильской полиции, которые не были завербованы американской разведкой.

Иногда эти офицеры выражали свое недовольство открыто (даже в присутствии политических заключенных) и говорили, что некоторые бразильцы продают свою родину. Однако на этом вся их критика и заканчивалась, поскольку высший командный состав положительно относился к сотрудничеству с ЦРУ, так как это было связано с поощрениями, продвижением по службе и получением допуска на специальные склады ЦРУ. Высокому полицейскому чину с хорошими связями не нужно было составлять заявки на получение, скажем, дополнительного количества слезоточивого газа через американское Агентство международного развития. Ему достаточно было обратиться к своему другу в ЦРУ, и уже через два-три дня получить нужный товар непосредственно из панамского отделения Управления технического обслуживания.

Митрионе так ловко действовал в этой «нейтральной полосе», разделяющей официальную программу помощи в рамках Агентства международного развития и особые нужды ЦРУ, что многие бразильские полицейские считали его сотрудником ЦРУ, работавшим под «крышей» Управления общественной безопасности. К 1968 году это мнение уже так прочно укоренилось в сознании многих, что в книге «Кто есть кто в ЦРУ», написанной немецким журналистом Юлиусом Мадером (ГДР), Дэн А. Митрионе значился как агент ЦРУ. Однако это как раз тот случай, когда общеизвестное не всегда оказывается достоверным. Митрионе был просто весьма ловким, оборотистым и амбициозным человеком, стремившимся как можно теснее сотрудничать с ЦРУ. Работавшие с ним бразильские офицеры полиции очень хорошо усвоили различия в служебной иерархии своих американских коллег и поэтому с нескрываемой гордостью отмечали про себя, что их наставник —

на короткой ноге с другими американцами, посещавшими их участок. А те, судя по всему, были из политического отдела посольства США. Предшественник Митрионе в Рио в таких доверительных отношениях с ними не состоял, да и по-португальски не говорил.

В 1966 году и начале 1967 бразильская полиция остро нуждалась в информации о подрывных элементах. Хотя бразильский ВМФ уже располагал пухлыми досье, с другими родами войск своей информацией он не делился. Как раз в это время полиция и армия стали применять к заключенным пытки.

Полицейские постарше рассказывали своим младшим коллегам, как они добывали информацию в первые годы правления Варгаса. Как правило, они применяли один метод — грубый, но эффективный. Заключенного начинали избивать и били до тех пор, пока тот не оказывался на волоске от смерти. И тогда он либо начинал говорить, либо умирал. Когда об этом рассказали Митрионе, вспоминал один полицейский, тот заметил, что мертвый заключенный многого не скажет. Где же тогда выход?

Американские советники, которые к этому времени пользовались уже таким большим доверием у своих бразильских коллег, что те открыто обсуждали с ними даже такие щекотливые вопросы, должны были теперь предложить собственное решение. ЦРУ и СНИ требовали от полиции информации. Язык же заключенного быстрее всего развязывала боль.

Некоторые полицейские советники считали, что острая, но несмертельная боль более гуманна, чем длительное и беспорядочное избиение. Это мнение разделялось и людьми из ЦРУ. Когда бразильские спецслужбы начали использовать полевые телефоны для пыток заключенных электрическим током, именно агенты ЦРУ подсказали им допустимые нагрузки, которые может вынести человеческий организм.

Кто-то намекнул, что ЦРУ может поставлять не только слезоточивый газ и что в лабораториях Управления технического обслуживания в Вашингтоне и его панамского филиала разрабатываются устройства, с помощью которых причиняется настолько нестерпимая боль, что заключенный моментально «раскалывается» и допрашивающему не приходится причинять боль многократно. Однако заполучить эти устройства быстро не удалось, поэтому те бразильские полицейские, которые начали подвергать заклю-

ченных пыткам, вынуждены были довольствоваться пока своими полевыми телефонами.

Лица, ответственные за получение информации, отнюдь не считали себя садистами. У них были определенные обязанности, и их нужно было выполнять. Они не нуждались в нравоучениях своих американских советников, и никаких лекций читать им Митрионе не имел права. Он был всего лишь гостем, и сам всегда рекомендовал только что приехавшим советникам не забывать этого.

С точки же зрения рядовых полицейских, Митрионе был их «патроном», ментором, хранителем их профессиональной совести. Когда до Белу-Оризонти дошли слухи о пытках заключенных в Рио, бразильские коллеги стали гадать, как поведет себя Митрионе, если кто-то из полицейских начнет издеваться над заключенным в его присутствии.

— Он уйдет, — сказал один полицейский.

— Уедет из страны? — спросил другой.

— Нет, из участка.

В середине 1967 года Митрионе был отозван в США на преподавательскую работу в Международной полицейской школе. Было самое время уезжать из Бразилии, так как там нарастало повстанческое движение и в связи с этим нужно было принимать более крутые меры.

Митрионе просидел в Бразилии пять лет и уезжал теперь с репутацией знающего специалиста, получившего широкую известность и заслужившего уважение среди бразильских учеников и американских коллег. Впоследствии Управление общественной безопасности укажет в одном из своих отчетов, что оно обучило в Бразилии 100 тыс. полицейских, т. е. $^1/_6$ ее личного состава. Сотни из них были обучены лично Митрионе.

Он прекрасно знал, чем потом стали заниматься некоторые из его бывших учеников. Они сами говорили ему об этом и рассказывали о том, что видели собственными глазами: электрические провода и баки с водой, которую вливали в горло заключенным до тех пор, пока те не начинали захлебываться. Доверие и близость бразильских коллег Митрионе заслужил своей успешной работой в качестве советника. Слушая рассказы бразильцев о пытках, он был спокоен и бесстрастен (во всяком случае, так им самим казалось, когда приходилось вспоминать об этом позже).

В Международной полицейской школе, однако, никаких разговоров о пытках не будет, думал Митрионе. Там, в

Вашингтоне, инструктор будет рассказывать о том, как должна работать полиция, а не о том, к каким методам вынужден иногда прибегать добросовестный полицейский в этом сложном и тревожном мире.

Однако вскоре Митрионе узнал, что разговоры о пытках непрестанно велись и в этой школе. Его коллега, пользовавшийся большой популярностью среди слушателей, удовлетворил любопытство одного бразильца, рассказав поучительную историю. Этот полицейский офицер, не раз получавший повышение по окончании школы, долго потом ее помнил.

Свой рассказ американский советник начал так:

— Если кто-то спросит у вас, как следует и как не следует поступать с заключенным, расскажите им вот что. Представьте себе, что в то время, как мы с вами ведем этот разговор, наши коллеги-полицейские допрашивают где-то человека, причастного к похищению маленькой девочки. Вместе с двумя своими сообщниками он похитил 5-летнюю белокурую дочурку местного предпринимателя. Похитители сказали, что, если им не будет выплачен выкуп в два миллиона долларов, завтра в полдень девочка будет убита. Человек был схвачен в тот момент, когда пытался подбросить записку со своими требованиями. Его допрашивали уже десять часов, но он пока не сказал ни слова. У предпринимателя двух миллионов нет: он богат, но не настолько. Времени остается все меньше и меньше. Что делать дальше?

— А может, никакой девочки вообще нет? — предположил бразилец.

— В этом нельзя быть абсолютно уверенным. Каждый месяц, неделю или даже день полицейским приходится сталкиваться с такого рода проблемами. Это не обязательно должна быть девочка. Жертвой может оказаться и полицейский, которого решил застрелить какой-нибудь подонок. Не в этом дело. Дело в принципе. Если человек, спросивший вас, можно ли применять пытки, в принципе не согласен с тем, что вы любыми средствами должны узнать, где находится похищенная девочка, тогда вообще не отвечайте на его вопросы — он вас все равно не поймет. Для себя он уже давно все решил. Он просто ненавидит полицию и готов принести в жертву невинное дитя, чтобы доказать, что полиция действует неправильно.

Линкольну Гордону поначалу казалось, что результаты переворота оправдали все его ожидания. Мадзилли, гражданский вице-президент, несмотря на свой величественный вид, был малозначительной фигурой. Если военные позволят ему исполнять обязанности президента в течение четырех месяцев (как это предусмотрено законом), американский посол будет доволен. Однако вскоре ему официально сообщили, что новым президентом будет генерал Умберто Кастело Бранко, а это еще больше устраивало всех в американском посольстве, и прежде всего военного атташе Дика Уолтерса.

Первый признак того, что дело может принять дурной оборот, появился, когда Франсиско Кампос (юрист, которого Гордон считал безграмотным старым фашистом) составил проект Институционного акта № 1. Новый закон предоставлял правительству право принимать декреты, лишающие граждан всех политических прав сроком на 10 лет, т. е. фактически объявлять им политическую смерть («кассасао»). Лица, в отношении которых применялся такой декрет, не имели права на обжалование его в суде. Больше того, соответствующие списки составлялись бразильской спецслужбой СНИ, во главе которой стоял генерал Голбери. СНИ во многом походила на ЦРУ. Единственная разница состояла, пожалуй, в том, что, поскольку «враги» Бразилии находились в пределах ее границ, Голбери не был связан теми ограничениями, с какими (как считал американский конгресс) приходится сталкиваться ЦРУ у себя в стране.

Гордону акт не нравился. Некоторое утешение он, правда, находил в том, что Кастело Бранко намекал, что тоже не совсем им доволен. Но затем случилось нечто неожиданное. Когда срок действия акта уже истекал, его вдруг применили к Жуселину Кубичеку. Это вызвало шок

среди сотрудников американского посольства (по крайней мере среди его гражданского персонала). Ведь, согласно одному из американских сценариев, именно Кубичек должен был быть избран на пост гражданского президента на следующий полный срок.

Вскоре выяснилось, что никаких выборов проводить никто не собирался. Военная хунта приняла декрет, в соответствии с которым срок пребывания у власти Кастело Бранко продлевался еще на год. Это обстоятельство окончательно развеяло надежды Карлоса Ласерды занять пост президента Бразилии на этот год путем назначения. Он был настолько раздосадован и стал так громко возмущаться, что тоже стал жертвой Институционального акта.

В составе нового правительства оказался друг Гордона — Милтон Кампос. Он-то и должен был заявить протест по поводу такой бесцеремонности военных. В свое время посол рекомендовал Кастело Бранко назначить Кампоса на пост министра юстиции, поэтому тот обязан был теперь выслушать все критические замечания Гордона по поводу институционного акта. «Что теперь скажет Вашингтон?! — негодовал он. — Да и весь мир? Создали хотя бы специальные суды, чтобы сохранить какую-то видимость законности».

Кампос пообещал что-то предпринять, но уже через две недели подал в отставку.

Узнав о беспокойстве и тревогах американского посла, Кастело Бранко пригласил его в свою резиденцию в новой столице. К этому времени он находился на посту президента чуть больше двух месяцев. Диктатор заверил Гордона, что лишение прав Кубичека его тоже тревожит, но при этом со вздохом показал на пухлое досье, лежавшее у него на столе. Гордон решил, что это обвинительные материалы по делу Кубичека.

— Если мы обнародуем причины своего решения, вскроются такие вопиющие факты коррупции, что это нанесет сокрушительный удар по престижу самой Бразилии.

Гордон принял это объяснение. Он понимал всю ограниченность своего положения и вряд ли мог что-либо сделать как дипломат. К тому же Дик Уолтерс, которого посол считал тонким знатоком политической истории Бразилии, судя по всему, не очень-то горевал по поводу принятия институционного акта.

Через полтора года после переворота был принят Институционный акт № 2. На этот раз свой многословный про-

тест Гордон составил на португальском языке, с тем чтобы ничего не забыть. Встретившись с Кастело Бранко, он сказал, что начал испытывать тревогу еще после принятия первого акта, но полагал, что тот будет действовать в течение ограниченного срока и что по окончании чрезвычайного положения все снова войдет в колею. Но вот проходит полтора года и принимается новый акт. Это может создать опасный прецедент.

Кастело Бранко в ответ на это сказал, что и ему все это не нравится, но посол должен понять, что он согласился продлить чрезвычайное положение, руководствуясь самыми высокими принципами демократии. Недавно, например, губернаторами были избраны два политических деятеля — члены оппозиционной партии («оппозиция», правда, была весьма символической). Если бы он, Кастело Бранко, не согласился на продление чрезвычайного положения, сторонники жесткого курса среди военных лидеров не разрешили бы им приступить к исполнению своих обязанностей.

На этом аудиенция закончилась. К моменту принятия Институционного акта № 5, распустившего конгресс, отменившего обязательное рассмотрение политических дел в суде и предоставившего широкие диктаторские полномочия президенту, Гордон уже не был послом США в Бразилии, поэтому свою очередную телеграмму протеста он отправил из Соединенных Штатов.

Джон У. Татхилл, преемник Гордона, подумывал о возможности принятия некоторых санкций в связи с последним институционным актом. Одна из них предполагала отзыв всех американских полицейских советников из Бразилии, но она так и не была осуществлена.

В 1965 году Рио посетил Роберт Кеннеди, согласившийся встретиться со студентами Католического университета. В то время не многие бразильские официальные лица отваживались заходить на территорию студенческого городка, поэтому смелое решение Кеннеди было оценено по достоинству. Выступление американского политического деятеля на встрече с бразильскими студентами вызвало у них смешанную реакцию. Наблюдавший за всем этим Жан-Марк фон дер Вайд отметил про себя, что, чем лучше его товарищи были знакомы с новейшей историей Бразилии, тем менее восторженно они реагировали на слова Кеннеди.

Жан-Марк жил в несколько оторванном от реальной действительности мире. Политическую активность он проявил лишь однажды. Это было в день переворота 1964 года, когда губернатор Карлос Ласерда призвал своих сторонников принять участие в массовом митинге перед его резиденцией. Будучи уверенным, что Гуларт собирается стать еще одним Варгасом, Жан-Марк поспешил было к резиденции, но, к величайшему своему разочарованию, вскоре обнаружил, что ни жизни Ласерды, ни безопасности его имущества ничто не угрожало и что там собралось лишь несколько сот отставных военных, протестовавших в весьма сдержанной форме.

Консерватизм Жан-Марка был вполне понятен. Его отец — инженер-химик из Швейцарии, работавший по контракту в бразильском отделении американской компании «Ю. С. стил», — в течение многих лет жил в Бразилии, женился на местной девушке и вырастил в Рио четверых детей. Его мать, урожденная Содрес, была из семьи известного в стране политического деятеля. В первые годы правления Варгаса ее отец был депутатом, а затем находился в изгнании в Аргентине.

Поначалу (он был тогда еще школьником) Жан-Марк приветствовал военный переворот. Однако, поступив в колледж, он разочаровался в военном режиме. Первое время он никак не мог согласиться с тем, что в установлении военной диктатуры в Бразилии повинны Соединенные Штаты. Потом, когда левые стали доказывать, что ускоренный приток иностранного капитала и усилившийся контроль со стороны иностранных монополий — это прямое проявление «американского империализма», Жан-Марк стал задумываться: а может, они и правы.

Несмотря на свои врожденные способности, Жан-Марк был несколько инертен. Следуя по проторенной дорожке отца, он поступил на химический факультет Бразильского университета. Еще студентом он вошел в состав специальной группы, которой было поручено исследовать пути и методы разработки нефтяных месторождений в Бразилии. К 1966 году, если бы Жан-Марк не занялся политической деятельностью, он мог бы сделать довольно приличную, а возможно, и блестящую карьеру.

Но этого не произошло. Любопытства ради Жан-Марк как-то решил пойти на первую в своей жизни студенческую демонстрацию. Когда он пришел на место сбора, кто-то вдруг сунул ему в руки плакат с надписью: «Американ-

цы, убирайтесь вон из Вьетнама!» Жан-Марк положил плакат на землю. «Это не наша с вами проблема», — сказал он и выбрал себе другой плакат, на котором было написано: «Долой диктатуру в университете!» Во время демонстрации двое полицейских набросились на Жан-Марка и избили его дубинками (они, видно, хорошо усвоили уроки американских советников и стали действовать более энергично).

Следующий политический урок Жан-Марк получил несколько позже. В ходе одной из демонстраций, которая поначалу казалась совершенно безобидной, но потом вылилась в трагедию, оказавшую решающее влияние на внутриполитическую жизнь в Бразилии, был убит студент по имени Эдсон Луис де Лима Соуто. Он отдал жизнь за... улучшение качества пищи в студенческом кафе.

Все произошло у кафе «Калабосо» в центре Рио, владельцем которого был студенческий союз штата. Кормили там всегда скверно, но ничего особенного никто и не ожидал, потому что никому и в голову не приходило требовать от второразрядного заведения деликатесов. Вот почему всякий раз, когда Жан-Марку случалось там обедать, он считал, что приносит еще одну жертву во имя повышения своего политического самосознания.

В 1967 году власти штата Гуанабара решили закрыть кафе по причинам, не имевшим ничего общего с качеством предлагаемых там блюд. Дело в том, что в Музее современного искусства, который находился практически рядом с кафе, вскоре должны были проходить заседания Международного валютного фонда. Кафе же было известно как неофициальное место встреч студентов-бунтарей, считавших, что фонд печется скорее о защите интересов иностранного капитала, чем о решении проблемы голода во многих странах мира. Не удивительно поэтому, что губернатор штата считал студенческое кафе местом неприятным и небезопасным и неожиданно решил закрыть его.

Не желая допустить этого, студенты заняли кафе. Студенческое руководство ставило перед собой две весьма скромные цели: воспрепятствовать закрытию кафе и добиться улучшения качества готовившихся там блюд. Губернатор направил туда полицию, и теперь между полицейскими и студентами ежедневно происходили стычки. Обе стороны понимали, что проблема дурной кухни переросла теперь в нечто большее: власти просто не хотели уступать требованиям протестующих студентов. Такая

непримиримость позиций привела к тому, что возросло число распространяемых листовок и митингов протеста, вылившихся затем в массовые демонстрации. В результате на место происшествия были брошены крупные силы полиции.

Наступил критический момент, когда полиция, либо поддавшись панике, либо лишь исполняя приказ, открыла по студентам огонь. В результате Эдсон Луис был убит. Полицейские никак не хотели отдавать студентам тело их убитого товарища, но те все же овладели им силой. Затем они организовали траурную процессию по улицам города, в которой приняли участие сотни студентов. Среди них была и Анджела Камарго Сейшас, первокурсница машиностроительного факультета Католического университета в Рио. Как и Жан-Марк, она впервые участвовала в подобной акции, но эта демонстрация протеста не была ее последним политическим выступлением.

Студенты донесли тело Эдсона до ступенек здания законодательного органа штата и захватили его. Некоторые члены оппозиционной партии поддержали демонстрантов, поэтому полиция на этот раз вмешиваться не стала.

Когда к месту происшествия подоспел Жан-Марк, он увидел, что демонстранты находились в крайне возбужденном состоянии. В момент свержения правительства Гуларта большинство нынешних студентов еще учились в школе. Переворот 1964 года повлек за собой по меньшей мере 40 человеческих жертв. Число же лиц, пострадавших потом в результате жестоких репрессий (особенно на северо-востоке страны), было значительно большим. Тем не менее генералы все время хвастливо подчеркивали, что совершенный ими переворот был бескровным. И вот теперь повсюду лилась кровь, а на земле лежало бездыханное тело 17-летнего юноши. Все это отрезвило студентов, и они поняли, что военный режим шутить не собирается.

Молодежь объявила день траура, прекратила занятия и стала готовиться к массовой демонстрации, которая должна была состояться в день похорон Эдсона. Студенческие вожаки, конечно, ничего не знали ни о Байроне Энгле, ни о его теории, согласно которой коммунисты стремятся сделать из кого-то мученика. Однако инстинктивно они чувствовали, что полиция может попытаться выкрасть тело Эдсона под покровом ночи, чтобы предотвратить тем самым эмоциональный взрыв, который неизбежно произойдет, когда демонстранты увидят тело убитого товарища.

Поэтому было решено выставить охрану. Одновременно другая группа студентов приступила к оповещению граждан об этом трагическом событии. Часть молодых людей отправилась в кинотеатры. Среди них был и Жан-Марк. Он решил обойти шесть кинотеатров в районе пляжей Копакабана и Ботафого и, прервав показ фильма, рассказать зрителям о случившемся. Другие студенты всю ночь обходили ночные клубы и бары. В Рио ночные заведения не имеют строго установленных часов работы и закрываются, когда уходит последний посетитель. До самого рассвета студенты собирали деньги на похороны и на листовки. К зданию парламента они вернулись, собрав свыше миллиона крузейро.

Без инцидента все же не обошлось. В ту ночь какой-то переодетый в штатское полицейский отважился проникнуть в лагерь студентов, но его быстро опознали. «Повесить его!» — закричал кто-то в толпе, показывая на ближайший фонарный столб. Жан-Марк и пять других студентов сомкнули руки, не давая толпе выйти из здания. Несколько студентов схватили сыщика и выбросили его на улицу.

На следующий день 4 апреля колонна из пяти тысяч студентов двинулась на кладбище в Ботафого, находящееся в пяти километрах от здания парламента. Там уже собралось множество людей, молча стоявших между белоснежными надгробьями и резными мраморными крестами. Родственники Эдсона Луиса жили в Манаусе на берегу Амазонки и были настолько бедны, что у них не было денег даже на билет до Рио. Вместо них проститься с покойным пришло 60 тысяч соотечественников.

Полиция не пыталась вмешиваться. Губернатор сделал было неуклюжую попытку к примирению, направив специальную машину и полицейский эскорт для сопровождения гроба на кладбище. Однако один вид полицейских мундиров настолько разъярил толпу, что блюстители порядка поспешили ретироваться.

День убийства Эдсона надолго запомнился студентам, поскольку такого потрясения они еще не испытывали. Полиции же больше запомнился день его похорон, поскольку он оказался губительным для ее репутации. До сих пор публика относилась к полиции с насмешливым добродушием. Простые люди считали, что в репрессиях по-

винна не полиция, а армия. Однако после убийства студента объектом презрения и ненависти гражданского населения стали полицейские.

(Спустя три года полицейский врач-психолог рассказывал Жан-Марку, что через неделю после похорон Эдсона Луиса у дверей его кабинета выстроилась целая очередь полицейских. Одни просили, чтобы их перевели на канцелярскую работу, другие хотели вообще уволиться. Жан-Марк дорого заплатил за эту любопытную информацию: в то время он сидел в тюрьме, а врач-психолог был одним из допрашивавших.)

Через день после похорон генерал Коста э Силва, назначенный военной хунтой на пост президента вместо Кастело Бранко, воспользовался этим для того, чтобы вообще запретить политическое движение под названием «Фронт», организованное Карлосом Ласердой с целью попытаться вернуть президенту полномочия, которых тот лишился в результате переворота 1964 года, в случае проведения новых президентских выборов.

В ответ на это Ласерда заявил, что запрет показывает, что режим Косты э Силвы представляет собой «военную диктатуру в худших латиноамериканских традициях». Однако этот выпад был нейтрализован властями, ответившими ему лишением прав. Режим обрушился с нападками и на американского посла Татхилла, когда стало известно, что тот встречался с Ласердой и выслушивал его горячие, хотя и несколько запоздалые, протесты против слишком тесных связей между правительством США и бразильскими военными.

К этому времени Жан-Марк уже включился в активную борьбу за реформу всей системы высшего образования Бразилии. В 1968 году студентами высших учебных заведений страны стали лишь 250 тыс. юношей и девушек, т. е. всего один процент от общего числа тех, кто в свое время пошел в первый класс. В мае того же года Жан-Марк и другие студенты объявили забастовку, требуя увеличения ассигнований на подготовку инженерных кадров. Вначале это выступление носило местный характер и было очень похоже на демонстрацию у кафе «Калабосо».

Стремясь заручиться более широкой поддержкой, Жан-Марк решил выступить по телевидению. В то время пресса и телевидение еще не подвергались жестокой цензуре,

поэтому телезрители смогли увидеть на своих экранах продолговатое и тонкое лицо Жан-Марка. В мягкой, но решительной манере он стал говорить о необходимости открыть двери университетов для бедных, увеличить размеры государственных субсидий и не допускать вмешательства правительства в университетские дела.

Последний пункт его выступления заинтересовал бывших профсоюзных деятелей, которые уже не могли выступать так открыто. В результате группа Жан-Марка была поддержана многочисленным и решительно настроенным отрядом рабочих. В конце мая студенты других факультетов призвали к более широким выступлениям протеста и проголосовали за проведение всеобщей забастовки. Однако, прежде чем объявлять о такой забастовке, студенты попытались вручить министру просвещения петицию со своими жалобами.

У входа в министерство студентов встретила полиция. Тогда они пошли за подкреплением. Вернувшись, они увидели, что к зданию министерства уже стянуто 20 тыс. полицейских со всего Рио. Город замер в напряженном ожидании. Но настроение у всех было приподнятым. Водители беспрерывно подавали гудки, демонстрируя тем самым поддержку бастующим студентам.

Жан-Марк задержался в университете, где занимался организацией тыла. Подойдя с некоторым опозданием к зданию министерства, он почувствовал всю напряженность положения. По другую сторону площади, прямо напротив министерства, простиралась Синеландия — квартал, где находятся дорогие кинотеатры. Вся улица была запружена студентами и сочувствующими (их было тысяч семь). Не успел Жан-Марк дойти до своих товарищей, как они смяли полицейский кордон и захватили массивную лестницу министерства.

Жан-Марк забеспокоился: достаточно ли ясно студенты изложили свои требования? Взбежав на ступеньки одного из кинотеатров, он попытался было разъяснить толпе претензии студентов, но его услышали лишь немногие.

А тем временем полиция вызвала подкрепление и приказала всем расходиться. Большинство подчинилось приказу, но сотни три студентов осталось на месте. В суматохе и неразберихе был опрокинут и подожжен армейский джип.

Обе стороны в любом политическом споре знают силу и значение символа. Как раз в это время в Соединенных

Штатах участники антивоенных демонстраций нашивали себе сзади на джинсах американский звездно-полосатый флаг. Здесь же, в Бразилии, символом стал джип. Впервые за все это время участники студенческой демонстрации посягнули на армейское имущество. Жан-Марку показалось, что, увидев подожженный джип, солдаты совершенно растерялись. В момент поджога он находился в другом месте, но потом решил подойти к горевшей машине поближе и попытаться уговорить не в меру развеселившихся студентов разойтись по домам. Со стороны было ясно, что Жан-Марк — один из вожаков, поэтому, когда полиции и солдатам удалось наконец прорваться сквозь толпу, его тут же попытались арестовать.

Жан-Марк вырос в обеспеченной, а значит, привилегированной семье. В такой стране, как Бразилия, где классовые различия особенно велики, это обстоятельство давало ему возможность вести себя соответственно. Довольно высокий по бразильским стандартам, он расправил плечи и стал казаться еще выше. Когда к нему подошел малорослый и робкий полицейский, он представился офицером-резервистом бразильской морской пехоты. Импровизируя, он добавил: «Меня может арестовать лишь офицер морской пехоты в чине капитана и выше».

Озадаченный полицейский в смущении удалился. Однако вскоре он вернулся в сопровождении менее легковерного капитана полиции, который, не раздумывая, арестовал Жан-Марка.

Аресты вызвали еще одну демонстрацию. Часть ее участников, считавшая, что вся вина за репрессии в Бразилии лежит на Соединенных Штатах, направилась к американскому посольству. Подойдя поближе, демонстранты стали швырять камни в окна посольства (уж очень привлекательна была мишень). Кто-то из демонстрантов снова заметил проникших в их ряды сыщиков в штатском. На крыше посольства были какие-то вооруженные люди, но с земли трудно было разобрать, кто это: американская охрана или бразильские солдаты. Эти люди вдруг открыли огонь по демонстрантам.

Сколько тогда было убитых, не знает никто. Позже друзья Жан-Марка показали ему место захоронения двух жертв: служащего и торговца. Студенты-медики и обслуживающий персонал морга подсчитали, что число убитых, по всей вероятности, превышало три десятка. Осенью правильность этих подсчетов подтвердил один военный летчик,

сказавший, что в тот день солдаты спасательной службы ВВС убили много демонстрантов, а затем собрали трупы и сбросили их в океан.

После расстрела демонстрации студенческое руководство укрылось в здании университета. Большинство же демонстрантов (некоторые из них были ранены) продолжали ходить по улицам и выкрикивать, что в кровавой расправе повинно правительство. С полудня и до 9 часов вечера вся центральная часть Рио была охвачена волнениями. Синеландия, музеи, оперный театр, массивные административные здания — все это было в руках демонстрантов.

Полиция также вышла из повиновения. Некоторые полицейские беспорядочно стреляли по окнам административных зданий вдоль Авенида-Рио-Бранко, на которой ежегодно устраивался веселый карнавал в Рио. Где бы ни появлялись полицейские, в них летели пепельницы, лампы и стулья. Один американский полицейский советник рассказывал, что никогда не забудет своего бразильского коллегу, который сидел на краю тротуара и плакал, потому что кто-то запустил в него камнем. Вот он, подумал тогда советник, самый ранний, библейский способ убийства, и бразильцы применяют его против собственной же полиции.

Когда наконец все полицейские были изгнаны из центральной части Рио, демонстранты успокоились и разошлись по домам. «Кровавая пятница» на этом закончилась.

Жан-Марк узнал о продолжавшихся волнениях от своих тюремщиков — офицеров 1-й бригады бронетанковых войск. Боевая тревога в расположении бригады продолжалась весь день. Затем связь со штабом была прервана, и офицеры, отрезанные от внешнего мира, стали считать себя на военном положении. Однако приказ браться за оружие от штаба так и не поступил. Такая сдержанность, как потом выяснилось, вызвала разочарование у некоторой части офицеров.

Жан-Марка долго допрашивал полковник Элвесио Лейте, слывший большим мастером пыток. Он грозился избить его и проделать с ним кое-что похуже. Но тогда это были лишь пустые угрозы. После допроса полковник остался, чтобы поговорить с Жан-Марком о политике. По его словам, президент Коста э Силва оказался слишком слабым и не сумел очистить страну от скверны. Бразилии нужна кровавая баня, которую следовало бы устроить ком-

мунистам еще в 1964 году. Но Гуларт и его сторонники отказались тогда от борьбы, и удобный момент был упущен. «Но, — добавил полковник, — он скоро вновь настанет».

Через несколько дней после студенческих волнений на свой первый митинг протеста собрались преподаватели высших учебных заведений Рио. Они тоже направили своих делегатов в министерство просвещения. Студенты наметили свою самую крупную демонстрацию на ближайшую среду. Помня об успехе де Пайвы, студенты привлекли к участию в своей демонстрации протеста 1500 женщин. Среди участников были также артисты кино, музыканты, банковские служащие, а также несколько профсоюзных деятелей, решивших присоединиться к демонстрантам, несмотря на то что после четырех лет диктатуры профсоюзное руководство состояло в основном из послушных режиму людей.

В демонстрации, продолжавшейся пять часов, участвовало 100 тыс. человек. Полицейские чины, армейские офицеры и сотрудники американского посольства считали, что Бразилия находится на грани гражданской войны.

Аристотелес Драммонд, несколько умеривший свой пыл через четыре года после переворота, но все еще активно боровшийся с левыми, узнал, что с ним хочет встретиться сам президент. Сначала он подумал было, что его разыгрывают (сложившаяся ситуация вполне допускала такие злые шутки). Но потом позвонил сам Коста э Силва. «Завтра же вылетайте в Бразилию, — сказал президент, — и мы с вами потолкуем». В 9 часов утра Драммонд сел в военный самолет и вылетел в столицу вместе с несколькими другими консервативно настроенными деятелями. В ходе часовой беседы с президентом Драммонд заверил его, что Жан-Марк и другие студенческие лидеры — коммунисты, но они не представляют интересы большинства студентов.

Следующая неделя прошла спокойно. Каждая из сторон оценивала силы и возможный ответ противника. Почувствовав, что будущее его правительства поставлено под угрозу, Коста э Силва согласился принять делегацию, в состав которой входили один священник, один преподаватель психологии и один мирно настроенный студент. Делегация представила четыре требования, сформулированные настолько туманно, что, узнав об этом, находившийся в заключении Жан-Марк пришел в отчаяние.

Просидев месяц в тюрьме, Жан-Марк до суда вышел на свободу. Это не было уступкой демонстрантам со стороны Косты э Силвы — того требовало простое соблюдение норм процессуального права. Уже через четыре месяца Жан-Марк предстал перед военным трибуналом.

У обвинения был один главный свидетель — водитель джипа, который показал, что сам слышал, как Жан-Марк подстрекал студентов, когда горел джип. У защиты, однако, были более веские доказательства: видеозапись поджога джипа, которая доказывала, что в тот момент Жан-Марка поблизости не было.

Суд удалился на совещание. Жан-Марку было разрешено уйти домой и вернуться в суд, когда будет выноситься приговор. Весь ход судебного разбирательства не оставлял у него сомнений, каким будет приговор. Кроме того, как раз в это время его кандидатура была выдвинута на пост председателя Национального союза студентов, и уже одно это гарантировало признание его виновным. Вот почему Жан-Марк решил скрыться. Его товарищ, оказавшийся вместе с ним на скамье подсудимых и тоже не совершавший никакого преступления, в отличие от Жан-Марка уверовал в беспристрастность военного трибунала и явился в суд в день вынесения приговора. Его приговорили к двум годам тюремного заключения. Жан-Марка приговорили к тому же сроку заочно. Все это происходило в сентябре 1968 года.

Через месяц старое руководство Национального союза студентов решило провести тайную конференцию на одной ферме близ Ибиуны — небольшого городка неподалеку от Сан-Паулу. Жан-Марк возражал против такой конспирации. «Пусть о нашей встрече знают все, — говорил он, — и пусть только полиция попытается ее сорвать. Это тут же станет известно всем, и новая расправа лишь усилит приток новых членов». Но при голосовании он оказался в меньшинстве.

К этому времени студенты сумели частным образом договориться с губернатором Сан-Паулу Содре (тот оказался дальним родственником Жан-Марка). Губернатор был против ущемления прав университетов, поэтому заверил студентов, что те могут не волноваться и спокойно проводить свою конференцию. Вскоре из всех уголков Бразилии в Ибиуну устремилась тысяча делегатов. До фермы нужно было еще километров пять идти пешком. Громкий смех и пение нарушали всякую конспирацию, и военной развед-

ке не трудно было «засечь» всех прибывших делегатов. Командующий местным гарнизоном вызвал к себе губернатора и сказал, что под видом студентов сюда прибывают вооруженные партизаны. Какая-то доля правды в этом была, так как человек 15 прихватили с собой оружие — в основном револьверы 22-го калибра. Поскольку ферма примыкала к лесу, студенты считали, что их вооруженные товарищи сумеют преградить путь полиции в случае неожиданного налета, давая тем самым возможность остальным участникам конференции укрыться в зарослях. Жан-Марк безуспешно пытался убедить руководство в том, что они только студенты и не имеют права носить оружие.

Армейское командование пригрозило устроить настоящую кровавую бойню. Тогда, желая избежать этого, губернатор Содре решил арестовать студентов собственными силами и направил в Ибиуну отряд полиции. Когда студенты узнали о предстоящем налете, на ферме началась паника. Полицейские из Сан-Паулу были напуганы еще больше, поскольку верили жутким слухам о партизанах-фанатиках, готовых сражаться до последнего.

Подойдя к ферме, полицейские открыли беспорядочный огонь. Они приближались все ближе и ближе, но ответных выстрелов не слышали. (Подумав немного, студенты решили, что, в конце концов, никакие они не вояки, и поэтому не стреляли.) Через некоторое время полицейские прекратили огонь и окружили ферму. Позже они рассказывали, что сами перепугались насмерть. Один полицейский признался, что, прежде чем сесть в полицейскую машину, он написал завещание.

Поскольку арестованных было так много и всех их нужно было под конвоем вести до самого шоссе (а до него было целых пять километров), в общей сутолоке никто не стал устанавливать личность задержанных. Уже в тюрьме в Сан-Паулу студенты узнали, что их арест вызвал уличные демонстрации во всех столицах штатов. Президент Коста э Силва попытался успокоить общественность, заявив, что, хотя все арестованные предстанут перед судом, максимально возможное число студентов будет до суда выпущено на свободу. Кроме того, губернатор Содре всеми силами старался предотвратить беспорядки в Сан-Паулу и поскорее очистить тюрьму от арестантов из других штатов. Он приказал своим полицейским работать день и ночь, чтобы как можно быстрее установить личность задержанных и отправить их на автобусах в родные штаты.

Еще до налета Жан-Марк был избран новым председателем Национального союза студентов. Кроме того, он был единственным делегатом, скрывавшимся от полиции, поэтому ему обязательно нужно было что-то предпринять. Прежде всего следовало изменить свою внешность на тот случай, если доносчики дадут его описание. С одним из арестованных Жан-Марк обменялся одеждой, другой отдал ему свои очки. Волосы тоже пришлось зачесать по-другому.

Полиция знала, что Жан-Марк находится в ее сетях, поэтому из Рио для опознания срочно прибыла группа сыщиков с его фотографией. Они хотели было тут же обойти все камеры, но студенты, поняв их намерение, подняли такой невообразимый шум, что полицейские не решились войти к ним и стали ждать, пока арестованных начнут группами разводить по автобусам.

Лишь в 4 часа утра Жан-Марка вместе с 49 другими студентами вывели для опознания из камеры. Он уже придумал себе новое имя, соответствующее своему новому облику, и сказал, что живет в штате Парана к югу от Сан-Паулу. По слухам, тамошний губернатор был довольно либеральным человеком.

Во время допроса студентов Жан-Марк слышал, как один из вновь прибывших полицейских сказал: «Он где-то здесь. Теперь он от меня не уйдет». Но, сказав это, тот зевнул и прошел мимо Жан-Марка, так и не узнав его.

Садясь в автобус, Жан-Марк понимал, что пройдет несколько часов и другие, уже выспавшиеся сыщики продолжат поиск. Но потом он перестал об этом думать и всю дорогу продремал.

Когда автобус въехал в столицу штата Парана и остановился на красный свет светофора, Жан-Марк выбил дверцу аварийного выхода, выпрыгнул из автобуса и скрылся в одной из боковых улиц.

Во время своей последней поездки на юг он познакомился с людьми, которые могли бы теперь помочь ему. Первый же человек, которому он позвонил, сказал, что СЕНИМАР (разведслужба ВМФ) уже знает, что Жан-Марк сел в автобус, направлявшийся в столицу штата Парана, и теперь полицейские проверяют весь транспорт, въезжающий в город.

Жан-Марк понимал, что город был небольшим, а его выговор отличался от местного, поэтому ему придется проявить все свое умение, чтобы провести полицию.

На другой день бастующие банковские служащие организовали массовую демонстрацию в Паране, в которой приняли участие также преподаватели, рабочие и городская беднота. Группа студентов попросила Жан-Марка выступить перед участниками митинга. Они, конечно, понимали, что его разыскивает полиция, но уж очень хотелось его послушать: как-никак знаменитость. Хотя Жан-Марк и не был самым пылким оратором в Латинской Америке, он умел говорить достаточно убедительно и красноречиво. Он дважды пытался говорить, но всякий раз какой-то полицейский в штатском стрелял по нему из толпы. Поняв, какой опасности он подвергает других участников демонстрации, Жан-Марк затерялся в толпе и укрылся затем в доме одного из своих друзей. Одолжив у него костюм и галстук и взяв на время автомобиль у другого своего товарища, он перевоплотился в респектабельного буржуа и направился в аэропорт.

Новая техника оказалась не в силах побороть некоторые устоявшиеся привычки. Наряды полиции были расставлены на железнодорожном вокзале и автобусной станции, а также на шоссейных дорогах, где автомобилистов заставляли выходить из машин и открывать багажники. В аэропорту, однако, не было никого, и Жан-Марк беспрепятственно сел в самолет, вылетавший в Сан-Паулу. Затерявшись в одном из его бурлящих промышленных кварталов, он прожил в подполье целый год.

В 1968 году весь мир был охвачен демонстрациями. Вернувшись в Вашингтон, Дэн Митрионе вскоре пришел к выводу, что Соединенные Штаты уже совсем непохожи на ту страну, которую он покинул восемь лет назад. Когда бразильские слушатели в Международной полицейской школе спрашивали, почему он не остался в Бразилии еще на несколько лет, Митрионе в шутку отвечал: «Я должен был вернуться, чтобы не забыть, что я американец».

По возвращении на родину ему пришлось столкнуться с возросшей преступностью, и это вызывало у него глубокое беспокойство. Американские инструкторы в Бразилии признавались друг другу, что ночью на улицах там более безопасно, чем в Нью-Йорке. Митрионе гордился тем, что был лично причастен к тому, что в Бразилии стало тихо и спокойно.

Контраст был так велик, что через три года подкомиссия по иностранным делам, возглавлявшаяся сенатором Фрэнком Черчем, начала расследование в связи с поступавшими из Бразилии сообщениями о применении там пыток. Подкомиссия вызвала главного американского полицейского советника в Бразилии и спросила, где тот чувствует себя в большей безопасности — в Вашингтоне или в Рио.

Советник (это был Теодор Браун) не заметил подвоха:

— Я чувствую себя в большей безопасности в Рио.

— В таком случае, — продолжал сенатор Черч, — на каком основании мы считаем себя достаточно квалифицированными, чтобы учить бразильцев, как налаживать полицейскую службу?

Но это был лишь легкий укол опытного полемиста. Весьма поверхностное расследование подкомиссии не выявило достаточно убедительных фактов, говорящих против Управления общественной безопасности, его полицейской школы в Вашингтоне или деятельности американских полицейских советников на местах.

Если бы Нелсон Рокфеллер поинтересовался личностью молодого хулигана, организовавшего демонстрации протеста во время его поездки по странам Латинской Америки весной 1969 года, то ему сказали бы, что это прилежный и хорошо воспитанный сын швейцарского инженера-химика.

Рокфеллер занимал пост губернатора штата Нью-Йорк, когда Ричард Никсон направил его в Латинскую Америку с просьбой подготовить доклад о положении в этом регионе. Программа поездки предусматривала пребывание губернатора в той или иной латиноамериканской столице не более нескольких часов. Но даже такие краткосрочные остановки не смягчили протестов. В Латинской Америке мало кто воспринимал губернатора эдаким улыбчивым демократом, запросто разгуливающим по Нью-Йорку и останавливающимся у любого лотка, чтобы съесть булочку с сосиской или кусок пиццы. Еще задолго до того, как в тюрьме Аттика заключенные подняли бунт, бросивший тень па его репутацию либерала у себя в стране, в Латинской Америке фамилия Рокфеллеров была емким символом империализма и репрессий вот уже несколько десятилетий.

Простой американский налогоплательщик будет, видимо, немало озадачен, когда узнает, что с момента переворота 1964 года Вашингтон переправил в Бразилию целых 2 миллиарда долларов для защиты американских капиталовложений, общая сумма которых составляла всего 1,6 миллиарда долларов. Однако в целом по Латинской Америке ставки были гораздо выше. Американский капитал контролировал 85% латиноамериканских источников сырья. В период с 1960 по 1969 год объем капиталовложений США в странах Латинской Америки возрос с 6 до 12 миллиардов долларов, т. е. удвоился. Компании, контролируемые семейством Рокфеллеров, по-прежнему оставались среди тех, чьи капиталовложения были самыми значительными.

В момент приезда губернатора в Латинскую Америку компания «Стандард ойл оф Нью-Джерси» (лишь часть огромного треста, созданного дедом Рокфеллера) контролировала 95% акций крупнейшей нефтяной компании в Венесуэле «Криол петролиум». К югу от экватора другая корпорация Рокфеллеров — ИБЕК — имела активы, превышавшие 50 миллионов долларов. Кроме того, там находилось множество предприятий, банков и магазинов самообслуживания, контролировавшихся семейством Рокфеллеров. Не удивительно поэтому, что приезд Рокфеллера в Колумбию вызвал демонстрации протеста. В Эквадоре полиция застрелила шестерых студентов, участвовавших в аналогичных демонстрациях. Под давлением протестующей общественности правительства Чили и Венесуэлы отказались принимать визитера.

Учитывая размеры состояния Рокфеллера, а также враждебный прием, оказанный ему в ходе визита по странам Латинской Америки, либеральные круги в Бразилии отнюдь не удивились, когда узнали, что отчет, представленный им президенту Никсону, был составлен в весьма резких выражениях. По словам Рокфеллера, рабочие находились под сильным влиянием коммунистов. То же относилось и к студентам, хотя те, возможно, были просто одурачены. В отчете содержалась похвала в адрес полиции и вооруженных сил на континенте. Эффективные действия армии позволяли каждой стране противостоять «растущей тайной коммунистической угрозе их внутренней безопасности». Что касается полиции, то Рокфеллер счел необходимым упрекнуть народ Соединенных Штатов в том, что он недооценивал ее роль. Конечно, полиция действительно

использовалась в целях политических репрессий, что, разумеется, «достойно сожаления». И все же, делал вывод Рокфеллер, полицию в Латинской Америке необходимо укреплять.

Вояж Рокфеллера был в ту весну далеко не единственной заботой Жан-Марка. В феврале правительство приняло Декрет № 477, запрещавший всякую политическую деятельность в стенах университета. Власти закрыли также большинство студенческих центров. В Рио, например, лишь католические университеты не подпадали под запрет. Многих студенческих вожаков исключали из высших учебных заведений, поэтому число товарищей Жан-Марка по подполью росло.

Кроме того, в стране все более широкое распространение стали получать пытки. Сразу же после переворота исчезло много людей — мужчин и женщин. Позже их тела были найдены на пустырях и в канавах. Поначалу случаи применения пыток были единичными. Первыми жертвами стали два актера и бывший армейский сержант по имени Раймундо Суарес, замученный до смерти. Даже те студенты, которые придерживались левых взглядов, склонны были винить в этом горстку озверевших полицейских и военных. Бразильцы никак не хотели разувериться в авторитете президентской власти, хотя та и была теперь узурпирована. Пытки же просто не совмещались с их собственным представлением о себе.

Однако в июне 1969 года жители Сан-Паулу стали уже с опаской поговаривать об организации под названием ОБАН. Судя по всему, она состояла из тайных агентов полиции и военной разведки. Объявив войну всем левым, ОБАН считала себя в праве поступать так, как ей заблагорассудится. Ее деятельность финансировалась местными промышленниками через посредника по фамилии Бойлесен.

Жан-Марк провел в подполье много месяцев и при этом ни разу не пользовался фальшивыми документами. В случае необходимости предъявлял либо свой швейцарский паспорт, либо военный билет офицера морской пехоты. Документы были необычными, поэтому полицейские, увидев их, сразу же его отпускали. Дважды имя Жан-Марка попадало в списки лиц, разыскиваемых полицией, когда он оказывался в ее сетях, но всякий раз полицейские даже

не удосуживались сверить фамилии задержанных с теми, что значились в списках, и его вновь отпускали.

Подпольная жизнь переносилась людьми по-разному. Некоторые из преследуемых так тяжело переживали необходимость постоянно скрываться и ежедневно думать о том, что тебя вот-вот схватят, что, почувствовав вдруг на плече тяжелую руку полицейского, вздыхали с облегчением. Жан-Марк, однако, в их число не входил. Когда наступил и его черед, он был далек от таких чувств.

Случилось это 31 августа 1969 года. В тот период между людьми складывались весьма запутанные и необычные на первый взгляд отношения. Видимо, поэтому и получилось так, что Жан-Марк скрывался в доме врача, который лечил президента Бразилии. От него Жан-Марк узнал о сердечном приступе Косты э Силвы, что тщательно скрывалось военной верхушкой, в то время как его потенциальные преемники отчаянно дрались за президентское кресло.

Новость была настолько важной, что Жан-Марк просто не мог не поделиться ею со своими товарищами. Он тут же отправился в дом, где жили его друзья, но никого там не застал. Все еще возбужденный, он пренебрег одной из мер предосторожности, которые соблюдал всегда, и направился к дому, где жили другие его друзья по борьбе. До этого он всегда встречался с ними лишь на улице.

Подойдя к входной двери, Жан-Марк инстинктивно почувствовал, что в доме происходит что-то не то. Он прислушался и, услышав за дверью незнакомые голоса, стал потихоньку уходить. Но было уже поздно — он попал в западню. За несколько минут до его прихода полицейские совершили налет на конспиративную квартиру и теперь притаились в засаде. Схватившим его полицейским Жан-Марк сказал, что он студент и просто ошибся адресом. Кто знает, возможно, при других обстоятельствах полиция и поверила бы ему, но в то время никто и не собирался выслушивать его объяснений. Власти уже давно пришли к выводу, что избиение всех попавших к ним в руки студентов лишь способствовало воцарению спокойствия и порядка в университетах, а это генералов устраивало больше, чем прошлогодние беспорядки.

Жан-Марка доставили сначала в штаб-квартиру департамента политического и общественного порядка (сокращенно ДОПС), где уже было шестеро других задержанных. Всем им было велено стать к стенке, немного отступить, чуть наклониться вперед и упереться в нее ладонями. За-

тем их стали бить дубинками по почкам. Избиение, продолжавшееся полчаса, не было наказанием за отказ отвечать на вопросы. Никто их ни о чем и не спрашивал. Это делалось лишь для того, чтобы студенты поняли, что они арестованы, и готовились к худшему.

Когда Жан-Марка били первый раз, на глазах у него не было повязки, поэтому, осмотревшись, он увидел в камере 12 человек. Позже он узнал, что шестеро военных были из СЕНИМАР, а шестеро в штатском — из ДОПС (то были спецы по части пыток).

Главная тюрьма СЕНИМАР располагалась в подвалах министерства ВМФ недалеко от доков живописной гавани Рио. Агенты секретной службы, занимавшие весь 5-й этаж министерства, старались пытать заключенных по ночам, когда министерство пустовало. Офицеры американской военно-морской миссии, работавшие в том же здании, иногда слышали крики, доносившиеся со стороны внутреннего дворика. На их лицах тогда появлялась гримаса отвращения, но ни один офицер (даже контр-адмирал К. Тор Хэнсон, который сам говорил подчиненным, что слышит крики) этот вопрос перед своими бразильскими коллегами никогда не поднимал. Это их внутреннее дело, считали они, и нас оно не касается.

Иногда у кабинетов офицеров разведки они видели каких-то людей в штатском (явно своих соотечественников). Если кто и должен возражать против пыток, рассуждали морские офицеры, так это они. Поскольку, судя по крикам, пытки были длительными, извлекаемая таким способом информация имела, должно быть, чрезвычайно важное значение для безопасности Бразилии, а следовательно, и для безопасности Соединенных Штатов.

Кое-кому из бразильцев, прошедших через пытки в застенках СЕНИМАР, удалось потом рассказать о пережитых ужасах иностранным журналистам. Несколько бывших узников как-то рассказали обо всем Уильяму Бакли, американскому журналисту консервативного толка, находившемуся в то время в Рио. Они сказали, что во время пыток ясно слышали английскую речь, доносившуюся из соседней комнаты. Если уж им были слышны приглушенные голоса, то неужели американцы не слышали громких криков и стонов тех, кого пытали?

Бакли, который сам когда-то был агентом ЦРУ в Мехико, писал потом в своем репортаже, что заключенные слышали не голоса агентов американской разведки, а ра-

диомониторы, принимавшие передачи с борта американских судов, стоявших на якоре в гавани.

Жан-Марк, узнав о том, какое объяснение дал всему этому Бакли, подумал, что оно настолько надуманно, что лишь подтверждает подозрения непредвзятого человека. Но разве это кого-то волновало? Никому не было никакого дела ни до обвинения, брошенного в адрес американцев, ни до опровержения Бакли.

Продержав Жан-Марка некоторое время в тюрьме СЕНИМАР, его переправили затем на другую сторону бухты Гуанабара и поместили в тюрьму на острове Цветов — крошечном клочке земли в Атлантическом океане, столь же красивом, как и его название. Батальон бразильских морских пехотинцев содержал приземистые белые строения и окружающую их территорию в образцовом порядке. Здесь же под рукой были и допрашивающие — специалисты по части пыток.

В течение целых суток Жан-Марка непрерывно избивали дубинками и пытали электрическим током. Поначалу пытки носили обычный предварительный характер. На третий день, однако, тюремщикам удалось установить его личность, и избиение стало более жестоким.

Старшим командиром на острове был Клементе Жозе Монтейро Фильо, комманданте морской пехоты, окончивший американские курсы подготовки офицеров военной разведки в Панаме. Он лишь дважды заходил в камеру, когда пытали Жан-Марка. На глазах у всех заключенных были повязки, но необычный голос Монтейро все равно выдавал его. Женщины-заключенные рассказывали, что он чаще приходил, когда пытали их, особенно если их при этом раздевали донага.

Не все пытавшие с одинаковым рвением относились к своей работе. Одни были настоящими садистами, другие лишь выполняли приказ. Больше всех, казалось, старался агент ДОПС по имени Солимар. Чуть ли не с восторгом другие тюремщики величали его «доктором Штопором» за умение извлекать всю информацию без остатка из самого стойкого заключенного. Несмотря на очень маленький рост, Солимар обладал просто-таки потрясающей энергией. Наверное, он наркоман, думал Жан-Марк. Если другие тюремщики часто жаловались на усталость, то Солимар мог истязать человека и шесть, и семь часов кряду.

И все же пальма первенства принадлежала не ему. Настоящим лидером здесь был Алфредо Поэк, капитан

ВМФ, который с восхищением вспоминал, как его обучали методам ведения психологической войны на американской базе в Форт-Брагге. Опасаясь, что его имя может быть скомпрометировано, Поэк работал под псевдонимом «доктор Майк».

Жан-Марка поражало, с каким остервенением набрасывались все эти люди на заключенных. Вскоре он понял, что бразильцы его поколения еще не готовы к политической борьбе. Во Вьетнаме, например, борьба продолжалась четверть века, поэтому молодые вьетнамцы хорошо понимали, что им необходимо с ранних лет готовиться к войне. В Бразилии же в течение чуть ли не 20 лет после Варгаса народ жил в условиях мира и [буржуазной] демократии. Понятие «пытка» было совершенно незнакомо Жан-Марку. До острова Цветов самую сильную боль он испытывал лишь в кабинете зубного врача. Теперь же он сидел в тюремной камере, куда приходили люди, не скрывавшие, что ненавидят его и не испытывают никакого сострадания к его мучениям.

Эти люди как ни в чем не бывало прикрепляли оголенный провод к его члену, не испытывая при этом ни стыда, ни смущения. Другой конец провода они втыкали ему в ухо, после чего подсоединяли провод к полевому телефону, работавшему от аккумулятора. Жан-Марк сразу понял, что это телефон: когда он был на военных сборах, морские пехотинцы-резервисты пользовались точно такими же аппаратами, поставлявшимися из США по программе военной помощи.

Простым поворотом ручки на провод подавалось напряжение. Человек при этом испытывал невыносимую боль, так как голые концы провода были подсоединены к самым чувствительным участкам тела. Когда тюремщик хотел подсоединить провод к зубам, он надевал спачала резиновую перчатку.

На другой день электрические провода прикреплялись к пальцам Жан-Марка или соскам. Для этого использовались обыкновенные прищепки. (Бразильцы называли их «крокодильчиками», так как зажимы имели острые зубья.) Было как-то странно видеть, что эти незамысловатые предметы домашнего обихода используются теперь как орудие пыток. Может, мир действительно сошел с ума, подумал Жан-Марк.

Была еще одна пытка, которую Жан-Марк ненавидел еще больше. Надзиратели использовали для этого неболь-

шие плоские деревянные лопаточки с отверстиями (в бразильских школах ими обычно наказывают непослушных детей). Один-два удара такой лопаточкой причиняют неприятную и острую боль, похожую па укол вязальной спицей. Такая лопаточка не вызывала у Жап-Марка никакого страха, пока он не попал на остров Цветов. Здесь палачи часами били ею по голове, почкам, половым органам.

Избиение и пытки электрическим током продолжались семь дней, причем первые четыре — без перерыва. Жан-Марк был уверен, что не выдержит и умрет. А что он, собственно, сделал? Поджег джип? Выступил несколько раз на митинге? Разве все это оправдывает такую жестокость?

На седьмой день Жан-Марку наконец все стало ясно. Ему вновь одели на глаза повязку и били по ушам до тех пор, пока у него чуть не лопнули барабанные перепонки. Боль в голове была такой, что это не шло ни в какое сравнение с любой телесной раной. Находясь в таком состоянии, он все же слышал, как капитан Монтейро переводил вопросы на английский язык: «В какой организации ты состоишь? Где сейчас ее члены?»

Жан-Марк слышал также, как к капитану обратился какой-то человек, говоривший по-английски с американским акцентом. Все это время Жап-Марк висел головой вниз. Его запястья и коленки были привязаны к шесту, который назывался «насестом для попугая». Тюремщики пытали его электрическим током, всунув голые провода в уши. Несмотря на нестерпимую боль, он все же услышал потрясшую его новость. Так вот почему его мучили с таким остервенением!

Жан-Марк узнал, что похищен посол США в Бразилии.

Чарлз Бэрк Элбрик, новый посол США в Бразилии, был дипломатом старой закалки. Среди более молодых сотрудников государственного департамента он слыл скучным и лишенным воображения человеком. Один начинающий дипломат метко назвал его «старой перечницей». Что касается более откровенных коллег его возраста, то у них сам Элбрик и его манера вызывали одно раздражение. Он представлялся им карикатурой безупречно одетого карьериста, который гораздо больше заботился о подборе подходящего галстука, чем о своих политических взглядах.

Родители Элбрика, неплохо устроившиеся в Луисвилле, в свое время отправили его в колледж Уильямса, который он и окончил в год краха фондовой биржи. Через два года молодой Элбрик поступил на дипломатическую службу и стал медленно, но верно подниматься вверх по служебной лестнице. Во всех странах пребывания (в Панаме, Гаити и Польше, где он работал незадолго до начала войны) Элбрик и его жена Эльвира больше всего уделяли внимание балету, опере и концертам местного симфонического оркестра.

В годы президентства Линдона Джонсона служба Линкольна Гордона в Бразилии была по достоинству оценена, и он был назначен на пост заместителя государственного секретаря по делам Латинской Америки. На посту посла США в Бразилии его сменил Джон Татхилл, который был не так благосклонен к диктаторскому режиму, а посему не на шутку рассердил тамошних генералов. И вот теперь, пытаясь как-то подготовить Элбрика к его новой работе, Гордон пригласил его к себе, чтобы срочно прочесть ему краткий курс бразильской истории. Постаревший, но отнюдь не ставший от этого менее разговорчивым, Гордон пустился в пространный экскурс и говорил до тех пор, пока Элбрик

не почувствовал, что цифры и факты о Бразилии уже буквально лезут у него из ушей. 8 июля 1969 года Элбрик прибыл в Бразилию, не запомнив, конечно, ни слова из того, что наговорил ему Гордон.

Сотрудники посольства знали о весьма нелестной репутации Элбрика еще до его приезда в бразильскую столицу. И беспокойство, которое он им внушал, не уменьшилось после того, как г-жа Элбрик твердым голосом заявила, что назначенный в резиденции посла прием в благотворительных целях отменяется. «Позвольте, — сказала она, не успев приехать, — мой дом — не общественное место».

Город Бразилиа вот уже 10 лет был официальной столицей страны, но сотрудники многих посольств все еще с крайней неохотой уезжали из Рио, не желая менять его блеск и очарование на унылую геометрию новой столицы. Вот почему Элбрик по-прежнему жил в официальной резиденции американского посла в районе Ботафого в доме № 388 по улице Сан-Клементе. Он неизменно приезжал туда каждый день в полдень и не спеша обедал.

В тот четверг 4 сентября 1969 года (в Бразилии в это время весна) посол, по обыкновению, плотно пообедал и около двух часов пополудни сел в посольский «кадиллак» и направился в посольство. За рулем сидел бразильский шофер Кустодио Абел де Силва.

Резиденция посла находилась в центре квартала, исчерченного множеством узеньких улочек с односторонним движением. Когда «кадиллак» проезжал по одной из них, шофер вдруг увидел, что дорога блокирована «фольксвагеном», у которого, видимо, что-то сломалось. Элбрик, желая посмотреть, что там случилось, выглянул из окна. В это время четверо неизвестных рванули на себя дверцу его машины и закричали: «Мы бразильские революционеры!» Угрожая послу пистолетами 45-го калибра, они затолкали шофера на середину переднего сиденья, а Элбрику, сидевшему сзади, приказали лечь на пол. На все вопросы посла один из них отвечал коротким: «Молчать!»

Через некоторое время машина остановилась в безлюдном месте где-то среди холмов к северу от пляжа Ботафого. Послу было приказано закрыть глаза. «Меня хотят убить», — пронеслось у него в голове.

Элбрик вспомнил, что год назад Джон Гордон Мейн, бывший заместитель Линкольна Гордона, назначенный потом послом в Гватемале, был убит, когда пытался отбиться от повстанцев, захвативших его машину. Элбрик драть-

ся не собирался, но и глаза закрывать не хотел. Он поднял руку, инстинктивно пытаясь отвести от лица направленный на него пистолет. И тогда другой человек ударил его рукояткой пистолета по голове. Удар потряс Элбрика. Он почувствовал, как по лицу потекла кровь.

Похитители вытолкнули посла из «кадиллака» и заставили перебраться в микроавтобус марки «фольксваген». Там ему снова приказали лечь па пол, а затем укрыли брезентом. Человек, приказывавший ему молчать, не пряча пистолет, сел на посла верхом.

Неизвестные переговаривались друг с другом, но к Элбрику никто не обращался. Так они ехали минут 20. Под брезентом Элбрик понемногу стал успокаиваться. Намерения похитителей пока были не ясны, но теперь он уже знал, что убивать его никто не собирался: если бы они хотели его прикончить, то сделали бы это там, на безлюдном месте среди холмов.

Автобус въехал куда-то и остановился. Все четверо встали, и один из них сказал, обращаясь к Элбрику: «Теперь можно встать. Смотрите только вперед и садитесь на сиденье. Если обернетесь — пристрелим».

Элбрик поднял голову. Похоже было, они въехали в небольшой крытый гараж. Двое вышли из автобуса, а двое остались с послом. Один из них сел на заднее сиденье, а другой встал у ворот гаража.

Было жарко. Осторожно, стараясь не оборачиваться, Элбрик сбросил с себя пиджак и попросил воды (он хотел промыть рану). Кто-то принес ведро и кувшин с питьевой водой.

Элбрик предположил, что похитители, видимо, решили дождаться темноты, а затем уже, не рискуя, вывести его из гаража. Было чуть больше трех часов дня. Учитывая, что весной здесь солнце садится поздно, Элбрик понял, что ждать придется долго. Он стал обдумывать ситуацию. Кто эти люди? Чего они от него хотят?

Одним из похитителей, все это время остававшихся в доме, был Фернандо Габейра — бывший репортер из газеты «Биномио» в Белу-Оризонти. В то время ему было 28 лет. Он делал не только большие успехи в журналистике, но и принимал все более активное участие в движении левых. В Рио он работал редактором «Жорнал ду Бразил» — влиятельной консервативной газеты — и одновре-

менно преподавал в университете на факультете журналистики. Еще в Белу-Оризонти он понял, что в стране назревает военный переворот. И все же, когда это случилось на самом деле, Фернандо долго не мог прийти в себя.

После 1964 года в левом движении Бразилии произошел раскол *. Фернандо стал членом группы «МР-8» ** — «Революционное движение 8-го октября» (в этот день погиб Че Гевара). В период наивысшей активности в организацию входило не более 100 человек. В июле спецслужбы ВМФ совершили облаву, арестовав 22 ее членов. После этого в рядах организации осталось лишь несколько человек. Именно это обстоятельство и побудило их совершить нечто из ряда вон выходящее.

Фернандо готовился к этому моменту загодя, проверяя себя на менее опасных делах. Он вставал в 5 часов утра и уезжал из Леблона (где находилась его дорогая квартира) на заводские окраины Рио. Там он обходил одно предприятие за другим и распространял листовки. Если бы его поймали, то, конечно, арестовали бы, посадили в тюрьму и пытали. На этом вся его карьера и закончилась бы.

Вскоре кто-то предложил попробовать похитить когонибудь в политических целях. В 1969 году эта практика еще не получила столь широкого распространения. Почему бы, подумали студенты, не захватить какую-нибудь важную персону и не потребовать затем выкуп? Но только не деньгами, потому что тогда они вряд ли могли бы рассчитывать на понимание и сочувствие простых бразильцев (а именно их сердца они и хотели завоевать). Лучше потребовать, чтобы в обмен освободили политических заключенных, которых без суда и следствия месяцами подвергают пыткам. Это требование не вызвало бы осуждения и было бы гуманным. Но возникал вопрос: сколько политзаключенных должно быть освобождено? Цифра, видимо, должна быть разумной. Посоветовавшись, решили, что 15 будет достаточно.

* После военного переворота 1964 года Бразильская коммунистическая партия (БКП) подверглась жесточайшим репрессиям. Партийные организации во многих штатах были разгромлены, а тысячи активистов брошены в тюрьмы, где были подвергнуты пыткам. Многие из них погибли в застенках. Среди них 10 членов ЦК. — *Прим. перев.*

** Левацкая организация студенческой молодежи, стоявшая на экстремистских позициях. — *Прим. перев.*

На обсуждение этой проблемы ушло полтора месяца. Время летело незаметно, и все вдруг осознали, что скоро уже 7 сентября — День независимости Бразилии. Заговорщики были единодушны в том, что этой датой надо непременно воспользоваться, поэтому их доселе абстрактные разговоры и споры начали принимать конкретный характер. Они вдруг поняли, что будущую свою жертву и держать-то негде. Но выход вскоре был найден. К тому времени они уже сняли дом на Барон-ду-Петрополис в северной части Рио и хотели разместить там редакцию подпольной газеты (редактировать ее должен был Фернандо). Одна из молодых женщин — членов группы «МР-8» каждый день водила туда своих детей с тем, чтобы соседи думали, что там живет какая-то семья. Как только к ней привыкнут, Фернандо начнет работать над газетой. Поскольку другого места у них не было, заговорщики решили использовать именно этот дом в качестве временной тюрьмы для Бэрка Элбрика.

Ни Фернандо, ни большинство его товарищей до этого даже не знали, кто такой Элбрик. Им было известно лишь то, что в Рио живет посол Соединенных Штатов и что его похищение станет большой сенсацией, а это, как ничто другое, заставит бразильское правительство вступить с ними в переговоры об условиях его освобождения.

(Позже, когда похищение дипломатов стало обычным явлением, бразильцы, прикидывая относительную ценность возможной жертвы, шутили, что для освобождения одного-единственного заключенного, посла Гаити, например, пришлось бы похищать дважды.)

Чтобы выяснить, где и когда бывает американский посол, заговорщики прибегли к испытанному приему. К зданию посольства они подослали хорошенькую девушку, которая весьма успешно стала соблазнять молодого бразильского охранника.

— Ах! — воскликнула она. — Я просто восхищена работой вашего посольства! Оно такое большое и работать здесь, наверное, так трудно!

Охранник надулся от гордости и вскоре уже отвечал на все ее вопросы.

До намеченного дня оставалась теперь одна ночь. Поскольку группа «МР-8» не имела никакого опыта в практическом осуществлении подобных акций, ее члены решили войти в контакт с другой группой, называвшейся «Действие за национальное освобождение» (сокращенно

«АЛН»} и базировавшейся в Сан-Паулу. Возглавлял группу Карлос Маригела — легендарная фигура в левом движении Бразилии. «АЛН» согласилось выделить шесть человек, т. е. половину ударной группы, которая и должна была осуществить операцию. Шесть человек должны были похитить посла утром, когда тот выедет на машине в посольство. Другая шестерка должна была оставаться в доме и дожидаться там. Поскольку Фернандо уже жил там какое-то время, было решено, что вместе с пятью другими товарищами он останется дома.

Помощь из Сан-Паулу прибыла лишь ночью. Маригелы среди них не было. Позже некоторые упрекали его за трусость. Другие же считали, что, отказавшись от участия в операции, Маригела лишь подтвердил, что никогда не рассматривал похищение людей одним из тактических приемов борьбы.

В прибывшую группу входил, однако, не менее известный человек — Жоакин Камара Феррейра, 78-летний ветеран гражданской войны в Испании, имевший подпольную кличку Толедо. В «АЛН» он был вторым по рангу после Маригелы. Было решено, что Толедо будет выступать в роли отца Фернандо.

Оставалось закончить последние приготовления, включая угон четырех автомобилей. Несколько человек вышли на улицу и вскоре пригнали три легковые автомашины и один микроавтобус марки «фольксваген». При угонах применялась следующая тактика. Человек подбегал к зазевавшемуся водителю, направлял на него пистолет и говорил: «Нам нужна твоя машина, для дела». И водитель отдавал ключи. В самом начале не обходилось и без курьезов. «Вам что, серьезно нужна на вечер моя машина? — спросил как-то один молодой человек. — Но я вам дать ее не могу. Мне самому нужно отвезти вечером девушку в кино». Услышав столь «веский» довод, заговорщики оставили его в покое и пошли искать другого водителя, у которого не было такой серьезной причины для отказа. Заполучив машину, заговорщики тут же меняли номерные знаки.

Большинство членов группы «МР-8» и не догадывались о готовившемся похищении. Им был лишь дан совет вести себя чуть осторожнее, так как завтра должно произойти нечто важное. Ударная же группа из 12 человек легла в ту ночь спать в крайне возбужденном состоянии. Они знали, что завтра о них будет говорить весь Рио. Возможно,

они и погибнут. Но о смерти в ту ночь никто не думал. И конечно же, никто не думал о смерти Элбрика. Возможно, им и придется пригрозить ему расправой, но не более. Именно так все и предполагали действовать.

Наступило утро, и шестерка отправилась выполнять задание. Один из заговорщиков должен был дежурить на улице и при появлении лимузина подать сигнал. Другому предстояло сесть за руль «фольксвагена» и блокировать узкую улочку. Остальные четверо должны были подскочить к автомобилю с пистолетами в руках и захватить Элбрика и его шофера.

Но в то утро все у них пошло насмарку. Едва заговорщики вышли из дома, как услышали сильный грохот: это столкнулись две автомашины прямо напротив их гаража, начисто блокировав и въезд и выезд. К тому же шофер Элбрика, выехав из резиденции посла, по собственной прихоти поехал другой дорогой. В полном отчаянии заговорщики целый час прождали машину, которая так и не появилась.

В обед теперь нельзя было допускать ни одной ошибки. Напряжение было столь велико, что еще одну ночь ожидания они уже вряд ли выдержали бы. Впоследствии заговорщики никак не могли понять, зачем это Виржилио Феррейра, человек из «АЛН» с подпольной кличкой Жонас, ударил Элбрика рукояткой пистолета по голове. Скорее всего, тот подумал, что посол собирается бежать. Да и напуган Феррейра был больше, чем его жертва.

Оставшиеся в доме прождали два часа. Затем послышался топот ног на лестнице, и в комнату вбежали четверо из отправившейся на задание шестерки. По их радостным и возбужденным лицам Фернандо сразу понял, что на этот раз операция удалась.

Когда наконец спустились сумерки, похитители завязали Элбрику глаза, вывели его из гаража и повели в дом.

— Что все это значит? — без конца повторял он. — Я хочу связаться с женой. Что вы сделали с моим шофером?

Заговорщики знали, что рано или поздно Элбрик начнет беспокоиться о жене. За ночь до операции они уже обсуждали этот вопрос и согласились, что тяжелее всего знать, что кто-то из твоих товарищей исчез, а что с ним — не ведать. Жив ли он? Мертв? Может, схвачен полицией? А может, его кто-то успел предупредить и он вообще уехал

из города? Вот почему все решили избавить близких Элбрика от таких мучений. Как только посла привезли в гараж, Фернандо вышел на улицу и по городскому телефону-автомату позвонил Уильяму Белтону, советнику посольства, и заверил его, что Элбрик жив и здоров.

Фернандо не мог знать, что меры предосторожности, предпринятые ими в попытке оттянуть время, обернулись против них же. Оставив записку со своими требованиями на переднем сиденье «кадиллака», похитители отобрали у шофера ключи, полагая, что, пока тот спустится с холма и дойдет до телефона, пройдет целый час. Но у Кустодио были запасные ключи. Поэтому, как только микроавтобус скрылся из виду, он сел в машину и помчался к первому же дому с телефоном. Уже через несколько минут после происшествия посольство знало обо всем. Белтон тут же связался с разведуправлением и сообщил: «Семь минут назад был похищен посол».

Через полчаса Белтон и его коллеги получили копии манифеста похитителей на трех страницах, оставленные теми на сиденье машины. Содержание документа не давало оснований для оптимизма. Заговорщики требовали, чтобы правительство выполнило два их требования: освободило 15 политических заключенных (имена будут названы после получения его принципиального согласия) и обнародовало полный текст манифеста по общенациональной системе радио и телевидения.

Введя цензуру печати, военный режим пытался воспрепятствовать распространению сообщений о совершаемых заговорщиками налетах на банки и склады оружия и боеприпасов. И вот теперь, когда осуществлена самая дерзкая операция, группа «МР-8» требовала вернуть долг.

Если в течение 48 часов они не получат официального ответа, предупреждали похитители, Бэрк Элбрик будет казнен. «Каждый из них, — говорилось в манифесте по поводу указанных 15 политзаключенных, — стоит целой сотни послов...» Послание заканчивалось более общей угрозой: «И наконец, мы хотим предупредить всех, кто избивает, пытает и убивает наших товарищей, что этого больше мы терпеть не будем. Это наше последнее предупреждение... Теперь мы будем действовать по принципу: око за око, зуб за зуб».

Обнародование этого заявления, считали в американском посольстве, особых трудностей не вызывало, хотя правительству оно может и не понравиться. Но это лишь одно,

более простое требование. Освобождение политзаключенных было, казалось, неразрешимой проблемой. Вот почему с того момента, как в посольстве раздался телефонный звонок шофера, все сотрудники только и говорили о том, что бы такое придумать, чтобы освободить Элбрика.

А сам посол в это время даже не подозревал, что его жизни что-то угрожает. Его заставили подняться по довольно крутой винтовой лестнице на самый верхний этаж дома и там закрыли в небольшой комнатушке примерно 3 на 4 метра. Оказавшись в этой импровизированной «камере», он осмотрелся. Все ставни были закрыты, но через щели можно было определить, день на улице или ночь. С потолка свисала голая электрическая лампочка, горевшая круглые сутки. Из мебели в комнате были раскладушка и табурет.

Похитители предупредили, что проходить в ванную через холл он может только с их разрешения. После этого повязку с него сняли и оставили одного. Один из вооруженных похитителей все время дежурил за дверью, которая была чуть приоткрыта.

А внизу Фернандо нещадно ругал себя за то, что забыл вовремя запастись обедом. Впервые в своей жизни ему нужно было кормить заключенного. Ситуация к тому же осложнялась тем, что он не знал, что едят послы. Подумав немного, Фернандо решил, что от пиццы тот, видимо, не откажется.

Пицца в Бразилии — такая же распространенная еда, как булочка с горячей сосиской в Северной Америке. В крохотных закусочных на каждом углу за 15 центов можно купить большой кусок ароматной и дымящейся пиццы (прямо из печи) и тут же съесть, запивая кружкой холодного пива.

Ближайшая пиццерия была довольно далеко, и Фернандо пришлось взять такси. Выбрав подходящий кусок пиццы, он остановил другое такси и поехал обратно. Не успел он сесть в машину, как водитель выпалил:

— Слыхали? Этого малого взяли.

— Какого малого? — не понял Фернандо.

— Ну этого, самого большого босса. Американского посла!

— Неужели? — удивился Фернандо. — А я и не знал.

— Жаль. Значит, совсем уже оторвался от жизни, — пожурил его таксист. — В мире такое творится, а он — «не знал».

Оставшиеся в доме похитители решили посоветоваться, что делать с раной на голове у посла. Тот стал жаловаться на головную боль, и они пригласили для консультации своего товарища, студента последнего курса медицинского факультета.

— Пока ничего страшного, — успокоил он их. — Но, если станет хуже, придется вызывать врача.

Похитителям хотелось бы, конечно, верить, что голова у посла болит не от сотрясения, а из-за нервного напряжения. Посоветовавшись, они решили почаще проверять его состояние. Но всем им очень не терпелось задать ему несколько вопросов прямо сейчас. Ведь у них в руках оказался человек, который был боссом над всеми. Они хотели, чтобы он сам теперь подтвердил то, о чем они только догадывались.

Элбрик тем временем тоже стал испытывать растущее нетерпение. Позвав охранника, он спросил:

— Так что же вы все-таки хотите делать со мной?

— Скоро узнаете, — ответил тот.

Через час Элбрику было велено вновь надеть повязку. В комнату вошли двое. «Судя по голосам, — подумал Элбрик, — эти постарше тех юнцов. Уж не сам ли это Маригела?» Мысль о том, что он попал в руки самого знаменитого в стране повстанца, где-то даже польстила его самолюбию. Допрос, однако, вел Толедо. Если в его планы действительно входило напугать посла до смерти, то это ему удалось.

— Мистер Элбрик, мы о вас знаем все, — начал он по-португальски. Похитители заранее договорились, что не будут говорить по-английски, хотя многие и знали этот язык. Они понимали, что это лишь облегчит задачу тайной полиции, так как список подозреваемых в таком случае заметно сократится. — Мы изучили ваш послужной список, — продолжал Толедо, — и знаем, что в течение длительного времени вы занимали важный пост в ЦРУ.

Элбрик воспринял это замечание как блеф, рассчитанный на то, чтобы заставить его нервничать.

— Нет, — сказал он. — Вы ошибаетесь. Вот уже 38 лет я нахожусь на дипломатической работе.

— У нас имеются другие сведения.

В действительности же дело обстояло несколько иначе. Несмотря на то что Элбрик находился в Бразилии вот уже два месяца, он так и не удосужился попросить начальника «станции» ЦРУ ввести его в курс дела. Кое-кто мог бы

расценить это как пренебрежение служебными обязанностями, но сейчас эта случайность оказалась как нельзя кстати. Элбрик действительно знал не много. Поэтому, даже если его будут пытать, он все равно не сможет выдать каких-то важных тайн.

А что, его могут пытать?

— Мы не собираемся обращаться со своими заключенными так же, как бразильская полиция — со своими, — сказал один из допрашивавших.

Как это понимать? Как заверение или как угрозу? Каким бы ни были их намерения, Элбрик упорно повторял, что ответа на очередной вопрос не знает. Тогда кто-нибудь из повстанцев говорил:

— Ну полно, г-н посол, вы же отлично понимаете, что мы вам не верим. Назовите нам фамилии агентов ЦРУ.

После довольно продолжительного препирательства посол все же допустил одну неосторожность. Начальник «станции» ЦРУ в Бразилии в течение некоторого времени «дурно вел себя» (как выразился Элбрик). В Рио у него была жена и ребенок, а в бразильской столице — любовница (тоже американка). По мнению Элбрика, этот человек слишком долго находится в Бразилии. Хотя местные женщины и не соблазнили его, он, несомненно, не устоял перед здешними нравами.

За несколько дней до похищения Элбрик пригласил местного шефа ЦРУ к себе. Оба понимали, что такое донжуанство противоречит нормам поведения сотрудника этого учреждения. Но когда Элбрик сказал этому человеку, что будет рекомендовать перевести его в другое место, тот стал так жалобно просить не делать этого, что посол обещал подумать.

И вот теперь, когда его так настойчиво просили назвать фамилии агентов ЦРУ, Элбрик не выдержал и сказал:

— Один наш сотрудник из политического отдела поддерживает контакты с разведслужбами. Он также информирует меня о текущих делах.

Он имел в виду начальника «станции» ЦРУ. Естественно, последовал вопрос:

— Кто этот человек?

Элбрик сказал: все равно тот уже наломал дров. Но, назвав фамилию, посол тут же об этом пожалел. А что, если они его схватят? Зная теперь о его связях с ЦРУ, они, конечно, его прикончат. Элбрику вдруг стало не по себе от мучительных угрызений совести.

Но напрасно мучился Элбрик. Хотя он и не отдавал себе в этом отчета, все его предыдущие ответы были такими путаными и пустыми, что похитители уже не обращали внимания на его болтовню. Бразильцам показалось, что Элбрик действует из лучших побуждений, что он даже где-то либерал и относится к правящим генералам с тем же презрением, что и они. Когда похитители вновь возвращались к теме ЦРУ, Элбрик называл фамилии бразильцев, которые, как ему казалось, могли бы быть агентами американской разведки. Но это были лишь предположения, которые они и сами не раз высказывали в беседах друг с другом. Было ясно, что Элбрик просто размышляет вслух (если, конечно, не ведет какой-то чрезвычайно тонкой и хитрой игры).

Похитители решили открыть «дипломат» Элбрика. Фернандо, правда, счел это довольно оскорбительным для посла, но все сказали, что просмотрят лишь официальные бумаги, а записи личного характера читать не станут. Здесь им повезло больше, чем при допросе. Элбрик, как правило, не возил с собой документов с грифом «секретно». Но на следующей неделе он собирался ехать в Сан-Паулу, и поэтому политический отдел посольства составил для него на основе досье ЦРУ несколько характеристик бизнесменов и политических деятелей, с которыми тот намеревался там встретиться. Элбрик догадывался, что похитители просматривают эти бумаги, и по их восклицаниям понял, что читать им было интересно.

Биографические справки были составлены в выражениях и духе «холодной войны». Если Элбрик собирается встречаться с министром горнодобывающей промышленности, говорилось в одном из документов, то ему следует знать, что сестра этого человека несколько тяготеет к левым. Другие министры характеризовались как гибкие (на языке ЦРУ это было комплиментом). Элио Белтрао, например, получил высокую оценку, потому что внимательно прислушивался к советам американцев.

Вооружившись этими сведениями, похитители вновь обратились к послу, намереваясь узнать его собственное мнение на этот счет. Что он, например, думает о Жозе де Магальяйнсе Пинто, министре иностранных дел?

Это был далеко не праздный вопрос. За несколько дней до похищения Элбрика президент Коста э Силва пережил сердечный приступ (из-за него-то Жан-Марк и угодил в

тюрьму). Поскольку сам президент пока был недееспособным, страной за него управлял военный триумвират.

Хотя Элбрик находился в Бразилии и недолго, особой симпатии к генералам он не испытывал и видел, что те с пренебрежением относятся к вице-президенту — гражданскому лицу, профессору права Педро Алейшо. Вот почему на аудиенции у министра иностранных дел Магальяйпса Пинто он спросил: «А что, разве не вице-президент должен сменить на посту заболевшего президента?»

Министр, по-видимому, был несколько смущен этим прямо поставленным вопросом. Подумав немного, он объяснил, что страна в настоящее время управляется в соответствии с институционными актами и что передача власти в руки военного триумвирата не противоречит их положениям.

Этот ответ еще тогда показался Элбрику странным. И вот теперь, пытаясь завоевать симпатии похитителей, он вновь повторил, что полученный ответ его тогда не удовлетворил. Но он, конечно, не догадывался, что все вопросы и ответы записывались на магнитофон.

Похитители ушли от посла лишь около 11 вечера. Элбрик снял повязку и почувствовал, что весь вспотел. Но причиной тому был отнюдь не теплый весенний вечер.

В его «дипломате» похитители обнаружили также какие-то таблетки, которые они аккуратно разложили на подоконнике рядом с раскладушкой. «Решили, видимо, что у меня больное сердце», — подумал посол, довольный тем, что хотя бы этого они не знали. Это были обыкновенные противокислотные таблетки. Как это ни странно, сегодня почему-то он не чувствовал в них потребности.

Обычно Элбрик курил маленькие сигары («сигарильос») и всегда носил с собой коробочку, куда вмещалось пять штук. Но в первый же час допроса они у него кончились. Ничего не спросив, один из похитителей сбегал в табачную лавку и принес несколько коробок маленьких бразильских сигар из Байи.

Посол взял одну и закурил. Сигара оказалась довольно крепкой. Крепкой, но хорошей. Похитители следили за ним через щелку в двери и, видимо, были весьма довольны тем, что сигары ему понравились.

Элбрику захотелось почитать в постели, и он попросил какое-нибудь чтиво. Один из повстанцев куда-то исчез и вскоре вернулся с экземпляром «Маншети», иллюстрированного бразильского журнала. Он принес также книгу Хо

Ши Мина на английском языке. Элбрику дали майку, которую тот и надел вместо пижамы. Теперь он был готов провести первую ночь в заточении.

Почитав немного, посол повернулся на другой бок (так ему меньше мешала горевшая на потолке лампочка) и вскоре спокойно уснул.

В американском посольстве, однако, было не до сна. В 5 часов вечера один из сотрудников, поддерживавший, как полагали, наиболее тесные контакты с военной хунтой, отправился на встречу с Магальяйнсом Пинто. Но министр иностранных дел мог лишь сказать: «Мы предпринимаем надлежащие меры». Ответ министра был туманным не случайно: именно в тот момент распри внутри триумвирата достигли апогея.

Когда за год до этого в стране происходили уличные беспорядки, ни Жан-Марк, ни другие члены студенческого союза даже не подозревали, как шатко было положение хунты и как легко она могла пасть. Лишь полиция и ее американские советники, высшие дипломаты в американском посольстве и военные знали о наличии серьезных разногласий среди главарей хунты и о зыбкости положения самого Косты э Силвы. В ту ночь американские агенты, близкие к генералам, были не на шутку встревожены тем, что похищение Элбрика может еще более усугубить натянутость отношений между командующими различных родов войск, а их разногласия могут стать достоянием гласности.

Посольство США возлагало большие надежды на генерала Аурелио де Лира Тавареса, министра сухопутных войск. Поэтому именно на него оно и стало оказывать давление. Этот 63-летний ветеран военно-инженерных войск имел репутацию человека, способного трезво оценивать обстановку, поэтому в посольстве считали, что он скорее всего может понять, какой серьезный удар будет нанесен по престижу хунты в конгрессе США в том случае, если Элбрик погибнет из-за несговорчивости военных.

Два других военных министра, адмирал Аугусто Рудемакер Грюневальд (ВМФ) и бригадный генерал Марсио де Суоза э Мелло (ВВС), были по мнению американцев, сторонниками жесткого курса среди высших военных чинов. При этом считалось, что ВМФ занимает наиболее бескомпромиссную позицию. Сторонники жесткого курса

требовали каждый час публично расстреливать по одному политическому заключенному до тех пор, пока похитители не освободят Элбрика. Те, конечно, ответят на это убийством посла, но такая жертва была бы все же, по их мнению, предпочтительнее, чем то унижение, которому хунта подвергнется в случае выполнения требований похитителей.

В посольстве США придерживались, однако, иного мнения, хотя никто толком не знал, что именно следует предпринимать в подобных случаях. Разве мог кто-либо предполагать, что такое может случиться? Поскольку никаких инструкций из Вашингтона не поступало, сотрудники посольства стали сами нажимать на все имеющиеся у них рычаги, чтобы любыми средствами добиться освобождения Элбрика.

В число 15 политических заключенных, освобождения которых добивалась группа «MP-8», были включены те (среди них были и мужчины, и женщины), кто подвергался наиболее жестоким пыткам. В окончательный список попал также и Грегорио Безерра, совершенно больной 70-летний коммунист. Это было сделано в знак особого к нему уважения и из чувства сострадания (20 лет своей жизни он провел в тюрьмах при разных режимах). После переворота в 1964 году Безерра стал одним из первых политических заключенных, узнавших, что такое пытки. Один армейский майор привязал его к джипу и волоком протащил истекавшего кровью старика по улицам Ресифи.

Жан-Марк почти наверняка был бы тоже включен в список, несмотря на то что за несколько коротких встреч с Фернандо Габейрой они уже успели невзлюбить друг друга. Однако законспирированность Жан-Марка, сослужившая ему в прошлом добрую службу, теперь обернулась против него. Военная разведка в течение трех дней не могла установить его личность, и этих трех дней оказалось достаточно для того, чтобы весть о его аресте так и не дошла до оставшихся на воле друзей. К тому времени, когда об аресте Жан-Марка стало известно, Фернандо уже опустил список с 15 фамилиями в ящик для предложений в одном из супермаркетов в Леблоне.

Наутро после первой своей ночи в заточении Элбрику захотелось с кем-нибудь поговорить. Похитители заранее договорились, что будут по очереди дежурить у его дверей,

но входить туда не будут и сведут все свои разговоры с ним до минимума.

Но соблазн обсудить свои взгляды с такой высокой персоной был настолько велик, что Фернандо ничего не оставалось, как молча следить за тем, как его товарищи один за другим поддавались искушению. «Ничего уж тут не поделаешь, — смирился он. — Ведь мы бразильцы. Но если так пойдет и дальше, то скоро мы начнем приглашать его обедать вместе с нами».

После вынужденной вылазки Фернандо за пиццей Толедо состряпал какое-то варево из риса, фасоли и макарон, и теперь они угощали привередливого посла уже этим блюдом. Национальное бразильское блюдо фейжоада готовится из фасоли и мяса. Еда эта настолько сытная и тяжелая, что во многих ресторанах ее подают лишь в полдень по субботам, с тем чтобы гости могли потом сразу же отправиться домой и прилечь. Приготовленное надлежащим образом, блюдо это — деликатес. На тарелке же у посла была какая-то отвратительная каша. Фернандо и его товарищи, которые ели то же самое, согласились потом с послом, что еда была тошнотворной. Один из них сочувственно сказал:

— Съели бы поменьше.

—У меня и так далеко не революционный аппетит, — ответил Элбрик. Те, кто слышал это замечание, громко рассмеялись и повторили его другим товарищам. Между Элбриком и похитителями устанавливались дружеские отношения, и это потом повлияет на его жизненные представления больше, чем само похищение.

Больше всех Элбрику нравился один чрезвычайно красивый и высокий молодой человек (его рост превышал метр девяносто). Обаятельный, как и большинство бразильцев, он еще и по-английски говорил гораздо лучше, чем Элбрик — по-португальски. Молодой бразилец даже нарушил приказ не разговаривать с послом по-английски, лишь бы тот понял его правильно.

Элбрик спросил, видится ли тот со своими близкими.

— Нет, — сказал бразилец. — Я просто не могу этого делать. Им не нравится, чем я занимаюсь.

Из дальнейшего разговора послу стало ясно, что парень этот из «хорошей» (как принято считать) семьи. Он был единственным законным наследником и мог обрести состояние и положение в обществе. Но он избрал иной путь и вот теперь оказался здесь, где приходится есть варево из бобов и риса, спать на полу в старом и запущенном доме

и ожидать, что в любую минуту тебе могут продырявить голову. Фернандо тоже был не из бедных (его отец был торговцем). Возможно, и у него были все основания гордиться тем, что, несмотря на блестящую журналистскую карьеру, он не утратил чувства сострадания к беднякам. И все же посла больше всего поразил не Фернандо, а этот молодой парень, столь щедро наделенный природой и столь приятный в общении. Именно его жертва позволила Элбрику осознать всю глубину преданности молодых заговорщиков своему делу и даже почувствовать к ним какое-то уважение.

Похитители, поочередно караулившие посла, входили к нему в комнату (кое-кто при этом надевал на лицо повязку) и в течение всего своего дежурства (а они сменяли друг друга каждый час) страстно излагали свои взгляды.

— Вы занимаетесь чрезвычайно опасным делом, — предупреждал их Элбрик. — Вас могут убить в любую минуту.

— Вы правы, — ответил ему один парень. — Но лучше получить пулю в лоб, чем сидеть в тюрьме. Мы объявили войну бразильскому правительству. Возможно, для победы нам понадобится десять, двадцать или даже тридцать лет, но мы обязательно победим. Место каждого убитого займет сотня новых борцов.

Сущий вздор, думал Элбрик. Но они, судя по всему, верят в это. Они сказали, что среди них нет коммунистов, хотя вообще в их организации коммунисты тоже есть. Особую гордость вызывал у них Карлос Маригела. Они восхищались его умением, смелостью, а также тем, что в свое время он был депутатом парламента.

Элбрик начинал постепенно испытывать к ним все большую симпатию, хотя их ненависть по-прежнему его настораживала. Он спросил, не они ли совершили целую серию ограблений банков, которые за последний месяц случались чуть ли не ежедневно.

— Да, — сказал один из них. — Это мы.

Его полное спокойствие и самообладание вызвали у Элбрика улыбку.

До пленения Элбрик уже что-то слышал о насилии и репрессиях в Бразилии. И вот теперь перед ним были люди, утверждавшие, что в случае необходимости не колеблясь застрелят полицейского.

— Нет, нет, — запротестовал посол. — Только не это. Так поступать не следует. Возможно, у вас и есть основа-

ния для недовольства, — продолжал он, все еще не ведая, что весь их разговор записывается на магнитофон, — но насилие еще никогда ничего не решало.

В ответ на это они говорили:

— У нас нет свободы слова. У нас нет свободной прессы и свободных профсоюзов, которые отстаивали бы интересы нашего народа. Выборы у нас не проводятся. У нас нет никаких прав. Чтобы все это изменить, мы должны действовать именно так.

На это Элбрик уже не мог ответить ничего.

Пока его товарищи сторожили Элбрика, Фернандо поддерживал связь с прессой. Послу позволили написать жене записку, и Фернандо оставил ее в тайнике в одной церквушке. Затем он позвонил в редакцию газеты «Ултима ора» и указал место, где спрятал записку. Его собственная газета «Жорнал ду Бразил» лишилась, таким образом, возможности первой сообщить об этой сенсации, так как он боялся, что его голос могут узнать.

Одновременно другой похититель, Сид де Кейрос Бенжамин, периодически информировал о ходе событий остальных членов групп «МР-8» и «АЛН». Для этого он регулярно должен был выходить в город. Там, на улицах Рио, он с удовлетворением отмечал, что у всех приподнятое настроение. Какой-то незнакомый таксист сказал Сиду, что восхищается теперь двумя группами людей: теми, кто высадил человека на Луне (три месяца назад Нил Армстронг стал первым человеком, ступившим на ее поверхность), и теми, кто похитил американского посла.

Другой член группы «МР-8» слышал, как люди в автобусе восхищенно говорили, что впервые за всю историю нашлись наконец бразильцы, способные действовать независимо от Соединенных Штатов. Всюду можно было встретить людей с прижатыми к уху миниатюрными радиоприемниками, словно сейчас проходил чемпионат мира по футболу.

Сид успешно справился с задачей, но похитителей подвело другое. Дом, который они использовали теперь как «народную тюрьму», вовсе не был для этого предназначен, поэтому спецслужбам легко удалось напасть на их след.

Услышав, как кто-то внизу негромко свистнул, Элбрик понял, что там что-то стряслось. Сторожививший его похититель тут же выхватил пистолет и направил его на посла.

Фернандо, дежуривший внизу, пошел узнать, кто там стучится в дверь. На крыльце стояли двое в штатском. Один из них спросил, здесь ли живет такой-то, и назвал фамилию. Фернандо слышал фамилию впервые, и поэтому ответил:

— Такие здесь не живут.

— Странно, — сказал один из незнакомцев. — А нас сюда пригласили на обед.

Затем они извинились и ушли. Фернандо захотел выяснить, действительно ли те ошиблись адресом или это агенты тайной полиции. Подождав несколько минут, он тайком вышел на улицу и проник в сад соседнего дома. Через ограду он слышал, как один из незнакомцев говорил что-то по телефону тихим и монотонным голосом. Фернандо решил, что тот, видимо, в очередной раз докладывает обстановку. Он тут же вернулся в дом, чтобы предупредить своих товарищей. Возможно, сказал он, это всего лишь обычный обход всех домов подряд, но мы должны все же быть готовыми к тому, что они теперь знают, где мы, и скоро снова сюда придут, но уже с подкреплением.

Все стали ждать. Прошел час, но никто не появлялся. Тогда они еще раз свистнули наверх. Сторожививший Элбрика похититель облегченно вздохнул и опустил пистолет. Посол в тот же миг с ужасом осознал, что, если бы это была полиция, его убили бы первым.

Подозрения Фернандо оказались верными. Те двое были агентами бразильской военной разведки. Соседи, видимо, сообщили им, что в доме происходит что-то непонятное, и те явились проверить. Одного взгляда через плечо Фернандо им было достаточно, чтобы понять, что посол должен быть где-то здесь. Но эти двое и не подозревали, что еще до того военно-морская разведка СЕНИМАР тоже разнюхала об этом доме и направила туда автомашину с собственными агентами. Притаившись на другой стороне улицы, те уже следили за всеми, кто входил в дом и выходил из него. Агенты военно-морской разведки без труда узнали своих коллег из армии. В какой-то момент, когда те подходили к дому, они даже подумали, что разоблачили двойных агентов конкурирующей фирмы.

(Агенты разведки ВМФ фотографировали всех, кто входил в дом и выходил из него. Однажды, когда Фернандо вышел на улицу, чтобы оставить в тайнике сообщение для прессы, один из агентов поехал за ним на машине. Позже, уже в тюрьме, он напомнил Фернандо об этом эпизоде. Тог

посмотрел на него ничего не понимающим взглядом. «А ты что, разве не видел меня?» — спросил агент. «Нет», — ответил Фернандо. «Какой же я дурак, — вздохнул сыщик. — Я-то думал, что ты засек меня, и потому уехал менять машину. А когда вернулся, тебя уже и след простыл».)

Пока велась вся эта слежка, Лира Таварес, действовавший по поручению хунты, решил удовлетворить требование похитителей и отправить на самолете всех 15 политзаключенных в Мехико. Канцелярия Магальяйнса Пинто объявила, что тот собирается обратиться к народу с речью. В посольстве США праздновали победу. Таварес получил целую кипу благодарственных телеграмм, в которых превозносилась его мудрость и смелость.

Но поздно вечером в пятницу (видимо, после того, как СЕНИМАР удалось обнаружить интересовавший их дом) пронесся слух, что сторонники жесткого курса настояли на отмене принятого решения и что ни один политзаключенный освобожден не будет. Все это зазвучало еще более правдоподобно, когда Магальяйнс Пинто неожиданно отменил свое обращение к народу. Вскоре слух дошел и до агентов ЦРУ в Рио, и один из них поспешил с докладом к Уильяму Белтону.

Белтон занимался вопросами безопасности американского посольства, но делал это не столь рьяно, как того хотелось бы военным и полицейским советникам. Как-то на территорию посольства пробрался вор, укравший сумочку у одной посетительницы, когда та находилась в туалете. Полицейские советники воспользовались этим для того, чтобы рекомендовать усилить охрану посольства, однако Белтон делать этого не стал. «Когда к нам в посольство приходят люди, — доказывал он, — они должны чувствовать себя спокойно и не натыкаться то и дело на людей в военной форме». Учитывая такое отношение к служебным обязанностям, мало кто из полицейских советников сочувствовал Белтону, когда тот пришел в отчаяние, узнав о похищении посла.

О том, что все снова зашло в тупик, Белтону стало известно в 3 часа утра. Несмотря на столь ранний час, он тут же позвонил полковнику Артуру Моуре, тщедушному, но энергичному офицеру, сменившему Дика Уолтерса на посту военного атташе. До этого Моура довольно долго служил в военной разведке, и теперь скептически относился как к источникам информации ЦРУ, так и к ее оценке агентами этой конкурирующей организации. Вот почему

он игнорировал полученное донесение и заверил Белтона, что сделка все еще остается в силе.

Но Белтон не унимался и продолжал названивать. В 6.30 утра, уже совсем не владея собой, он сказал полковнику: «Если его убьют, то это будет на вашей совести».

Моура не выдержал такого давления на психику. Все еще ворча, он оделся, сел в машину и поехал на окраину города в район Санта-Тереза, где жил один его друг — бразильский генерал. Тот тут же положил конец всяким кривотолкам. «Когда вчера вечером я уезжал домой, — сказал он, — всех этих типов собирали в одну кучу. Сейчас, видимо, готовят к взлету «С-130», на котором их и отправят сегодня в 2.30 дня».

В субботу утром похитители и сами уже начали верить, что правительство действительно выполнит все их требования. Кое-кто даже пожалел, что список такой маленький. Никто из них, конечно, не знал, что вопрос об освобождении даже этих 15 заключенных до предела накалил обстановку в стране и чуть не вызвал мятеж наиболее воинственно настроенных генералов. Хотя в самой Бразилии это не афишировалось, было, однако, известно, что 40 парашютистов захватили правительственную радиостанцию на окраине Рио и передали заявление, осуждающее освобождение политзаключенных.

Впервые за все это время Элбрику разрешили прочитать газету. К большой своей досаде, на первой же полосе «Жорнал ду Бразил» он увидел гигантское факсимиле своей записки жене, в которой он просил ее не волноваться. Посол упрекнул своих похитителей, сказав, что это уже вторжение в его личную жизнь, и те извинились. «Если бы мы отправили эту записку по почте, — оправдывались они, — она пришла бы только через неделю».

В записке говорилось:

«Дорогая Элфи!

Я жив и здоров и надеюсь, что в скором времени меня освободят и мы снова будем вместе. Прошу тебя, не переживай. Я тоже стараюсь не волноваться. Бразильские власти уже информированы о требованиях людей, у которых я нахожусь. Они не должны пытаться выяснять мое местопребывание, так как это может быть опасным. Им следует, однако, поскорее выполнить условия моего освобождения.

Люди, у которых я нахожусь, настроены, конечно, весьма решительно.

Целую тебя, дорогая, и еще раз надеюсь, что мы скоро снова будем вместе.

Бэрк».

Впоследствии Элбрик шутил, что в тот момент его огорчало лишь одно: теперь весь мир узнает, какой безобразный у него почерк. Воинствующие бразильские генералы, однако, восприняли его послание как еще одно подтверждение вызывающей наглости похитителей.

Записка посла, воспроизведенная в газете (как и слова таксиста, переданные ранее Фернандо), еще раз напомнила всем повстанцам, что это далеко не простой эпизод в их личной жизни. Все они теперь стали участниками настоящей драмы, заключительные сцены которой еще не написаны, да и писать их будут не они.

В субботу вечером 15 политзаключенных были выведены из тюремных камер. Двоим из них удалось услышать по радио о похищении посла и о предстоящем обмене, остальные же не ведали ничего и только гадали, какие еще испытания выпадут на их долю.

Обращение Магальяйнса Пинто к народу было перенесено на три часа дня. В 3.30 он объявил по радио, что транспортный самолет «С-130» уже взлетел и взял курс на Мехико. Но это было не совсем так. Как раз в это время две сотни военных моряков окружили самолет, не давая ему взлететь, и стали выкрикивать, что обмен — это позор для страны. Но потом военно-морское командование все же отозвало моряков, и самолет поднялся в воздух. Часы в это время показывали начало шестого. Четырехмоторная турбореактивная машина летела со средней скоростью 600 км/ч. С учетом остановок для дозаправки в Ресифи и Белеме самолет с политзаключенными на борту должен был пролететь расстояние в 7500 км примерно за 16 часов.

В воскресенье в полдень Фернандо и его группа получили подтверждение, что самолет приземлился в мексиканской столице и что политзаключенные теперь на свободе. Окончательно успокоившись, Элбрик наблюдал, как веселятся и радуются собравшиеся у него молодые бразильцы. Они по очереди подходили к нему, дружески хлопали по плечу и говорили: «Скоро и вы будете свободны».

Предстояло снова дожидаться темноты. Желая исключить всякие неожиданности, похитители решили освобо-

дить Элбрика где-нибудь в людном месте. В тот вечер как раз проходил интересный футбольный матч, поэтому логичнее всего было сделать это у огромного городского стадиона. Проведя в компании посла более трех дней и ночей, они хорошо усвоили все его причуды и капризы. Поэтому один из похитителей тщательно смыл следы крови с пиджака Элбрика и выгладил ему брюки. Заодно он выстирал и дорогой шелковый галстук посла. Элбрик был тронут этим жестом, поэтому у него просто не повернулся язык сказать, что теперь галстук можно выбросить.

С наступлением темноты повстанцы в последний раз завязали Элбрику глаза и повели вниз, где стоял «фольксваген».

— А теперь мы отвезем вас на перекресток, — сказал ему один из похитителей. — В течение пятнадцати минут вы должны стоять на месте и ни с кем не разговаривать. Потом вы свободны.

— Стоять целых пятнадцать минут?! — запротестовал было Элбрик.

— Вы уже здесь трое с половиной суток, — напомнили ему. — Так что пятнадцать минут — это не так уж много.

Их вновь было шестеро: водитель, еще один человек, севший с пистолетом на заднее сиденье «фольксвагена» рядом с Элбриком, и четверо в машине сопровождения. Ничего не видя, Элбрик слышал, как водитель жаловался на очень интенсивное движение в этот воскресный вечер. Вдруг сидевший рядом с ним человек сказал:

— Нас преследуют!

— Может, лучше выскочить и убежать? — спросил водитель.

— Не надо.

Он поднажал и стал лавировать среди множества машин. Наконец Элбрик почувствовал, что напряжение спало, и решил, что преследователи остались позади. Но на глазах у него была повязка, и поэтому он не мог знать, что бешеная гонка ничего не дала. Агенты военно-морской разведки бросились в погоню сразу же, как только увидели, что Элбрика вывели из дома и посадили в машину. Несмотря на интенсивное движение, им удавалось не отставать от «фольксвагена» и его эскорта. Когда все остановились на красный свет, машина с двумя агентами тихо поравнялась с той, что сопровождала «фольксваген» с Элбриком. Один из агентов опустил стекло и направил на пассажиров пистолет. Увидев это, все четверо тоже напра-

вили на него свои пистолеты. Агенты были, конечно, смелыми ребятами, но, как говорится, не фанатиками. Они тут же отстали, вернулись в штаб и доложили, что прекратили преследование, так как у них лопнул баллон.

Первая машина остановилась где-то в тихом месте, и водитель приказал Элбрику снять повязку. Все пожали друг другу руки — и посол, и похитители, — и Элбрик, прихватив «дипломат», вышел из машины. Совсем рядом мерцали яркие огни города, но он понятия не имел, где находится, и от этого чувствовал себя в довольно глупом положении. Направившись к ближайшему перекрестку, он встретил толпу болельщиков, возвращавшихся с футбольного матча. Посол подошел к первому же человеку и спросил, что это за район. «Тижука», — ответил тот. Это был унылый и безлюдный пригород, в котором посол раньше никогда не бывал. Он спросил, где здесь можно найти такси, и человек сказал: «Да вот оно, за вами едет».

Таксист высадил двух женщин, развернулся и, подъехав к Элбрику, открыл дверцу.

— Пожалуйста, Сан-Клементе, 388.

— Вы посол Соединенных Штатов, угадал? Садитесь! — Увидев, что у Элбрика разбита голова, он воскликнул: — Бедняга!

Таксист включил радио и поймал какую-то станцию. Диктор говорил: «О дальнейшей судьбе посла пока ничего не известно». Таксист обернулся и, улыбнувшись, спросил:

— Слыхали?

Через 20 минут они были уже у резиденции посла. У ворот собралась огромная толпа: любопытные, любители острых ощущений и полицейские. Увидев подъехавшую машину, толпа взорвалась. Такси было тут же окружено плотным кольцом полицейских. Их было столько, что они легко могли бы подхватить машину на руки и поставить прямо у входной двери.

Элбрик высунулся было из машины. К открытому окошку тут же бросились корреспонденты американских телевизионных компаний, пытаясь просунуть микрофоны прямо в салон. «Потом, потом!» — запротестовал Элбрик.

На ступеньках здания посла поджидал представитель Информационной службы США с магнитофоном. Поскольку он тоже был сотрудником государственного департамента, Элбрик не нашел в себе сил отмахнуться и от него (как-никак, коллеги). В коротком интервью он сказал, что весьма признателен бразильскому правительству,

и добавил, пытаясь на что-то намекнуть, что очень рад, что все уже позади. Но он не смог заставить себя громогласно осудить похитителей. Он выдавил лишь, что все они — заблудшие юнцы и что их тактика ошибочна, но тут же добавил, что следует отдать должное их храбрости, преданности своему делу и уважительному к нему отношению.

В американском посольстве кое-кто из тех, кто наиболее рьяно добивался освобождения Элбрика, был чрезвычайно раздосадован непонятной сдержанностью посла. Они хорошо понимали всю трудность положения, в котором оказалась хунта, а также то, что в течение прошедших 78 часов военный режим мог пасть в любую минуту. И вдруг сама жертва заявляет, что эти террористы, эти преступники — всего лишь симпатичные молодые люди, сбившиеся с пути истинного. Если подчиненные Элбрика были обескуражены и обеспокоены, то бразильская военная верхушка была вне себя от ярости. А ей ведь еще предстояло обнаружить магнитофонные записи бесед Элбрика с похитителями.

Посол еще не знал, что его дипломатической карьере пришел конец. Когда его помощник сообщил, что просили срочно позвонить в «западный Белый дом», даже такой видавший виды дипломат, как Элбрик, растерялся. Как это понимать? Куда звонить? В западное крыло Белого дома? Через какое-то время улица Сан-Клементе в Рио была соединена с городом Сан-Клементе в Калифорнии *. Разговор Элбрика с Ричардом Никсоном длился одну-две минуты. Всем очень хотелось узнать, о чем же они говорили, но Элбрик толком и вспомнить-то ничего не мог, поскольку между ними произошел лишь официальный обмен ничего не значившими фразами.

Освобождение Элбрика могло бы (при благоприятном для полиции стечении обстоятельств) положить конец деятельности Фернандо и его группы. Но полиции пришлось немного подождать. Толедо, самый известный член группы, после освобождения посла затерялся в толпе болельщиков и решил возвращаться в Сан-Паулу. Неожиданная встреча с агентами военно-морской разведки не оставляла у него никаких сомнений, что их дом находится теперь под наблюдением. Поскольку ни одна из машин в дом больше

* Там находилась летняя резиденция президента США.— *Прим. перев.*

не возвращалась, оставшиеся участники похищения тоже покинули его и разошлись в разные стороны в поисках более безопасного для себя пристанища.

Один из оставшихся в доме молодых бразильцев допустил неосторожность. Просматривая объявления в «Жорнал ду Бразил» в надежде найти для себя подходящую квартиру, он наткнулся на устраивавший его вариант, оторвал клочок с адресом и неосмотрительно бросил газету на пол. Узнав, что посол благополучно вернулся к себе домой, сидевшие в засаде агенты тут же бросились в дом Фернандо. Но там уже никого не было. И все же газета с оторванным клочком не осталась без внимания. Они тут же отправились в редакцию «Жорнал ду Бразил» и быстро узнали интересовавший их адрес. Не прошло и нескольких часов, как незадачливый беглец был схвачен.

Другой молодой человек оставил в доме старое пальто, сшитое на заказ его дядей. Через несколько дней по этикетке с фамилией портного полицейские узнали его адрес, выяснили личность дяди и вскоре арестовали его племянника.

Если для Фернандо, Сида и его товарищей час суровых испытаний только начинался, то для четырнадцати мужчин и одной женщины, прилетевших в Мехико, все, казалось, осталось уже позади.

Охранники из ВВС, сопровождавшие их в полете, всеми доступными способами (хоть и мелкими и недостойными) показывали свою крайне негативную реакцию на произведенный обмен. На протяжении всего перелета они, например, запрещали бывшим узникам разговаривать. Если бы Флавио Таварес Фрейтас не ухитрился пронести в самолет газету, которую все потом тайком передавали друг другу, большинство так и не знало бы, что их освободили.

Таварес был журналистом. Еще в самом начале своей журналистской деятельности он разоблачил тесные связи между ИБАД и ЦРУ. Это кончилось тем, что в ведомстве генерала Голбери на него было заведено досье. Впоследствии он присоединился к возглавлявшемуся Леонелом Бризолой Национальному революционному движению, костяк которого составляли члены трабальистской и социалистической партий Бразилии. Туда же вошли и некоторые члены организации Католическое народное действие. Один тюремщик сказал потом Флавио, что христианские нацио-

палисты (такие, как он) еще более опасны для режима, чем коммунисты.

Флавио был арестован «эскадроном смерти», возглавлявшимся полицейским инспектором по кличке Миндаль (у того были миндалевидные глаза). После ареста его отправили в следственный отдел полицейского управления в Барон-де-Мескита в Рио. Теперь полицейские приняли на вооружение новую процедуру дознания, в соответствии с которой его пытали в течение трех дней и ночей, не проводя никаких серьезных допросов. Затем ему было велено назвать фамилии революционеров, совершавших диверсионные акты. Флавио не назвал ни одной фамилии. Тогда его снова стали пытать. На сей раз в истязании участвовали офицеры армии, флота и полиции.

Его приводили в специальную камеру, где пытали электрическим током, используя для этого небольшой генератор, длина которого не превышала полуметра. На стене прямо перед глазами у Флавио висела знакомая красно-бело-синяя эмблема Агентства международного развития США.

Изуверы наматывали оголенный провод на его член, всовывали концы провода в задний проход и уши, а провода потоньше просовывали между зубов. Когда подавался ток, Флавио испытывал адскую боль. Но хуже всего было то, что он знал: стоит не ответить на очередной вопрос, как ток тут же будет включен снова. Никто и не думал дожидаться, пока утихнет боль от предыдущего подключения.

В течение всех трех дней и ночей Флавио не разрешали спать. Вся его еда состояла из нескольких крохотных кусочков хлеба. Пытки продолжались непрерывно, менялись лишь пытавшие. На четвертый день в камеру пришел военный врач. Заключенный особенно тяжело воспринимает появление в тюрьме настоящего врача. Сначала сердце наполняется надеждой: пришел человек, чья профессия — не калечить, а лечить людей. Конечно же, он положит конец всем его мучениям. Но вскоре заключенный с горечью узнает, то врач явился к нему лишь за тем, чтобы убедиться, что тот в силах вынести еще одну порцию пыток. Врач может даже дать заключенному таблетки, но лишь для того, чтобы тот был более податлив. Он может также посоветовать пытавшим, каким образом лучше всего свести до минимума шрамы и синяки. В случае с Флавио все эти рекомендации и советы оказались бесполезными: он покидал самолет, доставивший его в Мехико, с явными следа-

ми пыток. Так, вокруг мизинца на правой руке у него остались следы от ожогов, полученных во время пыток электрическим током.

Встречавшие самолет журналисты тут же обступили Флавио: ведь тот когда-то работал репортером в газете «Ултима ора» и поэтому с ним легче было найти общий язык. Флавио сказал коллегам, что, несмотря на испытываемую радость, все бывшие заключенные хорошо понимают, что для них начинается жизнь в изгнании.

— Я, разумеется, прибыл сюда не по своей воле, — начал он серьезно. — Все вы, конечно, понимаете, что в Мексике я очутился по принуждению.

Но затем он вдруг тряхнул своей лысеющей головой и вся серьезность исчезла без следа. Широко улыбнувшись, он добавил:

— Но такое принуждение мне по душе.

Судя по вопросам, с которыми к ним обращались журналисты, бывшие узники поняли, что даже сочувствовавшая им пресса не имела никакого представления о том, что творится в Бразилии.

— Вы спрашиваете, знают ли мои родители, что меня освободили? — переспросил корреспондента один из студентов. — Они не знают даже, что меня арестовали.

Вскоре после освобождения Бэрк Элбрик был отозван в Вашингтон для консультаций с госсекретарем Роджерсом и другими высшими чиновниками государственного департамента. На встрече с ними Элбрик спросил, действительно ли государственный департамент желает, чтобы он оставался в Бразилии до конца своего срока. Руководство ответило, что Соединенные Штаты могут извлечь политическую выгоду из факта его похищения. Ведь в Бразилии это обстоятельство лишь усилило чувство симпатии к США. Об этом говорит хотя бы тот факт, что американское посольство получило сотни писем, в которых авторы извиняются за те унижения, которым подвергся американский посол. Почему бы ему не вернуться в Бразилию и не попытаться воспользоваться этим на благо США?

Уже через неделю Элбрик летел обратно в Рио. Он был доволен хотя бы тем, что теперь ни у кого не сложится впечатления, будто ему пришлось ретироваться под огнем. Приступив к своим обязанностям, он вскоре понял, однако, что прежнего не вернешь. Правившая хунта больше не

хотела рисковать, поэтому во избежание повторного похищения выделила послу многочисленную охрану, которая сопровождала его повсюду.

Элбрик всегда считал дипломатию мирной профессией. Здесь же, в Бразилии, он, посол США, теперь вынужден был проноситься по улицам, как какой-нибудь римский проконсул, со всех сторон окруженный людьми в военной форме. Поскольку похитители сразу же отпустили бывшего шофера Элбрика, не причинив тому никакого вреда, на него тут же пали подозрения. Сам Элбрик, однако, не сомневался, что этот скромный и тихий человек не имел к похитителям никакого отношения. И все же на его месте сидел теперь парень покрепче. Рядом с ним на переднем сиденье бразильские спецслужбы усадили еще одного человека, который следил за самим Элбриком и докладывал обо всем своему начальству. За посольским лимузином всегда следовала специальная автомашина, в которой находилось еще трое агентов, вооруженных пулеметами.

Хуже всего было то, что чувство симпатии, возникшее у посла к повстанцам, почему-то не оставляло его. Элбрик был против насилия и понимал, что эти люди избрали ложный путь. Но он хорошо помнил и их отчаяние. Вот почему он никак не мог найти ответа на вопрос: «А есть ли другой путь?»

Хунта между тем вела тайные переговоры об отзыве Элбрика. Посол и пальцем не шевельнул, чтобы как-то компенсировать свое весьма робкое публичное осуждение повстанцев. Артур Моура, который поддерживал самые тесные контакты с бразильской военной верхушкой, встречался с послом лишь на общих совещаниях, проводившихся по пятницам. Но и тогда Элбрик не запрашивал никакой информации о военных.

Однажды Моура случайно столкнулся с Элбриком в одном из многочисленных коридоров посольства и, воспользовавшись случаем, спросил:

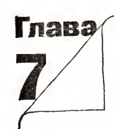
— Господин посол, вы не хотели бы пригласить на обед командующего 1-й армией? Он может нам пригодиться.

— У меня нет времени принимать этих людей, — холодно ответил Элбрик.

Долго так продолжаться не могло. Через три месяца Элбрик сообщил друзьям в государственном департаменте, что, хотя Бразилия — прекрасная страна, у него возникла какая-то неприязнь к ней и поэтому он хотел бы оттуда уехать. Когда посольский врач рекомендовал Элбрику вы-

лететь в Соединенные Штаты на обследование, большинство сотрудников посольства поняли, что в основе этой рекомендации лежали не медицинские, а дипломатические соображения.

Элбрик послушался совета и улетел домой. Во время обследования в кабинете лечащего врача с ним случился сердечный приступ, и вся правая сторона его тела была парализована. Очнулся Элбрик уже в отделении реанимации. Через какое-то время он, однако, полностью выздоровел, но о возвращении в Рио не могло быть и речи. Элбрик подал в отставку и стал жить на севере штата Нью-Йорк. Он часто бывал в Вашингтоне и выступал с интервью по телевидению.



В тот период, когда Бэрк Элбрик уже завершал свою дипломатическую карьеру, Фернандо Габейра скрывался в подполье, занимаясь организацией широкого рабочего движения. Избежав полицейского капкана в Рио, он перебрался в Сан-Паулу и вместе с несколькими рабочими снял там дом. Как-то в январе 1970 года, когда Фернандо вышел купить кока-колы в соседней лавке, полиция ворвалась в дом и арестовала одного из рабочих.

Возвращаясь с покупкой домой, Фернандо увидел, что дом окружен полицией. Он попятился назад, пытаясь скрыться, но его уже заметили. Подбежавший полицейский ткнул ему в живот автомат и приказал: «Ни с места! Буду стрелять!»

Но Фернандо не растерялся. Ловким движением он отвел автомат в сторону и пустился бежать. Несколько полицейских тут же бросились вдогонку и окружили его. Фернандо стал метаться из стороны в сторону и полицейские открыли огонь. Одна пуля вонзилась в него, и он упал. Истекая кровью, Фернандо услышал, как полицейские решали, что же с ним делать дальше.

— Может, прикончить, и все тут?

— Нет, его надо еще допросить. Отвезем-ка его в госпиталь.

Следующие два месяца Фернандо провел в военном госпитале в Сан-Паулу. В первый же вечер к нему в палату пришли агенты армейской разведки. Военный врач пытался было протестовать, ссылаясь на то, что раненый еще слишком слаб для допросов, но слушать его не стали и тут же приступили к допросу. Агенты не знали ни его имени, ни фамилии. Им было лишь известно, что лежавший на больничной койке человек жил вместе с теми, кто был причастен к движению сопротивления. Допрос ничего не дал, так как Фернандо был настолько слаб, что не мог говорить.

Неудача, однако, не остановила агентов, и они приходили снова и снова, когда заблагорассудится. Иногда в ходе допроса они направляли на него пистолет, угрожая пристрелить, если он будет по-прежнему молчать.

Фернандо постоянно делали какие-то уколы, от которых у него кружилась голова. В носоглотку ему вставили трубку, по которой подавалась питательная жидкость. Трубка мешала не только ему, но и капитану Омеро, производившему допрос. Один ее вид вызывал у него приступ тошноты. «Когда ты говоришь, — сетовал он, — эта проклятая трубка наполняется кровью. Может, я и изверг. Но ведь не врач же я. Меня просто тошнит от этого».

Когда, по мнению полицейских, Фернандо достаточно окреп, его перевезли в тюрьму ОБАН в Сан-Паулу. Тюремщикам не терпелось приступить к пыткам, поэтому они тут же стали мучить его электрическим током. Истязание продолжалось целый день. Наутро у Фернандо пошла кровь из мочеиспускательного канала, и его пришлось снова отправить в госпиталь. К тому времени он уже потерял около 15 килограммов веса, хотя и до ареста был очень худым.

Через некоторое время он вновь оказался в руках полиции. Теперь полицейские уже знали его имя, поэтому стали подвергать более интенсивным допросам. Они надеялись, что он поможет им выявить и арестовать других участников похищения. Фернандо узнал, что полиция обнаружила магнитофонные записи их бесед с американским послом. Открытое осуждение Элбриком военного режима, конечно, привело полицейских в ярость, но им все же пришлось уничтожить пленки, так как они опасались, что высказывания посла могут нанести вред военной хунте.

В промежутках между пытками электрическим током и избиением тюремщики развлекались, обмениваясь грубыми шутками. Те, у кого кожа была посветлее, подтрунивали над темнокожими. «С твоей рожей и в таком дранье лучше не показываться на улице. Это все равно что написать на лбу: «Шпик». На секретной службе тебе не бывать никогда». Они также любили подшучивать над ооновской Декларацией прав человека. «Ну, пора еще раз применить декларацию», — говорили они, привязывая свою жертву к «насесту для попугая» и в очередной раз прикрепляя оголенные провода к его телу.

Фернандо было трудно свыкнуться с мыслью, что пытавшие его люди — не какие-то монстры, а самые обыкно-

венные бразильцы. У многих были длинные волосы (по моде). По вечерам они, наверное, ходили в те же бары и рестораны, куда нередко захаживал и он. Кое-кто даже приходил к нему в камеру, чтобы поделиться последней ссорой с любовницей. Но всех их объединяло одно — их научили ненавидеть таких, как он. «Ублюдок! Недоносок!» — набрасывался на него тюремщик с перекошенным от ненависти лицом. Вдруг кто-то кричал: «Доктор Пауло! К телефону!» Человек проходил в другой конец камеры, брал трубку, и его лицо тут же преображалось. Он улыбался, поправлял прическу и начинал что-то ворковать.

Не мог убедить себя Фернандо и в том, что люди, прикреплявшие провода к его половому органу, были извращенцами. Судя по всему, к такого рода пыткам те прибегали лишь потому, что они были наиболее эффективными.

Со временем Фернандо понял принцип, по которому строилась иерархическая лестница в системе ОБАН. Самые бедные (и часто самые смелые) производили аресты. Те же, кто пытал, были, как правило, из «среднего класса». Некоторые из них даже считали себя культурными и образованными людьми. Как-то Омеро (тот самый брезгливый капитан) вошел в камеру с газетой. Он был очень возбужден и явно хотел о чем-то поговорить с Фернандо. Капитан, видимо, считал, что если он собственноручно пытает какого-то заключенного, то между ними должны непременно установиться доверительные отношения.

— Хочешь почитать? — спросил Омеро, протягивая газету.

— Хочу, — ответил Фернандо и с недоверием и опаской взял ее (читать газеты категорически запрещалось).

— Ничего нового и важного там нет, — сказал капитан извиняющимся тоном. — Мне просто все уже до чертиков надоело. С этими извергами и поговорить-то не о чем. Господи! — воскликнул он, прислонившись к железной решетке. — Скорей бы заканчивалась неделя. Так хочется в Сантос!

Иногда офицеры среднего звена (это они пытали заключенных) хвастались Фернандо тем, что проходили обучение в Соединенных Штатах. Один армейский офицер однажды вспоминал в присутствии Фернандо, как они устроили облаву на группу повстанцев где-то в сельской местности. Особое возмущение вызывали у него тогда те офицеры, которые громко топали, когда их группа пыталась незаметно подкрасться к партизанам по полю. «Я сра-

зу понял, — сказал он, — что в Штатах они не обучались».

Тюремщики нашли способ по-своему уважать своих североамериканских патронов. Они открывали консервную банку с сардинами, ставили обе половинки на пол и заставляли заключенного встать босыми ногами на острые кромки. Затем ему давали в руки что-нибудь тяжелое и приказывали поднять вверх. Заключенный должен был стоять в такой позе до тех пор, пока не свалится на пол. Этот вид пыток назывался у тюремщиков «статуей свободы».

В большинстве случаев офицеры, прошедшие курс обучения в американском военном училище или полицейской школе, были аналитиками или специалистами разведслужбы и в камере пыток старались не показываться. Этих людей Фернандо боялся больше всего. Они тщательно изучали протоколы допросов и выуживали противоречия либо в его собственных показаниях, либо в показаниях его товарищей из группы «МР-8». Тем, кто непосредственно пытал заключенных, выдавались листки с вопросами-ловушками, в которых указывалось, какую именно информацию следовало извлечь за один день пыток.

Заключенным иногда удавалось переговорить друг с другом. Некоторые из них утверждали, что видели американскую маркировку на полевых телефонах и генераторах, применявшихся для пыток электрическим током. Все заключенные сходились во мнении, что бразильская полиция стала работать более эффективно и этим она была обязана специальной подготовке в США. До того как американские советники помогли ей централизовать всю имеющуюся информацию, проходили дни, прежде чем выяснялось, является ли арестованный одним из руководителей повстанческого движения. Теперь же на это уходили считанные часы.

Заключенные часто обсуждали вопрос о возмездии. Кое-кто, сознавая всю свою беспомощность, находил удовлетворение в описании пыток, которым они сами будут подвергать своих мучителей после революции, когда электрические генераторы окажутся уже в их руках.

Узники тюрьмы на острове Цветов старались убедить Жан-Марка в том, что, как бы негативно они сами ни относились к ним, пытки, видимо, придется применять и тогда, когда власть в стране перейдет к ним (правда, это будет делаться лишь в исключительных случаях).

— Возможно, я и идеалист, — отвечал на это Жан-Марк, — но все же хочу сказать: стоит сделать одно исключение — и правило тут же забывается. К тому же, если говорить откровенно, пытки — это оружие, которое всегда оборачивается против тех, кто им же и пользуется.

— Бразильское правительство, — возражали другие, — сумело в течение нескольких лет скрывать от общественности масштабы и жестокость своих пыток. Мы тоже сумеем держать это в секрете.

— Всякая секретность, — ответил на это Жан-Марк, — пагубна.

В тюрьме ДОПС в Рио один следователь согласился с теми повстанцами, которые пытались убедить Жан-Марка, будто пытки представляют собой нейтральное оружие, полезное для обеих сторон. Звали этого офицера Массини. «Я занимаюсь этим, — сказал тот одному заключенному, который и передал их разговор Фернандо, — потому что это моя профессия. Если победит революция, я к вашим услугам. Буду пытать, кого скажете».

Поскольку у большинства повстанцев политические убеждения вполне уживались с набожностью, они считали, что никогда не смогут проделать над другими то, что проделывали над ними. Один морской капитан, пытавший Фернандо, усмотрел в этом принципиальную разницу в характерах. «Я могу пытать других, — дразнил он Фернандо, — а ты нет. Если социалисты и придут когда-нибудь к власти, я буду спокоен, потому что ты трус и не посмеешь меня пытать».

Продержав Фернандо два месяца в тюрьме в Сан-Паулу, его отправили в Рио, а оттуда на катере на остров Цветов. Он так и не оправился от раны, полученной при задержании. Последующие же пытки привели к тому, что ему стало трудно мочиться. Он был слишком слаб, чтобы протестовать, поэтому, лежа на нарах, с благодарностью смотрел на своих товарищей по камере, которые, рискуя быть избитыми, стучали по решетке и кричали: «Сделайте же что-нибудь! Ведь человек умирает!»

Сначала его снова отправили в госпиталь, а затем бросили в изолятор здесь же на острове. Полностью отрезанный от внешнего мира, Фернандо провел там два месяца. Все это время он не имел никаких контактов с другими заключенными. Время от времени он слышал какую-то возню

в соседней одиночной камере. Пятнадцать дней Фернандо выстукивал по стене. Стучать нужно было достаточно громко, чтобы услышал сосед, но и не так, чтобы это заметили охранники.

Наконец, ему все же удалось убедить своего соседа приложить губы к щели в стене и сказать что-нибудь. «Я жив», — прошептал человек. Больше Фернандо не разобрал ничего: с ним говорил сумасшедший.

Выйдя из изолятора, Фернандо встретил обыкновенных уголовников, которых держали в тюрьме вместе с арестованными повстанцами. Он понял, что сюда чаще всего попадали бедняки и безработные, а также душевнобольные и слабоумные. Видимо, у полиции была какая-то квота на произвольные аресты.

Фернандо, Жан-Марка и других политических заключенных больше всего волновало, отвечать или не отвечать на вопросы во время допросов. Не говорить ни слова и молча все терпеть называлось у них «вести себя по-турецки». Большинство заключенных-мужчин, не стесняясь, признавались, что на подобный стоицизм не готовы. Но среди политзаключенных нашлась одна женщина по имени Анжела Камарго Сейшас, которая была исключением.

С того дня, как вместе с другими студентами Анжела несла тело убитого Эдсона Луиса к зданию парламента, в ее жизни произошло немало важных событий. Она научилась выступать с речами на публичных митингах и очень скоро совсем разучилась улыбаться. Ее приятели, не отличавшиеся глубиной политических убеждений, весьма об этом сожалели, так как улыбалась она широко, с некоторым озорством и очень мило.

Анжела выступала и перед коммунистами, и перед участниками движения «Народное действие», но потом примкнула к левой группировке ПКБР, которая в 1967 году откололась (вслед за Карлосом Маригелой) от Бразильской коммунистической партии. Год-другой эта группировка не решалась начинать вооруженную борьбу. Однако к тому времени, когда к ней примкнула Анжела, она стала самой левой из всех студенческих организаций в Бразилии. Их кумиром был Че Гевара.

У ПКБР были и военная, и политическая секция. Решения принимала не Анжела, поэтому ее включили в политическую секцию. Члены военной секции с огромным риском захватывали оружие, грабили банки и угоняли автомобили.

В декабре 1969 года, когда военная секция ПКБР совершала очередное ограбление банка, один из ее членов был схвачен. Поскольку во время ограбления был убит полицейский, арестованного налетчика стали долго и жестоко пытать. Спецслужбам очень повезло, что они схватили именно этого человека. Будучи начальником сектора материально-технического снабжения, он знал всю структуру командования, а также все адреса и явки членов группы. Но Анжелы он все же не знал. Кроме того, ее фотография никогда не появлялась в газетах. Вот почему именно ей было поручено подыскать конспиративные квартиры для скрывавшихся от полиции членов ПКБР, а также для союзнической группировки под названием «МР-26».

Анжела услышала от кого-то, что в районе Копакабаны (знаменитого пляжа в Рио, протянувшегося на пять километров вдоль океана узкой полосой белоснежного песка) сдается квартира. Когда-то, много лет назад, Копакабана была фешенебельным районом. Сейчас же расположенные здесь многоквартирные дома и некогда шикарные магазины несколько пообветшали и поблекли, но все равно это был по-прежнему самый оживленный район города.

Кто-то заранее предупредил полицию о квартире, которую придет смотреть Анжела. Вот почему, когда в 10 часов вечера она начала подниматься по лестнице в сопровождении черного великана (это был Марко Антонио, ее товарищ), за дверью ее уже поджидали полицейские. Даже в Рио (а этот город славился отсутствием расовой дискриминации) эта пара выглядела довольно экзотично: хрупкая и белокожая Анжела и ее черный спутник с мощным телосложением.

Когда они дошли до лестничной клетки, неожиданно погас свет. Ничего необычного в этом не было, так как постоянные аварии в системе энергоснабжения стали объектом шуток жителей Рио еще с тех пор, когда было изобретено электричество. Весь район мгновенно погрузился в темноту. Сидевшие в засаде полицейские, видимо, подумали, что свет отключен специально. Они выскочили из квартиры и стали стрелять. Марко Антонио открыл ответный огонь и ранил двух полицейских, но через мгновение пуля угодила ему прямо в голову. Еще одна пуля вонзилась в тело Анжелы — и та потеряла сознание.

Когда она пришла в себя (а это, по всей видимости, произошло уже через несколько секунд), на лестничной

клетке все еще было темно. Полицейские куда-то уехали (возможно, перевязывать раны), и Анжела оказалась теперь одна. Рядом лежало неподвижное тело Марко Антонио.

Но это было лишь прелюдией к целой цепи ужасных событий, которые могут присниться разве только в кошмарном сне.

Марко Антонио еще дышал, но, когда Анжела попыталась было поднять его, массивное тело тут же выскользнуло у нее из рук. Инстинкт подсказал ей, что надо где-то спрятаться. Анжела стала стучать (сначала тихо, а потом все громче и громче) то в одну, то в другую дверь на той же лестничной клетке. Все, конечно, слышали выстрелы, но открыть дверь не захотел никто. Тогда она взбежала на этаж выше. Неожиданно вновь загорелся свет. «Может, просто выйти из этого дома и попробовать скрыться», — подумала она. Судя по гудению в шахте, лифт тоже заработал. Она нажала на кнопку и стала ждать. Кабина поравнялась с ее этажом, открылась дверь, и (о ужас!) из лифта вышло двое полицейских. Анжела еще сильней прижала носовой платок к ране, пытаясь остановить кровотечение.

— Что там за шум? — небрежно спросила она.

— Идите домой,— приказал один из полицейских. — Вернитесь в квартиру.

— Не могу, — ответила Анжела. — Мне нужно выйти позвонить.

Это звучало довольно убедительно, даже из уст человека, жившего в таком фешенебельном доме. Дело в том, что в то время в Бразилии приходилось платить немалые деньги за установку телефона (иногда тысячу и более долларов). И даже при таких непомерно высоких ценах многие подолгу дожидались своей очереди.

Внизу у подъезда дежурил еще один полицейский, но Анжеле удалось проскочить незамеченной. Оказавшись на улице, она стала удаляться от дома, все время убыстряя шаг. Когда, казалось, опасность была уже позади, она вдруг услышала окрик:

— Задержать ее! Из дома никого не выпускать!

Дежурившие на улице полицейские схватили Анжелу и привели обратно в дом. Вокруг тела Марко Антонио стояло несколько полицейских.

— Кто этот человек? — спросил один из них.

— Не знаю.

Ее несколько раз ударили — больно, куда придется — и снова задали тот же вопрос. Анжела молчала. Тогда ее посадили в полицейскую машину и отвезли в штаб оперативного центра внутренней безопасности (сокращенно КОДИ). Там ее раздели и только тогда увидели рану.

— Если ты не скажешь нам свое имя, — пригрозил один из офицеров, — ты умрешь.

Что-то подсказывало Анжеле, что она не должна говорить ничего. За последнюю неделю она узнала имена чуть ли не всех членов группы. На завтра была назначена встреча с 15 ее руководителями. Если своими угрозами они заставят ее назвать свое имя, подумала Анжела, то кто знает, чье имя будет названо следующим.

Как ни бесновались следователи, рана была настолько серьезной, что Анжелу тут же отправили в госпиталь, где она и пролежала десять дней. Затем ее перевезли в тюрьму ПИК — небольшое невзрачное здание в центре города, где размещалось полицейское управление. Именно там пытали Флавио Тавареса.

Ее раздевали донага, избивали и пытали электрическим током. Одним из пытавших был Коста Лима Магальяйнс (в Бразилии эта фамилия пользуется уважением). Этот маленький человечек с непропорционально большой головой отличался особой изощренностью в пытках. Некоторые заключенные объясняли это тем, что во время одной перестрелки с повстанцами тот был ранен в спину.

Но в случае с Анжелой он все же перестарался: у той открылась рана, и ее снова пришлось отправить в госпиталь. С этого момента Анжела стала относиться к своей ране как к последней линии обороны. Если пытка будет нестерпимой, решила она, придется умышленно открывать рану, и тогда ее вновь отвезут в больницу.

Стены в камере пыток были окрашены в противный бледно-лиловый цвет. От ярко горевших лампочек было жарко и душно. Откуда-то сверху доносились крики и выстрелы, что лишь усиливало ощущение надвигавшейся катастрофы. Анжела постаралась убедить себя, что это звуки композиции Стокхаузена, ее любимого композитора, и теперь уже не обращала внимания на весь этот шум.

Допросы производились по методике, разработанной и изученной в Панаме и Международной полицейской школе. Ее основной принцип заключался в том, что один из допрашивавших держался дружески, мягко, а другой был строг и суров с заключенными (классический метод «хоро-

ший человек — плохой человек»). В камеру к Анжеле бросили человека, арестованного во время ограбления банка. Тот не выдержал пыток и сломался. «Может ты сможешь, — пробормотал он. — Я не смог».

Анжела узнала также, что произошло с Марио Алвесом, основателем группы ПКБР. Полицейские воткнули ему в прямую кишку палку, да так глубоко, что повредили селезенку. Пытаясь заставить его говорить, они вырвали у него зубы (и повстанцы, и полицейские знали, как это делается, по фильму «Битва за Алжир»). Ему также делали пентоталовые инъекции.

Однажды, когда Анжелу в очередной раз жестоко избили резиновыми дубинками и просто кулаками, ее увидел врач.

— Что они с вами делали? — спросил он.

Она рассказала о бледно-лиловой комнате. Удивление и негодование врача были, казалось, искренними. Он впервые в жизни видел перед собой женщину, которую пытали, да к тому же еще и студентку, которой было всего 19 лет.

— Вы знаете, кто именно пытал вас? — спросил доктор. — Назовите его имя. Я доложу куда следует.

Анжела знала имя. Прежде чем приступать к пыткам, полицейские, как правило, заклеивали свои фамилии на именных бляхах клейкой лентой и называли друг друга вымышленными именами. Случалось, однако, что они забывали это делать, когда производили обычный допрос без применения пыток.

— Коста Лима Магальяйнс, — сказала Анжела.

Врач подал рапорт, в котором сообщил, что Анжелу избивали плетью, издевались над нею и оскорбляли ее женское достоинство, а также пытали электрическим током, вставляя оголенные провода в самую интимную часть ее тела. Такие обвинения не могли быть оставлены без внимания, и Магальяйнс получил выговор. В течение шести последующих недель Анжела находилась в госпитале и никто ее не трогал. За исключением одного срыва, когда она призналась, что состоит членом группы ПКБР, Анжела держалась стойко и ничего не сказала.

Но потом произошли два события, окончившиеся тем, что Анжела вновь оказалась в бледно-лиловой комнате. Врач, узнавший, что служит там, где пытают заключенных, не мог с этим мириться и попросил перевести его в другое место. К тому же были схвачены еще двое из группы ПКБР. Не выдержав жестоких пыток, они рассказали,

что до ареста Анжела занимала ответственный пост в организации.

На следующий же день в 3 часа дня (именно в это время ее, как правило, начинали пытать) тюремщики вновь втащили ее в камеру пыток. На сей раз Анжелу предупредили, что, если та по-прежнему будет отказываться говорить, ее передадут в руки «эскадрона смерти». Тюремщики сказали, что обнаружили тайник со взрывчаткой, и спросили, что ей об этом известно. Анжела молчала. В тот день это было легко, так как она действительно ничего не знала. Но зато она сама кое-что услышала о судьбе других заключенных. В частности, она узнала об одном профсоюзном активисте по имени Мануэл де Консейсао. Его пытали в этой же тюрьме, когда он находился там вместе с Фернандо Габейрой. Однажды изуверы прибили его член гвоздями к столу.

В камере пыток Анжела постоянно боролась сама с собой. Она слышала, как внутренний голос говорил: «Тебя убьют, если будешь молчать». Но тут же с ним в спор вступал другой голос, который возражал: «Нет, тебя убьют, если заговоришь». Хотя боль была мучительной всегда, Анжела вскоре поняла, что до подсознания она все же не доходила. Все, что она говорила на допросах, было заранее продумано и рационально. Острые болевые ощущения никогда не вынуждали ее говорить что попало.

Пытки вызывали у нее и другую реакцию — несколько мистическую. Анжела вдруг теряла сознание, но затем тут же вроде бы приходила в себя. Голова у нее становилась светлой и ясной, как никогда. Ей вдруг казалось, что она парит над собственным телом и наблюдает, как его пытают. Именно это странное ощущение пребывания вне своего тела, эта пропасть, отделявшая ее сознание от болевых ощущений, и помогали ей крепиться и молчать.

Бледно-лиловая комната помогла Анжеле понять, как легкомысленно относились раньше к пыткам она сама и ее товарищи. Все они в один голос когда-то заявляли, что не скажут ни слова, каким бы испытаниям и провокациям ни подвергались. Тот, кто не может держать язык за зубами, говорили они, заслуживает одного наказания—смерти. И вот теперь, после очередного двухчасового избиения она поняла, почему заговорил человек, схваченный во время ограбления банка. Его-то можно понять и даже простить. Но можно ли простить Соединенные Штаты за их роль в подготовке и оснащении бразильской полиции?

С момента военного переворота в 1964 году Маркос Арруда (студент-геолог, выступавший против установления иностранного контроля над природными богатствами Бразилии) жил трудной и полной опасностей жизнью. После того, как Гуларт бежал в Уругвай, Маркос уехал из Рио и в течение двух недель жил в деревне, пока его друзья не сообщили, что, судя по всему, его фамилия не значится в списках политических противников генерала Голбери.

Такому, как он, бунтарю и студенческому вожаку в Бразилии трудно было найти работу. Чтобы не умереть с голоду, Маркос занимался репетиторством и техническими переводами. Но уже через несколько лет он почувствовал, что такая жизнь мало подходит его бунтарской натуре, поэтому в 1968 году он обратился к властям с просьбой (указав свое настоящее имя) разрешить ему работать простым рабочим на заводе.

Единственной уловкой, на которую пошел Маркос, было то, что в графе «Образование» он написал «начальная школа». Сделал он это потому, что написать «высшее» означало бы сразу же вызвать к себе подозрение. Ни заводовладельцы, ни власти не стали бы рисковать, понимая, что своими настроениями он может заразить и других рабочих.

Маркос поступил на работу на литейный завод, принадлежавший западногерманской компании «Мерседес-Бенц». На предприятии работало три тысячи рабочих, отливавших детали для вагонов и тракторов. Маркос работал оператором машины, отливавшей формы. Его дневная норма составляла тысячу форм. Хотя предыдущие демократические правительства и приняли ряд законов о труде, рабочие на этом заводе до сих пор работали по 12 часов в сутки. За сверхурочную работу им доплачивали от трех до четырех долларов к зарплате, составлявшей всего 15 долларов в месяц.

После окончания университета Маркос женился, но потом с женой разошелся, и теперь жил один. Только поэтому ему как-то хватало скудного заработка на оплату квартиры, питание и даже проезд на автобусе к месту работы. Женатым приходилось гораздо труднее. От получки у них уже ничего не оставалось еще за неделю или дней за 10 до окончания месяца. Тогда они вставали ни свет ни заря и пешком отправлялись на работу в надежде уговорить начальство разрешить им работать по 14—15 часов в сутки, с тем чтобы заработать еще несколько долларов сверхурочно.

Работа была адской. Корпус завода был открыт с обоих торцов, поэтому зимой рабочим приходилось особенно туго: в лицо им дышала огнем раскаленная печь, а в спину дул ледяной воздух зимнего Сан-Паулу. В воздухе висела такая густая железная пыль, что даже в солнечные дни рабочий тут же терялся из виду, стоило ему отойти на несколько шагов от машины. Маркос вскоре узнал, что врачи, работавшие в компании по найму, рекомендовали увольнять заболевших туберкулезом рабочих, чтобы те не становились обузой для хозяев завода.

Условия работы мало чем отличались от тех, что существовали лет 40—50 назад в Соединенных Штатах. Правда, здесь было одно существенное исключение: бразильские джоны льюисы * и юджины дебсы ** были либо убиты, либо брошены в тюрьмы, либо загнаны в подполье.

Маркос встречался с товарищами по работе каждый день во время короткого обеденного перерыва. Тем не нужно было читать лекций о несправедливости системы, так как они и без этого все знали. Они чувствовали эту несправедливость всем своим нутром, своими ноющими мышцами и забитыми пылью легкими. Их волновал другой вопрос: что же можно сделать, чтобы положить конец этой несправедливости?

Конечно, в одиночку человек был бессилен что-либо сделать. Показателен такой случай. Обнаружив у одного из рабочих легочную болезнь, местные врачи посоветовали ему подлечиться на юге, где воздух почище. Компания должна была выплатить ему часть заработной платы, поэтому, прежде чем уехать в Рио-Гранде-ду-Сул, он отправился в контору, чтобы получить причитавшиеся ему деньги.

— Мне нужно получить деньги — должок за компанией, — сказал он вахтеру у проходной.

— Подожди здесь, — ответил тот и пошел в контору. Вернувшись, он сказал:

— Ты уже здесь больше не работаешь, поэтому пропускать тебя не имею права.

---

* Джон Л. Льюис — один из руководителей американского рабочего движения, председатель (до 1960 г.) Объединенного профсоюза горняков. — *Прим. перев.*

** Юджин Дебс — один из организаторов Социалистической партии США (1900 г.), а также организации «Индустриальные рабочие мира» (1905 г.). — *Прим. перев.*

Вне себя от ярости, рабочий выхватил нож, ударил им вахтера и скрылся. Больше о нем никто ничего не слышал.

Подобные мелкие конфликты с администрацией могли бы быть разрешены профсоюзом одним телефонным звонком. Однако в то время профсоюз металлистов Сан-Паулу контролировался людьми, назначенными военной хунтой после переворота 1964 года.

Маркос и его товарищи собрали информацию, подтверждавшую, что перед каждым собранием рабочих профсоюзное руководство частным образом встречалось с агентами секретной службы ДОПС. На этих встречах они договаривались о том, что, если кто-то из независимых делегатов выступит с требованием поставить на голосование угодное компании решение с тем, чтобы не допустить его принятия, агенты ДОПС спровоцируют потасовку, и тогда председательствующий воспользуется этим, чтобы объявить собрание закрытым.

Поскольку профсоюз не реагировал на требования рабочих, Маркос и его товарищи создали комитет для организации встреч с представителями других предприятий своего района. На них они обсуждали общие проблемы и возможные пути их решения. Они хотели каких-то перемен, но в то время уже одного этого было достаточно, чтобы попасть в разряд подрывных элементов.

В мае 1970 года Маркос познакомился с Марлин Соккас, участницей движения сопротивления, которая никак не могла устроиться на работу. К тому же она жила в доме, уже ставшем как-то объектом полицейской облавы. Маркос вызвался помочь ей найти работу и более безопасное место жительства. Правда, к этому времени он и сам был без работы, поскольку вынужден был уйти с завода после того, как у него обнаружили затемнение на легких и синусит. Когда врач из государственной поликлиники рекомендовал Маркосу бросить работу, тот запротестовал:

— Я не могу. Без работы я просто умру с голоду.

— В таком случае вам нужно работать лишь положенное время — восемь часов в день.

Маркос попросил врача дать соответствующее письменное заключение, а затем показал его своему начальнику. Через неделю его уволили. «К качеству вашей работы у нас претензий нет, — сказал ему начальник. — Вы нас не устраиваете потому, что не можете работать долго. А за воротами вашего места дожидаются сотни».

Всю следующую неделю Маркос провел в поисках работы. Почувствовав угрызения совести, оттого что совершенно забыл Марлин (а ведь он обещал ей помочь), Маркос решил заехать к их общему другу и оставить ей записку. «Не знаю, как там у тебя дела, — написал он. — Давай вместе пообедаем и все обсудим». И он указал адрес маленького ресторанчика в районе Лапы в Сан-Паулу.

Маркос, конечно, не знал, что четыре дня назад Марлин арестовали и теперь беспрерывно пытали. Полицейские сыщики перехватили записку и привезли Марлин в указанное место для опознания Маркоса.

Войдя в кафе, тот сразу же увидел пятерых полицейских, уже дожидавшихся его. Все они были в рубашках на выпуск, скрывавших пистолеты на поясах. Попав в засаду, Маркос хотел было разорвать на мелкие кусочки листок бумаги с именами и адресами других участников движения, которых он хотел повидать в тот же день. Но полицейские, не стесняясь посетителей и прохожих, тут же набросились на него и стали бить кулаками и ногами, пытаясь завладеть этим клочком бумаги. Маркос был человеком небольшого роста и хрупкого телосложения, и руки у него были почти детские, поэтому полицейские легко отобрали бумажку. Затем его затолкали на заднее сиденье фургона. На переднем сиденье он увидел Марлин. «Покажи ему руки! — приказал один из полицейских. — Покажи, чтобы он знал, что теперь ожидает и его».

Марлин показала руки. Даже под бинтами было видно, что они распухли так, что чуть ли не вдвое увеличились в размере. Кончики пальцев и запястья были черными. Маркос посмотрел и больше не винил Марлин в том, что та предала его. Не мне судить, решил он, виновата она или нет. Ведь ей столько пришлось пережить.

Как только фургон въехал во двор штаб-квартиры ОБАН, три сидевших сзади полицейских тут же стали бить Маркоса. Прежде чем задать первый вопрос, они били его в течение нескольких часов. Затем начался допрос. Тюремщики хотели знать, кто собирал жалобы рабочих на заводе и подсказывал им пути разрешения их проблем. Хотя Маркосу было известно не так уж много, он решил не говорить даже этого. Он избрал тактику, к которой обычно прибегают многие заключенные, когда их начинают пытать. Чтобы хоть как-то передохнуть после очередных побоев, он начинал валять дурака, сообщая ложные сведения. На их проверку уходили часы, а то и весь день. Но за та-

кие передышки приходилось дорого платить. Когда полиция выясняла, что это всего лишь уловка, пытки становились еще более жестокими. И все же благодаря этому приему Маркосу удавалось хоть несколько часов не испытывать боли. Что будет потом, его мало интересовало. Может быть, завтра его и в живых-то не будет.

Следуя этой тактике, он назвал адрес тетки своей бывшей жены. Увидев эту старую женщину, подумал он, каждый тут же поймет, что никакая она не революционерка. Ну а о самом Маркосе та сможет лишь сказать, что он пару раз ночевал у нее. О его настоящей работе она и не догадывалась.

Передышка, однако, длилась недолго, и Маркос был все еще жив. Его снова начали пытать. Привязав локти к коленкам, полицейские пропустили между ними шест и подвесили Маркоса спиной вниз на высоте чуть больше метра от пола. Взяв лопаточку с просверленными отверстиями, они стали бить его по заднему месту. После ста ударов кожа у него вздулась и почернела от запекшейся крови. Нанося удары, полицейские выкрикивали: «Ублюдок!», «Сукин сын!» — и грозились его изнасиловать.

Маркос слышал все, как в тумане. Угрозы и оскорбления выкрикивались пытавшими скорее для того, чтобы чуть подбодрить себя и вновь наброситься на свою жертву с еще большим остервенением.

Закончив избиение, они подсоединили один конец от полевого телефона к мизинцу ноги Маркоса, а другой — к его члену и стали периодически подавать напряжение. Электрический разряд пронзал его сверху вниз и снизу вверх. Маркос даже не осознавал, что кричит. Он понял это лишь тогда, когда тюремщик сунул ему в рот кляп. Нечеловеческие крики Маркоса веселили палачей, но бразильцы, жившие по соседству с тюрьмой ОБАН, особых восторгов от этого не испытывали и начали жаловаться. Тогда тюремщики стали прокручивать пластинку с записями эстрадных песен в исполнении популярного в Бразилии певца Роберто Карлоса. «Иисус Христос, — пел певец, — вот я и пришел».

«Я ни о чем не жалею, — думал Маркос. — Вместе с друзьями я боролся за что-то хорошее, человечное и доброе. Пусть мой вклад небольшой, но я вношу его в общую борьбу за новое общество. В Евангелии сказано, что Иисус жил среди воров и проституток. Там, на заводе, я жил и вел себя как истинный христианин».

Маркос обливался потом. Во рту у него торчал кляп, так что нельзя было шевельнуть языком. Но и без кляпа Маркос вряд ли мог бы что-то сказать: он начисто потерял голос. Глаза опухли так, что веки почти не открывались. Он услышал, как кто-то сказал:

— Ну а теперь посмеемся немного.

Полицейские облили его водой. Чтобы подвести ток ко всем участкам тела, они прикрепили провода к животу и горлу Маркоса и сунули два конца в рот и в уши. Опустив его на пол, они включили ток. Маркос забился в конвульсиях, которые не прекращались и после того, как ток был отключен. Прошло полтора месяца, но судороги продолжались. Тогда его отправили в военный госпиталь и вызвали туда священника, чтобы тот исповедовал узника.

Иногда, несмотря на непрекращающиеся конвульсии, Маркосу удавалось все же уснуть. Тогда у его кровати появлялись надзиратели и будили его. «Ты не рабочий, — говорили они. — Ты геолог. А это значит, что на завод ты пошел для того, чтобы вести там подрывную деятельность. Вот поправишься, и мы снова за тебя возьмемся».

Но Маркос не поправлялся. Военные врачи никак не могли остановить конвульсии. Теперь у его койки дежурили две монашенки. Когда Маркос увидел их первый раз, он обрадовался: ведь это женщины, и одна эта мысль уже согревала ему душу.

— Как это ужасно, — прошептала одна из них. — Разве так можно? Просто страшно.

«Они ничего не понимают», — подумал про себя Маркос.

Потом к нему снова пришли полицейские. Теперь они уже называли его коммунистом.

— Как называется твоя организация? Назови фамилии своих товарищей. Зачем ты пошел работать на завод, когда можно было найти работу получше? Признавайся: ты это сделал затем, чтобы поднять всех на бунт и добиться повышения зарплаты?

— А вы сами разве не хотите, чтобы вам повысили жалованье? — спросил Маркос. Но сказал он это очень робко, так как не хотел провоцировать их на новые пытки.

— Не пытайся забить нам голову своими коммунистическими бреднями, — прервал его полицейский, и Маркос не стал вдаваться в дальнейшие объяснения.

Когда конвульсии чуть стихли, полицейские вновь доставили его в штаб-квартиру ОБАН и сказали, что дают

ему три дня на подготовку полного признания. Марлин, заявили они, уже рассказала, что он член подрывной группы. Маркос обрадовался трехдневной передышке, но по окончании срока ничего существенного полиции не сообщил.

— Эти каракули гроша ломаного не стоят! — сказали ему, прочитав то немногое, что он написал.

Затем его повели на очную ставку с Марлин. Входя в камеру, Маркос слышал, как один из полицейских сказал кому-то:

— Приготовься. Сейчас ты увидишь Франкенштейна.

Вид у Маркоса и вправду был страшный. Он с трудом волочил за собой бесчувственную ногу, используя вместо костыля щетку для подметания пола. Один глаз, распухший от побоев, по-прежнему не открывался.

— Ты правда сказала, что я член подрывной организации? — спросил Маркос у Марлин. — Но ведь это же неправда.

— Молчать! — заорал надзиратель. — Кто здесь задает вопросы?

Затем они отвели Марлин в соседнюю комнату и стали пытать ее электрическим током. Маркос слышал, как она кричала. Сам он уже привык к пыткам и относился к ним почти безразлично. Его уже дважды долго и жестоко пытали, так что теперь они вряд ли смогут причинить ему еще бóльшую боль. Но теперь не он кричал от боли, а Марлин.

— Мы убьем ее, если ты будешь по-прежнему молчать, — пригрозил один из полицейских. Такой боли Маркосу еще не причиняли.

Затем Марлин снова ввели в камеру. Кроме Маркоса, там еще были армейский капитан и два лейтенанта.

— Ну и дрянь же ты! — сказал капитан. — Это из-за тебя она так мучается, мерзавец!

— Ее мучаете вы, а не я, — ответил Маркос.

— Ты прекрасно знаешь, чего мы хотим, — рявкнул капитан. — Ты что, рехнулся? Работать за такие жалкие гроши! Ты же геолог. Ты мог бы иметь квартиру. Машину. Женщин. Ты же не полный идиот. Посмотри на нее. — И он показал пальцем на Марлин, рыдающую, всю в синяках и ссадинах. — Разве я не прав? — спросил он ее.

— Нет, — ответила Марлин. — Прав он. — И она показала на Маркоса. — Жаль только, что у меня нет такой силы духа.

Ее выволокли из камеры и принялись снова избивать Маркоса. Один из офицеров подошел к нему сзади, приставил к горлу щетку для подметания пола и стал нажимать на черенок до тех пор, пока Маркос не стал задыхаться. Ему показалось, что вот-вот наступит конец.

Когда Маркос вновь очутился в своей камере, через деревянную дверь он услышал, как один охранник говорил другому:

— Не знаю, что и делать. Этот малый никак не хочет говорить.

И тут Маркос почувствовал новый прилив сил и энергии. Он понял, что его враги беспомощны. У них есть генераторы, провода и дубинки, но они бессильны. Он оказался сильнее их.

Через какое-то время в камеру к Маркосу пришел генерал. Этот пожилой человек с седой головой был еще и врачом. Генерал вдруг заговорил о планктоне. «Понятно, — подумал про себя Маркос. — Хочет выяснить, действительно ли я геолог». Судя по всему, генерал был образованным человеком. Маркос терпеливо отвечал на все его вопросы. Наконец генерал спросил, как случилось, что Маркос оказался в тюрьме.

Тот все ему рассказал, не забыв в заключение подробно описать, как его пытали и сделали теперь калекой.

Рассказ Маркоса привел старого генерала в ярость.

— Это неправда! — гневно воскликнул он. — У нас в армии ничего подобного не делают!

— Побудьте здесь хотя бы один день, — сказал Маркос, — и вы сами все увидите. Я ведь здесь не по собственной воле.

Генерал вызвал капитана.

— Этот человек все время лжет! Соли ему больше не давать! Лекарств тоже!

(Маркосу давали какие-то лекарства от эпилепсии, хотя страдал он вовсе не от этого. Просто врачи в военном госпитале решили, что только так можно снять судороги.)

Капитан разозлился еще больше, чем генерал:

— Мы вообще лишим его пищи.

Это в свою очередь подхлестнуло генерала, и тот добавил:

— И воды давайте ему как можно меньше.

Через два дня судороги возобновились, и теперь уже Маркос никак не мог совладать со своим телом. Его снова вернули в госпиталь. Рядом лежал раненый заключенный,

которого пытали, не удалив пули. Закончилось все это тем, что тот оказался теперь в госпитале с гангреной. Чуть дальше лежала 60-летняя женщина с изувеченным от побоев лицом. Казалось, она вот-вот сойдет с ума. На другой койке лежала еще одна женщина. Ей был 21 год. Полиция арестовала ее за распространение листовок среди рабочих у ворот сталелитейного завода. Сначала ее, как и всех, жестоко избили. Но потом полицейские обнаружили, что она беременна. И тогда ее бросили на пол и стали топтать ногами до тех пор, пока у нее не произошел выкидыш. У молодой женщины открылось сильное кровотечение, которое не прекращалось. Тогда ее отвезли в госпиталь.

По «беспроволочному телеграфу» лежавшие в госпитале заключенные обменивались новостями и узнавали, кто лежит в других палатах. Так Маркос узнал о двух своих товарищах, которых пытали в присутствии каких-то людей, говоривших по-английски.

Позже, когда Маркос вновь вернулся в камеру, его охранник — армейский капрал — с усмешкой заметил: странно, мол, как-то получается — Маркос, такой образованный человек, сидит в тюрьме, а он, неотесанный капрал, сторожит его.

— Чудно как-то, — сказал капрал, протягивая Маркосу сигарету. — Здесь так много студентов и образованных людей. Что-то здесь не так.

Маркос не курил, но все равно искренне поблагодарил его. Он уже давно заметил, что простые солдаты часто относились к заключенным по-человечески. Полицейские же были хуже зверей.

— Разве это ни о чем тебе не говорит? — спросил Маркос. — Мы все учились, читали книги. У нас есть кое-что в голове. Мы не хотим мириться с тем, что творится в Бразилии. Разве это ни о чем тебе не говорит?

— Ты говоришь довольно убедительно, — сказал капрал. — Но я, пожалуй, пойду, а то еще, чего доброго, ты убедишь и меня.

Когда Дэн Митрионе прибыл в Белу-Оризонти, получив задание повысить эффективность местной полиции, Мурило Пинто да Силва еще учился в школе. Через девять лет, став членом группы «Борцы за национальное освобождение» (сокращенно КОЛИНА), Мурило и пять его товарищей попали в ловушку, подстроенную полицией на их

конспиративной квартире в Белу. Во время перестрелки двое полицейских были убиты. Никто из повстанцев не пострадал. Мурило был схвачен и брошен в тюрьму. Ему было предъявлено четыре обвинения: незаконное хранение оружия, принадлежность к нелегальной организации, участие в вооруженной акции и убийство. Так он стал лично причастен к практическому осуществлению программы подготовки бразильской полиции.

В августе 1969 года Мурило и его товарищей перевели из городской тюрьмы в Белу в «Вилу-Милитар» — тюрьму для политических заключенных. Она находилась в Реаленго (пригороде Рио) и подчинялась особому отделу военной полиции.

8 октября Мурило и 9 других узников тюрьмы вывели из камер и приказали ждать в тюремном дворе. Семеро из девяти были политическими заключенными из Белу. Среди них находился и Ирани Кампос, имевший подпольную кличку Коста и также принадлежавший к группе КОЛИНА. Двое «неполитических» были солдатами бразильской армии, которых судил военно-полевой суд. Один украл пистолет, а что сделал другой, Мурило не знал.

Когда заключенного выводят из камеры, он всегда ждет неприятностей. В тот день, однако, настроение у собравшихся во дворе тюремщиков было приподнятым, и Мурило быстро успокоился: пытать сегодня не будут.

Но вскоре мимо них прошел солдат с толстым шестом (таким обычно пользуются, когда делают «насест для попугая»). Другой солдат пронес какой-то небольшой металлический ящик. Мурило сразу понял, что это генератор, который используется для пыток электрическим током. Аппарат этот лучше полевого телефона, поскольку позволяет устанавливать желаемое напряжение с большей точностью.

Но и это не смутило Мурило: уж больно безобидно и буднично все вокруг вели себя. Затем он услышал, как какой-то капрал спросил:

— Это и есть «звезды» сегодняшнего представления?

— Видимо, да, — ответил другой солдат и хихикнул.

Только теперь Мурило насторожился. Видимо, все же готовилось что-то недоброе.

Заключенных построили в одну шеренгу и подвели к приземистому зданию, велев ждать у закрытой двери. Изнутри доносились обрывки разговоров и смех. Там, видимо, собралось много людей, которые чего-то ждали. За-

ключенные притихли и тоже стали терпеливо ждать. Рядом с каждым стоял охранник.

Мурило слышал, как какой-то человек (видимо, офицер) отдавал команды. Голос показался ему знакомым. Да ведь это лейтенант Айлтон! Этот офицер произвел на Мурило большое впечатление еще в тюрьме «Вила-Милитар», где его продержали несколько недель. Наблюдая, как избивают и пытают заключенных, Айлтон сохранял такое спокойствие и выдержку, что ему мог бы позавидовать любой. Готовясь к очередной пытке, он делал все размеренно и даже (как это ни странно) с какой-то безмятежностью. Точно так же Айлтон вел себя и теперь. С полной уверенностью в своей правоте он спокойно объяснял что-то собравшимся в зале, и казалось, этого человека просто нельзя было ненавидеть.

Мурило удалось разобрать лишь немногое из того, что говорил Айлтон. «Ведите себя с ними так, словно они наши друзья. Пусть им кажется, что мы на их стороне». За этим, насколько мог судить Мурило, последовало пространное объяснение методов ведения допроса. Голос Айлтона доносился то громче, то тише, и Мурило не смог разобрать всех подробностей. Затем лейтенант громко сказал: «А теперь мы хотим показать вам тех, кто занимается подпольной деятельностью у нас в стране».

За дверью началась какая-то возня, и затем всех шестерых заключенных по одному ввели в помещение. К каждому был приставлен собственный охранник — рядовой или капрал. Комната походила на офицерскую столовую. За каждым столом сидело по шесть человек. Всего, прикинул Мурило, там было человек 80. Все были в военной форме: одни — сухопутных войск, другие — ВВС. Все, казалось, были молоды: лейтенанты и сержанты.

В глубине зала была сцена, и от этого помещение смахивало на кабаре. Впечатление это еще более усиливалось оттого, что там был установлен микрофон, которым лейтенант Айлтон весьма умело пользовался. Одна сторона сцены была пуста, и там находился экран. На другой стороне выстроились заключенные. Айлтон называл имя заключенного и указывал на него, чтобы аудитория видела, о ком идет речь. Затем он брал досье и громко зачитывал все сведения, собранные секретной службой об этом заключенном: его биографию, при каких обстоятельствах был задержан, а также в чем обвиняется.

Одновременно на экране появлялись слайды, демонст-

рировавшие различные пытки. Это были рисунки с изображением людей, привязанных к «насесту для попугая» или опутанных проводами для пыток электрическим током. Когда Айлтон закончил, охранники повернулись к шестерым заключенным на сцене и приказали им раздеться. Заключенные остались в одних трусах. Затем охранники по очереди стали заставлять заключенных для наглядности принимать ту или иную позу.

Один из охранников связал Педро Паулу Бретасе руки и вставил между пальцев небольшие металлические треугольники с высотой 20 см и основанием 5 см. Затем он сильно сдавил ему пальцы и крутанул руки. Эту пытку Мурило видел впервые. Когда охранник крутил руки в одном направлении, Бретас вскрикивал и падал на колени. Когда же он крутил их в другом направлении, Бретас от боли подпрыгивал вверх.

Мурило заставили встать босыми ногами на две половинки открытой консервной банки. Острые кромки вонзились ему в подошву, и боль стала подниматься по ногам все выше и выше.

Другой охранник прикрепил к мизинцам заключенного по имени Маурисио электрические провода, а затем подсоединил их к генератору (это его проносили тогда через тюремный двор).

Одного заключенного привязали к «насесту для попугая». Другого стали бить деревянной лопаточкой с отверстиями. Демонстрируя, как это делается, охранник безжалостно бил его по ягодицам, ступням и ладоням. Айлтон в это время говорил в микрофон: «Этой лопаточкой можно бить долго и очень сильно».

Нило Сержио заставили стоять на одной ноге с вытянутыми в сторону руками (в позе распятого Христа). В руки ему положили что-то тяжелое (Мурило не видел, что именно).

Пока Айлтон не переходил к следующей пытке, на заключенном демонстрировался описываемый в данный момент прием. Лейтенант говорил слушателям, что пытки можно применять как в отдельности, так и в сочетании друг с другом. «Насест для попугая», например, дает еще лучшие результаты, если он сочетается с пыткой электрическим током или ударами деревянной лопаточкой.

Самой любимой пыткой Айлтона был, видимо, «насест для попугая», и он с удовольствием объяснял слушателям ее преимущества. «Она начинает действовать, — говорил

он, — когда заключенный уже не может держать шею прямо. Если шея у него начинает запрокидываться, значит ему уже больно».

Не успел Айлтон сказать это, как заключенный, привязанный к «насесту для попугая», запрокинул голову назад. Айлтон рассмеялся и подошел к нему поближе. «Нет, так не пойдет, — сказал он. — Он просто притворяется. Смотрите!» Айлтон схватил заключенного за голову и энергично потряс ее. «Шея у него еще крепкая. Он лишь прикидывается. Он еще не устал и пока не готов говорить».

Есть здесь и другие тонкости, говорил лейтенант. Электрический ток, поучал он, можно использовать где угодно и когда угодно. Но при этом необходимо следить за напряжением. Вы же не хотите, чтобы заключенный умер. Вам нужно лишь заставить его говорить. Затем он стал зачитывать цифры: напряжение и продолжительность допустимого воздействия на организм человека. Мурило, все еще стоявший на консервных банках (ноги у него были уже все в крови), пытался запомнить цифры, но боль теперь была такой острой, что ни о чем другом он уже думать не мог.

Есть еще один метод, продолжал Айлтон, который сегодня демонстрироваться не будет. Он дает прекрасные результаты. Речь идет об эфирных инъекциях в мошонку. Эти инъекции причиняют заключенному острую боль, и у него тут же возникает желание говорить.

Лейтенант рекомендовал также (не демонстрируя в тот день) еще один метод извлечения информации под названием «афогаменто»: заключенному запрокидывают назад голову и начинают вливать в ноздри воду. Чтобы продемонстрировать, что сила удара от электрического тока увеличивается, если кожа у человека влажная, один из охранников облил водой заключенного, привязанного к «насесту для попугая», и включил ток, с тем чтобы все видели, что его тело задергалось еще сильнее. Заключенный стал кричать, и тогда охранник сунул ему в рот носовой платок. Айлтон жестом показал, что этого делать нельзя. «Обычно кляп применять не следует, — сказал он не без некоторого лукавства. — Ведь если у заключенного будет закрыт рот, как он тогда сможет что-то сказать?»

Занятия продолжались уже 40 минут, и все это время, пока Айлтон давал пояснения, заключенных непрерывно пытали. Теперь уже все видели, что Маурисио, опутанный двумя длинными проводами, испытывал невыносимую

боль. Приставленный к нему охранник все увеличивал напряжение, пока не превысил допустимую величину. Маурисио, не в силах больше терпеть, всем телом рухнул со сцены прямо на чей-то стол. Это вызвало злорадный смех. Военные стали сталкивать его со стола, бить и пинать ногами. Все это сопровождалось грубыми шутками.

Мурило, несколько оправившийся от боли, с удивлением отметил про себя, что эти люди, все 80 человек, смеялись на протяжении всей лекции. Конечно, не так громко, как в тот момент, когда Маурисио свалился со сцены на стол, но все же смеялись. Смеялись откровенно, не стесняясь, хотя это никак не вязалось с тем, что происходило на сцене.

«Я вот мучаюсь здесь, — думал Мурило, — а эти веселятся». Веселились, правда, не все. Сержанту Монте во время пыток стало дурно, и он пулей вылетел на свежий воздух. Такая чувствительность немало удивила Мурило, поскольку тот же Монте как-то приказал младшему сержанту пытать Мурило электрическим током.

Занятия подходили к концу. Мурило хотел запомнить всех, кто принимал непосредственное участие в пытках. Конечно, может статься, что живым ему отсюда не выйти, но если все же он окажется на свободе, то этого так не оставит. Итак, Айлтон, Монте и сержант Ранжел из «Вила-Милитар». Последнего Мурило запомнил хорошо. Как-то он вернулся в камеру из комнаты для свиданий с пачкой сигарет, которую ему там тайно передали. Ранжелу кто-то шепнул, что то ли сам Мурило, то ли его брат Анжело получил сигареты, и тогда сержант приказал избить деревянными лопаточками обоих. В конце концов сержант нашел сигареты и прикарманил их.

Айлтон спросил, есть ли у кого вопросы по поводу только что продемонстрированных пыток. Вопросов не было.

Мурило стащили с консервных банок и увели вместе с другими. В коридоре он встретил своего брата и еще одного заключенного по имени Жулио Бетанкур. Их вели, чтобы продемонстрировать новые пытки. На Жулио показали пытку, которая называлась «телефон». Охранник складывал ладонь в виде раковины и бил заключенного по ушам до тех пор, пока тот не терял слух. Об этом Мурило узнал позже. Что Айлтон демонстрировал на его брате Анжело, Мурило так и не узнал.

Вернувшись в камеры, заключенные почувствовали еще большее отвращение и ненависть к тюремщикам. (Охран-

ники помалкивали.) Лежа в нарах, Мурило услышал, как один из заключенных крикнул в пустое пространство: «Сволочи!» Другой все время повторял: «Это конец света. Это конец света».

Мурило тоже думал о только что пережитом. Все это время, вспоминал он, его больше всего волновало одно: как всем своим видом показать, что испытываешь невыносимую боль, иначе тебя снимут с консервных банок и подвергнут новой пытке. Конечно, острые края железных банок больно врезались в ступни, но боль эту все-таки можно было терпеть. Пытка же электрическим током была невыносима. Вот почему он гримасничал, показывая, что не может больше терпеть, и тайно надеясь, что его не постигнет участь Маурисио.

Он уже не испытывал никаких эмоций. Ему не было стыдно за то, что его использовали как подопытного кролика. Он не злился на тех, кто над ним смеялся. И к Маурисио он уже не испытывал никакого сочувствия. Чувство самосохранения заслонило все. Он думал лишь о том, как бы его самого не сняли с консервных банок и не стали пытать электрическим током.

Вот и еще один день прошел. Главное — он жив, а ноги заживут. Эта мысль успокоила Мурило, и он почувствовал какую-то умиротворенность. Он знал теперь, что после всего пережитого в этот день никогда не обидит ни одного человеческого существа и не причинит ему боли, как бы его на это ни провоцировали.

Когда Дэн Митрионе попросил Байрона Энгла вновь направить его куда-нибудь за границу, шеф Управления общественной безопасности сразу догадался, что это вызвано материальными соображениями. На то жалованье, которое Митрионе получал здесь, в Америке, трудно было прокормить такую многодетную семью (шестеро из девяти детей все еще жили с Дэном в одном доме).

В Международной полицейской школе Митрионе числился хорошим инструктором. Звезд с неба он, правда, не хватал, но занятия проводил добросовестно и со знанием дела. У него выявилась способность запоминать имя и фамилию слушателя с первого же раза (особенно легко ему давались испанские и португальские фамилии). Но полного удовлетворения от работы Митрионе все же не испытывал. Весной 1969 года Энгл вызвал его к себе и сказал, что решил удовлетворить его просьбу и вновь направить советником в Латинскую Америку.

— Мы тут подумали немного, куда бы еще тебя послать, — начал Энгл.

— В общем, мне и в школе хорошо, — попытался было скрыть охватившую его радость Митрионе.

— Да, но что ты скажешь насчет Уругвая?

— Босс, — ответил Митрионе, отбросив в сторону всякое притворство, — когда надо ехать?

Через шесть лет после убийства Митрионе Энгл будет говорить, что тогда, в 1969 году, даже не слышал о «тупамарос» — повстанческом движении, набиравшем в Уругвае все большую силу. Он будет также отрицать, что остановился на кандидатуре Митрионе потому, что тот уже имел соответствующий опыт работы полицейским советником в Бразилии. Энгл предпочел тогда выставить себя в роли бесхитростного и даже несколько наивного администратора,

а не знающего и компетентного профессионала, направлявшего надежного и исполнительного полицейского туда, где тот наилучшим образом будет проводить американскую политику. Вспоминая тот разговор, Энгл утверждал, что говорил Митрионе об Уругвае не как о неспокойной стране, а как об «одном из самых приятных и безмятежных уголков» мира.

Если верить Энглу, то он, должно быть, просто игнорировал все оперативные сводки, ежемесячно поступавшие из Уругвая прямо к нему на стол. Сводки эти (так называемые «формы У-127» с грифом «секретно») присылались Адольфом Саенсем, старшим полицейским советником, которого теперь собирался сменить Митрионе. В этих документах в мельчайших подробностях сообщалось о текущих политических проблемах Уругвая: забастовках рабочих, студенческих волнениях, движении повстанцев, называвших себя «тупамарос». Когда те похитили 40 единиц оружия и 140 кг динамита и начали распространять листовки, Саенс немедленно сообщил об этом в Вашингтон. Когда кто-то из «тупамарос» попадал в руки полиции, его имя и фамилия тут же передавались в США для занесения в картотеки американских спецслужб.

Несмотря на сделанные впоследствии опровержения, сейчас уже совершенно ясно, что Митрионе отправлялся в Уругвай, хорошо понимая, что главная его задача будет состоять в повышении эффективности деятельности местной полиции по борьбе с повстанческим движением. Уругвай вовсе не был синекурой. Легких командировок в то время вообще становилось все меньше и меньше. В мире ширилась волна сопротивления и протестов, и Управлению общественной безопасности было все труднее отбиваться от критики используемой американскими советниками тактики. Весьма скверные сообщения поступали из Афин (где, по мнению греков, ЦРУ готовило заговор с целью осуществления военного переворота), из Португалии (где Вашингтон уже несколько десятилетий подряд поддерживал диктатора) и из Южного Вьетнама (откуда теперь чаще всего приходили вести о чинимых там зверствах).

Сотрудники ПИДЭ (Главного управления безопасности Португалии) хвастались перед своими жертвами, что школьного образования им теперь уже недостаточно, поскольку чрезвычайно усложнились методы ведения допроса. Ни у кого, конечно, не вызывало сомнения, кто именно стоял за возросшим уровнем технической оснащенности

ПИДЭ. Сотрудники посольства США в Лиссабоне регулярно посещали штаб-квартиру ПИДЭ. Директор следственного отдела этого управления был также представителем Португалии в Интерполе, а четыре ответственных сотрудника португальской разведки в конце 60-х годов совершили инспекционную поездку в Бразилию.

Что касается Вьетнама, то там в большинстве случаев жертвы среди гражданского населения были безымянными для американских войск. Исключения все же были. Так, например, вьетнамская вдова по имени Нгуен Тхи Нян начиная с 1969 года несколько раз арестовывалась в Сайгоне по обвинению в принадлежности к Фронту национального освобождения. В полицейском управлении ее пытали электрическим током и издевались над ее женским достоинством. За пытками наблюдали три человека в американской военной форме. Полицейские сказали, что эти трое — сотрудники ЦРУ. Один из них приказал производившему допрос вьетнамцу воткнуть ей под ногти иголки.

Другая вьетнамская женщина, по имени Нгуен Тхи Бо, была арестована в том же году в Дананге, поскольку не имела при себе ни удостоверения личности, ни денег на взятку полиции. В полицейском участке над ней надругались, а затем окунули головой в унитаз с нечистотами. Через некоторое время ее отвезли в полицейский участок в Нон Муок. Там ее допрашивали пять американских агентов, одетых в зеленую маскировочную форму. Связав женщину, трое американцев стали избивать ее ногами.

Эти и подобные истории дискредитировали американские спецслужбы. Этим, однако, все не исчерпывалось, хотя широкая общественность пока ничего не знала о том, что Соединенные Штаты создавали специальные лагеря, где отрабатывались приемы применения пыток. Эти лагеря всегда выдавались за школы, где инструкторы обучали своих подопечных методам выживания. Два таких секретных лагеря (один на северо-западе штата Мэн, а другой — в Калифорнии неподалеку от Сан-Диего) находились в ведении ВМФ. Одна из пыток заключалась в следующем: матросов привязывали к полу спиной вниз, покрывали лицо полотенцем и поливали затем холодной водой до тех пор, пока те не начинали захлебываться и у них не начинался приступ рвоты. Военный врач стоял на всякий случай рядом, следя за тем, чтобы кто-нибудь из матросов не захлебнулся насмерть.

Нечто аналогичное практиковалось и в сухопутных войсках. Дональд Данкен, служивший в частях «зеленые береты», прошел курс подготовки в Форт-Брагге. Сержант-инструктор, рассказывая о методах допроса военнопленных, детально описал целый ряд пыток, включая использование миниатюрных тисков, в которых зажимались мужские половые органы. Один из курсантов не выдержал и спросил: «Вы что, хотите сказать, что мы действительно будем применять все эти методы на практике?»

Все засмеялись. Инструктор нахмурил брови и нарочито серьезным голосом сказал: «Нет-нет, сержант Гаррисон. Этого мы вам сказать не хотим. Американские матери нас тогда просто не поймут». Его цинизм вызвал новый взрыв смеха. «К тому же, — добавил он, хитро подмигнув, — мы ведь никому не скажем, что нас этому обучают или что мы применяем все это на практике».

Обучение методам пыток не ограничивалось Северной Америкой. Бразильские военные построили на острове Нитерой по другую сторону залива в Рио лагерь, в точности похожий на тот, где проходили военную подготовку «зеленые береты». Курсантам подолгу не давали спать, морили голодом, сажали в клетки и распинали на крестах. Последняя пытка оказалась весьма эффективной. Провисев на кресте 18 часов, бразильские солдаты начинали признаваться в грехах, которых никогда не совершали.

Все это привело к тому, что в 1969 году Управление общественной безопасности столкнулось с рядом серьезных проблем. Его связи с ЦРУ, причастность к войне во Вьетнаме, схожесть поступающих из разных уголков мира сообщений о применении пыток наносили политический урон программе полицейской консультативной помощи. И что еще хуже, повстанческое движение (особенно в Латинской Америке), судя по всему, ширилось. Что касается движения «тупамарос» в Уругвае, то, по мнению управления и американских военных, оно представляло особую опасность для существующего порядка во всем Западном полушарии.

Как и Жан-Марк в Бразилии, Рауль Сендик Антонасио в Уругвае был человеком, созданным, казалось, для безмятежной и счастливой жизни. Родился он и вырос в семье мелкого землевладельца в департаменте Флорес. Но все, что окружало его там, особой радости ему не приносило, и он перебрался в Монтевидео, где стал жить в квартале

бедняков. Там он вступил в организацию молодых социалистов. Когда до получения диплома юриста ему оставалось сдать всего один экзамен, Сендик неожиданно бросил учебу и уехал в Артигас, расположенный в 720 км от Монтевидео. Там он вызвался работать юрисконсультом в новом профсоюзе сборщиков сахарного тростника. Труд этих людей оплачивался талонами, которые можно было обменять на товары лишь в местной лавке. Сборщики тростника жили в хижинах, построенных ими же по периметру плантации. Когда сбор урожая заканчивался, плантаторы поджигали хижины, и люди вынуждены были уходить в другое место. Работать их заставляли по 16 часов в сутки. Любая попытка объявить забастовку немедленно пресекалась полицией.

Сборщики сахарного тростника составляли бессловесную и беспомощную часть уругвайского общества, ту статистически незначительную его долю (всего 9 процентов), которая не умела ни читать, ни писать. Когда же наконец они обрели свой голос, он зазвучал голосом молодого социалиста Сендика.

Кто знает, возможно, он считал, что, как только просвещенные сограждане узнают о тяжкой доле сельскохозяйственных рабочих, они тут же поднимутся на борьбу против социальной несправедливости. А может быть, Сендик стал работать в профсоюзе исключительно из чувства долга. Люди, знавшие его еще в то время, говорили, что Сендик никогда не верил в торжество своего дела, но все равно честно и верно служил ему.

Каковы бы ни были мотивы его действий, в 1962 году Сендик возглавил марш протеста сборщиков сахарного тростника, решивших отправиться со своими жалобами в Монтевидео. Участники марша требовали принять закон, который ограничивал бы их рабочий день 8 часами, т. е. стал бы по продолжительности таким же, каким он был для других рабочих и служащих. Уругвайская пресса подробно освещала ход марша. В результате была создана инспекционная группа, которая отправилась в Артигас и вскоре подтвердила, что условия работы сборщиков сахарного тростника действительно такие, какими они их описывали.

Тем не менее никакого закона принято не было. Городской «средний класс» был занят своими проблемами: инфляцией, безработицей, растущим внешним долгом, коррупцией. Последняя проблема стояла особенно остро,

Граждане, не сумевшие вовремя дать взятку нужному чиновнику, могли лет десять ждать, пока будут надлежащим образом оформлены документы, представленные ими на получение государственного пособия. Банки, управляющие предприятиями, суды — все обирали народ, одновременно запуская руку и в государственную казну.

Сендик попытался было организовать еще один марш протеста, но вскоре понял, что его требования звучат слишком радикально для городского профсоюзного руководства, тесно связанного с управляющими. Поняв, что вызывает лишь раздражение у членов самоуспокоившейся социалистической партии, Сендик порывает с ней, а заодно и с профсоюзами. Он ставит перед собой задачу вывести Уругвай из состояния самодовольного безразличия.

В 1963 году уругвайские газеты поместили сообщение, вызвавшее недоумение у большинства читателей. Банда взломщиков проникла в «Суис-клаб» — охотничий клуб неподалеку от Монтевидео — и похитила старое и не имеющее никакой ценности оружие. В группу входили пять человек. Одним из них был Сендик, другим — врач, состоявший членом клуба и имевший кличку Локо.

Но это было лишь начало. Несколько позже другие злоумышленники совершили дерзкое нападение на таможенных чиновников на уругвайской границе и отобрали у них оружие. Хотя особый отдел полиции и догадывался, что все эти случаи похищения оружия были каким-то образом взаимосвязаны, информация была пока слишком отрывочна, и общая картина стала вырисовываться лишь к 1965 году.

Все стало окончательно ясно после одного совещания. Члены Компартии Уругвая, выступавшие за работу в условиях легальности и за участие в выборах (как это делал Сальвадор Альенде в Чили), согласились встретиться с возражавшими против такой политики левыми группировками, считавшими, что последние события в Бразилии — предвестники аналогичной реакции властей во всех странах Латинской Америки. Так появились «тупамарос», официально называвшие свою организацию «Движением национального освобождения». Полицейские сыщики считали их «наиболее образованными и подготовленными».

Со временем «тупамарос» тоже внесли свой вклад в теорию революционного движения. Но в начале своей дея-

тельности практические результаты ставились ими выше теории. Их лозунг гласил: «Слова нас разделяют, действия — сплачивают».

Решение воздержаться от широковещательных заявлений и осуществить ряд практических партизанских акций было рассчитано на завоевание симпатий уругвайских либералов. В течение 1965 года «тупамарос» предприняли ряд диверсионных актов против дочерних североамериканских компаний. При этом они не пытались кого-либо изувечить или убить. Их бомбы взрывались с одной лишь целью — обратить на себя внимание общества. Поэтому повсюду они оставляли листовки, подписанные: «Тупамарос». Название происходит от имени последнего вождя инков Тупак Амару *. Его имя принял один из вождей индейских племен, в 1780 году возглавивший восстание против испанских завоевателей в Перу. Несмотря на то что имя было благородным, а дело — священным, восстание было подавлено, а сам Тупак Амару — четвертован на площади.

Поначалу новая группа стремилась избегать прямой конфронтации с полицией. Эта тактика вызвала у Байрона Энгла лишь презрение. Он называл их трусами, неспособными вступить в открытую схватку. А на другом краю земли, во Вьетнаме, генерал Уильям Уэстморленд бросал те же обвинения в адрес Фронта национального освобождения.

В те редкие моменты, когда «тупамарос» действовали открыто, они занимались благотворительной деятельностью. Однажды в декабре 10 неизвестных юношей угнали грузовик с продовольствием, отправились на нем в беднейший район Монтевидео и стали раздавать бедным индеек и бутылки с вином. Тайно проникая на интендантские склады, «тупамарос» уносили с собой полицейскую форму и потом, переодевшись, грабили банки. Если в это время в банке оказывались вкладчики, «тупамарос» настаивали, чтобы служащие банка выполнили все требуемые операции. Это делалось для того, чтобы не вкладчики, а банки расплачивались за понесенный ущерб. Однажды «тупамарос» ворвались в казино и конфисковали всю

* Тупак Амару возглавил борьбу индейцев с целью восстановления государства инков (казнен в 1571 году). Впоследствии так себя стали называть многие руководители борьбы против испанских завоевателей в Перу. — *Прим. перев.*

выручку. На другой день, когда крупье пожаловались, что конфискованные деньги включали и их чаевые, «тупамарос» часть денег вернули.

7 августа 1968 года «тупамарос» предприняли качественно новый шаг. Они похитили Улисеса Перейру Ревербелу, ближайшего друга президента Хорхе Пачеко Ареко, и посадили его, как они заявили, в «народную тюрьму». С точки зрения возможного общественного резонанса трудно было подыскать лучшую кандидатуру для похищения. Перейра, некогда убивший разносчика газет за то, что тот вручил ему экземпляр газеты с критикой в его адрес, пользовался репутацией самого ненавистного человека в Уругвае.

Перейру продержали в заточении всего четыре дня. Но и этого было достаточно, чтобы заставить уругвайцев поднять на смех и саму жертву, и полицейское управление, и президента. Когда Перейра вновь появился на улицах города не только в полном здравии, но и заметно пополневшим, бедняки Монтевидео шутили: «Тупамарос», схватите теперь меня!».

Пока «тупамарос» разыгрывали этот «театр», правительство Уругвая предприняло шаги, весьма далекие от целей, к которым стремились повстанцы. В 1950 году Уругвай стал членом Международного валютного фонда. И вот теперь правительство, воспользовавшись этим, стало делать иностранные займы (в основном у США), чтобы покрыть потери, связанные с засухой и падением мировых цен на мясо и шерсть.

«Тупамарос» избрали собственный путь, пытаясь убедить уругвайцев в необходимости реформ. Но большинство из них и без того понимало такую необходимость хотя бы потому, что инфляция в стране достигла 136 процентов. Стремясь преобразовать структуру власти, избиратели проголосовали за упразднение Исполнительного совета из девяти членов и за возвращение к прежней системе единоличного правления одним президентом. В марте 1967 года президентом страны был избран генерал Оскар Хестидо, который, однако, не дожил и до конца года. Его место занял вице-президент Хорхе Пачеко Ареко. Не успев вступить в должность, он истерично завопил: «Это все коммунисты!»

Филип Эйджи, имевший почти шестилетний опыт оперативной работы, весьма успешно потрудился в Уруг-

вае и помог ЦРУ осуществить одну из своих главных целей. Американское разведуправление в основном завершило создание там сети своих обычных учреждений, включая филиал Американского института развития свободных профсоюзов, довольно активно действовавший под вывеской профсоюзной организации. Кроме того, в Монтевидео было создано специальное управление секретной полиции, тайно курировавшееся ЦРУ.

Начальником этого управления был молодой и честолюбивый комиссар полиции по имени Алехандро Отеро. Успешно сдав все квалификационные экзамены, он обошел по службе многих полицейских офицеров с бо́льшим опытом работы. Как и Эйджи, ему было 30 лет с небольшим. Хотя в управлении его считали «испорченным ребенком», с Эйджи они поладили быстро.

Худощавый, темноволосый и даже красивый, Отеро не уступал в уме и смекалке своему бразильскому коллеге Флеури. Однако его борьба с повстанцами никогда не отличалась столь беспощадной убежденностью. Несмотря на всю свою энергию и целеустремленность, что-то в Отеро заставляло людей невольно улыбаться (возможно, его нарочитая официальность и торжественность). Кроме того, он был слишком уж озабочен отношением к себе своих коллег, поскольку был уверен, что те готовят против него заговор (ведь он обошел их по службе). Вот почему в полицейском управлении в Монтевидео скучать не приходилось: каждый день там живо обсуждалась какая-нибудь очередная шумная склока, устроенная Отеро, или новая демонстрация им своего «я».

Весной 1966 года ЦРУ направило Отеро в США на обучение в Международной школе полицейской службы. Считалось, что школа находится в ведении Агентства международного развития США, но Отеро был достаточно умен, чтобы понять, что скрывается за этой вывеской. После школы Отеро был на несколько недель направлен на специальные курсы, находившиеся непосредственно под контролем ЦРУ.

К тому времени Отеро уже получал деньги от ЦРУ. Филип Эйджи давно знал, что его шефы в Вашингтоне начинали гораздо больше доверять своим агентам за границей, если те соглашались принимать американские доллары. ЦРУ применило свой старый и испытанный прием не только в отношении других полицейских офицеров, но и в отношении самого Отеро. Прием этот заключался в

следующем. Сотрудник ЦРУ сначала говорит, что работа в новой должности или занятие новым видом деятельности сопряжено с большими расходами. Поскольку бо́льшая часть получаемой информации представляет интерес для Вашингтона, продолжает он далее, было бы лишь справедливо, если бы и Соединенные Штаты взяли на себя часть расходов. И тут же предлагает деньги. Сумма эта значительно превышает всякие разумные пределы возможных дополнительных расходов. Но это не смущает сотрудника ЦРУ, и он небрежно бросает: «Пусть это вас не беспокоит. Учитывая инфляцию и растущие расходы по воспитанию детей, полицейскому никогда не хватает своего жалованья. Оставьте деньги себе на покрытие тех расходов, которые не предусмотрены вашим жалованьем». В зависимости от реакции подкупленного полицейского сотрудник ЦРУ сам решает, увеличивать или нет (а если увеличивать, то насколько) размер суммы, выплачиваемой тому ежемесячно. Делается это до тех пор, пока уже ни тот, ни другой не сомневаются, что местное должностное лицо получает теперь еще и жалованье от правительства Соединенных Штатов.

Отеро поддался соблазну. Находившиеся в Уругвае агенты ЦРУ думали, что после обучения в США тот, вернувшись на родину, тут же вступит в борьбу с новым отрядом повстанцев, называвших себя «тупамарос». Отеро, однако, не отличался особой приверженностью к политике. Его больше интересовало укрепление собственного положения в полиции, поэтому вскоре по прибытии он вновь оказался замешанным в очередную внутриведомственную интригу.

Таким образом, успех по вербовке Отеро местной агентурой ЦРУ был лишь частичным. С другим своим заданием она справилась значительно удачнее. Уже много лет ЦРУ хотело внедрить в Уругвай полицейских советников из Управления общественной безопасности. И вот наконец уругвайское правительство согласилось. Но когда в Монтевидео в качестве руководителя такой группы прибыл человек по имени Адольф Саенс, Эйджи и его коллеги вскоре поняли, что тот им только мешает. К еще большему их огорчению, Саенс постоянно приходил точить лясы в местный офис ЦРУ.

Этого, однако, никому делать не разрешалось. В лучшем случае к советникам из Управления общественной безопасности в ЦРУ относились терпимо. Саенс же, этот

бывший полицейский из Лос-Анджелеса, не заслуживал и того. Всякий раз, когда он вваливался к ним без всякого предупреждения, агенты ЦРУ всеми способами пытались дать ему понять, чтобы он занимался исключительно делами полиции: о разведке они как-нибудь сами позаботятся. Большинство полицейских советников в аналогичной ситуации сразу понимало, как нужно себя вести, и начинало после этого с еще бо́льшим уважением относиться к коллегам из ЦРУ. Но Саенс был непробиваем. Как только он уходил, начальник «станции» ЦРУ Джон Хортон покачивал головой и в отчаянии разводил руками. Вскоре приехал Сизар Бернал (он тоже был с юго-западного побережья и служил в свое время в Панаме), и все сотрудники ЦРУ в один голос заявили, что тот еще хуже, чем Саенс.

Если в конторе ЦРУ появление Саенса особой радости не вызывало, то в его собственном кабинете в здании полицейского управления Монтевидео всегда можно было теперь потолковать о чем-нибудь или просто пообщаться. Казалось, он всегда готов был тут же отложить работу, чтобы выслушать или рассказать какую-нибудь забавную историю или шутку, поэтому местные полицейские с удовольствием вертелись у него в кабинете.

Здание полицейского управления, находящееся на пересечении улиц Сан-Хосе и Йи, представляло собой массивное каменное строение с полыми колоннами, предназначенными для того, чтобы как-то скрасить унылость его фасада и монотонность похожих на иллюминаторы окон. Когда возросла угроза нападения со стороны «тупамарос», шеф полиции приказал установить у каждой двери небольшие деревянные будки для охраны. Внутри здания стены были окрашены в грязно-розовый и зеленоватый цвета. Это, пожалуй, лучше, чем импозантное здание, соответствовало действительному статусу полицейского в Уругвае. Новобранец получал 36 долларов в месяц, а этого даже по уругвайским стандартам было мало.

Контора американских полицейских советников в Уругвае представляла собой небольшую комнату, разделенную перегородками на четыре отсека. Все понимали, что Уильям Кантрелл — «оперативник» ЦРУ, работавший под «крышей» Управления общественной безопасности, — часто в таком помещении появляться не будет. К большой досаде местной «станции», тот до сих пор еще не приехал в Уругвай. Его направили туда из Вьетнама, но перед этим

он должен был заехать в Вашингтон и пройти ускоренный курс испанского языка. В Уругвае ему предстояло заниматься главным образом оперативной работой. Для него уже и шофер был выделен — уругваец Нельсон Бардесио.

В марте или апреле 1967 года полковник Сантьяго Акунья, начальник штаба полиции, представил Бардесио Кантреллу. Рядом они выглядели довольно комично: длинный и худощавый американец и его шофер-коротышка. В Управлении общественной безопасности к Бардесио относились весьма холодно. Официально тот был простым фотографом из полиции. В самом полицейском управлении Монтевидео его соотечественники, однако, знали, что Бардесио выполняет и более важные поручения. Правда, никто толком так и не понял, почему выбор американцев пал именно на него.

Чем больше уругвайцы узнавали об американской программе подготовки полицейских в Монтевидео, тем настойчивее они задавались вопросом, какими, собственно, критериями те при этом руководствуются. Кантрелл (тихий и осторожный человек) был многим известен в городе как сотрудник ЦРУ. Он разгуливал по улицам с видом человека, весьма довольного собой. Но как можно быть довольным собой, когда имеешь дело с такими людьми, как Бардесио (человеком явно слабым) и кубинцем Мануэлем?

Последний выдавал себя за кубинского эмигранта. Приходя в контору полицейских советников, он всякий раз усаживался где-нибудь в углу, изредка вставляя одно-два слова, и что-то задумчиво рисовал на бумаге. Говорили, что он ушел от жены и детей, которые остались теперь на Кубе. Именно поэтому он и запил. Кроме того, все были уверены, что Мануэль ненавидит Фиделя Кастро.

Однако даже без специальной подготовки в ЦРУ простые уругвайцы, работавшие в полицейском управлении обыкновенными клерками, вскоре заметили, что, хотя Мануэль и не защищал Кастро, плохо о нем он тоже не отзывался. К тому же, выудив из корзины бумажки, на которых тот что-то рисовал, они увидели, что это почти всегда были контуры острова Куба. Затем в один прекрасный день Мануэль неожиданно улетел в Гавану, и все вскоре узнали, что все это время он работал на кубинскую разведку.

В частных беседах Саенс признавался, что не доверяет Мануэлю. Однако, как заметил Бардесио, хотя Саенс и слыл человеком, любившим совать нос в чужие дела, в дела Кантрелла он все же вмешиваться не рискнул. К тому же Кантрелл был независим в финансовом отношении: деньги к нему поступали непосредственно из американского посольства, а не из Агентства международного развития.

Бардесио начал работать в штаб-квартире Управления разведывательных служб, находящейся на пересечении двух авеню: 18 июля и Хуан Пальер. Через Кантрелла он и другие уругвайцы (одни из них были полицейскими, другие просто сотрудничали с полицией) получили различное фотооборудование, портативную радиостанцию и другое снаряжение, которое предназначалось для некой «службы информации».

Каждое утро Бардесио заезжал за Кантреллом на посольском джипе и отвозил его в это новое разведучреждение. В полдень он отвозил Кантрелла в посольство, а часов в 5—6 вечера вновь привозил домой.

Сводки о проделанной работе посылались «службой информации» в американское посольство ежедневно. И шеф полиции, и министр внутренних дел знали об этом. Оба также знали, что уругвайскими законами это запрещено.

Кантрелл частенько навещал инспектора Антонио Пиреса Кастаньета (агента ЦРУ). В число других агентов ЦРУ, связанных с местным полицейским управлением, входили полковник Вентура Родригес (шеф полиции города Монтевидео), Карлос Мартин (заместитель шефа полиции), Алехандро Отеро и инспектор Хуан Хосе Брага (лично пытавший заключенных).

Пытки не были чем-то новым в Уругвае. Еще до того, как президент Пачеко объявил войну коммунизму, в местных тюрьмах частенько избивали гангстеров и уголовников. Но применение насилия в отношении политических заключенных официально считалось зверством, от которого в Уругвае якобы уже давно отказались (как, впрочем, и от смертной казни).

Филип Эйджи, однако, узнал, что это не так, когда вместе с Джоном Хортоном, начальником «станции» ЦРУ, они приехали к полковнику Родригесу, шефу полиции

Монтевидео. Американцы хотели вовлечь Родригеса в разработанный ЦРУ план с целью заставить правительство Уругвая разорвать дипломатические отношения с Советским Союзом.

План был довольно хитроумным. Дик Конноли, «оперативник» ЦРУ, сфабриковал для передачи в Советское посольство материалы о подрывной деятельности в профсоюзном движении Уругвая. Другой агент ЦРУ, Роберт Х. Рифи, сочинил «документы» о левых руководителях в уругвайских профсоюзах, которые перекликались с фальшивкой Конноли. Таким образом эти материалы должны были доказать, что готовится заговор. Сфабрикованные материалы предполагалось тайно передать какому-нибудь политическому деятелю Уругвая, который затем воспользуется ими в качестве предлога для разрыва дипломатических отношений с СССР. Чтобы придать своим материалам видимость «достоверности», Хортон и Эйджи решили сначала ознакомить с ними шефа полиции.

Когда Родригес стал просматривать фальшивку, Эйджи услышал какой-то странный звук — сначала тихий, а затем все более громкий. Эйджи прислушался: это был крик человека. Наверное, уличный торговец, подумал он. Родригес приказал помощнику включить радио погромче: в это время как раз передавали репортаж о футбольном матче. Но затем отчетливо послышался стон, перешедший в громкий крик. Шеф полиции приказал еще больше увеличить звук, но крик был настолько пронзительным, что все равно заглушал передачу.

И тогда Эйджи понял: в небольшой комнате над кабинетом Родригеса пытали человека. Он подозревал, что этим человеком был Оскар Бонауди — один из левых, которого Эйджи лично рекомендовал Отеро взять под стражу. Крик продолжался. Родригес наконец одобрил материалы ЦРУ, и Хортон и Эйджи, завершив на этом свою миссию, направились к ожидавшему их «фольксвагену», на котором и вернулись в посольство.

Уругвайская полиция не переставала изумлять большинство сотрудников ЦРУ своей некомпетентностью, и повысить ее дееспособность, казалось, не было никакой надежды. Именно это больше всего огорчало таких людей, как Саенс, который искренне гордился своей работой и поэтому просто не мог видеть всего комизма сложившейся ситуации. Джон Хортон, однако, относился к категории более циничных «оперативников» ЦРУ. Поэтому,

возвращаясь в посольство и вспоминая о доносившихся сверху звуках, он лишь снисходительно усмехнулся.

Вскоре Отеро подтвердил, что тогда Эйджи слышал действительно крик Бонауди. Когда тот отказался давать показания, Брага, заместитель начальника следственного отдела, отдал приказ подвергнуть его пыткам. Бонауди непрерывно избивали в течение трех дней. Узнав об этом, Эйджи решил больше не сообщать полиции никаких имен до тех пор, пока там будет работать Брага.

Уже не первый раз служба заставляла Эйджи задуматься. Он уже не относился с таким восхищением к тайной агентурной работе. Ему все меньше нравились все эти клички и вымышленные имена, в которых фамилия всегда писалась прописными буквами: Дэниел Н. ГАБОСКИ (вместо Неда Холмана), Клод В. КАРВАНАК (вместо Боба Рифи), Джерими С. ХОДАПП (вместо Филипа Эйджи).

Его беспокоили также и другие аспекты службы. Еще в Вашингтоне в программу обучения была включена проверка благонадежности лиц, списки которых представляла компания «Стандард ойл». Это делалось для того, чтобы удостовериться, что на ее предприятиях за границей нет людей с левыми взглядами или подрывных элементов. Списки из Каракаса приходили каждую неделю. «Креол петролиум» (дочерняя компания рокфеллеровской нефтяной империи) содержала там в своем штате офицера безопасности — бывшего агента ФБР, поддерживавшего тесные связи с ЦРУ.

Тогда проверка лояльности была всего лишь частью учебной программы. Теперь же, когда Эйджи приступил к оперативной работе, такие неофициальные проверки приходилось делать регулярно для местных филиалов американских корпораций. Каждую неделю 7—8 американских бизнесменов встречались в Монтевидео со своим послом и начальником «станции» ЦРУ. В число бизнесменов входили, в частности, глава местного филиала «Дженерал электрик» и представитель компании «Лоун стар симент». (Представитель компании «Интернэшнл харвестер» не был членом этого «клуба», так как имел репутацию болтуна.) Проверка лояльности проводилась на основе досье, составленных местной «станцией» ЦРУ.

Узнав, в каких целях используется передаваемая им информация, Эйджи не нашел ничего лучшего, как не называть больше полиции никаких имен. А может, заявить протест по поводу пыток? Нет, это ничего не даст. Эйджи

был уверен, что никто его и слушать не станет. К протестам могут прислушаться лишь в том случае, если они будут исходить либо от начальника «станции» ЦРУ, либо от американского посла. Снисходительный смешок Хортона красноречиво говорил, что от него такого протеста ждать не приходится. Что же касается посла, то в тиши своего служебного кабинета тот вряд ли слышал крики тех, кого пытают.

Незадолго до прибытия Митрионе в Уругвай репутация Кантрелла в американской миссии пошатнулась. Скандал, связанный с кубинцем Мануэлем, он еще както пережил, но теперь стали циркулировать слухи о том, что все его неприятности были в конечном счете связаны с денежными махинациями. На разведработу в Монтевидео выделялись большие суммы. Значительная их часть шла на взятки осведомителям, которые могли дать информацию о деятельности Компартии Уругвая. Поскольку контроль и ревизию в данном случае производить было трудно, любые статьи расходов могли вызвать подозрение. Кто знает, может, Отеро присваивал себе больше денег, чем было положено? А сам Кантрелл? Был ли он просто небрежен в своих отчетах?

ЦРУ, как правило, отказывалось выделять своих кадровых сотрудников для работы в качестве старших полицейских советников: это было сопряжено с чрезмерным объемом канцелярской работы и необходимостью слишком часто присутствовать на всякого рода церемониях. Вот почему в Уругвае складывалась довольно напряженная ситуация: Кантрелла отзывали, а иметь в качестве старшего советника такого легкомысленного человека, как Саенс, было просто бессмысленно.

Прибывший вместо него Митрионе не был штатным сотрудником ЦРУ. Но уже с первых дней его пребывания в Уругвае местным коллегам стало ясно, что теперь придется распрощаться с прежней легкой жизнью. Американские бизнесмены, захаживавшие бывало к Саенсу, чтобы просто поболтать с ним о том о сем, вскоре поняли, что теперь на его месте сидит человек дела. Одну-две минуты Митрионе мог, конечно, уделить праздным разговорам, сетуя при этом на то, что жалованье совсем не соответствует тем обязанностям, которые на него теперь возложены. Но такие минуты были редкими, и бо́льшую часть своего времени он посвящал работе. Вот почему к тому

моменту, когда в феврале 1970 года Кантрелл был отозван из Уругвая, Митрионе уже полностью руководил всеми полицейскими операциями в стране и добился положения, о котором Саепс и не мечтал.

Смена руководства в конторе Управления общественной безопасности США в Уругвае вызвала многочисленные толки и пересуды в местном полицейском управлении. Но больше всего личностью Митрионе стал интересоваться молодой полицейский офицер по имени Мигель Анхель Бенитес Сеговиа, уже дослужившийся до весьма высокого чина подкомиссара полиции, что было лишь на две ступени ниже инспектора. Быстро продвигаясь по служебной лестнице, Бенитес снискал себе репутацию одного из наиболее непримиримых врагов «тупамарос». Их движение он воспринимал как личное оскорбление и вызов. «Мы должны во что бы то ни стало выловить всех этих мерзавцев!» — злобно рычал он.

Такая злость и грубость претили Отеро. По мнению своих коллег, тот все еще вел себя по отношению к «тупамарос» как доблестный рыцарь, готовившийся вступить в бой с достойным противником. Они с иронией воспринимали уважение, с которым Отеро относился к злоумышленникам и к их хитрой и коварной тактике. Что ж, если Отеро хочет корчить из себя Дон Кихота, это его дело, но они все же пытались убедить его, что тот имеет дело не с ветряными мельницами, а с настоящим врагом.

Что касается самих «тупамарос», то они прекрасно пользовались создавшимся положением. Их дерзость раздражала Отеро, но действовал он весьма нерешительно. Когда полиции удавалось заранее узнать о готовившейся акции, она так долго и неуклюже разворачивалась, что «тупамарос» почти всегда удавалось уйти.

Они по-прежнему изымали деньги из банков, выкрадывали бухгалтерские книги из сейфов финансовых учреждений, а затем предавали гласности попавшую в их руки информацию об уклонении от уплаты налогов и о денежных махинациях высокопоставленных чиновников. Популярность правительства Пачеко падала на глазах, и требования о переменах раздавались все более настойчиво. В ответ на это Пачеко принял чрезвычайные меры по усилению государственной безопасности. Когда газетам было запрещено даже упоминать о «тупамарос» и «национально-освободительном движении», журналисты стали называть повстанцев «безымянными».

Вот какая обстановка сложилась в этом «приятном и безмятежном уголке земли», когда туда приехал Дэн Митрионе. И снова, как и в Рио, он, казалось, устроился неплохо. Семья поселилась в двухэтажном доме на Пилкомайо — тихой улочке в одном из жилых кварталов Монтевидео. Став женой старшего полицейского советника, Ханка начала учить испанский язык и заниматься кое-какой общественной деятельностью. В частности, вместе с другими женщинами из американского посольства она по дешевке распродавала поношенную одежду и другие бывшие в употреблении вещи в благотворительных целях.

«Тупамарос», однако, не позволили новому шефу американских полицейских советников долго устраивать свой быт и вскоре совершили новую дерзкую акцию. Со дня освобождения Перейры Ревербела прошло уже больше года. И вот теперь «тупамарос» похитили еще одного богача по имени Каэтано Пеллегрини, получив за его освобождение выкуп в сумме около 60 тыс. долларов. Митрионе доложил в Вашингтон, что, судя по всему, на эту акцию их вдохновило недавнее похищение американского посла в Бразилии Бэрка Элбрика.

Уругвайские полицейские и сами не чувствовали себя в безопасности. Когда шеф полиции решил, что дети Хорхе Батлье (внучатого племянника великого Батлье *) должны иметь личную охрану, он выделил для этого двух полицейских, вооруженных «кольтами» 38-го калибра. Батлье поговорил с ними и выяснил, что те еще ни разу не стреляли из своих револьверов. (В Уругвае полицейские должны были платить за патроны собственные деньги, а у этих двух их не было.) Батлье пришлось самому купить им по шесть патронов.

Митрионе столкнулся еще с одним распространенным в Уругвае явлением. При задержании преступника полицейский имел право стрелять лишь в воздух. Он мог открыть ответный огонь, но первым стрелять не имел права. Такое ограничение необходимо было снять.

После того как делами полиции стал заниматься Митрионе, приток американского оборудования в Монтевидео (как в свое время в Белу-Оризонти и Рио-де-Жанейро) значительно усилился. Особенно возросли поставки слезоточивого газа, противогазов и полицейских дубинок для

---

* Речь идет о Хосе Батлье-и-Ордоньесе, дважды избиравшемся президентом Уругвая (1903 и 1911 годы). — *Прим. перев.*

усмирения толпы. Более важной, однако, была перемена иного свойства: изменились сами настроения в полиции.

Когда полицейский комиссар Хуан Мария Лукас учился в Международной полицейской школе, Митрионе был одним из его инструкторов. Узнав о назначении своего американского наставника в Монтевидео, тот собрал всех своих заместителей, включая Бенитеса, и сказал: «Вот теперь нам будет на кого опереться в своей работе».

Как и в Бразилии, назначение Митрионе вылилось в возросшее число уругвайцев, прибывающих в Соединенные Штаты на обучение. Теперь, однако, курсанты не ограничивались прослушиванием курса лекций в Международной полицейской школе или в контролируемой ЦРУ системе Международной полицейской службы. После четырех недель учебы в Вашингтоне курсантов направляли в Лос-Фреснос (штат Техас), где в течение одной недели они учились делать бомбы.

Учебный центр в Лос-Фресносе стал причиной того, что Управление общественной безопасности вскоре попало в довольно неловкое положение, когда пресса разнюхала, что им руководит ЦРУ. Представитель управления пытался было оправдаться тем, что в свое время его ведомство просило американское армейское командование взять центр под свою опеку, однако Пентагон отказался. «Возможно, ни на одной базе у них не оказалось свободных помещений», — только и смог сказать он.

Однако все объяснялось гораздо проще. Армейская разведка получила информацию, проливавшую свет на то, чем действительно занималось там ЦРУ, поэтому командование решило не вовлекать в эту деятельность армию. И все же инструкторами в техасской школе были «зеленые береты».

Если бы не одна пикантная деталь, Управление общественной безопасности могло бы достаточно убедительно обосновать необходимость прохождения своими курсантами дополнительного курса в Лос-Фресносе. Действительно, поскольку к тому моменту во многих странах мира участились случаи террористических актов с применением бомб, общественное мнение могло бы удовлетвориться тем доводом, что полиция любой страны должна уметь обезвреживать и уничтожать подброшенные бомбы. Однако проблема заключалась в том, что на руководимых ЦРУ курсах военной подготовки слушателей обучали не обезвреживанию бомб, а их изготовлению.

Курс подготовки назывался «Расследование террористической деятельности». Слушатели должны были подписать клятву о неразглашении военной тайны и жить в палаточном лагере на одной из безлюдных равнин Техаса. Лагерь этот был закрытым и охранялся круглосуточно. В начале курса слушатели знакомились с различными видами взрывчатых устройств, включая пластиковые бомбы «С-3» и «С-4», и изучали химический состав тринитротолуола. Кроме того, их знакомили с различными видами взрывателей и рассказывали, как их приводить в действие и как ставить часовой механизм. Чтобы научить курсантов побороть в себе чувство страха, инструкторы заставляли их класть динамит за пазуху и ходить с ним по лагерю с задействованным детонатором.

Курсанты отрабатывали также быстроту реакции. Для этого в течение определенного времени они должны были установить бомбу под канистру с бензином или под телеграфный столб. Их учили бросать бомбы, а также делать лазы в стальном ограждении, используя в этих целях ограду своего же лагеря. Под чистым техасским небом то и дело взрывались джипы, нагруженные канистрами с бензином.

Курсантов называли партизанами и говорили, что они делают то же самое. Не удивительно поэтому, что Байрон Энгл впоследствии отрицал, что слушателям Международной полицейской школы показывали фильм «Битва за Алжир», в котором полицейские незаметно уходили с вечеринок для того, чтобы взрывать дома повстанцев.

Курсантов обучали также бросать гранаты. Каждый получал около десяти ручных гранат и бросал их в канистры с бензином или в старые автомашины. Следующим этапом было обращение с противопехотными минами Клеймора, широко применявшимися во время войны во Вьетнаме. Начиненная длинными гвоздями, одна такая мина могла ранить более 10 человек в радиусе 500 метров. В конце курса каждому из 30 слушателей (все они были из Центральной и Южной Америки) давалось уже серьезное задание: взорвать автоколонну, уничтожить склад горючего, подступы к которому были заминированы, или вывести из строя линии связи противника, незаметно проникнув в тыл и взорвав телеграфные столбы. Иногда за ходом этого «посвящения» наблюдали начальник Международной полицейской школы и кто-то из командного состава «зеленых беретов».

По окончании курса один из слушателей как-то спросил, а зачем нужно все это изучать. И услышал следующий ответ: «Соединенные Штаты считают, что в любой из дружественных стран может возникнуть ситуация, при которой потребуется подрывник — специалист по взрывчатке. Вот почему различные правительства и направили сюда людей, которым они доверяют больше всего».

Митрионе направил в Лос-Фреснос по меньшей мере семь человек. Одним из них был инспектор Лукас, восторженно приветствовавший приезд Митрионе в Монтевидео, другим — подкомиссар полиции Бенитес, ненавидевший «тупамарос» всеми фибрами своей души и повсюду кричавший об этом.

Именно в этот период «станции» ЦРУ во всех странах южной оконечности Латинской Америки заметно расширили сотрудничество между собой. Отдел Западного полушария ЦРУ был их активным координационным центром. В 1964 году, когда финансовое управление ЦРУ в Вашингтоне не смогло собрать достаточную сумму в чилийских эскудо на финансирование предвыборной кампании против Сальвадора Альенде, этот отдел создал региональные скупочные конторы в Буэнос-Айресе, Рио-де-Жанейро, Лиме и Монтевидео.

Филип Эйджи принял личное участие в поисках выхода из этого чрезвычайного положения. Он вошел в контакт с заместителем управляющего отделением американского банка «Фёрст нэшнл сити бэнк оф Нью Йорк» в Монтевидео (который одновременно был агентом ЦРУ), и тот направил в Сантьяго своих людей, поручив им скупить чилийские эскудо на сумму 100 тыс. долларов. Затем эти деньги были вновь переправлены в Чили вместе с дипломатической почтой посольства США.

В конце 1960-х годов ЦРУ начало заниматься делами более щекотливыми, чем нелегальный ввоз денег. Оно стало координировать обучение бразильских, аргентинских и уругвайских армейских и полицейских офицеров методам подслушивания телефонных разговоров и другим приемам агентурной работы, а также способам нелегальной доставки взрывчатки и незарегистрированного оружия. Расширение контактов между спецслужбами этих стран привело к усилению слежки за политическими эмигрантами, их преследованию и, наконец, физическому уничтожению.

В период между избранием Альенде на пост президента Чили и свержением его правительства в 1973 году ЦРУ организовало встречи между бразильскими правыми и чилийскими армейскими и полицейскими чинами, выступавшими против Альенде.

Члены бразильских «эскадронов смерти» были представлены сотрудникам полиции в Монтевидео и Буэнос-Айресе. После того как в ноябре 1969 года Сержио Флеури из Сан-Паулу убил Карлоса Маригелу, он стал знаменитостью среди уругвайских полицейских. С некоторыми из них он встречался лично, причем по меньшей мере два раза такие встречи организовывались ЦРУ.

Один уругвайский полицейский чиновник — националист крайне негативно относился к попыткам «оперативников» из североамериканского разведывательного управления слить все спецслужбы южной оконечности материка в один взаимосвязанный механизм. Учитывая небольшую территорию Уругвая, а также его географическое положение (страна буквально «втиснута» между Аргентиной и Бразилией), такой отказ от автономности, считал он, рано или поздно пагубно скажется на положении страны. Если деятельность ЦРУ действительно имеет столь важное значение для борьбы с коммунизмом, недоумевал он, то почему тогда его сотрудники лезут вон из кожи, чтобы всегда оставаться в тени?

Показателен такой случай. Один высокопоставленный чиновник из министерства юстиции Аргентины однажды прибыл в Монтевидео для того, чтобы обсудить со своими уругвайскими коллегами совместные меры по осуществлению надзора за политическими эмигрантами в обеих странах. Однако сотрудник ЦРУ, сам устроивший эту встречу, под каким-то предлогом постарался в ней не участвовать.

Уругваец, хорошо понимавший, что иногда полезно иметь возможность что-то опровергнуть, никак не мог взять в толк, почему это сотрудник американской разведки считает, что репутация его собственной страны гораздо важнее репутации Уругвая. И еще одно не давало ему покоя. Передача уругвайской разведки под контроль ЦРУ, считал он, была государственной изменой. Какими бы мотивами при этом ни руководствовались, сколько бы раз ни повторяли, что ЦРУ было позволено лишь помочь Уругваю оградить себя от подрывных элементов, все равно это была измена.

Но сказал это уругваец открыто лишь после того, как вышел на пенсию. Да и тогда, много лет спустя, он сильно при этом нервничал и без конца просил подтвердить, что его фамилия названа не будет. Если бы он сказал все это раньше, еще неизвестно, как повели бы себя его коллеги: согласились бы с ним или же только притворились, что согласны, а сами тут же сняли бы телефонную трубку и набрали номер своего куратора из ЦРУ.

Нелсон Бардесио (бывший шофер Уильяма Кантрелла), судя по всему, не имел никаких сомнений относительно приемлемости практикуемых ЦРУ методов борьбы с подрывными элементами. После отъезда босса он с готовностью согласился работать в составе особой группы, подчинявшейся непосредственно министерству внутренних дел. Помимо Бардесио, в группу входило еще пять человек: трое служили до этого в автодорожной полиции, а двое пришли из полицейской школы.

Руководил группой Карлос Пиран, личный секретарь президента Пачеко. Он и направил своих подчиненных в Буэнос-Айрес, где те должны были пройти курс подготовки под эгидой Аргентинской информационной службы (СИДЕ). Прибыв в аргентинскую столицу, Бардесио зашел к одному капитану из СИДЕ, который передал ему три гелигнитовые бомбы для Пирана.

Вернувшись на родину, Бардесио и его коллеги создали собственный «эскадрон смерти» и стали подбрасывать бомбы в дома адвокатов и учителей, которые, по их мнению, сочувствовали «тупамарос». По меньшей мере в одном случае они убили схваченную жертву. «Эскадрон» выезжал на очередную расправу в полицейской машине. Взорвав бомбу, Бардесио быстро уезжал с места происшествия, а затем сообщал по радио в штаб-квартиру полиции, где он оставил машину.

Причастность к тайным операциям вскружила Бардесио голову. Однажды ему не понравилась марка предоставленной в его распоряжение полицейской машины, и он отказался от выполнения задания. Тогда министр внутренних дел приказал начальнику полиции в Монтевидео впредь давать Бардесио любую машину.

Начиная с первого года пребывания в Уругвае работать Митрионе приходилось все больше и больше. Но он

все же умудрялся выкраивать время для игры в гольф и для поддержания контактов с родственниками в Ричмонде. В начале 1970 года он написал Рею, чтобы тот прислал набор клюшек и чехлов. Но и то и другое куда-то пропало, не найдя адресата. Тогда Митрионе вновь написал Рею и попросил разыскать посылку. В том же письме содержались некоторые подробности, касающиеся его теперешней жизни в Уругвае. «Вчера, — писал он, — я вернулся из двухнедельной поездки по стране. Проехал более тысячи километров. Страна просто замечательная».

Поездка эта была предпринята Митрионе в рамках программы повышения эффективности действий полицейского аппарата на местах. Другой ее целью был поиск кандидатов среди периферийных полицейских для отправки на учебу в Международную полицейскую школу. «Тупамарос» были горожанами, и радиус их действий ограничивался пока только Монтевидео. Если же в дальнейшем они распространят свои действия и на сельскую местность, Митрионе хотел, чтобы местная полиция была к этому готова.

«Здесь пока все спокойно, — писал Митрионе Рею в феврале 1970 года. — Правда, сейчас лето, и все думают только о пляже. Но оно уже на исходе, поэтому, когда люди начнут думать о чем-то другом, обстановка может измениться к худшему. Надеюсь, этого не произойдет». Он добавил, что теперь может работать и дома. «У меня полностью оборудованная контора прямо на дому». В штаб-квартире полиции заметили, что в последнее время Митрионе стал меньше времени проводить в конторе Управления общественной безопасности.

Как-то Бенитес зашел в кабинет Митрионе в американском посольстве и внимательно осмотрел его. На полу лежал толстый зеленый ковер. В комнате стояли два кресла и небольшой диван. На стене висела доска для заметок и объявлений, зашторенная белой нейлоновой занавеской. Кабинет был оборудован кондиционером. Особое восхищение у Бенитеса вызвали три репродукции с изображением водопадов—украшения, присланные американским Агентством международного развития. Бенитес заметил, что письменный стол Митрионе стоял у окна, и тот сидел за ним, повернувшись к окну спиной. Хотя кабинет и находился на верхнем этаже, Митрионе мог стать удобной мишенью. Когда Бенитес сказал ему об этом, Митрионе лишь отмахнулся: «Ерунда. Эти стекла не пробьет и пуля

45-го калибра». Тем не менее он не расставался теперь со своим «смит-вессоном» 38-го калибра. (В Белу-Оризонти и Рио он чувствовал себя в безопасности и без него.)

В марте 1970 года родственники Митрионе сообщили из Ричмонда, что состояние матери ухудшается. Тот, однако, ответил, что с момента его вылета из Уругвая и до прибытия в Ричмонд пройдет целых двое суток, и с этим следует считаться. Он также напомнил брату, что, хотя и занимает сейчас руководящую должность, в Управлении общественной безопасности он все еще числится унтер-офицером. «Поэтому было бы неплохо, если бы д-р Мейдер лично уведомил Вашингтон, что состояние матери требует моего присутствия дома».

Следующее свое письмо он закончил словами: «Береги себя, и, как всегда, да благословит тебя бог». В постскриптуме он добавил: «Ближайшие пара месяцев здесь могут оказаться „жаркими"». В этом предложении вместо слова «могут» раньше стояло «должны».

В конце марта из дому поступили совсем дурные вести, и Митрионе вынужден был вылететь в Ричмонд. Он еще не знал, что видится с матерью в последний раз. Несмотря на грустные обстоятельства, заставившие его приехать домой, время он там провел хорошо. Митрионе вновь оказался среди людей, которые его обожали. Впервые за восемь месяцев он не испытывал напряжения, связанного с работой. Самым близким своим друзьям-полицейским он рассказал кое-что об опасностях, с которыми приходится сталкиваться в Монтевидео. Со своими же братьями и сестрами (равно как и с женой и детьми) он был менее откровенен.

Сдержанность Митрионе с братом — человеком, любившим его больше всех, — видимо, тревожила того. Поэтому через месяц после своего возвращения в Уругвай Дэн написал Рею: «Ситуация здесь по-прежнему довольно... (ты сам знаешь какая). Жаль, что не рассказал тебе об этом подробнее, когда был дома. Я вовсе не хочу тебя пугать. Ведь ты и сам хорошо понимаешь, что творится сейчас в большинстве латиноамериканских стран».

13 апреля 1970 года группа «тупамарос» очередью из автомата убила инспектора Эктора Ромеро Морана Чаркеро, когда тот ехал в машине на службу. В отчете, ежемесячно посылавшемся Митрионе в Вашингтон, он писал, что Моран был выпускником Международной полицейской школы и командовал в Монтевидео специальным от-

рядом по борьбе с террористами. Он также отметил, что одна «крайне левая» уругвайская газета «в течение недели обрушивалась на Морана с обличительными статьями, называя его главным человеком в полиции, подвергавшим пыткам подозревавшихся в террористической деятельности». При этом он добавил, что правительство Пачеко тут же закрыло газету, «быстро отреагировав на развернутую на ее страницах кампанию клеветы».

В конце отчета, в специальном разделе, озаглавленном «Оценки и выводы», Митрионе писал: «Следует предположить, что полиция и впредь будет мишенью для нападок и что возможны новые попытки похитить и(или) убить полицейских чиновников».

Что касается Бенитеса, то тот вскоре понял, что все предсказания Лукаса относительно Митрионе оказались верными. В работу местной полиции американец внес нечто новое — добросовестность и компетентность. Даже в такой стране, как Бразилия, где все работали с ленцой, он никогда не оставлял на завтра то, что можно было сделать сегодня.

Эти свойства были присущи Митрионе и 10 лет назад, но сейчас, в 1969 году, в его характере появились и новые черты. Он был теперь суровее и жестче, чем в Белу-Оризонти, хорошо знал методы работы американской разведки за границей и был бесконечно предан работе в полиции, хорошо понимая все тяготы и невзгоды рядового полицейского (а ведь тот, получая такое скудное жалованье, должен был постоянно бороться с подрывными элементами).

За эти годы Митрионе заметно вырос в профессиональном отношении. Сравнивая себя с другими полицейскими советниками, он видел свое превосходство, и это вселяло в него уверенность. Еще в Бразилии он научился сотрудничать с теми должностными лицами из ЦРУ, которые, на его взгляд, действительно руководили борьбой с коммунизмом. Он знал, что еще в Рио добился уважения этих людей. И это было столь же очевидно, как и то, что здесь, в Монтевидео, Адольф Саенс этого не добился.

Кто знает, может, после ухода Эдгара Гувера место шефа ФБР займет бывший начальник полиции со Среднего Запада с опытом работы за границей? Как ни маловероятно это звучало, любящие родственники Митрионе не

считали это чем-то совершенно невозможным. Конечно, такая головокружительная карьера в значительной мере будет зависеть от того, насколько успешно Митрионе удастся справиться с задачей подавления движения «тупамарос». Сейчас ему было 49, так что это может оказаться самым лучшим и последним шансом в его жизни.

Через девять месяцев после того, как Митрионе занял пост старшего полицейского советника в Уругвае, весьма солидный еженедельник «Марча» напечатал целую подборку материалов, вынеся на обложку одно слово: «Пытки». Журнал сообщал о результатах расследования, проведенного несколькими либеральными членами уругвайского сената, которые пришли к заключению, что лица, находящиеся в тюрьме по подозрению в причастности к движению «тупамарос», подвергаются систематическим пыткам. При этом использовались методы, которые вряд ли удивили бы уже привыкших к этому бразильцев: заключенным под ногти вводили иглы и пропускали через них электрический ток; ток подводился также и к другим участкам тела, особенно к самым чувствительным (таким, как половые органы).

Митрионе отправил в Управление общественной безопасности в Вашингтоне копию доклада сенатской комиссии Уругвая без каких-либо объяснений или комментариев. Однако в разделе «Оценки и выводы» он написал: «Одной из важных проблем, на мой взгляд, является то, что общественность рассматривает все это как борьбу между полицией и экстремистами и особого беспокойства в этой связи не проявляет. До тех пор пока она не поймет, что деятельность экстремистов может сорвать усилия по улучшению социального, политического и экономического положения народа, не станет помогать полиции путем предоставления нужной ей информации и не будет предаваться самообману, в обозримом будущем положение не улучшится».

В разделе «Рекомендации» Митрионе написал: «Никаких».

В полицейском управлении однажды рассказали о случае, подтверждавшем жестокость и суровость Митрионе. (От внимания Бенитеса эта история тоже не ускользнула.) Как-то во время забастовки в управление был доставлен один профсоюзный деятель (он возглавлял профсоюз банковских служащих), которому задали несколько вопросов. Митрионе молча следил за ходом допроса, а потом,

когда того человека увели, рассказал, как бы он сам попытался заставить его заговорить.

Митрионе всегда подчеркивал необходимость сначала как можно больше узнать о заключенном, а потом уже начинать его допрашивать. Определите заранее, поучал он офицеров, проводивших допрос, когда именно арестованный может начать «раскалываться», и доведите его до такого состояния как можно быстрее. Ни вы, ни я, говорил он, не садисты. Мы лишь хотим, чтобы допрос закончился как можно скорее.

Что же касается этого профсоюзного лидера, продолжал Митрионе, то его следовало бы для начала раздеть догола и поставить лицом к стенке. Затем один из самых молодых полицейских должен был бы пригрозить ему коечем, сунув тому палец в задний проход. После этого арестованного следовало бы бросить в чулан и продержать там дня три, не давая ему пить, а на четвертый день дать кружку воды с мочой.

В далеком Ричмонде вряд ли кто поверил бы, что Дэн Митрионе может толкать людей на такие поступки, да еще с намеком на половое извращение. Но ведь бо́льшую часть последнего десятилетия Митрионе находился за пределами Соединенных Штатов...

Как бы ни был любопытен Бенитес, он все же ни разу не видел, чтобы Митрионе сам пытал заключенного. Он знал, правда, что в некоторых случаях тот лично руководил проведением допросов. Но одно было для него бесспорным: поступление новых, более совершенных и изощренных орудий пыток было непосредственно связано с именем старшего американского полицейского советника.

В соответствии с записями Бенитеса, до приезда Митрионе в Монтевидео полицейские пытали заключенных с помощью обычных электроигл, поступавших к ним из Аргентины. Новый шеф американских советников договорился о поставке более совершенных игл различной толщины. Некоторые из них были настолько тонкими, что их легко можно было просунуть между зубов. Насколько понимал Бенитес, это оборудование поступало в Монтевидео вместе с дипломатической почтой посольства США. Об этом ему, возможно, сказал сам Филип Эйджи. ЦРУ, как правило, всегда посылало нужное ему оборудование по дипломатическим каналам. Даже детектор лжи (разме-

ром с целый чемодан) прибыл на «станцию» ЦРУ именно этим путем. В обход уругвайских таможенных правил в Монтевидео поступили также различные подслушивающие устройства и радиоаппаратура.

Отдел технического снабжения ЦРУ (ОТС) самым хитроумным способом использовал разнообразные технические новинки, разрабатывавшиеся в Соединенных Штатах, и оказывал техническую помощь каждому подразделению управления, командируя за границу специалистов по подслушивающим устройствам, по тайному проникновению в помещения и фотографированию. Этот отдел поставлял также контейнеры с двойными стенками или дном, составлял руководства по перлюстрации почтовых отправлений и снабжал приспособлениями для тайнописи. Среди прочего ОТС поставлял всевозможные принадлежности для изменения внешности. (Это стало достоянием гласности после разоблачения бывшего агента ЦРУ Говарда Ханта, который получил в этом отделе рыжий парик и надел его, чтобы встретиться с женщиной, занимавшей руководящий пост в компании ИТТ.)

Под руководством психолога Джеймса Кихнера ОТС разработал специальные тесты с использованием геометрических фигур, которые в совокупности с другими данными помогали составить психологический портрет того или иного человека. ЦРУ составило 30 тыс. таких портретов. Тесты помогали выявить множество важных подробностей о человеке. Они, например, позволяли узнать, устойчив ли он морально, чему больше предан: делу или человеку, какой вид пытки может оказаться самым эффективным при его допросе. Отдел испытывал также различные галлюциногенные препараты. (Об этих экспериментах, а также о смерти человека, на котором опробовались эти средства, мир узнал лишь через 20 лет, когда покров секретности был снят.)

Кихнер любил говорить, что большинство сотрудников ЦРУ относится к той категории людей, которые могут провести в сознании четкую границу между работой и всем остальным. «Они могут весь день заниматься ужаснейшими вещами, — сказал он как-то репортеру (правда, тогда он уже не работал в ОТС), — а потом отправиться как ни в чем не бывало домой и тут же обо всем забыть».

В полицейском управлении в Монтевидео многие знали, что ОТС имеет свое местное отделение в Панаме и оттуда осуществляет экстренные поставки специального

оружия для разгона демонстрантов и слезоточивого газа для нужд армии и полиции всех латиноамериканских стран. В годы правления Пачеко «национальная гвардия» Монтевидео применяла слезоточивый газ в таких масштабах, что начальство вынуждено было постоянно просить своих американских друзей прислать из Панамы еще и еще слезоточивого газа. Снаряжение для борьбы с беспорядками тайно доставлялось в Монтевидео на военных самолетах. На них же часто переправлялись и американские продукты питания (яйца, хлеб и т. д.) для сотрудников учреждений США в Уругвае, так как те отказывались есть местные продукты.

Не многие, однако, знали, что у ОТС есть еще одно отделение в Буэнос-Айресе. Лишь нескольким высшим полицейским офицерам в Уругвае было известно, что усовершенствованные орудия пыток, провода и генераторы, а также взрывчатка (например, полученные Бардесио гелигнитовые бомбы) поступали именно из аргентинского отделения ОТС.

Когда нужно было допросить кого-то из «тупамарос», Митрионе передавал инструкции через нескольких старших офицеров (таких, как Лукас). Хотя сам Бенитес и не видел, чтобы Митрионе лично присутствовал во время пыток, другие это видели. После убийства Митрионе многие уругвайские заключенные (как мужчины, так и женщины) рассказывали друг другу о его личном участии в пытках. Однако, как правило, это не было информацией из первых рук. Люди просто пересказывали услышанные от кого-то рассказы, чтобы убедить сомневавшихся в том, что у «тупамарос» были все основания для расправы с ним.

Более достоверная информация о действиях Митрионе поступала от самих уругвайских полицейских. Один из них впоследствии вспоминал, как тот зашел в камеру пыток на третьем этаже (возможно, чисто случайно) как раз в тот момент, когда там пытали электрическим током человека, подозреваемого в причастности к движению «тупамарос». Митрионе зашел, видимо, чтобы что-то спросить. Услышав его голос, заключенный стал выкрикивать грубые оскорбления в адрес всех янки.

Полицейский, поведавший об этом инциденте, сказал, что Митрионе и виду не подал, что разозлился. (Именно в этой связи он и рассказал эту историю, желая показать на примере, как великолепно Митрионе мог держать себя

в руках.) Американец лишь холодно глянул на выкрикивавшего оскорбления человека, которому вводили под ногти иглы. Взгляд этот словно говорил: «Можешь болтать все, что хочешь. А мы будем разговаривать с тобой по-своему».

В другой раз полицейские по ошибке доставили в управление молодую женщину, которая, хотя и симпатизировала «тупамарос», была, однако, другом самого Алехандро Отеро. Несмотря на это, ее тоже жестоко пытали во время допроса, но затем все же освободили. Выйдя на волю, она тут же встретилась с Отеро и рассказала, что Митрионе лично наблюдал, как ее пытали, и даже помогал в этом. Отеро был вне себя от ярости. В течение последних четырех лет он слышал, что порой в уругвайских тюрьмах применялись пытки, но с приездом Митрионе эта практика заметно усилилась. Сам Отеро был противником пыток по чисто практическим соображениям: они, считал он, лишь ожесточают и полицию, и «тупамарос». Одни полицейские разделяли эту точку зрения, другие (включая шефа полиции) поддерживали своего североамериканского друга.

Позиция, занятая Отеро в этом вопросе, оказалась в конечном итоге малоубедительной. Однажды во время какой-то церемонии в Монтевидео он стоял рядом с Дипом Раском, тогдашним госсекретарем США. Вдруг к Раску подбежал молодой парень и плюнул ему прямо в лицо. В тот момент порядок и безопасность обеспечивались службой Отеро, которая лишь подтвердила, что бессильна предотвратить подобные инциденты. (Плевки в лицо собственным полицейским уже давно стали обычной практикой в Уругвае.)

Отеро мог быть тщеславным, излишне вспыльчивым, несколько разболтанным и даже ленивым, но пытать людей он не мог. Ни Филип Эйджи, ни кто-либо другой никогда не слышали, чтобы тот сам пытал заключенного. Конечно, героем он не был и мог лишь отвернуться, когда полицейский избивал заключенного, но само слово «пытки», казалось, было оскорбительным для Отеро. Вот почему он был вдвойне недоволен и отправился к Митрионе жаловаться на то, что с его хорошей знакомой поступили так жестоко.

Митрионе выслушал его с молчаливым безразличием: как-никак, за его спиной стояло его собственное правительство, да и правительство самого Отеро. Вскоре после

этой встречи к Отеро, по его же словам, стали относиться «с холодком».

А уже через несколько месяцев Отеро поставил на карту свою карьеру, предприняв безрассудную попытку отомстить. Он рассказал одному журналисту о том, как его знакомую подвергли пыткам, и эта неосторожность положила начало скандальному расследованию, которое завершилось прекращением всей американской программы полицейской консультативной помощи.

30 июля 1970 года произошел первый телефонный разговор между Доном Гоулдом, сотрудником информационного отдела посольства США в Монтевидео, и кем-то из «тупамарос». После этого звонки раздавались каждый день, кроме воскресенья.

«Мистер Гоулд, — говорил кто-то мужским голосом и приветствовал его по-английски. Далее, уже по-испански, незнакомец говорил: — Убирайтесь из Уругвая или мы вас убьем».

Вряд ли найдется американец, который достаточно долго проработал бы в одном из учреждений США в Латинской Америке и не получил бы ни одной угрозы лишиться жизни. Что касается Гоулда, то еще в Гондурасе повстанцы обстреляли отель, в котором он жил. На сей раз, однако, требование было весьма конкретно и категорично, поэтому он решил посоветоваться с Митрионе.

В последнее время Гоулд частенько захаживал в контору Информационной службы США, чтобы отпечатать там рекламные листки на полицейскую тематику. Вот почему он уже познакомился с Митрионе и считал его весьма добросовестным полицейским, отправившимся за границу, скорее всего, из чисто материальных соображений (ведь он католик, и детей у него — не сосчитать).

Гоулд рассказал о переданной по телефону угрозе, и Митрионе изложил ему собственный взгляд на это. «У меня у самого опасная работа, — сказал он, — поэтому я всегда ношу с собой оружие. Если на меня нападут, я постараюсь сначала оценить обстановку и, если увижу, что могу избежать опасности, буду стрелять. В противном случае придется делать то, что скажут».

Утром на другой день Натан Розенфельд (атташе по вопросам культуры посольства США в Монтевидео) позво-

нил Гордону Джоунсу (молодому сотруднику политического отдела посольства) и предупредил, что готов выехать на работу. Оба жили в одном доме, и по утрам, как правило, ехали в посольство на одной машине.

Джоунс сказал, что тоже готов и спускается, после чего Розенфельд направился в гараж. Подходя к своему желтому «форду» с открывающимся верхом, он увидел в темноте чью-то долговязую фигуру и подумал, что это Джоунс.

— Черт возьми, как это ты умудрился спуститься так быстро? — удивился он.

Но не успел он это сказать, как сзади на него набросились двое. Эти люди направили на него пистолеты 45-го и 38-го калибра, хотя было видно, что они сильно нервничали.

— Ни слова больше! — скомандовал один из них. — Мы «тупамарос».

Розенфельд, смуглолицый лысеющий мужчина в очках с роговой оправой, был раза в два старше налетчиков. Особой отвагой он не отличался (вся его смелость ограничивалась выбором весьма яркой одежды) и, разумеется, никакого сопротивления оказывать не собирался.

— Вы Гордон Джоунс? — спросил один из «тупамарос». Розенфельд сказал «нет». Джоунсу было 27 лет, и тот годился ему в сыновья. Тогда его толкнули к стене, и кто-то скомандовал:

— Руки вверх!

Розенфельд уже носил пальто и шарф, так как в июле в Монтевидео стоит холодная зима и температура иногда падает ниже нуля. Почувствовав прикосновение холодного металла к лысине, Розенфельд как можно более театрально рухнул на твердый цементный пол. Теплое пальто смягчило удар.

«Это не профессионалы, — подумал он. — Даже не подошли и не ткнули ногой в бок, чтобы проверить не притворяюсь ли».

Тем временем в подземный гараж уже спустился Гордон Джоунс. Увидев на полу тело Розенфельда, он подбежал узнать, что с ним. В этот момент на него накинулись «тупамарос». Когда его связывали, Джоунс набрал в легкие как можно больше воздуха. Выдохнув, он почувствовал, что веревка заметно ослабла. Его завернули в одеяло и положили на песок в кузов небольшого грузовика.

Когда машина выехала на улицу, Джоунс закричал было о помощи, но один из «тупамарос» ударил его по голове рукояткой пистолета и рассек кожу. Через какое-то время машина остановилась на красный сигнал светофора. Воспользовавшись этим, Джоунс перекинул ноги за борт и выпрыгнул из кузова. Бросившись к тротуару, он что есть мочи закричал: «Помогите! На помощь!» Грузовик сорвался с места и пронесся мимо.

Освободившись от веревок, Джоунс немедленно позвонил в посольство из ближайшей винной лавки. Первое, что он сказал, было: «Нат мертв!» «Да нет, — успокоил его один из сотрудников посольства, — с ним все в порядке».

Притворившись потерявшим сознание, Розенфельд пролежал на полу в гараже до тех пор, пока не удостоверился, что «тупамарос» уехали. Затем он встал и позвонил в посольство офицеру безопасности, сообщив, что только что была совершена попытка похищения.

— Мы уже знаем, — ответил тот. — Они похитили еще и Дэна Митрионе.

В то утро шофер Митрионе, сержант полиции по имени Гонсалес, выехал из гаража полицейского управления на белом «опеле». Доехав до района Малвин, он остановился у дома № 5398 по улице Пилкомайо, где жил Митрионе. Тот никогда не заставлял себя ждать более одной-двух минут. Так было и сегодня. Митрионе сел в машину, и Гонсалес тут же свернул на улицу Алехандро Гальиналь. На крутом подъеме, за которым уже были видны тусклые зимние воды Атлантики, дорогу «опелю» неожиданно загородил белый грузовик с красным козырьком от солнца на ветровом стекле.

Случайный прохожий, видевший все это, позже рассказал корреспонденту газеты «Эль паис», что четверо молодых мужчин выпрыгнули из грузовика и, угрожая пистолетами, затолкали Митрионе во второй грузовик. Все произошло так быстро, что очевидец просто не смог запомнить всех деталей.

Сержант Гонсалес, которого похитители стукнули по голове и оставили на дороге, придя в себя, нашел телефон и позвонил в полицейское управление. Где-то на пути в «народную тюрьму» Митрионе был ранен в плечо.

В то же утро четверо «тупамарос», выдавших себя за телефонных монтеров, похитили бразильского вице-кон-

сула Алоиспо Мареса Диаса Гомиде. Его жена и шестеро детей находились в тот момент в других комнатах, и их никто не тронул.

Если бы план «тупамарос» полностью удался, у них в руках было бы трое пленников. Впервые за всю историю Уругвая повстанцы хотели применить у себя в стране тактику Фернандо Габейры и его бразильских товарищей и потребовать, чтобы в обмен на освобождение их пленников была выпущена на свободу группа политических заключенных. То, что их выбор пал на Диаса Гомиде, объяснялось в основном теми же мотивами, которыми руководствовалась группа «МР-8» при похищении Бэрка Элбрика. Решающую роль здесь сыграла не сама личность, а представляемая ею страна. Диас Гомиде, правда, доставил потом им много хлопот, но «тупамарос» просто не могли предвидеть это заранее.

В течение последних шести лет уругвайские либералы (даже те из них, которые не очень-то восхищались действиями «тупамарос») с тревогой и опаской следили за развитием событий в Бразилии. По прибытии в Монтевидео их бразильские друзья, не успев выйти из самолета, облегченно вздыхали и говорили: «Как прекрасно снова оказаться в демократической стране!» Однако президент Пачеко, используя движение «тупамарос» в качестве предлога, все шире использовал армию и полицию для ужесточения контроля над страной, и в результате в Монтевидео теперь дышалось уже не так легко и свободно, как прежде. Кроме того, уругвайцы никогда не переставали думать о постоянной угрозе со стороны мощной военной машины Бразилии. Под видом пастухов и фермеров бразильские агенты постоянно переходили северную границу Уругвая в разведывательных целях. Уругвайцы прекрасно понимали, что если в одно прекрасное утро бразильские войска вторгнутся на их территорию, то к обеду в их руках окажется вся страна.

И все же, полагали «тупамарос», несмотря на всю свою твердость и решимость, бразильское правительство уже четыре раза демонстрировало готовность освободить политических заключенных, спасая жизнь дипломатов. Если Пачеко будет упорствовать, Бразилия, конечно же, окажет на него достаточно сильное давление, и тот изменит свое решение.

«Тупамарос» также полагали, что, рассказав общественности о совместных акциях Митрионе с полицией, они

смогут убедить даже аполитичных уругвайцев в том, что американский советник — это столь же естественный объект для нападения, как и Моран Чаркеро или инспектор Хуан Мария Лукас (который в свое время был серьезно ранен кем-то из «тупамарос»).

После обмена Митрионе с позором уедет обратно в Соединенные Штаты, и американская помощь уругвайской полиции будет на этом прекращена.

Что же касается Гордона Джоунса, то здесь дело обстояло несколько иначе. Этот молодой и достаточно уверенный в себе человек решил не ограничиваться общением лишь со своими американскими коллегами, а завязать тесные контакты с уругвайскими гражданами. Учитывая царившие в то время настроения в Монтевидео, многие из его новых знакомых либо сами участвовали в движении «тупамарос», либо были их друзьями. Джоунс был знающим и честолюбивым человеком, поэтому «тупамарос» считали, что он может многое рассказать, пока будет находиться в их руках. Кроме того, недавно у Джоунсов родились близнецы. Группа «тупамарос» (как и бразильские повстанцы, похитившие Элбрика) отнюдь не планировала кровавой расправы над своими жертвами. Они считали, что многодетные семьи двух их будущих жертв и близнецы Джоунса послужат дополнительным аргументом, который заставит уругвайское правительство выполнить все их требования.

Если бы Хорхе Пачеко Ареко и пришлось принимать решение самому, он и тогда вряд ли согласился бы выполнить требование «тупамарос» об освобождении 150 политических заключенных. Даже его политические сторонники не решались назвать его добрым или милосердным человеком. Не удивительно, поэтому, что тот вскоре заявил, что его правительство считает находящихся в тюрьме «тупамарос» обыкновенными ворами и убийцами. Согласно конституции, добавил Пачеко, он не имеет права освобождать их. (Нашлись, правда, люди, которые лучше его разбирались в законах. Поскольку президент страны, утверждали они, имеет право на помилование, указанные 150 заключенных могли бы быть немедленно освобождены и отправлены в Алжир на ближайшем же самолете.)

Однако решение принималось не одним Пачеко. К моменту похищения Элбрика администрация Никсона еще и года не находилась у власти, поэтому она просто не успела тогда выработать официальной политики в отношении

этой новой тактики повстанцев. Вот почему, когда посольство США в Рио стало призывать бразильское правительство выпустить на свободу политических заключенных в обмен на освобождение американского посла, оно действовало в основном на свой страх и риск. Эти призывы были восприняты тогда бразильской хунтой как официальная позиция Вашингтона, в то время как в действительности тот ее не имел.

Похищение Дэна Митрионе вызвало горячие споры в государственном департаменте относительно необходимости выработать стандартную линию поведения в подобных ситуациях. Поначалу государственный секретарь Роджерс и его ближайшие помощники предложили следующий подход: если правительство страны пребывания принимает надлежащие меры по обеспечению безопасности американского персонала, то в этом случае Вашингтон не будет настаивать на выплате какого бы то ни было выкупа. Но даже при таком подходе правительство США все равно должно принять индивидуальное решение в каждом конкретном случае. Вашингтону же нужно было нечто другое — железное правило на все случаи. Оно было особенно необходимо, учитывая, что возможные жертвы, скорее всего, будут хорошими знакомыми руководящего звена государственого департамента (по крайней мере это относилось к послам и начальникам «станций» ЦРУ). (Что касается Дэна Митрионе, то Алексис Джонсон впоследствии сказал, что не имел удовольствия с ним встречаться.)

Вскоре, однако, проблема эта отпала сама собой, когда Белый дом намекнул, что президент Никсон решительно возражает против вступления в какой бы то ни было торг или сделку с повстанцами любой страны.

Теперь у Соединенных Штатов уже была официальная позиция. Но Дэн Митрионе, сидевший в это время в одном из подвалов Монтевидео, и не догадывался, что скоро станет первой жертвой избранного Никсоном курса на демонстрацию силы.

Глава 9

Войдя в его импровизированную «камеру», «тупамаро» обратился к Митрионе так, словно тот был его отцом.

— Вы не спите, — осторожно спросил он.

— Сейчас уже нет, — ответил Митрионе.

— Извините, если разбудил.

— Ничего. Все в порядке.

— Вы не хотели бы поговорить со мной?

— Что?

— Поговорить не хотели бы? — повторил «тупамаро».

— Что ж, с удовольствием.

— Вот и хорошо.

Если бы кто-то слышал, с какой робостью человек помоложе задавал вопросы и с какой уверенностью человек постарше отвечал на них, то подумал бы, что в положении пленника находился не Митрионе, а сам «тупамаро». Такое почтение объяснялось, возможно, тем, что Митрионе был намного старше своего молодого собеседника, а возможно, и тем, что один из них был янки, а другой — уругваец.

— У вас... сколько у вас детей?

— Девять.

— Девять?

— Четыре сына и пять дочерей.

— Ого! — удивился «тупамаро». — Кто-нибудь из них сейчас здесь?

— Здесь сейчас четверо.

«Тупамаро», вспомнив, видимо, что пришел за другой информацией, переменил тему:

— Скажите, когда вы были в Штатах, вы занимались... э-э... важной работой? — Уругваец свободно говорил по-английски, и паузы объяснялись скорее волнением и смущением, чем необходимостью подыскивать нужное слово.

— Как вам сказать, — ответил Митрионе, усмехнувшись. — Не очень.

Услышав это, «тупамаро» сдержанно улыбнулся.

— Все зависит от того... от того, что считать важным, — неуверенно продолжал Митрионе. Он хотел четко и ясно сформулировать ответ, чтобы у допрашивавшего не сложилось впечатления, будто он водит его за нос. — Это была консультативная работа. Консультативная...

— Продолжайте. Я слушаю.

— Мы консультировали людей, приезжавших к нам в Штаты, и рассказывали им о новейших методах полицейской работы. Но такая работа ведется, дай бог памяти, уже лет 20.

— Лет двадцать?! — Это было не удивление, а, скорее, машинальное повторение слов собеседника с тем, чтобы подтолкнуть его на еще большую откровенность.

— Да. А может быть, и больше.

— Получается, что все это началось где-то в...

— Да-да. Помню, как более 20 лет тому назад к нам в Штаты приезжали люди из Ирана, Туниса. Со всех концов света.

«Тупамаро», совсем еще молодой человек, удивился тому, что программа осуществлялась уже так долго—чуть ли не всю его жизнь.

— Они что же, приезжали в Штаты учиться?

— Как вам сказать, — ответил Митрионе. — Они коечему... э-э... действительно учились.— Он чуть запинался от волнения, но все же говорил тоном инструктора Международной полицейской школы, разъяснявшего элементарные вещи новичкам с разным уровнем подготовки. — Всему, конечно, их нельзя научить. К тому же и на практике они не все могут применить, поскольку живут в странах с разными системами.

— Понятно, — задумчиво произнес «тупамаро», придавая тем самым особый смысл несколько банальному объяснению Митрионе.

— Главное, конечно, — это... э-э... по возможности научить их делать дела по-новому, лучше.

— Какие дела?

Наступал кульминационный момент допроса, и нервный смешок Митрионе подтверждал это. Но американец молчал. «Тупамаро», конечно, не проходил курса ведения допроса ни в Панаме, ни в Международной полицейской школе. Этому его никто не учил, поэтому момент был упу-

щен. Уже потом, когда повстанцы прослушивали пленку с записью допроса, они лишь разочарованно вздохнули, когда их товарищ не стал настаивать на ответе и перешел к другой теме.

— Вы, кажется, были начальником... э-з... полиции, не так ли?

— Да, я действительно был начальником полиции.

— Мне об этом говорили. А где именно?

— В Индиане.

— В Индиане? — переспросил «тупамаро», как бы прислушиваясь, как звучит это слово.

— Да, в Индиане, — повторил Митрионе. Теперь она казалась ему чем-то бесконечно далеким и дорогим.

— Это большой штат?

— Нет, — ответил он почти со вздохом. — Там живет около четырех миллионов человек. А точнее, четыре с половиной.

— Трудно работать начальником полиции? — Репортеры, набившие руку на всевозможных интервью, знают, что такого рода вопросы задаются, когда ничего другого на ум не приходит.

Митрионе тут же ухватился за это: тема была безобидной и можно было говорить что хочешь.

— Вообще-то, я не был начальником полиции всего штата. Я возглавлял полицию лишь одного города в этом штате.

— А-а, понятно.

— И в этом городе тогда насчитывалось около 50 тысяч человек.

— Угу, — буркнул «тупамаро» (ему, видно, уже стало скучно). — А что это был за город?

— Ричмонд.

— Ричмонд?

— Угу.

— Ну а там? Трудно было?

— Нет, не очень. Работа мне нравилась. Я себя чувствовал, как... как учитель или... мусорщик — человек, который собирает «басуру». — Митрионе умышленно употребил испанское слово. — Приходилось заниматься всем понемногу. В общем, работа — как работа. Одни работают на фабрике. — Он имел в виду своего отца. — Другие трудятся на свежем воздухе. — Здесь уже речь шла о брате Доминике, занимавшемся стрижкой газонов для игры в гольф. — Кто где.

— Это верно.

— Но работа в полиции все же несколько иная. А в некотором отношении она не похожа ни на какую другую. Но в таком городе, как мой, полицейским работать не так уж плохо.

— Давно это было?

— Что? То время, когда я работал начальником полиции?

— Да.

— Шестидесятый год. Я тогда уехал оттуда.

— Шестидесятый год. Что ж, время летит, и все меняется.

— Это верно, — сказал Митрионе и понимающе рассмеялся.

— Сейчас, наверное, у вас совсем другая работа. Не та, что в Штатах, когда вы были начальником полиции.

— Совершенно верно. Сейчас работа совсем другая, — повторил Митрионе задумчиво. — Уже не та. Вы правы.

— Полиция, видно, занимается всякими делами, да?

— Да, — ответил Митрионе устало и покорно.

— Конечно, ведь все меняется. А чем вы занимались в Бразилии?

Хотя «тупамаро» говорил теперь уже более уверенным голосом, он все еще рассчитывал на какую-нибудь неосторожность со стороны Митрионе, за которую можно было бы ухватиться. Он знал, что тот в течение семи лет работал полицейским советником в Бразилии и что бразильская полиция гораздо раньше своих уругвайских коллег начала пытать людей электрическим током. Судя по всему, «тупамаро» хотел, чтобы Митрионе сам связал эти два факта и сделал соответствующий вывод.

— Я работал там в качестве... э-э... «асесора». — Митрионе вновь произнес испанское слово, означающее «советник». — Я работал внутри страны. Я работал с... Я был советником военной полиции. Мы вместе работали по части... э-э... обучения.

— Ага, понимаю.

— Вы же сами знаете, как... как обстоят дела и в Бразилии, и в Уругвае... Как они... как полицейские патрулируют улицы, как относятся к своим обязанностям. Вот мы и пытаемся научить их делать все это немножко лучше. Для их же собственной пользы и на благо других. Мы хотим, чтобы они побольше двигались. Учим их лучше нести дежурство.

«Тупамаро» обратил внимание на то, что Митрионе сказал «внутри страны», хотя тот имел в виду работу в Белу-Оризонти, т. е. не на побережье.

— Значит, вы работали в джунглях?

— Нет-нет, только не это. Я совсем не то имел в виду.

Они оба не раз слышали рассказы о зверствах и жестокости официальных властей по отношению к индейцам, жившим где-то в джунглях Бразилии. Вот почему и американец, и уругваец невольно улыбнулись после того, как Митрионе с такой поспешностью постарался оградить себя от подобных подозрений.

— Кроме того, мы учим их, как держать в чистоте и исправности свое оружие.

— Да, конечно. Мы это знаем. Мы уже «позаимствовали» у них сотен семь пистолетов и автоматов.

— Это мне известно, — вздохнул Митрионе. «Тупамаро» несколько смущенно улыбнулся.

— Они плохо следят за ним. — Теперь «тупамаро» жаловался американскому советнику на порядки в уругвайской полиции. — На некоторое было тошно смотреть.

— Что, оно было в таком плохом состоянии? — Митрионе, казалось, разделял возмущение «тупамаро».

— Все в грязи, — сказал тот и тяжело вздохнул. — Пришлось немало потрудиться, чтобы привести его в божеский вид. Я имею в виду все эти пистолеты и винтовки.

— Что делать.

— С пистолетами еще полбеды. А вот с винтовками пришлось намучиться.

— Неужели были такими запущенными?

— Пришлось их хорошенько надраить. Но теперь они в порядке, — «тупамаро» вновь засмеялся. Митрионе тоже не выдержал и улыбнулся, понимая всю абсурдность ситуации: повстанцам приходится чистить за полицейских их же оружие. — Теперь винтовочки — что надо!

— Я уверен в этом, — сказал Митрионе несколько сдержанным тоном.

— К счастью для нас, — завершил эту тему «тупамаро». — Ну а теперь расскажите о вашей работе в Уругвае.

— Здесь я занимаюсь тем же. Все примерно так же. У нас... у нас есть свой офис в здании полицейского управления. Мы работаем... э-э... совместно с министерством внутренних дел и... э-э... шефом полиции, начальником полицейского управления. Мы налаживаем систему связи с внутренними районами страны. Надежную систему свя-

ян. Кроме того, сюда поставляются полицейские автомашины. Конечно, уругвайское правительство приобретает их не бесплатно. Мы машин не покупаем.

— Угу, понятно.

— Что касается радиоаппаратуры, то здесь в некоторых случаях половину платим мы, половину — правительство. — Митрионе не говорил ничего такого, чего нельзя было бы узнать из любого ежегодного отчета о ходе слушаний в сенатской комиссии по ассигнованиям. — Что же касается других поставок, то всю их стоимость оплачивает уругвайское правительство.

— Понятно. Ну, а как уругвайская полиция, хорошо учится? Как вы думаете?

— Даже не знаю, что и сказать. Думаю, уругвайцы, молодые уругвайцы, — довольно толковые ребята. Мне кажется, они толковее своих сверстников в любой другой стране Латинской Америки. Видимо, потому, что у вас хорошая система образования.

Митрионе тщательно взвешивал свои слова, заранее обдумывая, что будет говорить. Ничто не указывало на то, что он пытается вызвать к себе расположение и тем самым как-то выбраться из ямы. А в такую глубокую яму он еще не попадал.

«Тупамаро» воспринял похвалу в адрес уругвайской системы образования как нечто само собой разумеющееся.

— Это действительно так, — сказал он.

— У вас отличные школы, — продолжал Митрионе. — Это хорошо. Но, на мой взгляд, плохо другое. Я имею в виду отсутствие у вас желания. — Критическая ситуация, видимо, все же сказывалась на его поведении, потому что он стал валить в одну кучу и достоинства и недостатки Уругвая. Кроме того, Митрионе, судя по всему, на минутку забыл, что он не в классе и что перед ним не новобранцы, которым можно читать нравоучение. — Дело в том, что вам нужно быть более целеустремленными и работать с чуть большим желанием.

— Да-да, — согласился «тупамаро», терпеливо выслушав эту несколько неуместную лекцию.

— Да и платят здесь не так уж много. — Это была любимая жалоба Митрионе, которую он повторял всю свою жизнь. — Если бы платили чуть больше, дела пошли бы гораздо лучше.

— А что вы можете сказать о таких, как Моран Чаркеро?

Это был важный вопрос. Моран, окончивший в свое время Международную полицейскую школу, вел активную борьбу с повстанцами и лично пытал попавших к нему в руки борцов. В апреле прошлого года его убили.

Отвечая на этот вопрос, Митрионе чуть повысил голос. Видимо, уже сказывалось напряжение, связанное с необходимостью отвечать на вопросы без подготовки. В докладах, регулярно посылавшихся Митрионе в Вашингтон, работа Морана оценивалась высоко. Но сейчас не время было рассказывать об успешных операциях возглавлявшейся им «специальной бригады».

— Я не очень хорошо знал Морана Чаркеро. Мы с ним не работали. Я встретился с ним, когда он улетал в Штаты. Я приезжал тогда в аэропорт, чтобы со всеми попрощаться. Когда он вернулся, мы встретились еще раз. Но я никогда... никогда не работал ни с Мораном Чаркеро, ни с... как же фамилия этого второго парня? Помню, он из Канелонеса. Они еще вместе улетали в школу.

— Леньяни?

— Как?

— Леньяни?

— Нет. Леньяни — это шеф таможней полиции. Я имею в виду другого. Того, кто улетал учиться в Штаты вместе с Мораном Чаркеро.

— А-а, другого. Я что-то не припомню его фамилии.

— Я тоже. — И они оба улыбнулись оттого, что никак не могли вспомнить нужной фамилии. — Я никогда не работал ни с одним из них, — продолжал Митрионе, пытаясь закрепить успех. — У меня с ними было, как говорится, шапочное знакомство. Я вообще не работал с каким-то конкретным полицейским, потому что занимался чисто административными проблемами.

— А где именно?

— Я работал в своем офисе в посольстве.

— Вот как?

— Девяносто процентов своего рабочего времени я проводил в посольстве.

— Да. — В устах «тупамаро» это «да» прозвучало, как латиноамериканское «нет». Он хотел тем самым показать Митрионе, что не позволит себя дурачить. — Думаю, наши ребята знают это. Они уже давно занимаются вами и знают о вас все. — Последняя фраза была произнесена несколько извиняющимся тоном, но не без гордости.

— Кого именно вы имеете в виду?

— Моих друзей.

— Ах, да. Значит, они знают обо мне все?

— Да.

— Тогда они подтвердят, что большую часть своего времени я проводил в... Если быть точным, то в полицейском управлении я не был, дай бог памяти, вот уже две с половиной недели. А может, и три.

— Хотя у них в гараже и выделено специальное место для вашей машины, не так ли?

— Где, в полицейском управлении? — Подобные вопросы обычно задаются, чтобы выиграть время.

— Да.

— Это не для меня. Это для других советников.

— Кто они? — прямо спросил «тупамаро».

— Со мной работают еще трое.

— Кто они? — снова спросил «тупамаро» таким же тоном.

— Вы же знаете их фамилии, — ответил Митрионе не без вызова.

«Тупамаро» неодобрительно хмыкнул.

Митрионе, уже уставший от такого препирательства, сказал тоном отца, выговаривающего набедокурившему ребенку:

— Но послушайте, вы же прекрасно знаете их фамилии.

— Да, знаю. Но, — решительно сказал «тупамаро», давая понять, что по-отцовски снисходительный тон Митрионе сейчас неуместен, — вы тоже прекрасно знаете, что мы теперь поменялись ролями. Теперь уже я выступаю в роли полицейского.

Митрионе громко и вызывающе засмеялся. Смех был, правда, невеселый, но, учитывая ситуацию, это был смелый поступок.

«Тупамаро» ничуть не смутился и настойчиво продолжал:

— Я вам серьезно говорю: вы должны назвать их фамилии.

— Я должен назвать их фамилии. — Митрионе уже не спорил, а, скорее, констатировал необходимость подчиниться.

— Да, пожалуйста.

— А что это даст?

— Это лишь подтвердит, что вы действительно... хотите нам помочь.

— Ну что ж, — оживился Митрионе, — лгать мне не придется, потому что вы все равно знаете их фамилии.

— Я слушаю вас.

— Одного зовут Мартинес, Ричард Мартинес.

— Так.

— Другого — Ричард Байава.

— Так.

— Третьего — Ли Эколс.

— Один из них — кубинец, не так ли? — Возможно, «тупамаро» имел в виду Манузля, который к этому времени уже исчез. Источники информации у «тупамарос», видимо, не были надежными. К тому же им трудно было отличить настоящего полицейского советника от агента ЦРУ, работавшего под «крышей» программы полицейской консультативной помощи.

— Нет, мексиканец.

— Значит, мексиканец?

— Да, мексиканец. Он мексиканского происхождения. Сам он из Соединенных Штатов, но мексиканского происхождения.

— Очень хорошо, — сказал «тупамаро» по-испански, а затем продолжил по-английски: — Как, по вашему, будет теперь вести себя уругвайское правительство? Что оно будет делать, как вы думаете?

— В отношении меня?

— Вас и других ваших соотечественников. У нас есть еще ваши люди. Все они сейчас сидят у нас в тюрьме.

«Тупамарос» установили президенту Пачеко окончательный срок обмена: до полуночи в пятницу 7 августа. Но тот упрямился, и тогда «тупамарос», желая его подстегнуть, похитили еще одного североамериканца — Клода Флая, 65-летнего агронома из Форт-Коллинса (штат Колорадо).

Большинство повстанцев и не подозревали, что Флай, этот тихий американец, слывший большим специалистом по почвам, в действительности был агентом ЦРУ. Но один из «тупамарос» все же узнал, чем тот занимается в своей лаборатории в Колоне. Кроме того, Флая похитить было гораздо легче, чем других сотрудников американских учреждений (те принимали такие тщательные меры безопасности, что посольство США, например, походило теперь на осажденную крепость).

Бразильское правительство предпринимало энергичные меры, пытаясь добиться освобождения Диаса Гомиде. Вашингтон же, судя по всему, был не очень обеспокоен судьбой Митрионе, и кое-кто из «тупамарос» стал уже опасаться, как бы администрация Никсона не решила пожертвовать Митрионе в каких-то собственных политических целях. Вот почему повстанцы решили, что захват такого вроде бы далекого от политики человека, как Флай, может увеличить их шансы на то, что правительство примет их условия.

— Надеюсь, — сказал Митрионе, — они вступят с вами в переговоры. -- Он, конечно, не знал о новой политике американского правительства в отношении любых сделок с повстанцами. Государственный департамент попросил своих послов в разных странах высказаться по поводу такой жесткой линии, и эти господа подавляющим большинством одобрили ее.

— Мы тоже надеемся. Нам самим все это не нравится, — сказал «тупамаро».

— Разумеется.

— Мы не хотели, чтобы все приняло такой оборот. Нам очень жаль, что вы ранены, поверьте. Мы же вам помогли...

— Это произошло по ошибке, — прервал его Митрионе примирительным тоном.

— Да-да, это была ошибка. Мы сейчас выясняем, как все это произошло.

— Мне просто непонятно, зачем он выстрелил в меня, — сказал Митрионе. — Я же спокойно лежал в кузове грузовика.

— Да, я знаю. Мы как раз все это и выясняем. Сейчас этим уже занимаются.

Затем «тупамаро» лукаво спросил:

— А вы знаете, кто сидит в соседней комнате?

— Понятия не имею, — ответил Митрионе. (За стенкой находился Диас Гомиде.) — Я только слышал, что вы называете его консулом.

— Верно. Он тоже теперь здесь.

— Но я с ним не знаком.

— Ну, а ваше правительство? Что оно будет делать, как вы думаете?

— Я... э-э... я не могу ответить на этот вопрос. Думаю, что мое правительство, конечно же, свяжется с правительством Уругвая и попросит его... вмешаться. Но я не

знаю. что именно оно может сделать. Я понятия не имею, есть ли у них какая-то договоренность в этой связи.

— Но сами-то вы как думаете? Оно окажет давление? Хотя бы это оно должно сделать? — Ясно было, что истекал последний срок, установленный повстанцами, и это их начинало беспокоить.

— Надеюсь, окажет. Очень надеюсь. Думаю, оно это сделает. Конечно же, оно попросит принять какие-то меры.

— Вот и мы надеемся, — сказал «тупамаро». — Ведь это случилось не первый раз.

— Верно. — Возможно, Митрионе и знал, что именно тот имел в виду, а возможно, просто поддакивал. Затем, подумав, он спросил:

— А сколько времени займет все это, вы не знаете?

— Что?

— Как долго будет все это продолжаться?

— Как вам сказать, — ответил «тупамаро». — Нас это, в общем-то, мало волнует. Мы готовы держать вас здесь хоть несколько месяцев. Здесь или в другом месте.

В то время «тупамаро» еще не знал, что его товарищи продержат Диаса Гомиде 206 дней, Флая — 208 дней и британского посла Джефри Джексона — целых восемь месяцев (с 8 января по 9 сентября 1971 года).

— Но мы надеемся, что долго это тянуться не будет, — добавил «тупамаро». — От этого выиграют все.

— Молю бога, чтобы это было действительно так.

— Мы тоже хотим, чтобы наших товарищей освободили как можно скорее.

— Понимаю.

— В самом деле?

— Ну, разумеется.

— Правительство, возможно, все же окажет давление. Некоторые из наших заключенных — большие люди. Мы думаем, что и вы довольно важная птица. Да-да. Вот почему...

— Рад, что хоть кто-то так обо мне думает, — прервал его Митрионе. И они вновь рассмеялись.

— Да, конечно. Наверное, это приятно. Ну а теперь расскажите что-нибудь о ЦРУ. Нам ведь тоже нравится Джеймс Бонд. Так что же вы можете сказать о ЦРУ?

— Что я могу сказать? Вы, конечно, мне не поверите, но...

— Я слушаю.

— Как бы там ни было, я все же... я все же должен как-то вас убедить, что говорю правду. Я действительно ничего не знаю о ЦРУ. Ровным счетом ничего.

— Ну а о ФБР?

Во время нападения на Митрионе «тупамарос» обыскали его и нашли в карманах три удостоверения личности. Одно было выдано государственным департаментом (Агентством международного развития) и имело факсимиле подписи Дэвида Белла. Чуть ниже стояла аккуратная подпись самого Митрионе. Повстанцы нашли также удостоверение личности, выданное полицейским управлением Монтевидео, а также еще один документ, удостоверявший, что Митрионе — ассоциированный член Национальной академии ФБР (штат Индиана). «Тупамарос» распространили потом фотокопии этого документа в качестве доказательства того, что в их руках не какой-то обыкновенный технический работник Агентства международного развития, а весьма важная персона.

Услышав этот вопрос, Митрионе тут же оживился, что было, видимо, полной неожиданностью для «тупамаро». Учеба в академии ФБР оказала решающее влияние на всю его карьеру, поэтому Митрионе всегда гордился своей alma mater, и гордость эта не оставила его даже здесь, в этом глубоком подвале, среди своих врагов.

— О ФБР? О, о ФБР я знаю много, потому что я учился... нет окончил академию ФБР.

— Понятно.

— Я знаю все о ФБР... Не все, конечно, но очень много.

— Назовите сотрудников ФБР в других департаментах?

«Тупамаро», видимо, имел в виду только Уругвай. ФБР имело своих агентов за границей в нескольких американских посольствах. Там они работали под весьма прозрачной «крышей» юристов.

Митрионе тут же ухватился за возможность подробнее рассказать об учреждении, весьма близком его сердцу:

— Если вы хотите знать, почему я так много знаю о ФБР, то это легко объяснить. Дело в том, что ФБР — это очень открытое, да-да, очень открытое учреждение, занимающееся сбором информации и расследованием. Агенты ФБР работают по всей территории Соединенных Штатов. Они находятся в тесном контакте с местными полицейски-

ми управлениями. Но ФБР имеет право расследовать... з-з... лишь определенные дела. Например, если бы в моем родном городе было совершено берглэри * и похищено две или три тысячи долларов, то ФБР не имело бы права расследовать это дело. ФБР может вмешиваться лишь тогда, когда речь идет о другой, весьма определенной сумме или когда преступление совершено лицом, укрывшимся затем в другом штате.

— А-а, понимаю, понимаю. ФБР занимается федеральными преступлениями.

Слово «федеральный» Митрионе вряд ли ожидал услышать от «тупамаро», поэтому решил, что тот учился в Соединенных Штатах. В тюрьмах Монтевидео заключенные часто шутили по поводу того, что представители обеих противоборствующих политических сил учились в Соединенных Штатах. «Тупамарос» уезжали туда, получив стипендию от какой-нибудь американской студенческой организации (типа «Молодежь за взаимопонимание»), в то время как полицейские приглашались на учебу в Международную полицейскую школу американским правительством.

— Совершенно верно, — сказал Митрионе. — Агенты ФБР начинают действовать лишь тогда, когда нарушаются федеральные законы. Они не имеют никакого отношения к государственной безопасности. Этим занимаются секретные службы. И деньги им выделяет министерство финансов.

— Как же так получается? Не может быть, чтобы вы совершенно ничего не знали о ЦРУ. Хоть что-то вы должны знать?

— Хочу еще раз сказать, что знаю лишь то, что ЦРУ — точно такая же организация, как и в любой другой стране мира. — Это был стандартный ответ, который давали слушателям Международной полицейской школы. — В каждой стране есть аналогичная организация. — Митрионе, однако, не добавил (а возможно, он и сам того не знал), что ни в Бразилии, ни в Уругвае подобной организации не существовало до тех пор, пока Соединенные Штаты не помогли им создать ее. — Что же касается внутренней структуры ЦРУ, то, извините, я об этом ничего не знаю. Я вам честно говорю.

— Я вам верю. И все же...

* Незаконное вторжение в любое помещение с намерением совершить уголовное преступление. — *Прим. перев.*

— Я вам честно об этом говорю потому, что наша работа, работа четырех советников, ведется в открытую. У нас все на виду. Все решительно.

— Так-так, понятно. Хотя, — продолжал «тупамаро», как-бы рассуждая вслух, — у моих товарищей, должно быть, есть...

— Я говорю о своем подразделении и только, — быстро прервал его Митрионе. — Чем занимаются другие, я не знаю. — Он сказал это так решительно, что теперь вряд ли кто поверил бы, что ему действительно больше нечего сказать. — Если кто-то и занимается чем-то еще, то я об этом ничего не знаю. Ровным счетом ничего! К тому же...

— Мы кое-что и так знаем, — сказал «тупамаро», заглушив своим голосом конец последней фразы Митрионе. Позже, прослушав магнитофонную запись разговора, повстанцы расслышали всю фразу:

— К тому же я и знать об этом не желаю.

— У нас есть собственное «ЦРУ». И очень хорошее, — продолжал «тупамаро» и засмеялся — тихо, но не без гордости.

— Что ж, я так и думал. Но мы-то с вами хорошо знаем... мы-то с вами не такие уж дураки, чтобы не знать, что в каждой стране есть собственное учреждение, занимающееся сбором разведданных.

— Я вас ни в чем не виню.

— Лично я к этому учреждению не имею никакого отношения. Именно это я и хочу вам сказать.

— Ну хватит. Последнее слово все же остается за нами. Вы это прекрасно понимаете. У нас есть собственные средства все это проверить.

— Разумеется. — Митрионе сказал это бесстрастным голосом, и непонятно было, соглашается он или нет.

— Ну, а что вы думаете о нас?

Это был один из тех вопросов, которые обычно задают в Латинской Америке всем, кто приезжает туда с севера. Их всегда спрашивают, что думают там, в Соединенных Штатах, например, о Рио. Или о Лиме. Или о Сантьяго. Учтивых ответов при этом столько же, сколько и самих туристов. Но ни один из ответов не содержит правды, потому что, если бы североамериканцы отвечали на этот вопрос откровенно, то непременно говорили бы: «А мы вообще о вас не думаем».

«Тупамаро» пытался теперь дать Митрионе возможность расслабиться — старый прием, которым выпускник

Международной полицейской школы воспользовался бы более умело.

— Мне не хотелось бы... как бы это сказать... просто сидеть здесь с вами и болтать впустую.

— Вы имеете в виду «тупамарос»?

— Да. Вы, наверное, знаете о нас достаточно. Вы ведь давно у нас в стране? Как долго вы уже здесь?

— Один год.

— Один год?

— Да.

— Довольно много.

— Вы работаете чисто, — сказал Митрионе как можно искреннее. — Чисто работаете, ничего не скажешь, — повторил он. — Вы хорошо организованы. Должно быть, у вас отличные руководители.

— Ну, что касается руководителей, то должен вам сказать (надеюсь, вы поверите), — засмеялся «тупамаро», — у нас вообще нет никаких руководителей. У нас есть лишь более и менее ответственные люди. Но у нас нет ни начальников, ни боссов. Никто не командует.

— И это правильно?

— Да, правильно. Все вопросы мы решаем сообща. Никто из нас не считает себя главным. По крайней мере я. Среди нас есть, конечно, и довольно ответственные люди. Но они, в общем, такие же, как все.

Это была такая же попытка идеализировать повстанческое движение, как и заверения Митрионе в том, что ФБР — это открытое учреждение.

7 августа, в пятницу, полиция Монтевидео схватила 38 «тупамарос», включая самого ответственного члена этой организации — Рауля Сендика. Все арестованные сказали, что не знают о местонахождении ни Митрионе, ни Флая, ни бразильского дипломата.

Позже, уже в тюрьме, некоторые «тупамарос» утверждали, что арест Сендика и других руководителей организации означал окончательный приговор Митрионе. Их арест не только убедил Пачеко в том, что повстанческому движению в Уругвае скоро, видимо, придет конец, но и в том, что он выключил из игры наиболее опытных членов организации, которые могли бы не допустить убийства Митрионе.

А тот тем временем слушал, как «тупамаро» уверял его в отсутствии какого-либо руководства в его организации.

— Так, — сказал Митрионе. — Теперь мне совершенно ясно, что у вас очень хорошая дисциплина.

— Стараемся.

— Я говорю это потому, что действуете вы весьма успешно.

— Мы, наверное, первые уругвайцы, которые не оставляют на завтра то, что можно сделать сегодня.

— По-видимому, — ответил Митрионе.

— А что вы думаете о таких вопросах, которые нас самих очень интересуют, — политике и истории?

— Даже не знаю, что и сказать. Мне кажется, очень трудно знать... достаточно много о... В общем, для того чтобы узнать, какие реальные проблемы стоят перед страной, необходимо самому пожить в ней, и довольно долго. У вас, конечно, есть проблемы. Но должен сказать, что в некоторых вопросах вы... вы совершенно правы. Я, правда, не могу согласиться с теми методами, какими вы их решаете. Думаю, что такое общее замечание могут сделать многие.

Тут «тупамаро» начал разъяснять Митрионе реальности политической жизни в Уругвае (точно так же, как когда-то это делал член бразильской подпольной организации «МР-8» Элбрику).

— Я хочу сказать вам вот что. Чтобы вы были в курсе. Сегодня, то есть... ну да, сегодня (мы узнали это из утренних газет) на 10 дней были закрыты еще две газеты. Всего получается... Я даже не знаю сколько. Понимаете?

Но в данном случае «тупамаро» беседовал не с Элбриком, и ему не удалось найти общий язык с Митрионе.

— Сегодня закрыли две газеты? — переспросил Митрионе.

— Да. Потому что...

— Еще две?

— Да, еще две. Кроме тех, которые были закрыты вчера и позавчера. А почему — никто не знает. Видимо, потому, что эти газеты напечатали информацию, которая там не должна была появляться. Кроме того, многие политические партии у нас в стране запрещены. Вы это знаете лучше меня.

— Да, конечно, — сказал Митрионе и продолжил неуверенным голосом: — Мне кажется... я многого здесь не знаю, но...

— Вы знаете, кто такой Сина Фернандес? Вы знакомы с ним?

«Тупамаро» имел в виду армейского полковника, назначенного на пост начальника полиции Монтевидео. На этой должности тому не повезло. Сначала кто-то оставил ворота тюрьмы открытыми, и из нее сбежала группа заключенных женщин — членов организации «тупамарос». Затем была разоблачена группа полицейских чиновников, которые тратили тысячи песо на всевозможные увеселения прямо по месту службы. И что хуже всего, несмотря на цензуру, в прессу стали просачиваться сообщения о применении полицией пыток, и в результате оппозиция в парламенте подняла громкий шум. Когда же был убит еще и Моран Чаркеро, Пачеко заставил Сину Фернандеса подать в отставку.

— Да-да, я встречался с Синой Фернандесом. Помню.

— Что вы о нем думаете?

— Как вам сказать, — улыбнулся Митрионе. — Я знал его как начальника полиции и армейского полковника. Вот и все. Дома у него я никогда не бывал.

— А на вечеринках? — лукаво спросил «тупамаро».

— О его вечеринках я тоже ничего не знаю. А к кому он примыкал?

— К кому примыкал?

— Да. К «Бланко»* или «Колорадо»**? — Митрионе хотел спросить, в какой политической партии тот состоял. Вопрос прозвучал совершенно неуместно. Возможно, он просто не понял своего собеседника ***.

— Понятия не имею, — с недоумением ответил «тупамаро».

— И я тоже.

— Но вы знаете хотя бы, что он был подлецом? — спросил «тупамаро».

— Судя по тому, что писалось о нем в газетах, это, видимо, действительно так.

---

* Партия «Бланко» (Национальная партия) возникла в первой половине XIX в. и представляет латифундистов, крупную и мелкую буржуазию, часть средних слоев интеллигенции. — *Прим. перев.*

** Партия «Колорадо» (Батльистская) возникла примерно в то же время и является одной из крупнейших традиционных партий уругвайской буржуазии. Ее многочисленные группировки именуют себя батльистскими, по имени ее бывшего лидера Х. Батлье-и-Ордоньеса. — *Прим. перев.*

*** В английском языке слово «party» означает одновременно и «вечеринку» и «политическую партию». — *Прим. перев.*

— А ведь он был начальником полиции. Вы, клянусь, намного честнее. — Оба собеседника, как видно, были не прочь и похвалить друг друга. — Я лишь хочу сказать, что вы занимаетесь тем, во что искренне верите и за что получаете деньги. Вы просто...

— В общем, вы правы, — прервал его Митрионе, не обращая внимания на некоторую двусмысленность замечания «тупамаро», которое можно было понять как: «Вы, мол, фанатик и продажный человек». — У меня на этот счет твердое мнение. Я считаю, что если городские власти бесчестны, то как можно рассчитывать на честность других людей? — Этот довод получил широкое хождение в стенах полицейской школы, где отсутствие или наличие высоких моральных принципов иногда определялось способностью или неспособностью человека брать взятки.

— Против этого мы и боремся, — сказал «тупамаро».— Мы против всякого насилия. Вы сами видели, как мы с вами обращались, когда вас ранили. Мы сразу же вызвали доктора. И он пришел немедленно.

— Должен сказать, вы были очень любезны.

— Вас осматривал не один доктор, разве не так? У нас здесь есть все, чтобы избежать любых неприятных неожиданностей. Поверьте, нам вовсе не нравится убивать людей, — продолжал «тупамаро» извиняющимся тоном, — но мы будем это делать и делаем, когда это необходимо. Мы, например, не задумываясь, убили Морана Чаркеро, потому что знали, что делаем нечто такое, за что наши товарищи будут нам благодарны. Ведь это был настоящий садист, пытавший людей... И таких, как он, еще немало. Рано или поздно, но мы с ними расправимся, будьте уверены.

— На это я могу сказать лишь одно. Было бы хорошо, если бы все ваши проблемы были разрешены еще до того, как будут новые человеческие жертвы и с той, и с другой стороны. — Митрионе вновь заговорил тоном оратора, выступающего на собрании, словно сам он ко всему этому не имел никакого отношения. — Этим ничего не добьешься, поверьте.

— Мы сами хотели бы того же. Но наши проблемы вряд ли будут разрешены в ближайшем будущем.

— Будем надеяться. Ведь чудеса случались и раньше.

— Что?

— Я сказал, чудеса случались и раньше. И еще мне хочется сказать вот что. «Тупамарос» — не марсиане. Все

вы уругвайцы, а не какие-нибудь пришельцы с других миров или заклятые враги. Все вы хотите, чтобы ваше правительство что-то делало, и делало лучше. Поэтому я и говорю, что вам следовало бы объединить свои усилия. Вы могли бы это сделать, потому что Уругвай — не Соединенные Штаты, где существует четкое разграничено между черными и белыми.

— Да, там это довольно серьезная проблема, не так ли?

Митрионе прожил два года в окрестностях Вашингтона, и поэтому не скрывал своих эмоций:

— Еще бы! Куда уж серьезней! Но у вас-то этой проблемы нет. Здесь все уругвайцы. Единственное, что вас разъединяет, — это философия и идеология.

— Да, но здесь очень трудно обойтись без насилия. Очень трудно. Я долго не решался на это, но потом все же пришлось. И тогда я перестал бояться за свою жизнь. Я стал больше думать о голодных и эксплуатируемых. Никто из нас не дрожит за собственную шкуру и готов умереть в любую минуту. Такова наша судьба. Мы действительно готовы отдать жизнь за дело, которое считаем главным. Понимаете?

Затем, видимо, «тупамаро» оставил попытки обратить Митрионе в свою веру и вновь перешел к допросу. Его интересовала связь между военной полицией и Управлением политического и общественного порядка (ДОПС).

— Когда вы работали с военной полицией в Бразилии, какого рода отношения та поддерживала с ДОПС?

— ДОПС?

— Да.

— Ах, ДОПС. В то время я мало что знал о ДОПС. Это ведь политическая полиция, да?

— Да.

(Через 9 месяцев в сенатской подкомиссии, возглавлявшейся Фрэнком Чэрчем, Теда Брауна, старшего полицейского советника из Управления общественной безопасности, работавшего тогда в Бразилии, спросят, что ему известно об ОБАН, и тот ответит: «Название мне знакомо, но в данный момент я что-то не могу припомнить, что это за организация».)

— Как мне кажется, одной из причин трений между ними было то, что сотрудники политической полиции, ДОПС, были более... Ну, вы сами понимаете. Их назначали по политическим соображениям. А в руководстве воен-

ной полиции в основном были люди, выдвинувшиеся из низов. В ДОПС люди были более...

— Дисциплинированны?

— Да. Как в армии. Как военные. Но к ним я не имел никакого отношения. И знал о них не много.

— Насколько я понимаю, подготовка военной полиции в основном ведется по линии борьбы с повстанцами. Ведь теперь это главная проблема.

— Видите ли, — упорствовал Митрионе, желавший, судя по всему, отмежеваться по меньшей мере от самых одиозных эксцессов периода, когда в Бразилии орудовали ОБАН и ДОПС, — в то время мы еще этим не занимались, потому что тогда проблема повстанцев не стояла так остро. Тогда о ней еще так много не говорили. Мы обучали местную полицию лишь методам... э-э... методам борьбы с забастовками... решению такого рода проблем. И еще тому, как действовать во время демонстраций, как применять при этом гуманные методы и стараться по возможности не причинять никому вреда. Мы также учили их, как драться, если... если придется. Вы понимаете.

— Да, конечно, — сказал «тупамаро», давая понять, что это ему уже хорошо известно. — Мы читали инструкции, которые вы посылали в латиноамериканские полицейские управления. Мы кое-что знаем.

— Да-да. Но теперь инструкции уже другие. Вы это тоже знаете.

«Тупамаро» смущенно улыбнулся, показывая тем самым, что ему неловко за Митрионе, что он знает много такого, в чем тот не хочет признаться.

— Мы читали специальные инструкции по ведению допроса, — сказал он. — Очень любопытный материал.

Помолчав немного, «тупамаро» спросил:

— А когда вы собираетесь подавать в отставку? Конечно, если все будет хорошо и вы вновь окажетесь на свободе. Вы вернетесь к себе? К родным?

— Если я вновь окажусь на освободе, — твердым голосом ответил Митрионе, — я соберу все свое семейство и поеду на родину, чтобы последние дни своей жизни провести там.

— Понимаю, — сказал «тупамаро», показывая, что ему понятны тревога и волнения, выпавшие на долю Митрионе за последнюю неделю. — Вам пришлось туговато.

— И сделаю это как можно быстрее.

— Мы тоже надеемся, что все это скоро кончится. Мы... А вы куда поедете? В Индиану?

— А почему бы и нет? — Митрионе в свои 50 лет, казалось, уже всерьез обдумывал, где коротать последние годы жизни. — Конечно же, поеду в Индиану. Ведь там мой дом.

— Ну, а как там ведут себя студенты?

— Студенты? У них свои проблемы. Они тоже устраивают демонстрации. Да тут еще эти хиппи.

«Тупамаро» неодобрительно хмыкнул: во всех странах повстанцы не очень-то любят всех этих «детей-цветов».

— И «йиппи», — продолжал Митрионе. — И «Студенты за демократическое общество». И...

— И «уэзермены»?

— Да, и «уэзермены» *. Конечно, нельзя сказать, чтобы они были во всем не правы. Нет. У них тоже есть хорошие идеи и мысли.

— Вы считаете?

— Уверен в этом. И среди них есть немало толковых парней. Они не все пустышки. Некоторые из них, как мне кажется, просто ленивы. — Митрионе нелегко, видимо, было избавиться от старых предубеждений даже здесь, в «народной тюрьме». — Но у некоторых из них есть и хорошие идеи. Мне кажется, люди старшего поколения должны прислушиваться к ним чуть больше.

— Да, я тоже так считаю, — сказал «тупамаро». — По крайней мере, они наделали столько шума, что к ним просто обязаны теперь прислушаться.

— Что верно, то верно. Вы правильно сказали: они просто хотели высказаться, но их никто и слушать не стал. Поэтому они и прибегли к насилию.

— Вы видели фильм «Забриски-пойнт»? — «Тупамаро» имел в виду фильм Микеланджело Антониони о бунтующей молодежи в калифорнийской Долине смерти.

— Нет. Я не был в кино уже целую вечность... В последний раз я видел, если не ошибаюсь, «Смешную девчонку». Но это было давно.

* «Хиппи», «дети (люди) — цветы», «йиппи», «уэзермены» — различные группы молодежи (часто из обеспеченных семей), которые отвергают мораль и условности буржуазного общества, проповедуют независимость от семьи и общества, ведут бродяжнический образ жизни, ищут выход в отказе от цивилизации и в свободной любви, увлекаются наркотиками, иногда (особенно наркоманы) прибегают к насилию, отличаются экстравагантным внешним видом. — *Прим. перев.*

— Неплохой фильм.

— Прекрасный фильм, — искренне согласился Митрионе.

— Да, неплохой, — повторил «тупамаро» без всякого энтузиазма.

— А о чем этот «Забриски-пойнт»?

— О насилии в Штатах.

— В самом деле?

— Да.

— Интересно, — сказал Митрионе.

— Там это показано впечатляюще.

— Может быть. Что касается меня лично, то я предпочитаю коротать вечера в кругу семьи, с детьми. Я редко выхожу из дому вечером. Бывает, иногда приходится пойти на вечеринку или коктейль. А так — в основном сижу дома.

«Тупамаро» опять улыбнулся — на этот раз сочувственно.

— Бóльшую часть своего времени я провожу дома, с семьей.

— А дипломатической работы много?

— Нет, не очень.

— Вы встречались с президентом?

— С президентом? Каким? Уругвая?

— Да.

— Нет, не встречался.

— А жаль. Интересный тип. — «Тупамаро» презрительно улыбнулся, всем своим видом показывая, что президент Пачеко — глубоко ненавистный ему человек.

— Не имел удовольствия.

— Удовольствия? Как бы мне самому хотелось с ним встретиться! При тех же обстоятельствах, что и с вами. Лично к нему я особого отвращения не испытываю, нет. Но мне очень не нравится то, что он делает... С вами приятно разговаривать. Я хочу сказать, вас голыми руками не возьмешь. Вы избрали правильную тактику. С нами так и нужно себя вести. Вы понимаете, что находитесь у нас в руках и сделать уже ничего не можете, поэтому...

— Я целиком в вашей власти. — сказал Митрионе таким тоном, словно хотел сказать: «Я целиком к вашим услугам». — В самом деле. И я это прекрасно понимаю.

— Ну это не совсем так. Я не могу найти подходящего английского слова, но постараюсь вам объяснить... Я бы

не сказал, что вы целиком в нашей власти. Многое зависит от вашего правительства и от давления, которое оно окажет на наше правительство. Но... вы знаете, кто сидит в соседней комнате? — Он имел в виду Диаса Гомиде. — Он шумит больше, чем вы.

— Единственное, о чем я сейчас жалею, — сказал Митрионе, — это то, что в данной ситуации страдает так много невинных людей. — Его голос стал решительным и полным негодования. — Я имею в виду жену и детей. Они-то как раз и не должны страдать.

— У меня... у меня тоже есть жена и дети, — ответил «тупамаро». Он стал говорить сбивчиво, и от этого казался еще моложе. — Но разница между нами в том, что вы делаете свое дело за деньги, а я — нет. Вы сами в этом признались. Вы сами выбрали себе работу, а ваше правительство — политический курс. Вы находитесь на службе у своего правительства и поэтому действуете согласно его предписаниям.

— Ну и что? — сказал Митрионе.

— Мне тоже их жаль — вашу жену и детей. Но мне жаль также и семьи моих товарищей, которые находятся в тюрьме и которых пытают и убивают.

— В этом вы правы, — сказал Митрионе.

— Как много еще людей страдает на свете! И сколько среди них невинных! Вы, например, знаете, что каждый год в Латинской Америке от голода умирает около миллиона детей в возрасте до пяти лет?

— От голода?

— Да, сэр! Разве так надо контролировать рождаемость?

— Нет, конечно.

— А что вы думаете о других повстанческих движениях? Ведь все они действуют по-разному.

— Каждое движение должно, видимо, действовать, исходя из конкретных условий. Действовать как можно более эффективно. Судя по тому, что я читал о «тупамарос», они... они чуть лучше других, потому что убивают лишь тогда, когда по-другому нельзя. Другие же, как мне кажется, сначала стреляют, а потом уже задают вопросы.

— Вот как получается, — сказал «тупамаро», улыбнувшись. — Я тоже думаю примерно так же. Здесь другие условия. У Уругвая совсем иная история. Не такая, как у других стран.

— Я в этом не сомневаюсь.

— В Бразилии, например, насилие распространено больше, чем в Уругвае. Или в Боливии, Гватемале.

— Там оно обычное явление, вы это хотите сказать?

(Вскоре после этого писатель Хосе Иглесиас посетил Рио, чтобы взять несколько интервью для журнальной статьи. Один бразилец, хорошо знавший свою историю, сказал ему: «Не знаю, известно ли вам, но все эти пытки, смертные приговоры за подрывную деятельность, террористические акты подпольных групп — все это когда-то было чуждо нашей стране. Да, у нас часто происходили перевороты, но они никогда не были связаны с насилием».)

— Да, — ответил «тупамаро». — Мне кажется, что человеческая жизнь там ценится меньше. Так что...

— Да-да.

— Так что...

— Другими словами, — сказал Митрионе и зевнул. — Извините. Другими словами, уругвайцы (я в этом уверен) не такие.

— Но и у нас в стране пытают людей. В Бразилии, правда, все еще ужасней. Я с удовольствием расправился бы с господином Флеури. Вы его знаете. Шефа...

— Шефа полиции? — переспросил Митрионе. Было очевидно, что вопрос «тупамаро» не был таким уж безобидным, хотя тот и пытался задать его как бы между прочим. Хотя Флеури и орудовал в Сан-Паулу, его «подвиги» были хорошо известны далеко за пределами этого города, поэтому Митрионе, принимавший самое активное участие в полицейской кампании против повстанческого движения в Латинской Америке, должен был знать о нем.

— Нет, не шефа полиции. У них там есть специальный... как же он называется?

Во время допроса в комнате находился еще один человек (возможно, охранник), который шепотом теперь подсказывал: «Эскадрон смерти». Но ни «тупамаро», ни Митрионе не обратили на это внимания.

— Как его фамилия? — спросил Митрионе.

— Флоури, а может, Флури. Я не знаю, как бразильцы произносят эту фамилию.

— Я тоже не знаю. А где это было? В Рио? В столице?

— Я знаю лишь, что он из Бразилии. Он и к нам приезжал. Преподавать. Четыре или пять месяцев тому назад.

— Вот как?

— Да. Он из «эскадрона смерти», или как он там у них называется.

— Ах, вон оно что.

— Он был здесь. В Пунта-дель-Эсте. Жаль, что мы с ним тогда не встретились, — криво усмехнулся «тупамаро».

— Зато вы со мной встретились, — попытался пошутить Митрионе.

— И то правда. Уж вас-то мы не упустили. Я, правда, здесь ни при чем. Я узнал, кто вы, лишь от вас самих и от моих товарищей. А вчера утром мы действительно хорошо с вами поговорили. (Возможно, в целях безопасности Митрионе перевезли теперь в другое место.) — Но мы не можем долго с вами разговаривать просто так, нам ни к чему ненужная информация. Это наш принцип. Хотелось бы, правда, чтобы вы говорили больше меня.

— Можно еще стакан воды?

— Да, конечно.

Кто-то принес воду. Митрионе сделал большой глоток и вздохнул.

— А что, по-вашему, произойдет со всей Латинской Америкой? — спросил «тупамаро».

— Думаю, с Латинской Америкой будет все в порядке. Не знаю, через какое время все это произойдет. Да это и не важно. Здесь немало людей, любящих жизнь. В каждой стране есть такие люди. Правительства действительно сталкиваются с трудными проблемами. Но когда-нибудь они все же будут разрешены. Запомните мои слова.

— Непременно, — пообещал «тупамаро».

— Когда-нибудь все проблемы будут разрешены. Это уж точно. Все эти здания, магазины, школы, футбольные поля — это ведь все выросло не само собой. Все это построили умные и образованные люди. Нельзя же вот так взять все и за один день уничтожить.

— Нет, конечно. Будем надеяться на лучшее.

— А я не надеюсь — я знаю. Вопрос лишь в том, сколько времени понадобится для решения всех этих проблем. В одних странах на это уйдет больше времени, в других — меньше.

— Дело в том, что есть люди, которые очень сильно любят то, что имеют. А имеют они очень много. И будет очень трудно отобрать это у них.

— Да, это действительно так. Это одна из проблем Латинской Америки.

— Небольшая горстка людей контролирует здесь слишком много. Я имею в виду «Бэнк оф Америка», «Ферст нэшнл сити бэнк», «Чейз Манхэттен бэнк». Эти банки очень могущественны.

Охранник снова наполнил стакан водой.

— Спасибо, — сказал Митрионе и сделал еще один глоток.

— Они действительно очень могущественны, — повторил «тупамаро».

— Но так было уже лет 100. Это началось...

— Да, но мы должны положить этому конец.

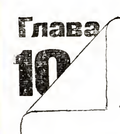
— Я хотел сказать, что так было уже давно. Это началось не сегодня и не вчера.

— Извините, я должен отлучиться, — сказал «тупамаро» и вышел. Вернувшись, он сказал:

— Мне нужно заняться кой-какими делами. Продолжим разговор позже. Хорошо? — Они разговаривали уже полчаса.

— Хорошо, — ответил Митрионе.

На этом запись прерывалась. Это были последние слова Митрионе. Его близкие услышали их лишь много дней спустя, когда Дэна Митрионе уже не было в живых.



В 4.25 утра в понедельник 10 августа 1970 года на заднем сиденье угнанного «бьюика» выпуска 1948 года было найдено тело Дэна Митрионе. Он был связан, а во рту торчал кляп. Убит он был двумя выстрелами в голову.

В 9.00 президент Пачеко объявил в стране национальный траур в связи с гибелью Митрионе.

В 11.30 генеральная ассамблея Уругвая прекратила дебаты по вопросу о гражданских правах и объявила перерыв. Собравшись снова через полтора часа, она одобрила решение о продлении чрезвычайных полномочий президента Пачеко.

В 17.15 генеральная ассамблея 76 голосами против 30 проголосовала за временную отмену всех прав и свобод, гарантируемых статьей 31 конституции Уругвая, и провозгласила чрезвычайное положение. На 20 дней было приостановлено осуществление права собственности, свободы собраний, личных свобод и свободы выражения мнений.

Пачеко и его служба безопасности воспользовались убийством Митрионе для установления диктаторского режима в Уругвае. На поиски Флая и Диаса Гомиде было брошено 14 тыс. солдат и полицейских.

Демократическое правление в Уругвае находилось под угрозой уже два года, и Алехандро Отеро был одним из тех, кто хорошо понимал, что теперь страна уже никогда не будет такой, какой она была прежде. Он больше не руководил борьбой с «тупамарос», поскольку еще несколько месяцев назад был смещен со своего поста. Произошло это после того, как ЦРУ и американские полицейские советники решили ужесточить борьбу с повстанцами и привлечь к ней более решительно настроенных уругвайцев. Отеро чувствовал себя глубоко оскорбленным и остро переживал свое смещение.

Бразильский журналист Артуро Айморе прибыл в Монтевидео с заданием собрать материал о похищении Диаса Гомиде и подготовить статью для своей газеты «Жорнал ду Бразил». Из местных источников он узнал кое-что и о деятельности уругвайской полиции, развернувшей широкую кампанию против «тупамарос». Ему стало известно, что Дэн Митрионе оснастил службу безопасности техническим оборудованием, что Соединенные Штаты ввели в Уругвае общенациональную систему удостоверений личности (наподобие бразильской), а также что пытки стали обыденным явлением в полицейском управлении Монтевидео.

Но редакция посылала Айморе в Уругвай не за этим. Ему было поручено на месте разобраться, почему так долго уругвайские власти не освобождают Диаса Гомиде. Ведь бразильский народ, глубоко возмущенный бездушием и бессердечностью правительства Пачеко, хочет знать, почему тот упорно не соглашается выполнить условия повстанцев и освободить консула. (Жена бразильского консула все же собрала четверть миллиона долларов, и 21 февраля 1971 года Диас Гомиде был наконец освобожден, после того как просидел в заточении шесть с половиной месяцев.)

Когда было найдено тело Митрионе, работа Айморе над статьей несколько замедлилась, и он попросил одного из своих уругвайских знакомых устроить ему встречу с Алехандро Отеро с тем, чтобы тот подробнее рассказал ему об американской программе полицейской консультативной помощи. Отеро в то время преподавал в полицейской школе Монтевидео, поэтому они условились встретиться в его служебном кабинете. В беседе с корреспондентом далекой иностранной газеты Отеро и излил душу, дав волю своему негодованию и возмущению.

В самом начале интервью он сказал, что вполне допускает, что при проведении допроса полиция может прибегать ко всякого рода хитростям и уловкам. Когда-то все сводилось к тому, кто кого перехитрит. Единственным оружием полицейского были обман и хитрость. Однако с приездом американских советников (особенно после прибытия Митрионе) широкое распространение получили научно разработанные методы пыток, а это уже противоречило жизненным установкам Отеро. Советники ратовали за применение психологических пыток, цель которых состояла в том, чтобы вызвать у заключенного чувство отча-

яния. В соседней комнате они, например, включали магнитофон с записью женского крика и детского плача и говорили заключенному, что это пытают его жену и детей. Заключенным вводили иглы под ногти, а затем пропускали через них электрический ток. Электричество подводилось и к половым органам. Отеро рассказал Айморе о своей знакомой, которую тоже пытали, и о том, что Митрионе игнорировал все его протесты. По его словам, Митрионе был приверженцем крайне жестоких методов.

Когда Айморе встал, чтобы попрощаться и немедленно засесть за статью, Отеро сказал: «И последнее. Моя фамилия в вашей статье фигурировать не должна». Айморе согласился. Вскоре статья была готова, и он отправил ее в газету. В тексте он ссылался на «полицейские источники», однако в короткой сопроводительной записке редактору он все же указал подлинный источник обличительной информации о Митрионе. Когда Айморе еще раз позвонил в газету, редактор сказал: «Без фамилии Отеро этот материал не пойдет». Айморе позвонил Отеро и сообщил о возникшей проблеме. «Если что, — услышал он в ответ, — скажите, что я с вами вообще не беседовал. Иначе я потеряю работу».

Трудно понять, почему Отеро решил, что его имя не будет скомпрометировано. Как бы там ни было, «Жорнал ду Бразил» на всякий случай поместила статью где-то на внутренних полосах, но такого рода обвинения трудно было напечатать так, чтобы их никто не заметил.

Через день после появления статьи Айморе в Рио (он в это время все еще находился в Монтевидео) к нему в отель пришли два агента уругвайской службы безопасности и сотрудник «Интерпола» с предписанием явиться в полицию для допроса. Айморе в тот момент в номере не было. Узнав о непрошеных гостях, он связался с бразильским послом, который пообещал ему дипломатическую защиту, но все же посоветовал добровольно явиться в полицию.

Айморе и его коллега Алберто Колекза пришли в участок. Их тут же заперли в крохотную камеру, где сидеть было не на чем, и продержали там четыре часа. Первым на допрос увели Колекзу. Через некоторое время пришли и за Айморе.

— Зачем вы меня сюда вызвали? — спросил он.

— Мы ведем расследование, чтобы выяснить, действительно ли Отеро сказал то, что напечатано у вас в газе-

те, — ответил один из трех находившихся в комнате полицейских (видимо, начальник). — Колекза уже все нам рассказал.

Айморе знал, что это всего лишь блеф, так как Колекзе он не рассказывал ничего.

Затем Айморе сунули какую-то бумажку и велели подписать, не читая. Он отказался.

— Я хотел бы сначала прочесть, что там написано, — сказал он. — Может быть, тогда подпишу.

Начальник разорвал бумажку.

У Айморе — невысокого, но крепкого парня — за спиной было собственное посольство и поддержка одной из крупнейших газет на континенте. И все же он начал испытывать беспокойство. Судя по всему, подумал он, Отеро не отрицал, что говорил с ним о чем-то. Он, видимо, не признался лишь в том, что критиковал Митрионе.

— Где и когда вы встречались с Отеро? — спросил начальник.

Айморе ответил, что они действительно встречались, но кто организовал эту встречу и где она проходила, он не скажет.

Тогда начальник спросил, каких политических взглядов придерживается сам Айморе и как он относится к «тупамарос». Айморе пробормотал в ответ что-то невнятное. Начальник, разозлившись, предупредил, что молчание может дорого ему обойтись. Айморе продержали в полиции два часа и все это время задавали одни и те же вопросы.

В 4 часа дня бразильского журналиста освободили, а уже через час посол сообщил, что уругвайское правительство объявило его persona non grata, и посоветовал Айморе оставаться в посольстве до отлета ближайшего самолета. Устроившись на диване, тот вздремнул немного, а в 6 часов утра вылетел из Рио.

Благополучное возвращение на родину не положило, однако, конец всем его неприятностям. Редактор «Жорнал ду Бразил» Алберто Динес вызвал строптивого журналиста к себе и сказал, что посольство США оказывает на газету колоссальное давление, требуя его уволить.

— Айморе, — спросил редактор, — вы можете поклясться, что все, что вы написали, — чистая правда?

— Да, могу. Это чистая правда.

Газета не поддалась нажиму, и Айморе не уволили.

Тем временем в Вашингтоне Байрон Энгл, видимо, на-

деялся, что из Дэна Митрионе можно будет сделать мученика. Ведь то, что произошло с ним, отвечало всем канонам его классической схемы: жертва имелась; люди Энгла завладели телом физически; гроб был торжественно пронесен по улицам Индианы; состоялись гражданская панихида и похороны; были проведены, наконец, специальные поминальные службы. Даже «Нью-Йорк таймс» косвенно поддержала эту идею, назвав в редакционной статье убийство Митрионе «абсурдным» и обвинив «тупамарос» в применении тактики времен Гитлера. Вот почему, узнав о статье в «Жорнал ду Бразил», Энгл был глубоко возмущен тем, каким образом в ней освещалось все это дело. Он тут же заявил, что статья — результат сговора. «Все три бразильских журналиста, — сказал он, — утверждали, что не писали статьи. Как выяснилось позже, она была подсунута редактору кем-то из своих же сотрудников, просто-напросто сочинивших всю эту историю».

После убийства Митрионе уругвайский режим ужесточил действия против «тупамарос». Те в ответ взорвали кегельбан в Карраско, где часто бывали сотрудники американских учреждений. На стене одного из ночных клубов повстанцы язвительно написали: «Танцуют все или никто».

8 января 1971 года «тупамарос» похитили британского посла Джеффи Джексона, который легкомысленно пренебрег мерами предосторожности, за что и поплатился восьмимесячным заточением в одном из подвалов Монтевидео. Через некоторое время в уругвайскую столицу прибыл агент британской секретной службы, и сотрудники политического отдела американского посольства стали восхищенно наблюдать, как он готовится к освобождению Джексона.

В начале сентября 1971 года более 100 «тупамарос» бежали из тюрьмы в Пунта-Карретас, воспользовавшись заброшенным 50-метровым тоннелем, который вывел их в соседний с тюрьмой дом. Поначалу журналисты восприняли этот побег как еще одно подтверждение некомпетентности уругвайской полиции. Однако потом, когда «тупамарос» освободили посла Джексона, все это стало сильно смахивать на сделку между повстанцами и президентом Пачеко. Если в случае с Дэном Митрионе тот отказался пойти на аналогичный шаг, то в случае с британским пос-

лом он, видимо, решил тайно выполнить требования «тупамарос». Во всяком случае, карьера полковника, который в то время был начальником тюремной охраны, не пострадала. Более того, он даже получил повышение по службе, став старшим помощником генерала Грегорио Альвареса — одного из четырех руководителей уже набиравшей силы новой военной хунты в Уругвае.

Рей Митрионе, прочитав в Ричмонде сообщение об этом побеге, обратил внимание на то, что одним из жильцов дома по соседству с тюрьмой был человек по имени Билли Риал.

С тех пор как Рей получил магнитофонную пленку с записью допроса Дэна человеком, говорившим по-английски, он снова и снова прослушивал ее у себя дома в надежде найти там хоть какую-то зацепку, которая поможет ему отыскать убийцу. Это превратилось уже в навязчивую идею, и семья, опасаясь, как бы это не кончилось для него плохо, все время просила Рея прекратить это занятие для собственной же пользы.

Голос «тупамаро» показался Рею знакомым: он очень смахивал на голос молодого уругвайца, когда-то заходившего в спортивный магазин Кесслера. Увидев теперь в газете фамилию Билли Риала, Рей тут же решил, что производивший допрос «тупамаро» и этот молодой уругваец — одно и то же лицо. Он решил немедленно позвонить в Вашингтон и сообщить о своих подозрениях.

Билли Риал, примкнувший к секте «Святые последнего дня», был вскоре арестован полицией Монтевидео и брошен в тюрьму. Мормоны (члены этой секты) почти никогда не занимались повстанческой деятельностью. Но полицейские, видимо, подумали, что Риал как раз и был тем редким исключением. Рей, однако, ошибся. С пленки звучал совсем не голос Риала. Скорее, это был «тупамаро» по имени Бланко Катрас, который когда-то учился в США и потом был убит уругвайской полицией во время облавы в апреле 1972 года.

В марте 1971 года у Клода Флая, все еще находившегося в руках «тупамарос», случился сердечный приступ. Повстанцы доставили его к знакомому специалисту по сердечным заболеваниям, который им симпатизировал.

Осмотрев Флая, врач рекомендовал немедленно отвезти его в больницу, что и было сделано. «Тупамарос» оставили больного у входа в приемное отделение Британской больницы, положив рядом пачку электрокардиограмм и рекомендации врача относительно его дальнейшего лечения. Рекомендации были составлены грамотно и со знанием дела, поэтому медицинский персонал больницы, не теряя времени, воспользовался ими. Флай вскоре оправился от удара и вернулся в родной штат Колорадо.

Тщательно изучив бумагу, на которой были сделаны ЭКГ, и определив, какой электрокардиограф при этом использовался, американские эксперты из ЦРУ сумели выйти на врача Хорхе Дубру, уругвайского специалиста по сердечным заболеваниям, который и осматривал Флая. Дубра был арестован и брошен в тюрьму.

Моррис Зиммелман, пожилой бизнесмен из США, работавший в то время в Монтевидео, был поражен, узнав обо всей этой истории. Ведь это был тот самый д-р Дубра, который и его поставил на ноги, когда с ним случился такой же приступ. «Ну как тут определишь, — сказал он жене, — кто «тупамарос», а кто нет». И та со вздохом согласилась. Как и большинство соотечественников, они были восхищены высоким профессионализмом специалистов американской разведслужбы. Уж если им не удалось спасти от смерти Митрионе, то по крайней мере они сумели поймать человека, спасшего жизнь Флаю.

Похищение американского посла Бэрка Элбрика было настолько успешным, что бразильские повстанцы решили применить ту же тактику еще три раза. В июне 1970 года, когда Фернандо Габейра еще находился в тюрьме на Илья-Гранде близ Рио, обычные радиопередачи были вдруг прерваны специальным выпуском новостей, в котором сообщалось, что повстанцы захватили посла ФРГ в Бразилии и требуют освобождения 40 заключенных.

Спустя пять минут охрана сорвала со стен все тюремные репродукторы. Но одному заключенному все же удалось спрятать радиоприемник под подушку, и он всю ночь не смыкал глаз, дожидаясь следующего сообщения.

Только в этой тюрьме было 120 политических заключенных, и все они до самого рассвета живо обсуждали, кого же повстанцы включат в список. Фернандо имел все основания рассчитывать на то, что и его фамилия ока-

жется там. Большинство его товарищей отбывало не столь длительные сроки и могло рассчитывать на скорое освобождение. У Фернандо же не было никакой надежды, и на свободу он мог выйти лишь в результате обмена.

В ту ночь в тюрьме не спал никто. С первыми лучами солнца заключенный, всю ночь не отрывавший уха от радио, вдруг выкрикнул четыре фамилии и добавил после каждой из них: «Прощай!»

Затем раздалось: «Фернандо Габейра! Прощай!»

Услышав свое имя, Фернандо не стал прыгать от счастья: он знал, что до свободы еще далеко. Полицейские, например, могут разнюхать, где находится дом, в котором прячут посла. Ведь с ним же такое случилось.

Через полчаса полиция согнала в одно помещение всех 40 заключенных. Их стали стричь, одновременно снимая часы и отбирая все личные вещи. Затем их доставили в тюрьму КОДИ. Там Фернандо повели на последний допрос. Его спросили, что он знает о плане побега заключенных из тюрьмы на Илья-Гранде. Никакого плана не было и в помине, но Фернандо, опасаясь, как бы тюремщики не стали напоследок снова пытать его электрическим током, придумал какую-то историю, чтобы только оставили его в покое.

Дело подходило к концу. Охранники завязали заключенным глаза и заставили всех сесть в круг во внутреннем дворе тюрьмы. Один из тюремщиков стал громко выкрикивать фамилии заключенных. После каждой фамилии несколько полицейских стреляли в воздух. Другой полицейский громко при этом стонал, имитируя предсмертную агонию. «Убитый», однако, что-то громко говорил после «расстрела», чтобы товарищи поняли, что никого из заключенных не расстреливают, а лишь пытаются припугнуть других. Затем всех загнали в большой чан с водой и заставили бриться, пропуская через бритвы электрический ток. На этом все и закончилось. Полицейские выдохлись и уже не знали, что бы придумать еще.

В 9 часов утра 16 июня 1970 года Фернандо и других заключенных доставили на полицейских автомашинах на аэродром военно-воздушной базы. Там в течение шести часов их фотографировали и брали отпечатки пальцев. Наконец в 3 часа дня их посадили в реактивный пассажирский самолет бразильской национальной авиакомпании «Варнг», который взял курс на Алжир.

Полковник Фонтенел, пытавший заключенных с особой изощренностью, полетел вместе с ними. Весь полет он шутил, рассказывал анекдоты и вспоминал различные эпизоды из тюремной жизни. «Как это похоже на бразильцев», — подумал Фернандо.

В алжирскую столицу самолет прилетел в 5 часов вечера. Там освобожденных повстанцев уже поджидали журналисты и толпа симпатизировавших им алжирцев. Бразильские охранники, которым перед полетом была выдана какая-то сумма в американских долларах, хотели было пройтись по магазинам, однако их встретили настолько враждебно, что те предпочли оставаться на борту самолета и дожидаться обратного вылета в Рио. Такая враждебность была им совершенно непонятна. «Ведь то, что мы делали с вами, — жаловался один полицейский бывшему заключенному, — и наше личное к вам отношение не имеют ничего общего».

Когда 3 декабря 1970 года повстанцы похитили посла Швейцарии, никто не сомневался, что на сей раз в список заключенных для обмена будет включен и Жан-Марк фон дер Вайд: ведь он был сыном швейцарца. Весть об этом дошла до самого Жан-Марка лишь накануне рождества. К нему в камеру пришел кто-то из тюремного начальства и стал вдруг интересоваться его самочувствием. «Мы никого не принуждаем покидать страну, — сказал он. — Если хотите, можете остаться».

В тюрьме Жан-Марк приобрел репутацию неисправимого агитатора и бунтаря. Его 11 раз сажали в карцер, а затем перевели из тюрьмы на острове Цветов в застенок на военно-воздушной базе близ аэропорта Галеао в Рио. Теперь уже он имел дело с Жоао Паулу Морейра Бурниером, командующим базой. (Все это произошло за несколько месяцев до того, как была доказана причастность Бурниера к расстрелу демонстрантов в 1968 году.)

«Если бы решать пришлось мне, — сказал Бурниер, — то всех вас уже давно бы расстреляли. Мне плевать на швейцарского посла. Но предупреждаю: если его убьют, вас тоже всех укокошат. Это я вам гарантирую». Фернандо Габейра и его товарищи в свое время слышали те же угрозы, но сейчас перспектива расправы была более реальной, так как, пока шел торг, был убит Дэн Митрионе.

Переговоры затянулись. Уже и Новый год прошел, а

бразильское правительство все еще препиралось по поводу некоторых фамилий в списке. К тому же и швейцарское правительство не проявило такой настойчивости, как западногерманское, добиваясь освобождения своего посла. Все это время в камеру к Жан-Марку постоянно приходили какие-то военные и пытались убедить его не уезжать из Бразилии. При этом ставка делалась на его чувство патриотизма. Майор ВВС по имени Силва (один из самых жестоких палачей) тоже приходил к нему в камеру и говорил, что в конечном итоге и сам он, и Жан-Марк — бразильцы и это главное.

Наконец, перед самым обменом явился полковник, заявивший, что он личный представитель президента Эмилио Медичи — несговорчивого армейского генерала, сменившего на этом посту Косту э Силву.

— Я, конечно, не могу заставить вас верить, что наше правительство хорошее, — сказал полковник. — Но если вы откажетесь покинуть страну, через год вы уже будете на свободе, вернетесь к своим студентам и сможете снова протестовать, сколько душе угодно.

— Но студенты расценят мой поступок как вотум доверия правительству, — ответил Жан-Марк.

— Тогда напишите короткую объяснительную записку, — не растерялся полковник. — А мы опубликуем ее чуть позже.

— Нет. Что бы я ни написал, мое поведение будет воспринято как доверие правительству.

— Тогда я прекращаю всякие переговоры с вами, — сказал полковник.

Когда он ушел, в камеру явился человек в форме офицера ВВС, который обычно пытал заключенных. Он стал угрожать Жан-Марку новыми пытками, но делал это както вяло и неуверенно. Тогда Жан-Марк решил все же написать заявление, как того хотели военные. «Свобода, — написал он, — это самое важное для человека и для общества. Я покидаю Бразилию, избрав личную свободу, но я буду продолжать борьбу за свободу своего народа».

«Международная амнистия» (организация, созданная в Лондоне с целью борьбы против пыток и преследования политических заключенных) развернула кампанию за освобождение Маркоса Арруды. В феврале 1971 года его неожиданно выпустили из тюрьмы до суда. По рекомен-

дации адвоката Маркос покинул страну. Суд, собравшийся для слушания его дела заочно, признал Маркоса невиновным в подрывной деятельности.

Спустя некоторое время Маркос, поддержанный друзьями-католиками в США, отправился в Ватикан с намерением просить аудиенции у папы Павла VI. Маркос считал себя представителем тысяч других бразильских заключенных, которым повезло меньше, чем ему. Папа передал Маркосу грамоту, в которой говорилось, что перенесенные им страдания приближают его к Христу. «Терпи страдания свои в радости», — писал папа.

Узнав о папской грамоте, президент Медичи позвонил какому-то дальнему родственнику Маркоса и сказал, что тот клевещет на Бразилию. «Передайте этому человеку, — сказал он, — что, если он когда-нибудь попытается вернуться в Бразилию, живым он из аэропорта не выйдет».

В начале 70-х годов либералы в уругвайском сенате пытались было сформировать объединенный фронт. Однако, когда все их попытки провалились, а диктаторский режим стал еще более репрессивным, они вынуждены были бежать (как правило, в Буэнос-Айрес). Но и там их настигали «эскадроны смерти», орудовавшие в Аргентине совершенно свободно.

До окончательного разгрома движения «тупамарос» и полного подавления демократии в Уругвае повстанцы похитили Нелсона Бардесио и заставили его рассказать о своих деяниях, после чего 24 февраля 1972 года тот куда-то исчез. На допросе Бардесио признался, что полиция подбрасывала бомбы в дома неугодных лиц, а также рассказал о связях между полицией и военными в Уругвае и Аргентине. До своего официального закрытия журнал «Марча» опубликовал протокол его допроса.

«Тупамарос» вычеркнули из текста фамилии полицейских и армейских офицеров, названных Бардесио, поскольку хотели провести собственное расследование, а затем привлечь виновных к ответственности своими силами. Но даже с такими изменениями показания Бардесио подтверждали, что уругвайские «эскадроны смерти» действительно взрывали и обстреливали дома, в которых жили юристы и журналисты, подозреваемые в симпатиях к «тупамарос». Они также пролили свет на загадочные обстоятельства, при которых исчез студент по фамилии Эктор Кастаньетто (оба его брата были «тупамарос»).

«Я подъехал к дому как раз вовремя, — говорил Бардесио на допросе. — Я увидел, как Кастаньетто с завязанными глазами посадили в машину «Икса» (Бардесио детально описал этого человека, но «тупамарос» вычеркнули все это из текста). Машина была с разбитым ветровым стеклом и принадлежала министерству внутренних дел. Кастаньетто и два сотрудника 4-го управления сели сзади, а «Икс» и Хосе (сотрудник министерства внутренних дел) — спереди. За рулем был «Икс»... В мою машину сел «Игрек»... Все три машины направились затем к пристани, к воротам, которые находятся рядом с железнодорожной станцией. Это, кажется, въезд на территорию лодочного клуба. Машина «Икса» въехала в эти ворота, а мы повернули обратно. Я отвез «Игрека» в 5-е управление, а сам поехал к друзьям, которые жили на улице Канелонес (я жил там же). Через час (было около двух часов ночи) «Игрек» позвонил мне и сказал, что дом на улице Араукана должен быть «очищен», потому что в полицию поступил какой-то сигнал и та собирается произвести там обыск. Он также попросил меня взять на хранение несколько пакетов, поскольку самим им держать их было негде. Затем за мной приехал «Игрек», и мы уехали. На углу улиц Рамбла и Араукана нас поджидал небольшой грузовик, на котором обычно ездили два наших сотрудника, обучавшихся в Бразилии. В кабине грузовика сидело двое. Оба были из группы Хосе, но я не был с ними знаком. «Игрек» сказал, чтобы я помалкивал и никому о них не говорил ни слова. Мы сели в грузовик и поехали ко мне на квартиру. Там я и оставил оба свертка и ящик, которые мы привезли из дома на улице Араукана... Позже я вскрыл пакеты и увидел, что там находятся автоматы 45-го калибра и взрывчатка. На автоматах не было ни клейма, ни номера (их спилили напильником). Взрывчатка была в виде цветных кубиков с отверстиями для детонатора. Все они были завернуты в бумагу, на которой было написано: «ГЗТ» (группа захвата «тупамарос»)... Насколько мне известно, Кастаньетто допрашивали и пытали в доме на улице Араукана, а потом убили и бросили в реку. Эта заключительная стадия операции была выполнена двумя сотрудниками, уехавшими тогда на пристань».

Через некоторое время Бардесио куда-то исчез. Сначала он оказался в Канаде, но потом его пребывание там сочли нежелательным и отправили куда-то дальше (судя по всему, в Панаму).

«Тупамарос» интересовал еще один человек — Эктор Амодио Перес. В свое время он занимал довольно ответственный пост в организации «тупамарос», но затем был смещен. Желая, видимо, отомстить за это, он выдал полиции адреса 30 явочных квартир «тупамарос». Рауль Сендик, однажды уже бежавший из одной тюрьмы Монтевидео, на этот раз попался снова. В перестрелке с полицией пуля прошила ему обе щеки, но Сендик остался жив, хотя челюсть и была серьезно повреждена.

Весной 1972 года после учебы в Буэнос-Айресе в родной Уругвай вернулся один молодой юрист. Жизнь в Монтевидео показалась ему страшным кошмаром. Люди были вынуждены разговаривать шепотом в собственном же доме. В каждом человеке им мерещился теперь доносчик. На свою беду, молодой человек был знаком с двумя «тупамарос», и этого оказалось достаточно для того, чтобы арестовать его и бросить в военную тюрьму.

Там он вскоре с ужасом обнаружил, что врачи (такие же молодые специалисты, как и он) сотрудничали с тюремщиками, пытавшими заключенных. (Повторялась практика, получившая распространение в Бразилии.) Молодого уругвайца спросили, не страдает ли он астмой (тюремщики хотели определить, какого рода пыткам его можно подвергать: истязать ли электрическим током или же лить в горло воду, пока он не захлебнется). Ему измеряли давление, когда нужно было выяснить, сможет ли он и дальше терпеть боль. Ему давали стимулирующие препараты, чтобы он не терял сознания и можно было продолжить пытки. Порой ему казалось, что все здесь — и полицейские, и солдаты, и врачи — настоящие сумасшедшие. «Да, я пытаю тебя! — заорал как-то один армейский офицер. — Я знаю: когда-нибудь ты убьешь меня! Но мне плевать на это!»

Врачи как-то ошиблись в своих рекомендациях, и молодого заключенного пришлось отправить в один из военных госпиталей в Монтевидео. Простыни там были помечены клеймом «ВМФ США». Ему выдали темно-синий махровый халат (такого роскошного халата он еще в жизни не носил) со штампом «Военврач США».

Вернувшись в тюрьму, молодой уругваец однажды услышал громкий шум и гам. По коридору с радостными криками бежали возбужденные охранники. Один из них

на какое-то мгновение задержался перед его камерой и крикнул: «Слыхал? Поймали еще одного вашего! Он служил у нас!»

Этим человеком был подкомиссар полиции Бенитес.

В полицейском управлении Монтевидео коллеги Бенитеса тут же вспомнили, что иногда тот вел себя несколько странно. Хотя он и ругал «тупамарос», угрожая им расправой, ни одного повстанца он не только не убил, но и не ранил. Однажды после очередного налета он объяснил свою пассивность тем, что заело пистолет.

Все это время Бенитес передавал «тупамарос» сведения о полиции. Во время одной из полицейских облав были найдены записи, сделанные рукой Бенитеса. Узнав об этом, он понял, что разоблачение неминуемо, и поэтому через судью сдался в руки правосудия. Его тут же бросили в тюрьму и избили до полусмерти.

Находясь в Швейцарии, Маркос Арруда пристально следил за всем, что имело отношение к его бывшим тюремщикам. Одним из пытавших его офицеров был капитан по имени Далмо Чирилло. В конце 1975 года Маркос прочитал в газетах о том, что в камере пыток на улице Тотойя погиб один рабочий-металлург. Среди лиц, причастных к убийству, называлось и имя Чирилло, недавно произведенного в подполковники.

Двое из тех, кто в свое время пытал Жан-Марка, также получили повышения по службе в знак признания их профессионального умения. Клементе Монтейро, прошедший подготовку в американском центре в Панаме, а затем руководивший следственной службой с применением пыток на острове Цветов, был назначен начальником Национальной полицейской академии в Бразилии. Под его началом эта академия, финансировавшаяся США, была расширена и стала принимать слушателей из других латиноамериканских стран.

Алфредо Поэк, офицер ВМФ, избравший жизненную стезю еще в Форт-Брагге, после службы на острове Цветов был переведен с повышением в СНИ (Национальную разведывательную службу, созданную генералом Голбери после переворота в 1964 году). Новая работа нравилась Поэку, и он искренне надеялся помочь СНИ достичь та-

ких же высот, каких уже достигла разведслужба США, которую тот по-прежнему считал непревзойденной.

В беседах с новобранцами Позк говорил, что самым важным качеством хорошего разведчика является естественная любознательность. Человек никогда не должен испытывать полного удовлетворения и самоуспокаиваться. Работая инструктором по пропаганде, Позк получил доступ к личным досье бразильских повстанцев, и поэтому имел теперь возможность сообщать, например, слушателям, что большой процент повстанцев — это дети родителей, которые официально разошлись (бразильский вариант развода). По словам Позка, 85 процентов повстанцев страдают серьезным расстройством нервной системы.

Когда Позка спрашивали, а чем он занимался в прошлом, тот неизменно начинал с того, что говорил: стыдно чернить честных военных, добросовестно выполнявших свой долг. Хуже всего, добавлял он, что его иногда путают с другим Алфредо, который несколько лет назад работал в СЕНИМАР и называл там себя «Майком». Если же собеседник всем своим видом показывал, что с недоверием относится к этой истории с другим Алфредо, или же спрашивал, где тот живет в настоящее время, Позк хмурил брови. В свое время, говорил он, тот, другой Алфредо был первоклассным пилотом, настоящим асом, но сейчас он очень болен. Говорят, у него рак, злокачественная опухоль, поэтому спрашивать о его прошлом значило бы лишь напоминать ему о том, что он уже не тот.

Весной 1973 года один из представителей весьма робкой оппозиции в Бразилии встретился с американским сенатором из Южной Дакоты Джеймсом Г. Абурезком в его служебном кабинете в Вашингтоне. Взяв у сенатора обещание не называть его имени, бразилец рассказал ему об ужасных пытках у себя на родине и представил немногочисленные, но весьма убедительные доказательства причастности США к этому делу.

С первых дней пребывания в сенате Абурезк искал проблему, которую можно было бы поднять на щит и начать против чего-нибудь «крестовый поход». И вот теперь у него такая возможность появилась: он начал серьезно интересоваться деятельностью Управления общественной безопасности. Не он был первым критиком этого учреждения, хотя его кампания и была наиболее целеустремлен-

ной и решительной. Еще в 1966 году сенатор Уильям Фулбрайт выразил сомнение в необходимости осуществляемой этим управлением программы. Правда, особых хлопот его критические замечания никому не причинили. В тот период Фулбрайт начал все более настойчиво выступать против войны во Вьетнаме, и уже этого было вполне достаточно, чтобы полностью дискредитировать сенатора в глазах полицейских советников (конечно же, поддерживавших интервенцию США).

Тогдашний президент Линдон Джонсон не очень-то интересовался Управлением общественной безопасности. Руководство Международной полицейской школы объясняло это тем, что тот был слишком занят двумя своими главными проблемами: войной во Вьетнаме и программой построения «великого общества». Да и критика в адрес управления была в то время не очень громкой, так что президенту и не нужно было как-то его поддерживать.

Во время первого срока своего пребывания на посту президента Никсон говорил Байрону Энглу, что программа полицейской консультативной помощи весьма полезна и находится в хороших руках. В 1971 году, когда с визитом в Вашингтон прибыл третий военный президент Бразилии, генерал Медичи, Никсон подвел итог своей латиноамериканской политики, объявив Бразилию моделью для остальных стран континента. К тому времени, когда Управление общественной безопасности стало подвергаться все более суровой критике, Никсон уже был полностью втянут в «уотергейтский скандал».

Директор Агентства международного развития Джон Хэнна поддержал деятельность Управления общественной безопасности в письме конгрессмену Отто Пассмену. Но его авторитет среди сенаторов-либералов был сильно подорван одним немаловажным обстоятельством: в тот период, когда Мичиганский университет заключил тайные контракты с ЦРУ на выполнение консультативных заданий в Южном Вьетнаме, Хэнна был его президентом.

Американские полицейские советники за границей с нетерпением ожидали, когда же кто-нибудь из высокопоставленных правительственных чиновников встанет на их защиту. Но никто этого не делал. ЦРУ, обычно весьма искусно ведущее закулисную борьбу, когда дело касается его собственных интересов, на этот раз решило отмежеваться от Управления общественной безопасности. Когда сенатор Абурезк сообщил общественности о техасском

центре, где курсантов обучают делать бомбы, ЦРУ предпочло отречься от своего детища, так как считало, что кампания по его спасению может привести к весьма нежелательным слушаниям в конгрессе.

Тогда, в 1974 году, ЦРУ пока еще не было объектом многочисленных расследований, которые проводились в связи со все чаще выдвигаемыми против него обвинениями, окончательно подорвавшими его репутацию. Это произойдет несколько позже. А пока тогдашний директор ЦРУ Ричард Хелмс в беседе с журналистами в Вашингтоне мог спокойно говорить: «Вы должны верить, что мы порядочные люди». И большинство представителей прессы верило.

Когда Управление общественной безопасности было прикрыто, финансирование его деятельности прекращено, а двери Международной полицейской школы в здании бывшего трамвайного депо захлопнулись, кое-кто из полицейских советников навсегда ушел с государственной службы. Некоторые превратились в частных детективов. Джек Гоин, например, открыл в Вашингтоне собственный офис под названием «Служба общественной безопасности». Его бывшие коллеги с лучшими связями без труда перешли в Агентство по борьбе с контрабандой наркотиков, что давало им возможность вновь участвовать в полицейских операциях за границей.

Многие из бывших полицейских никогда не служили в странах, где пытки стали общепринятым методом извлечения информации. Другие, хотя и служили в Бразилии или Уругвае, лично в применении пыток не участвовали. Одни знали о пытках, другие — нет. И все же, чем бы они ни занимались в прошлом, после убийства Митрионе общественность стала относиться к ним с большим недоверием, правительство вообще от них отреклось, и в большинстве случаев они остались без работы.

Когда из Парижа пришло известие о том, что Филип Эйджи пишет книгу, это было воспринято как дурное предзнаменование для ЦРУ, как предвестник того, что 30-летняя эпоха его привилегированного положения подходит к концу. Свое последнее задание по линии ЦРУ Эйджи выполнял в Мехико. Именно там он и изменил радикальным образом свои политические убеждения и стал придерживаться крайне левых взглядов. Он развелся

с женой (для католика это серьезный шаг) и порвал с ЦРУ (еще более серьезный шаг для человека, давно «разменявшего» четвертый десяток и не умевшего делать ничего, кроме «грязных дел»). Но самым серьезным шагом для человека, еще дорожившего своей жизнью, было решение сесть за мемуары.

Соблюдая исключительную осторожность (а этому он научился еще в Лэнгли), Эйджи сумел восстановить в памяти и подробнейшим образом изложить на бумаге все, что произошло с ним за время службы в ЦРУ. Богатство документального материала (вернее, перспектива затяжных судебных баталий с ЦРУ) отпугнуло от книги большинство издателей в США. Но история Эйджи все же имела два счастливых конца. С большим успехом его книга была издана сначала в Лондоне, а затем и в Нью-Йорке. А в Париже он встретился с Анжелой Камарго Сейшас, которая стала его спутницей жизни.

В июле 1970 года тюремный охранник сказал Анжеле, что если та подпишет заранее составленное признание, то предстанет перед судом — военным трибуналом из трех человек. Анжела так ничего и не сказала на допросах, но «признание» все же решила подписать. Охранник предупредил: если она скажет хоть слово о пытках, то снова окажется в тюрьме.

Судья отнесся к девушке с пониманием (одна из школьных подруг Анжелы была дружна с его сыном), и она не удержалась и рассказала о пытках. До начала судебного процесса ее снова поместили в тюрьму, но теперь уже никто над ней не издевался.

Суд начался только через год и проходил в тюрьме «Вила милитар». Анжелу признали виновной в нарушении какого-то институционного акта и приговорили к двум годам и одному месяцу тюрьмы. И обвинение, и защита обжаловали приговор. К тому времени, когда военный верховный суд сократил ей срок тюремного заключения до 12 месяцев, Анжела уже просидела в тюрьме два с половиной года.

Выйдя на свободу, Анжела попыталась было остаться в Бразилии и воспользоваться всеми теми свободами, которые были обещаны Жан-Марку в том случае, если тот

откажется уезжать за границу. Однако с первых же дней за ней стала неотступно следовать полиция, и она вскоре поняла, что лишь компрометирует тех, с кем встречается. Подумав, Анжела решила уехать в Париж. Там она стала изучать экономику в Сорбонне. В начале сентября 1972 года на одной из вечеринок, где были в основном французы и бразильцы, она встретилась с Филипом Эйджи, переживавшим в то время острейший эмоциональный и финансовый кризис.

Когда наконец вышла в свет книга Эйджи, читатели смогли прочесть следующее посвящение: «Анжеле Камарго Сейшас и ее товарищам в Латинской Америке, ведущим борьбу за социальную справедливость, национальное достоинство и мир».

Когда на пост президента США был избран Ричард Никсон, Линкольн Гордон ушел из государственного департамента и некоторое время работал президентом Университета Джона Гопкинса. Там он время от времени вел дискуссии со студентами, досаждавшими ему вопросами о его личной причастности к установлению военной диктатуры в Бразилии. Гордон пытался было оправдаться тем, что во время правления военных там в течение ряда лет наблюдался промышленный бум. Однако студенты в ответ приводили статистические данные, свидетельствовавшие о том, что временное процветание было достигнуто за счет бразильской бедноты. Так, за первые 10 лет военной диктатуры реальная заработная плата в стране упала на 55%. Гордон говорил тогда, что, поскольку военные пришли к власти лишь в 1964 году, еще слишком рано подводить итоги их правления. Конечно, военные власти пытали людей с неугодными политическими взглядами, но это же лучше, чем если бы у власти в Бразилии было коммунистическое правительство.

В течение 70-х годов из Бразилии по-прежнему поступали сообщения о пытках заключенных. Весомость последнего аргумента Линкольна Гордона значительно снизилась, как только Джимми Картер вступил в должность президента. Именно в это время из Бразилии поступили сообщения об аресте полицией Сан-Паулу 28 304 человек по простому подозрению.

Время от времени военные власти, правда, просили подать в отставку отдельных офицеров, злоупотреблявших своим положением. Так случилось, например, после смерти в тюрьме журналиста Владимира Герцога. Однако совсем иная судьба ожидала командира подразделения, пытавшего американского священника Фреда Морриса. Через полтора года после освобождения Морриса этот офицер был назначен на высший военный пост в Бразилии, несмотря на то что инцидент получил широкую огласку.

Президента Уругвая Пачеко Ареко сменил политический деятель по имени Хуан Мария Бордаберри. Но еще до истечения срока полномочий нового президента уругвайские генералы сначала ограничили его полноту власти, а в 1976 году вообще сместили. Таким образом, не прошло и 10 лет, как сбылось пророчество «тупамарос»: в Уругвае, бывшем некогда образцом демократии, больше уже «никто не танцевал».

Весной 1977 года военный трибунал рассмотрел дело Антонио Мас Мас — «тупамаро», обвинявшегося в убийстве Дэна Митрионе. За это, а также за предполагаемое участие в организации похищения Джефри Джексона он был приговорен к 30 годам тюремного заключения.

В полицейских казармах Рио-де-Жанейро офицеры, прошедшие подготовку в Международной полицейской школе, часто с теплотой вспоминали Дэна Митрионе, считая его символом эры, когда Вашингтон все еще был преисполнен решимости бороться с коммунизмом. Теперь же, говорили они, Соединенные Штаты превратились в декадентскую страну, где слишком много свободы. Эстафету пришлось подхватить военным и полицейским Бразилии. Теперь уже они должны защитить полушарие, и рука у них не дрогнет.

В полицейских гаражах Рио стояли черные неуязвимые стальные крепости на колесах стоимостью в 100 тыс. долларов каждая. Они были специально сделаны для того, чтобы доставлять войска, вооруженные автоматами и пулеметами, в самую гущу демонстрантов. Они имели пуленепробиваемую обшивку и такую низкую посадку, что перевернуть их было просто невозможно. Им не страшны были и бутылки с зажигательной смесью. Кабина была

оснащена кондиционером, чтобы защитить экипаж от воздействия собственного слезоточивого газа. Если бразильские студенты посмеют еще когда-нибудь бросать камни в полицию, то им уже вряд ли придется увидеть плачущего на обочине полицейского.

Последний удар по Управлению общественной безопасности был нанесен кинофильмом. Греческий режиссер Коста-Гаврас предложил итальянскому сценаристу Франко Солинасу написать сценарий, и они вместе отправились в Латинскую Америку, чтобы отснять там фильм о гибели Дэна Митрионе. Солинас, член Итальянской компартии, был автором сценария «Битвы за Алжир», фильма, поставленного Джилло Понтекорво.

Прилетев в 1972 году в Монтевидео, Коста-Гаврас не стал отвечать на вопросы журналистов по поводу своего будущего фильма и тут же приступил к сбору документального материала. Через французского писателя Алена Лабрусса он получил уже потускневшие от времени фотокопии протоколов допроса Бенитеса.

Солинас отправился в Доминиканскую Республику, где пытался тайно встретиться с Генеральным секретарем ДКП. Это ему не удалось. Однако встреча с представителем партийного руководства все же состоялась. Тот рассказал Солинасу о полицейском терроре в Доминиканской Республике и утверждал, что после американского вторжения в 1965 году именно Дэн Митрионе создал мощный полицейский аппарат в Санто-Доминго.

Именно с этого времени Митрионе стал приобретать репутацию главного американского эксперта по пыткам. Британский журнал «Нью сайентист» в одном из номеров описал приспособление под названием «жилет Митрионе». Перед допросом заключенный надевал специальный жилет, куда потом медленно накачивался воздух. Это делалось до тех пор, пока у того не начинали трещать кости. (Следует сказать, что другие известные методы пыток, которые применялись в застенках Бразилии, Уругвая и (несколько позже) Чили, были не менее жестокими, чем жилет.) Однако ни один заключенный (по меньшей мере ни один из тех, кто вышел из тюрьмы живым и выступал потом с показаниями в Международном трибунале, заседавшем под председательством Бертрана Рассела в Риме, или перед организацией «Международная амнистия») не

подтвердил существование такого жилета. Друзья Митрионе тоже никогда не говорили, что замечали за ним склонность к такого рода «изобретательству».

Ханка Митрионе и ее дети могли ответить на все эти обвинения лишь преувеличенно восторженными словами в адрес Дэна Митрионе. «Он был прекрасным человеком», — говорила вдова. А ее дочь Линда добавляла: «Он был большим гуманистом».

Ханка поселилась в пригороде Вашингтона, чтобы окончательно поставить всех детей на ноги. В ее комнате на стене висел большой портрет мужа, а на пианино стояла фотография Фрэнка Синатры. С бывшими коллегами мужа она встречалась редко. Все они были очень любезны и неизменно присылали к рождеству поздравительные открытки, но отвечать на них ей было тяжело.

Коста-Гаврас включил в свой фильм (названный им «Осадное положение») все не подтвержденные документально слухи о Дэне Митрионе, ходившие от Санто-Доминго до Белу-Оризонти, поскольку цель его фильма состояла в том, чтобы осудить политику США в Латинской Америке вообще. Своего главного героя Коста-Гаврас и Солинас назвали Филипом Э. Санторе (эту роль исполнил Ив Монтан). Изображенный французским актером Митрионе был худощавым европейцем, курившим сигареты, в то время как реальный Митрионе был типичным представителем Среднего Запада, несколько тучным и курившим (правда, редко) большие сигары.

Сцены допроса Митрионе были немного изменены. «Тупамаро» был менее многословен, а Митрионе больше не повторял поучительным тоном только что сказанное. «Все вы — подрывные элементы, коммунисты, — говорил в фильме Санторе допрашивавшему его «тупамаро». — Вы хотите уничтожить основы нашего общества, главные ценности христианской цивилизации, поставить под угрозу само существование свободного мира. Вы враги, с которыми надо бороться всеми возможными средствами».

Подобные высказывания главного героя фильма были призваны вскрыть те мотивы, которыми руководствовался Санторе. В своих последующих публичных выступлениях Коста-Гаврас объяснял действия Митрионе в том же клю-

че. По его словам, Митрионе был «так же искренен, как и судьи католической церкви во времена инквизиции... Он был искренне убежден в том, что все либеральное или коммунистическое должно уничтожаться, причем любыми средствами. Он верил, что либерализм в обычном понимании этого слова может ноеврѓнуть общество в пучину хаоса».

Однако лишь немногие полицейские советники (и меньше всего сам Митрионе) были столь категоричны в своих взглядах. Их миссия в Латинской Америке была не только секретной, но и весьма неопределенной. Дэн Митрионе отправился туда, чтобы «бороться с проникновением коммунизма». С этой же целью туда поехали и Филип Эйджи, и Линкольн Гордон. После того как на Кубе произошла революция и к власти пришло правительство Фиделя Кастро, и республиканцы, и демократы в Белом доме считали, что не могут допустить появления еще одной Кубы в Западном полушарии. Но никто так рьяно не выступал против коммунистов, как сами латиноамериканские военные и полицейские, особенно те из них, кто вернулся на родину из Панамы, Вашингтона или Форт-Брагге, где им внушили, что именно они являются первой линией обороны «свободного мира».

Филип Эйджи — человек с высшим образованием, представитель «среднего класса», отец (хоть и разведенный) двух детей — сумел увидеть, к чему ведет его ложь «по долгу службы», и отмежеваться от нее. Чтобы принять такое решение, нужна была смелость, а может быть, и фанатическая вера. Если бы Дэн Митрионе действительно был таким инквизитором, каким его представил в своем фильме Коста-Гаврас, от него можно было бы ожидать столь же драматической переоценки ценностей. Но он таким не был. Он был обыкновенным трудягой, научившимся многому у самой жизни, любящим отцом семейства, добросовестным работником.

Когда 1 апреля 1964 года был свергнут Гуларт, характер работы Митрионе в Бразилии резко изменился. Если раньше он действовал во имя демократии, то теперь ему пришлось защищать интересы диктатуры. Если ни в Вашингтоне, ни в Бразилии не сумели разглядеть этой разницы, то можно ли было ожидать этого от Митрионе?

Уругвайские юноши и девушки, считавшие себя идеалистами, начали стрелять в полицейских, которые часто были хорошими друзьями Митрионе. Правительство США

принимало в то время суровые меры по борьбе с такого рода деятельностью в Южном Вьетнаме, и кое-какие из этих методов дошли и до Латинской Америки. Митрионе лишь воспользовался ими.

За 12 лет существования Управления общественной безопасности было убито семь американских полицейских советников (шесть из них во Вьетнаме). Инструкторы в Международной полицейской школе, Форт-Брагге и Панаме в один голос заявляли, что Латинская Америка может стать для США новым Вьетнамом. А Дэн Митрионе, по их общему убеждению, был первой жертвой этого нового Вьетнама.

КУБИНСКАЯ СПРАВКА

Когда я завершал работу над книгой, вкратце рассказывая о судьбе многих ее персонажей после гибели Дэна Митрионе, у меня было мало надежд получить какую-то информацию о человеке, фигурирующем в книге как кубинец Мануэль. Мне было известно лишь то, что ему удалось перехитрить агентов ЦРУ и благополучно вернуться на Кубу. Я не знал ни его фамилии, ни, разумеется, адреса, да и на Кубу в то время попасть было не так-то легко. Казалось, Мануэль так и останется второстепенным персонажем, жившим в Уругвае в один из мрачных периодов его истории.

Но в августе 1978 года (я в то время находился в Лондоне) мне позвонил корреспондент «Вашингтон пост». На пресс-конференции в Гаване, сказал он, какой-то кубинец по имени Мануэль Эвия Коскулуэла выдвинул серьезные обвинения против американской программы полицейской консультативной помощи, заявив, что сам в ней участвовал, когда находился в Уругвае. Я сказал коллеге, что все сходится и, видимо, это именно тот человек, который упомянут в моей книге. Если это так, добавил я, то он, конечно, знает, о чем говорит. Этот телефонный звонок пробудил во мне надежду на то, что когда-нибудь я все же встречусь с Мануэлем, и он сам мне все расскажет.

В начале 1979 года в составе группы журналистов, многие из которых были связаны с колледжем штата Калифорния в Сан-Франциско, я был приглашен на Кубу. Мы прилетели в Гавану вечером 6 апреля, а уже на другое утро (была суббота) я отправился на поиски Мануэля.

Я стал обходить различные учреждения и ведомства, пока не пришел в Союз писателей и деятелей культуры

Кубы. (Это было пятое учреждение на моем пути.) Один из служащих с очень приветливым лицом, покопавшись в кипе бумаг и книг, извлек книжку в мягком переплете, озаглавленную «Паспорт № 11333. Восемь лет на службе в ЦРУ». Автором ее был Мануэль. Я в свою очередь протянул этому человеку (звали его Хоакин Сантана) экземпляр своего «Скрытого террора», развернув книгу на той странице, где речь шла о кубинце Мануэле.

«Для меня это большой сюрприз, — сказал Сантана. — Ведь это я редактировал книгу Мануэля и написал предисловие».

Оказалось, что Мануэль (сейчас он работал в министерстве путей сообщения) в тот момент находился за границей и должен был вернуться на родину уже после моего отъезда в Соединенные Штаты. Однако с самим Сантаной я имел две продолжительные беседы, и он познакомил меня с одним из близких друзей Мануэля. Основываясь на этих беседах, и прежде всего, на материалах из книги Мануэля, я и составил текст настоящей справки:

В молодости Мануэль учился в школе Тафта в Уотертауне (штат Коннектикут), а затем окончил юридический факультет Гаванского университета. Когда в начале 60-х годов агенты ЦРУ стали предлагать ему сотрудничать с ними, он сообщил об этом кубинским компетентным органам, после чего ему было рекомендовано принять предложение ЦРУ.

Много места в его книге отведено трудностям и опасностям работы разведчика: тайные встречи, погони, побеги, постоянные проверки на «детекторе лжи». Главным «куратором» Мануэля в ЦРУ был Уильям Кантрелл — аккуратный и спокойный человек, куривший трубку и горячо любивший жену и детей. Кантрелл выступал в роли советника Агентства международного развития США, осуществлявшего программу подготовки уругвайской полиции.

К концу 60-х годов движение «тупамарос» стало тревожить как Вашингтон, так и уругвайское правительство. Перед возвращением в США Кантрелл разговаривал с Мануэлем о своих возможных преемниках. Одним из них был Ричард Мартинес, другим — Дэн Митрионе, который, по словам Кантрелла, не был сотрудником ЦРУ, но всей душой поддерживал его «программу». Кантрелл слышал

весьма положительные отзывы об эффективной работе Митрионе в Бразилии.

Во время одной из встреч с Мануэлем Митрионе объяснял ему, что правила игры меняются и что отныне американские советники не будут бо́льшую часть своего времени проводить в стенах полицейского управления Монтевидео. Митрионе разыскал подходящий дом на набережной Мальвин с подвалом, войти в который можно было только из гаража.

Митрионе лично проверил звуконепроницаемость подвала. Для этого он поставил граммофонную пластинку с записями гавайской музыки и включил проигрыватель на полную мощность, затем поднялся наверх, чтобы убедиться, что в жилых помещениях музыки не слышно. Кроме того, он приказал несколько раз выстрелить в подвале из пистолета, а сам в это время прислушивался, не доносятся ли снизу звуки выстрелов.

«Хорошо, очень хорошо, — приговаривал Митрионе. — Я действительно ничего не слышу. Ну а теперь вы останьтесь здесь, а я спущусь вниз». Это проделывалось несколько раз.

Первые занятия в подвале проводились главным образом с выпускниками Международной полицейской школы в Вашингтоне. Сначала им рассказывали об анатомии человеческого тела и устройстве центральной нервной системы. «Вскоре, однако, — писал Мануэль, — в подвале стали заниматься вещами посерьезнее. Для опытов с окраин Монтевидео туда были доставлены нищие (в Уругвае их называют bichicones) и женщина, которую задержали на границе с Бразилией. Всех этих людей использовали для демонстрации воздействия электрического тока на различные части человеческого тела. Кроме того, им давали какие-то лекарства, вызывающие рвоту (не знаю зачем), и еще один медицинский препарат. Четверо из них умерли».

Дойдя до этого места в книге Мануэля, я особенно пожалел, что не смог поговорить с ним лично. А ведь как хотелось спросить, присутствовал ли сам Митрионе на этих занятиях и видел ли он собственными глазами, как умирали эти четверо. Из книги это было неясно. Судя по показаниям самих заключенных, американские советники в Бразилии лично не посещали занятий, где изучались методы применения пыток. Они были слишком осторожны и не хотели открыто себя компрометировать.

Находясь в Уругвае, я выслушал немало обвинений в адрес Митрионе, который якобы лично был причастен к пыткам. Но я подошел ко всем этим обвинениям критически, стараясь быть максимально точным и справедливым. Некоторые из «тупамарос» признались, что их товарищи, пытаясь как-то оправдать убийство Митрионе, склонны были рисовать его портрет в самых мрачных красках. Но я все же разделяю точку зрения, высказанную Мануэлем на пресс-конференции в Гаване. «Митрионе, — сказал он тогда, — это не какой-то уникальный человек или выродок. Ведь чего проще — сказать, что в любой стране и в любой профессии есть свои выродки».

Работая над книгой, я пришел к выводу, что лучше всего проявлять сдержанность и осторожность в оценках, так как после окончательного анализа всех фактов и обстоятельств некоторые выводы могут оказаться спорными. Хочу, однако, заметить, что в тех случаях, когда мы с Мануэлем описывали одно и то же событие (а информацию о нем мы собирали совершенно независимо друг от друга), наши оценки совпадали и множество, казалось бы, разрозненных фактов вписывалось в одно связное повествование. Последние страницы книги Мануэля, где Митрионе произносит весьма откровенный и красноречивый монолог, звучат, как мне кажется, вполне правдоподобно. Поскольку достоверность этой хвастливой речи у меня не вызывает сомнений, приходится признать, что в свое время, пытаясь найти в Митрионе качества, которые мы все так ценим в людях, я несколько недооценил силу воздействия на него всех этих десяти лет, в течение которых он занимался своим отвратительным ремеслом. И конечно же, тогда я просто не мог себе представить, что этот человек способен изливать душу с такой поразительной откровенностью и с такой жестокостью. Такое можно услышать лишь в разговоре двух циничных профессионалов.

Разговор этот произошел зимой 1970 года, за шесть или семь месяцев до похищения Митрионе. Прибыв в Монтевидео с небольшим опозданием, Мануэль отправился не в американское посольство, а прямо домой к Митрионе. «Он пригласил меня в дом, и мы ушли в маленькую комнату. Не знаю, зачем он это сделал. Мы немного выпили и заговорили о своем отношении к жизни».

«Допрос заключенного, — это настоящее искусство, — сказал Митрионе. — Сначала надо сломить его волю. Для этого его нужно унизить, заставить осознать свою беспо-

мощность и полностью изолировать от внешнего мира. Сначала — никаких вопросов. Только оскорбления и избиение. Затем просто избиение в полной тишине. Лишь после этого можно приступать к допросу. Теперь единственным источником боли для него должен стать избранный вами инструмент. Чтобы получить желаемый эффект, — продолжал Митрионе, — боль должна иметь определенный характер, причиняться в одном и том же месте и иметь одинаковую интенсивность».

Во время допроса не следует допускать, чтобы человек терял всякую надежду на жизнь. Слишком далеко заходить нельзя, потому что тогда он может смириться со смертью. «Всегда оставляйте ему хоть какую-то надежду, хоть маленький проблеск... Когда получите то, что хотите (а я всегда этого добиваюсь), неплохо еще какое-то время продолжить допрос, стукнуть заключенного еще пару раз и немного поиздеваться над ним. Не для того, чтобы получить еще какую-то информацию, а так, для профилактики, чтобы окончательно его запугать и отбить охоту заниматься повстанческими делами».

Беседа приобретала все более доверительный характер. «Когда вам доставлен субъект, — продолжал Митрионе,— первым делом следует определить его физическое состояние, степень сопротивляемости организма. Для этого необходимо произвести медицинский осмотр. Преждевременная смерть, — подчеркнул он, — означает срыв для технического работника. Другой важный момент — это знать точно, как далеко можно заходить в данном конкретном случае, учитывая политическую обстановку и личность заключенного». Митрионе был теперь по-настоящему возбужден. Он нашел наконец своего слушателя. «Очень важно знать заранее, — продолжал он,—можно ли позволить себе роскошь допустить, чтобы субъект умер». Единственный раз за все эти месяцы его невыразительные глаза засветились. «Но самое главное, — сказал он в заключение, — это компетентность. Ваше обращение к заключенным должно строго ограничиваться рамками необходимости. Выходить за эти рамки ни в коем случае нельзя. Надо всегда уметь держать себя в руках. Вы должны работать так же чисто и умело, как хирург, и так же искусно, как артист. Идет война не на жизнь, а на смерть. Эти люди — мои враги. У меня очень тяжелая работа, но кто-то же должен ее делать. Без нее не обойтись. А поскольку заниматься ею настал мой черед, я буду это

делать безупречно. Был бы я боксером — непременно постарался бы стать чемпионом мира. Но я, увы, не боксер. И хотя я не боксер, в своем ремесле лучше меня нет никого».

Май 1979 года

* *
*

Я не называю имен и фамилий многих мужчин и женщин, которые помогли мне написать эту книгу, поскольку они могут из-за этого потерять работу, пенсию или статус беженца. Это может также привести к тюремному заключению, пыткам, а возможно, и к смерти. Например, за три дня до моего приезда в Буэнос-Айрес, где я должен был взять интервью у Селмара Мичелини (уругвайского сенатора, жившего тогда в изгнании в Аргентине), тот был злодейски убит «эскадроном смерти». Мне помогали десятки людей и в Европе, и в Латинской Америке. Именно им я и хотел бы выразить признательность и свое восхищение.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга, предложенная вниманию советского читателя, написана американским писателем и журналистом Дж. Лэнгутом, автором нескольких романов и одной публицистической книги о Бразилии. По своему жанру «Скрытый террор» — это документальная повесть, действие которой разворачивается вокруг ее центральной фигуры — Дэна Митрионе, ставшего своего рода символом той неприглядной роли, которую американский империализм играет в странах Латинской Америки. Основываясь на многочисленных документах и личных встречах с некоторыми непосредственными участниками описываемых в книге трагических событий, автор наглядно раскрывает тайные пружины закулисной деятельности ЦРУ, Пентагона и сотен американских полицейских советников, направленной на подрыв конституционных устоев латиноамериканских стран путем тайных операций и скрытого террора. Дж. Лэнгут детально анализирует развитие событий в Бразилии, приведших к установлению там военной диктатуры и послуживших своего рода «сценарием» для последующих военно-фашистских переворотов в Уругвае и Чили.

Описывая этапы жизненного пути простого американского парня из глухой провинции, сына бедного итальянского иммигранта, автор искусно вскрывает те объективные причины, которые привели его к бесславной гибели на чужбине. Сам Митрионе вряд ли отдавал себе отчет в том, что встал на опасный путь. Поступив на службу в полицию, дослужившись (благодаря старанию и усердию) до поста начальника полиции небольшого городка на Среднем Западе США и став затем полицейским советником, Митрионе и не заметил, как превратился в простой винтик огромной репрессивной машины США. Дж. Лэнгут справедливо отмечает, что, если бы не трагическая смерть Митрионе, он так бы и остался никому не известным полицейским, а его имя заслуживало бы упоминания лишь в «маленькой сноске, набранной петитом».

Трагический поворот в судьбе Дэна Митрионе начался с того момента, как он решил перейти на службу в Управление общественной безопасности и в рамках программы полицейской консультативной помощи отправился налаживать полицейскую службу в Бразилии. Программа была начата еще в 1959 году президентом Д. Эйзенхауэром, когда на Кубе победила революция, повергнувшая в ужас правящие круги США, опасавшиеся, как бы «кубинская зараза» не распространилась и на другие районы Западного полушария. В 1960 г. на посту президента США Д. Эйзенхауэра сменил Дж. Кеннеди. Но отношение Вашингтона к Кубе не изменилось: «и демократы, и республиканцы были едины в своей решимости не допустить, чтобы пример Кастро оказался заразительным для остальных стран континента» (с. 37). Вот почему укрепление репрессивного аппарата в латиноамериканских странах стало первоочередной задачей американской администрации. В этих целях была расширена программа консультативной полицейской помощи, которую возглавил Байрон Энгл, кадровый работник Центрального разведывательного управления. Теперь он переключился на совершенствование полицейского аппарата «свободного мира», продолжая при этом тесно сотрудничать со своими бывшими патронами из Лэнгли.

Дж. Лэнггут искусно вплетает в повествование о жизни и смерти своего главного героя материал, проливающий свет на «кухню» американской «консультативной» помощи, оказываемой странам Латинской Америки в рамках всевозможных организаций и учреждений, таких, как Управление общественной безопасности, Агентство международного развития, Американский институт развития свободных профсоюзов. Все они оказываются лишь «крышей» для тайных операций агентов ЦРУ, наводнивших эти страны. При этом цель всегда преследуется одна — опираясь на наиболее реакционные круги латиноамериканской военщины, укрепить гегемонию США на континенте, увековечить свое политическое и экономическое господство и любыми средствами (включая открытый террор) не допустить развития там национально-освободительных и патриотических движений. Если раньше идеологи американского империализма пытались, используя потерпевшую фиаско программу «Союза ради прогресса», развернуть «мирное наступление» на страны этого региона, то теперь явственно обозначился поворот к «жесткому курсу», по

существу, возврат к политике «большой дубинки». Свидетельство тому — осуществленный под эгидой и при непосредственном участии ЦРУ фашистский переворот в Чили (1973 г.), открытая и наглая интервенция США в Гренаде, эскалация вмешательства Вашингтона во внутренние дела Сальвадора, активизация политики шантажа, военных угроз и подрывных действий (с использованием территории Гондураса и Коста-Рики) в отношении Никарагуа, укрепление отношений с диктаторскими режимами Чили, Парагвая и Уругвая.

Дж. Лэнггут рисует мрачную картину тягот и лишений, выпавших на долю простых людей в Латинской Америке. Так, в начале 60-х годов «минимальная заработная плата в Бразилии составляла всего 23 доллара в месяц, а престарелые и инвалиды должны были довольствоваться и того меньшим» (с. 103). Один из уругвайских патриотов, проводивший допрос Митрионе, с горечью спрашивает: «Вы, например, знаете, что каждый год в Латинской Америке от голода умирает около миллиона детей в возрасте до пяти лет?» (с. 279). Вряд ли, конечно, Митрионе, этот «простой солдат» невидимого фронта, когда-нибудь задумывался над этим. Не задумывался, разумеется, и «командный состав» (начальники «станций» ЦРУ в латиноамериканских столицах и сотрудники американских посольств).

Оно и понятно. Читатель уже заметил, с каким чванливым пренебрежением отзываются о странах к югу от экватора, этой «зоны интеллектуального загрязнения» представители высшего эшелона власти в США. «Второстепенные проблемы привлекают лишь второстепенные умы», говорит, например, Макджордж Банди, служивший в администрации Дж. Кеннеди советником по вопросам внешней политики. Небезызвестный Генри Киссинджер признавался, что «его интерес к проблемам мировой политики заканчивался где-то у Пиренеев», а маститый литературный критик, не краснея, изрекал, что ему так и не удалось дочитать до конца «Дон-Кихота» (с. 44). И уж все рекорды побил некий Лэньер Уипслоу, служивший первым секретарем посольства США в Мексике. Ничтоже сумняшеся, он заявил, что «Мексика могла бы стать великой страной, если бы ее можно было опустить на полчасика в море и утопить всех мексиканцев» (с. 44).

Нельзя равнодушно читать о горькой судьбе уругвайских сборщиков сахарного тростника, которые вообще не

получали денег, хотя работали по 16 часов в сутки. «Труд этих людей оплачивался талонами, которые можно было обменять на товары лишь в местной лавке. Сборщики тростника жили в хижинах, построенных ими же по периметру плантации. Когда сбор урожая заканчивался, плантаторы поджигали хижины, и люди вынуждены были уходить в другое место... Любая попытка объявить забастовку немедленно пресекалась полицией» (с. 222). Не лучшим было и положение бразильских рабочих, трудившихся на одном из литейных заводов в Сан-Паулу, принадлежавших западногерманскому концерну «Мерседес-Бенц». Их нещадная эксплуатация воскрешает в памяти мрачные картины полузабытого капиталистического прошлого, словно описываемые события относятся не к концу 60-х годов нашего столетия, а к началу века. «Рабочие на этом заводе до сих пор работали по 12 часов в сутки. За сверхурочную работу им доплачивали от трех до четырех долларов к зарплате, составлявшей всего 15 долларов в месяц» (с. 205).

Помимо нещадной эксплуатации со стороны местных латифундистов и капиталистов, народы Латинской Америки подвергаются угнетению и со стороны мощных североамериканских компаний и корпораций, бессовестно разворовывающих их национальные богатства. В описываемый в книге период (60-е гг.) «американский капитал контролировал 85% латиноамериканских источников сырья. В период с 1960 по 1969 год объем капиталовложений США в странах Латинской Америки возрос с 6 до 12 миллиардов долларов, т. е. удвоился» (с. 157). Особенно большой урон от безраздельного господства иностранного капитала понесла экономика Бразилии. Как говорит автор, «программа помощи в рамках «Союза ради прогресса» была сплошным обманом, поскольку суммы, вывозившиеся из Бразилии в виде доходов, дивидендов и вознаграждений в пять раз превышали суммы, ввозимые в страну в качестве прямых капиталовложений (с. 63). Дж. Лэнггут рассказывает об исследовании, проведенном по собственной инициативе молодыми бразильскими патриотами, студентами геологического факультета университета в Рио-де-Жанейро. Они обнаружили, что «97,3% добываемой в Бразилии железной руды контролируется иностранными монополиями, такими, как «Ханна майнинг», «Ю. С. стил» и «Бетлехем стил» (США), «Маннесманн» (ФРГ) и «Белгомпнейра» (Бельгия) (с. 79). При этом североамерикан-

ские горнорудные компании хозяйничали в Бразилии, как в собственной стране. «Ханна майнинг», например, производила собственные геологоразведочные работы, скрывала от бразильского правительства их результаты, скупала по дешевке участки, где были обнаружены полезные ископаемые, а затем вывозила из страны самую богатую руду. Другое исследование показало, что привилегии, предоставленные таким автомобильным концернам, как «Фольксваген», «Мерседес-Бенц», «Дженерал моторс» и «Форд» в денежном исчислении составляли сумму, равную национальному бюджету Бразилии.

Несомненным достоинством книги Дж. Лэнггута является то, что автор не ограничивается жизнеописанием своего героя, а рисует широкое полотно социально-экономической и политической жизни в Латинской Америке на примере Бразилии (крупнейшей страны континента) и Уругвая. Он воссоздает историю жизни и смерти Дэна Митрионе, пропуская ее сквозь призму взглядов и поступков тех, кто осуществлял политику США в Латинской Америке, и тех, кто ей противился. Перед читателем проходит целая галерея образов (людей не вымышленных, а реальных), которые позволяют ему заглянуть в вашингтонские «коридоры власти», где принимаются политические решения, в тихие офисы американских посольств, где плетутся интриги и заговоры, а также в камеры пыток, где орудуют «заплечных дел мастера». Используя нашумевшую в свое время историю похищения и убийства Дэна Митрионе в качестве канвы своей повести, Дж. Лэнггут убедительно разоблачает не только причастность, но и прямую вовлеченность США в подрыв демократических устоев и нарушение элементарных прав человека в Бразилии и Уругвае.

Основное место в повести отведено событиям, происходившим в 60-х и начале 70-х годов в Бразилии. Напуганное Кубинской революцией и опасавшееся, как бы примеру Кубы не последовали и другие латиноамериканские страны, правительство США стало срочно разрабатывать «превентивные» меры. Немалое беспокойство в Вашингтоне вызывало и то обстоятельство, что избранное демократическим путем правительство Жоао Гуларта наметило ряд прогрессивных реформ, осуществлению которых отчаянно сопротивлялись правые. Больше всего Вашингтон боялся, что в условиях относительно демократического правления наберут силу левые оппозиционные группировки, которые могут в конечном итоге захватить власть в свои

руки. Чтобы этого не произошло, в Бразилию направляется посол Гордон, который вместе с начальником местной «станции» ЦРУ активно включается в подготовку заговора с целью свержения президента Гуларта. Дж. Лэнгут раскрывает перед нами всю методику плетения тайных интриг против законного правительства на фоне человеческих характеров и судеб. Читатель узнает, какими «грязными» методами пользуются агенты ЦРУ, не гнушающиеся ни подкупом государственных служащих и правительственных чиновников, ни шантажом и угрозами в адрес несговорчивых, ни прямой расправой с ними (разумеется, руками местной полиции). Ставка при этом делается на махровую реакцию, испытывающую ужас перед «безбожниками-коммунистами», на местных толстосумов и на представителей буржуазной молодежи, враждебно настроенных по отношению к любым проявлениям демократии и легко поддающихся обработке (вспомните хотя бы некоего Аристотелеса Драммонда, 18-летнего выходца из богатой семьи, рьяно бросившегося выполнять все поручения новоявленных «агентов 007»). По подсказке ЦРУ ответственные работники американских посольств не гнушаются распространением всевозможных слухов и сплетен, порочащих руководителей страны пребывания. Это, однако, ничуть не смущает американских «моралистов». Как пишет Дж. Лэнгут, бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс в беседе с журналистами в Вашингтоне как-то сказал: «Вы должны верить, что мы порядочные люди» (с. 299). И, наверное, кое-кто из них в это действительно поверил. Правда, они тогда не знали, что с ведома ЦРУ посол США Гордон завел досье на президента Бразилии Гуларта (а заодно и на всех членов его правительства); что «оперативник» ЦРУ Дик Конноли, сфабриковал материалы о проникновении «агентов Кремля» в профсоюзное движение Уругвая с тем, чтоб воспользовавшись ими, заставить уругвайское правительство разорвать дипломатические отношения с СССР; что секретные службы США бесцеремонно вмешивались в предвыборные кампании и непосредственно финансировали угодных им кандидатов, а местная агентура ЦРУ (в Каракасе, например) составляла списки неблагонадежных (т. е. людей с левыми взглядами) и рассылала их затем в отделы кадров американских компаний, имеющих предприятия за границей.

В результате заговора, спланированного ЦРУ и осуществленного под его руководством, 1 апреля 1964 года пре-

видент Гуларт был смещен со своего поста и к власти пришел режим военной диктатуры во главе с генералом Кастело Бранко. В Бразилии начался разгул реакции. Конституция была отменена. Десятки тысяч человек были брошены в тюрьмы и подверглись политическим репрессиям. Был принят целый ряд так называемых «институционных актов», наделявших президента чрезвычайными полномочиями, вплоть до роспуска конгресса и лишения мандатов парламентариев. Этому мрачному периоду в истории Бразилии Дж. Лэнггут посвящает, пожалуй, самые впечатляющие страницы. Перед нами проходит цепочка мужественных и стойких борцов, ставших жертвами бесчеловечных, леденящих кровь пыток. Это и Фернандо Габейра, и Флавио Таварес Фрейтас, и Анжела Камарго Сейшас, и Маркос Арруда. И пусть с методами их борьбы мы не всегда можем согласиться, их бесстрашие, готовность отдать жизнь за счастье своего народа, стойкость и мужество не могут не вызывать чувства восхищения у советских людей, как не может оставить их безучастными судьба чилийских патриотов, замученных в застенках Пиночета.

Рассказывая о деяниях своего героя, Дж. Лэнггут исподволь подводит читателя к мысли, что, хотя сами американцы и не участвовали непосредственно в истязаниях и пытках, насилие в Латинской Америке — это статья североамериканского экспорта. И прав тот бразилец, который в интервью с писателем Хосе Иглесиасом сказал: «Не знаю, известно ли вам, но все эти пытки, смертные приговоры за подрывную деятельность, террористические акты подпольных групп — все это когда-то было чуждо нашей стране. Да, у нас часто происходили перевороты, но они никогда не были связаны с насилием» (с. 280). Именно с приездом Митрионе в Бразилию резко увеличились поставки туда из США оружия и боеприпасов для оснащения полиции, новейших технических средств борьбы с демонстрантами, сложного электронного оборудования, детекторов лжи, изощреннейших орудий пыток. Отдел технического обслуживания ЦРУ командировал за границу «специалистов по подслушивающим устройствам, по тайному проникновению в помещения и фотографированию». Он поставлял также «контейнеры с двойными стенками или дном, составлял руководства по перлюстрации почтовых отправлений и снабжал приспособлениями для тайнописи» (с. 248). Список можно было бы продолжить.

В своей книге Дж. Лэнгут подробно описывает систему подготовки и переподготовки полицейских из латиноамериканских стран в специальных учебных центрах как на территории США, так и в других странах (в частности, в Панаме). В качестве инструкторов там работают опытные полицейские, бывшие агенты ЦРУ и головорезы из состава так называемых «зеленых беретов», скандально «прославившихся» еще во Вьетнаме. В учебном центре в Лос-Фресносе (штат Техас), например, курсантов обучали отнюдь не тому, как пользоваться дубинкой или обеспечивать безопасность высокопоставленного гостя, а как делать и взрывать бомбы, как ставить противопехотные мины, начиненные длинными гвоздями (они успешно были «опробованы» на вьетнамских патриотах), как взрывать автоколонны, и многим другим премудростям ремесла, которое иначе как «терроризм» никак не назовешь. А в специально созданной Международной полицейской школе тем временем занимались менее шумной работой: там молодых латиноамериканцев обучали методам психологической обработки и допроса заключенных.

Результаты 5-летнего пребывания Дэна Митрионе в Бразилии порадовали его боссов, поэтому после непродолжительной работы в качестве инструктора в Международной полицейской школе, в 1969 году он получил новое назначение — на сей раз в Уругвай. Обстановка в этой стране была далека от той чуть ли не идиллической картины, которую нарисовал после смерти Митрионе шеф Управления общественной безопасности, стремясь представить себя в глазах общественности в роли бесхитростного и наивного администратора, а не знающего и компетентного профессионала, направляющего надежного и исполнительного полицейского туда, где он наилучшим образом будет проводить американскую политику (с. 220—221). Если в Бразилии Митрионе мог позволить себе роскошь ходить без оружия, то в Монтевидео он уже не разлучался со своим «смит-вессоном». Некогда «образец буржуазной демократии», Уругвай превратился в страну, где безраздельно хозяйничали военные и тайная полиция.

Один из героев «уругвайских» глав книги Рауль Сендик, сын мелкого землевладельца, перед которым после окончания университета открывалась благополучная перспектива превращения в избранного члена «истэблишмента», не может, однако, спокойно наблюдать, как страдает его народ, обреченный на нищету и бесправие. Он понима-

ет, что надо действовать. Поначалу Сендик пользуется легальными методами борьбы. Работая юрисконсультом в профсоюзе сельскохозяйственных рабочих, он составляет всевозможные прошения и петиции, возглавляет марш протеста сборщиков сахарного тростника, отправившихся в поисках правды и справедливости из далекого Артигаса в Монтевидео. Но мирные протесты оставляют власть имущих глухими. И тогда молодой социалист решает встать на иной путь — путь вооруженной борьбы. За ним последовали и другие. Дж. Лэнггуту, далекому от глубокого, марксистского понимания социальных причин бунта молодежи, удается все же нарисовать впечатляющую картину гнетущей обстановки, сложившейся в Уругвае после прихода к власти военных. Насилие и произвол, жестокие репрессии и погромы, пытки и физическое уничтожение попавших в сети тайной полиции подпольщиков ожесточают молодежь и заставляют ее взяться за оружие. В стране появляются различные левоэкстремистские группы, которые, конечно же, не способны своими разрозненными, нескоординированными (а зачастую и безрассудными) действиями вывести страну из тупика. Реакция же использует это для того, чтобы еще туже затянуть петлю на шее уругвайского народа.

Дж. Лэнггут приводит массу убедительных фактов, доказывающих прямую причастность секретных служб США к разгулу реакции и террора в Уругвае. Так, с помощью ЦРУ в стране создается собственная секретная служба. Американские полицейские советники закрывают глаза на кровавые деяния боевиков из так называемого «эскадрона смерти», мгновенно появившегося и в Уругвае. Его жертвами становятся представители интеллигенции, сочувственно относящиеся к борьбе патриотов. Имена борцов, попавших в лапы тайной полиции, через местную агентуру ЦРУ тут же переправляются в США для занесения в специальные картотеки. Читатель знакомится также и с методами вербовки уругвайских правительственных чиновников и государственных служащих, «клюнувших» на «второй оклад от правительства США» и вставших на путь прямого предательства национальных интересов. Показательна в этой связи судьба некоего Отеро, прельстившегося американскими долларами.

По прибытии в Уругвай Митрионе, не мешкая, принялся за дело (опыт работы в Бразилии пригодился). В Монтевидео тут же хлынул поток всевозможного полицейского

снаряжения по дипломатическим и иным каналам. «Особенно возросли поставки слезоточивого газа, противогазов и полицейских дубинок для усмирения толпы» (с. 237). В контролируемые ЦРУ учебные центры устремились уругвайские костоломы в полицейской форме. (Дж. Лэнггут подробно рассказывает, чему и как их учили американские инструкторы.) Результат не замедлил сказаться. Мощный военно-полицейский аппарат развернул широкое наступление на повстанческое движение с целью его окончательного разгрома. Главной мишенью стали «тупамарос». Были арестованы и брошены в тюрьмы сотни патриотов. Людей хватали по простому подозрению в симпатиях к «тупамарос». Доведенные до отчаяния, оставшиеся на воле смельчаки решили похитить Митрионе и двух высокопоставленных дипломатов и потребовать в обмен на них освобождения 150 своих товарищей.

Расчеты «тупамарос», однако, не оправдались. К этому времени Белый дом уже твердо решил ни в какие переговоры с повстанцами не вступать. Митрионе был брошен на произвол судьбы. Отвернулись от него и его «патроны». Схваченный повстанцами, «он и не догадывался, что скоро станет первой жертвой избранного Никсоном курса на демонстрацию силы» (с. 256).

Описанные в книге Дж. Лэнггута события приобретают особую актуальность сейчас, когда очередной «горячей точкой» планеты стал район Центральной Америки и Карибского бассейна. Нынешняя вашингтонская администрация не скрывает своих планов перенести зловещий гренадский опыт и на другие страны этого региона. Наклеив ярлык «террористов» на всех участников национально-освободительных движений, Вашингтон объявил о своей решимости не допустить «проникновения коммунизма», в какой бы точке мира это ни происходило. Книга Дж. Лэнггута вскрывает все лицемерие новоявленных претендентов на мировое господство, показывая на горьком опыте Латинской Америки, что «скрытый террор» — неизменный спутник всей внешней политики Вашингтона.

.
з
.
э
-
-
.
э
-
'.
'.
к
е
-
-

у
-
н
.
-
а

-
й
а-
т-
е-
в
о-
ой
в
т-
ов
а-
ий